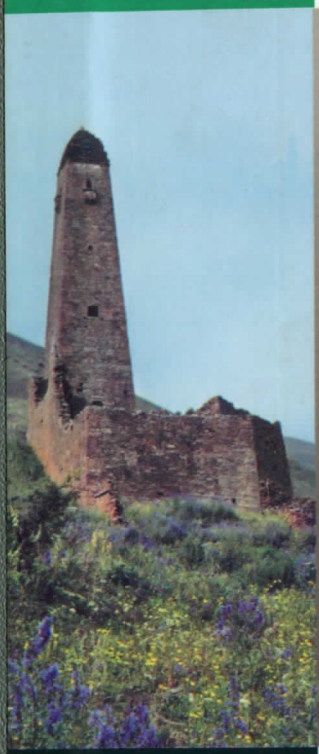
ШЕЙХ МАНСУР

Алауди Мусаев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ШЕЙХ МАНСУР
Алауди Мусаев

ЖЗЛ

Жизнь ®
замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1296

(1096)

Алауди Мусаев

ШЕЙХ МАНСУР

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2007

УДК 94(092)(470.661)"17"
ББК 63.3 (2Рос.Чеч)
М 91

Издание второе

Научные редакторы:
доктор исторических наук, профессор
Ш. Б. АХМАДОВ,
доктор исторических наук, профессор
Я. З. АХМАДОВ

ISBN 978-5-235-03083-1

© Мусаев А. Н., 2007
© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Наши жизни подобны островам в океане или деревьям в старом лесу, чьи корни переплетаются в подземной темноте», — заметил американский философ Уильям Джеймс. Это наблюдение справедливо не только по отношению к отдельным человеческим судьбам. Не менее точно отражает оно невидимые связи между народами и странами. Именно так сплетаются судьбы народностей, составляющих тело России — самой большой державы на земле, которая медленно и неудержимо вырастала из темной глубины прошлого.

Как возникают империи? Подобно тому, как вырастают большие деревья, втягивая в себя жизненные соки и судьбы множества племен. При этом далеко не все народы, вовлеченные в этот процесс, согласно принимают свое, казалось бы, неизбежное врастание в общую плоть огромной страны. Случается, что они не только отказываются принимать такое соединение, но и борются против него с оружием в руках, заставляя могучие империи идти на уступки тем, кого они пытались покорить.

К героям освободительной борьбы народов во все времена в мире относились по-разному. Им поклонялись как пророкам. Их клеймили как бунтовщиков и разбойников, свысока третировали как «дикарей». Их осуждали за излишнюю горячность, нежелание подождать и добиться своей цели с помощью переговоров.

Я постараюсь рассказать об одном из выдающихся лидеров освободительных войн — знаменитом имаме Мансуре. Рассказать со всей возможной объективностью, приводя сведения из многих источников, которые удалось отыскать

и прочесть. В русских исторических документах, которых, понятное дело, больше всего, Мансур изображается как опасный враг. «Ты учинил великий разор, до тридцати тысяч войска российского извел. Ведаешь ли, сколь велик ущерб, причиненный тобой?» — обвинял имама на допросе начальник Тайной экспедиции Степан Шешковский. Однако тот факт, что после пленения Мансура сама императрица Екатерина Великая пожелала увидеть его, говорит о том, что человек этот и его непреклонная борьба вызывали уважение даже в стане непримиримых противников.

Мне хочется, чтобы жизнь этого человека стала близка и понятна не только моим землякам, считающим его народным героем, но и широкому кругу людей разных национальностей — читателей популярной серии «ЖЗЛ». Правда о нем особенно необходима потому, что в разных странах до сих пор выходят книги, в которых имам Мансур представлен авантюристом, искателем удачи, героем исторических боевиков. В этих остросюжетных повествованиях он изображается то беглым итальянским монахом, то татарским царевичем, то турецким агентом, по приказу самого султана возглавившим борьбу кавказских народов против России.

Интерес к чеченскому имаму возник вскоре после окончания русско-турецкой войны (1787—1791), когда в Европе были опубликованы «Мемуары шейха Мансура», якобы составленные из личных писем имама, многие из которых подписаны «пророк Мансур». Уже одно это говорит против подлинности «мемуаров» — никогда в жизни шейх не называл себя пророком. Последнее письмо в книге помечено: «Соловецк, 15 сентября 1798 года». Из этого долгое время делался ошибочный вывод, что знаменитый чеченец завершил свой путь в келье Соловецкого монастыря, где сгинули многие противники царской власти. Мемуары эти, по мнению их безымянных публикаторов, «дали возможность установить полную биографию выдающегося искателя счастья, действительное имя которого Джованни Баттиста Боэти». С тех пор это утверждение не раз повторялось любителями сенсаций, в число которых попал и известный советский писатель Анатолий Виноградов — автор вышедшей в 1934 году повести «Шейх Мансур». Слухи об итальянском происхождении чеченского имама повторяются до сих пор, хотя они ни разу не были подтверждены фактами.

Впоследствии европейским читателям, жадным до восточной экзотики, было представлено немало других сенсационных произведений о жизни шейха Мансура, и все они имели успех. В этом нет ничего удивительного. Судьбы ве-

ликих людей интересуют многих и очень быстро обрастают пестрым шлейфом легенд и мифов. О шейхе Мансуре писали французский философ Дени Дидро, великий поэт России А. С. Пушкин, писатель Л. Н. Толстой.

Задача автора этой книги — по мере возможности создать близкий к реальности образ горца Ушурмы, родившегося и выросшего в чеченском ауле Алды и там же начавшего борьбу за свободу своей земли. Эта борьба сделала его известным всему миру под именем шейха Мансура — вождя и героя народов Северного Кавказа.

История жизни первого чеченского имама прочно вплетена в историю и судьбу его родной земли и народа. Без этого судьбу шейха Мансура будет невозможно понять. Тем более что действительное прошлое Чечни освещено далеко не столь подробно и широко, как история крупных и даже малых европейских стран.

В этой книге читатель найдет немало материалов по истории Чечни, которые, думается, до сих пор были известны немногим и которые помогут полнее представить незаурядную личность вождя народной войны. Что же касается реальной биографии имама Мансура, то следует признать, что об этом необычном и загадочном человеке известно не слишком много. Легенд о нем сохранилось во много раз больше, чем документально подтвержденных фактов. Невольно создается впечатление, что он сам старался держаться так, чтобы о его личности, чувствах и переживаниях было известно как можно меньше.

Нет сомнения, что это был очень одинокий человек. По сути — аскет и отшельник, нарушивший излюбленное им одиночество только ради борьбы за свободу, которой он посвятил себя. Большое дерево часто растет одиноко, создавая вокруг себя некий круг неприступности. Хорошо известно, что когда Мансур возглавил освободительное движение горцев, то первым делом приказал выкопать под своим домом в ауле Алды глубокий погреб, в котором проводил немало времени в размышлениях и молитве. Здесь же он обдумывал планы военных кампаний, сочинял свои проповеди и знаменитые письма к кавказским народам.

Одиночество было его уделом и судьбой. Мало кто по-настоящему знал и понимал имама Мансура не только среди врагов (потому им было так трудно с ним бороться), но и среди его сородичей и единомышленников. Слишком высоко и далеко от обычной жизни витали его помыслы и надежды.

Нельзя сказать, что его любили. Ему поклонялись. Ни-

кто, даже из близких людей, не решился бы просто так, по-приятельски, войти в подвал Мансура, чтобы обсудить новости или просто поболтать. Он почти всегда был один. Особенно это становилось заметно, когда он стоял на холме и руководил боем. Вокруг него сохранялось некое разреженное пространство, которое никто не пытался да и просто не мог перейти.

Можно сказать, что Мансур был человеком беспредельной храбрости, но это будет неточно. Храбрость его была вовсе не похожа на обычную лихость горского джигита, который, задавив в себе ужас близкой смерти, отчаянно кидается на врага. Подобные чувства были далеки от Мансура, ибо он воистину был неуязвим. Не раз в его жизни возникали такие ситуации, когда под напором русских штыков или смертоносной пушечной картечи горцы начинали отступать. Тогда имам Мансур буквально с одним обнаженным кинжалом шел вперед, сокрушая все вокруг, и ничто не могло остановить его. Казалось, ему не страшны ни пули, ни ядра. Люди, воевавшие под знаменем имама Мансура, были убеждены, что он неуязвим.

В последние годы в Закубанье, когда военные неудачи истощили его войско, Мансур, казалось, сознательно искал смерти. Но легкая смерть от пули или штыка не была суждена ему. Он обречен был испить чашу испытаний до дна. Судьба его должна была завершиться самой тяжкой для жителя гор мукой — лишением свободы, пленом.

Когда русские войска после долгого кровавого штурма в июне 1791 года ворвались в горящую Анапу, которую он защищал упорно, до последнего бойца, не позволив турецким военачальникам сдать город, Мансур, уже оставшись один, продолжал обороняться в пороховом погребе крепости. Его удалось взять в плен только после того, как у него закончились боеприпасы. Глубоко верующий мусульманин, он не мог покончить с собой, ибо Аллах запрещает самоубийство.

Русский офицер, присутствующий при пленении Мансура, описал это событие в весьма восторженных тонах: «Наконец-то взят в плен пророк Ушурма, столь долго приносивший россиянам беспокойства! Он и тогда, когда уже не осталось ни малейшей надежды к спасению, долго еще защищался... Представлен главнокомандующему Гудовичу и тем умножил блеск нашей победы. Ушурма тотчас был препровожден в Петербург».

Когда пленный имам Шамиль жил в Калуге, раз в неделю к нему приходил высокопоставленный офицер Руновский, готовивший его жизнеописание, и предлагал тему, ко-

торую пленник должен был осветить. Однажды он задал пленнику вопрос: «Кто был имам Мансур?» Шамиль восторженно, с огромным уважением к памяти Мансура, обрисовал образ своего далекого предшественника (Мансур скончался за три года до рождения Шамиля). Он назвал имама из чеченского села Алды родоначальником духовного и политического возрождения мусульман Северного Кавказа. Свой рассказ Шамиль закончил такими словами: «Мансур был человеком, одаренным от природы всеми высочайшими достоинствами — моральными и физическими... Он владел необыкновенным даром слова, который, при его мужественной, увлекательной наружности, имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему, что резко бросается в глаза или поражает слух».

Как известно, все захваченные в плен руководители восстания 1787—1791 годов, кроме Мансура, были помилованы. Их удалось сломить и заставить раскаяться в своих «злодеяниях». Мансур оказался непоколебим. Он наотрез отказался признать свою борьбу «злодейством по заблуждению» и тем, по убеждению следователей Тайной экспедиции, доказал, что «имеет дух, готовый к новым мятежам».

Имам Мансур призвал горцев к борьбе за освобождение своей земли, и они пошли за ним, понимая, что только так они смогут сохранить свое достоинство и честь. Что только таким героическим самопожертвованием могут дать право своим потомкам с гордостью произносить слово «чеченец».

Любовь к Отчизне, совесть, долг и честь
Здесь сыновьям внушались с колыбели.
И прежде чем учили пить и есть,
О мужестве им мамы песни пели.

Так сказал о своих земляках известный поэт Магомет Мамакаев.

Именно так был воспитан великий чеченец — шейх Мансур. Жизнь его была коротка — тридцать лет с небольшим. Период же его активной деятельности и того меньше — с 1785 по 1791 год. Но за это время Мансур навсегда вошел в историю Кавказа и России.

* * *

Отдавая жизнеописание великого имама на суд читателей, автор считает необходимым отметить, что это не сугубо документальное исследование профессионального историка, но отнюдь и не роман. Это попытка рассказать о

жизни выдающегося исторического деятеля, опираясь не только на документы и воспоминания современников, но и на народные предания — живую память Кавказа. Автор благодарит старожилов Чечни — Мухади-Хаджи Дадаева из Шароя и Али-Хаджи Ордашева из Саноя, которые сообщили ему переданные через поколения сведения о жизни Мансура.

В своей работе автор использовал немало документальных источников и труды профессиональных историков — А. Беннигсена, В. Г. Гаджиева, Н. А. Смирнова, Т. Кутлу и многих других. Одним из наиболее полных и добросовестных исследований жизни Мансура является монография Ш. Б. Ахмадова «Имам Мансур», изданная в 1991 году. С нее, по сути дела, начался процесс объективного освещения деятельности выдающегося сына Кавказа.

Автор рад выразить глубокую признательность тем, чьи добрые советы и неоценимая помощь сделали возможным выход первой биографии шейха Мансура в серии «Жизнь замечательных людей». Это советник Президента Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Асламбек Аслаханов; доктор исторических наук, профессор Шарпудин Ахмадов; доктор исторических наук, профессор Явус Ахмадов; писатель и историк Муса Гешаев; доктор философских наук, профессор Андарбек Яндаров; доктор филологических наук, профессор Хасан Туркаев; писатель и журналист Игорь Цыбульский. Хочется поблагодарить работников издательства «Молодая гвардия», его генерального директора Валентина Федоровича Юркина и директора типографии Кирилла Андреевича Молчанова за оперативное и профессиональное издание книги.

Алауди Мусаев

Высохнет земля на могиле моей,
и забудешь ты меня, моя родная мать.

Порастет кладбище могильной травой,
заглушит трава горе твое, мой старый отец.

Слезы высохнут на глазах сестры моей,
улетит и горе из сердца ее.

Но не забудешь меня ты, мой старший брат,
пока не отмстишь моей смерти.

Не забудешь ты меня, и второй мой брат,
пока не ляжешь рядом со мной.

Старинная чеченская песня

Часть первая

ЧЕЧЕНЦЫ

Мы сами избираем свои радости и печали задолго до того, как испытываем их.

Джебран Халиль Джебран

Глава 1

«МНЕ ВЕЛЕНО ОТ ГОСПОДА УТВЕРЖДАТЬ НАРОД В ЗАКОНЕ ЕГО...»

1

В марте 1785 года на территории Чечни начало стремительно разрастаться народное движение горцев. За короткое время оно охватило соседние области — Дагестан, Кабарду, Черкесию (Адыгею), а затем и весь Северный Кавказ. Во главе движения встал чеченец Ушурма (Учерман), названный в народе Мансуром, что означает по-арабски «непобедимый».

Имя этого человека до сего времени окутано туманом легенд. Мансуру поклонялись, называя своим учителем, все последующие имамы Чечни и Дагестана. Биографы самого известного из них — третьего имама Шамиля — сообщают, что у горского вождя был учитель, «заветы которого он свято соблюдал». Сам Шамиль рассказывал, что с детства запомнил рассказы стариков о подвигах знаменитого имама, о его горячей любви к своему народу и земле. Под их воздействием сложился его характер.

«Имам» по-арабски означает «стоящий впереди». Так называют богословски образованного человека, который руководит молитвой в мечети, а по пятницам произносит проповедь перед верующими. В преданиях народов Кавказа предводитель освободительного движения 1785—1791 годов имам Мансур именуется еще и шейхом. Этим титулом (от арабского «шайх») именовались не только князья или вожди племени, но и главы мусульманских духовных орденов или сект. При этом сами чеченцы редко называли Мансура шейхом. Его звали просто по имени или «Алдара имам», по-чеченски — алдынский имам. Шейхом его именовали другие народы Кавказа, где этот титул считался самым почетным.

Так же — «шейх» или «ших» — он зовется в российских официальных документах.

Как уже говорилось, реальные биографические сведения о Мансуре скудны и противоречивы. В частности, это касается даты его рождения. Сам Мансур в своих показаниях, данных 28 июля 1791 года обер-секретарю Тайной экспедиции Шешковскому, сообщил, что ему немногим более тридцати лет. Следовательно, время его рождения приблизительно приходится на 1760 год.

Все известные документальные материалы об имаме Мансуре составлены на основе докладов агентов и осведомителей российского военного командования на Кавказе. Больше всего сведений передал русскому командованию кизлярский татарин Али-Солтан, постоянно посещавший аул Алды по торговым делам. Из его сообщений следует, что отца Ушурмы звали Шебессе (Шаабаз), что у него были братья — один или больше. Сведения о других членах семьи противоречивы. Некоторые источники указывают, что отец Мансура Шаабаз был родом из чеченского села Элистанжи. Некоторое время семья жила в селе Хаттуни, а затем обосновалась в ауле Алды на реке Сунже.

Известно, что предводитель первой горской войны не был обучен грамоте. Он сам этого не скрывал, а на упреки посещавших его образованных мулл (чаще всего турецких) спокойно замечал, что пророк Мухаммед также был неграмотен, но это не помешало ему основать великую религию и повести за собой несметные тьмы народов.

Неудивительно, что Мансур ссылался на судьбу основателя ислама, которую, как всякий мусульманин, знал в подробностях. В судьбах двух этих людей действительно много общего. Ушурма так же рано лишился отца и стал сиротой. Тому, что он не был обучен грамоте, удивляться не приходится — дети из бедных горских семей, тем более сироты, возможности учиться не имели. С раннего детства Ушурме приходилось работать, то есть пасти домашний скот.

Уже в этом возрасте мальчик, согласно легенде, получил первый знак своего высокого призвания, и произошло это почти так же, как у великого Мухаммеда. Известно, что Мухаммед, лишившись родителей, был передан на воспитание в родственное бедуинское племя Бану Саад. По традиции арабские мальчики должны были с ранних лет усвоить образ жизни и кочевые навыки племени. В суровых условиях пустыни они вырастали крепкими и выносливыми, с гордой осанкой природных наездников и воинов. Это резко отличало их от жителей оазисов и городов — склонных к полноте

торговцев, ремесленников и земледельцев, которых кочевники искренне презирали.

Бедуинские семьи получали за подобное воспитание мальчиков вознаграждение. Но Мухаммед был сиротой, платить за него было некому, и никто не хотел его брать. Лишь одна женщина, Халима, на долю которой не досталось никакого другого ребенка, сжалилась над Мухаммедом и с разрешения мужа взяла сироту.

На четвертом году жизни будущего пророка в племени Бану Саад произошло поразительное событие. В этот день Мухаммед вместе со своим молочным братом пас семейную отару неподалеку от шатра. Внезапно рядом с мальчиками появились двое мужчин в сияющих белых одеяниях. Один из них держал в руках золотой таз, наполненный сверкающим снегом. Они уложили Мухаммеда на этот снег и, раскрыв его грудную клетку, вынули сердце. Всю операцию от начала до конца наблюдал оцепеневший от ужаса названый брат мальчика. Он увидел, как мужчины извлекли из сердца каплю черного цвета и отбросили ее прочь. Потом обмыли внутренности сияющим снегом и, вложив на место сердце, удалились.

Только после этого брат обрел способность двигаться и с криком бросился к матери. Халима выбежала из шатра и увидела Мухаммеда, который стоял целый и невредимый, с побелевшим, словно сияющим, лицом. В ответ на расспросы Халимы он рассказал то же самое, что и его молочный брат. Мухаммед на всю жизнь запомнил ощущение неземного чистого холода в груди, оставшееся после этой операции.

Нечто подобное произошло и с Мансуром, когда он пас в горах семейную отару. Внезапно рядом с ним возникли два сияющих всадника на чудесных белых конях. Всадники подхватили мальчика и пронесли его высоко над снегами горных хребтов. Они ничего не говорили, но когда Ушурма очнулся, в груди его застыл чистый холод вечных снегов. Эта чистота осталась с ним до конца дней.

2

После этого удивительного события Ушурма рос, как многие горские подростки. Научился скакать на коне и владеть оружием. Одно время, как сообщает «биограф» Мансура Али-Солтан, он участвовал в набегах отрядов чеченской молодежи на русские станицы и военные посты на Тереке. Ушурму отличали крепкое сложение, смелость и сила. Он

отлично владел оружием. Сложилась даже легенда, что одно присутствие его в отряде непременно приносит военную удачу. По всем приметам его ожидала жизнь воина... но тут вновь явились два сияющих всадника, и судьба удачливого джигита круто изменилась.

С этого времени будущий первый имам Чечни надолго скрывается с глаз людских. Сам он впоследствии ничего не рассказывал об этих годах даже самым близким людям. Известно только, что он вел суровую жизнь отшельника и встречался с людьми, посвятившими жизнь поискам божественной истины. Они дали ему основы духовного образования, после чего он, по некоторым сведениям, отправился в Дагестан — главный исламский центр на Северном Кавказе. Там он продолжил учебу в одном из духовных училищ — медресе. Это событие ничем не подтверждается, а на допросе в Тайной экспедиции Мансур сообщил: «Я никогда не путешествовал и, кроме Анапы, никакого другого города не знаю». Вполне возможно, что Мансур начал и завершил свою учебу в Чечне. В то время ему могло быть 17—18 лет.

Легенда говорит о другом. Не ограничившись визитом Ушурмы в Дагестан, она отправляет его еще дальше — в горы Курдистана, где он якобы участвовал в народно-освободительном движении курдов. Русский историк Г. Прозрителев пишет: «Шейх Мансур впервые появился в Курдистане в городе Амеди (ныне Амида. — *А. М.*). Примерное благочестие, которое так чтится на Востоке, красивая внешность и беспредельная скромность вместе с пылкими призывами к молитве и покаянию довершили образ для полного увлечения толпы... Высокого роста, красивый, стройный брюнет с бледным лицом и пылкой речью. Фанатик. Имя его стало грозой для русских. Могучая речь и пылкая до самозабвения проповедь молодого миссионера при его красивой, выдающейся наружности быстро давали ему поклонников обоего пола».

Вряд ли Мансуру нужно было ехать в далекий Курдистан, чтобы бороться за свободу. Его родной Чечне с каждым годом все больше грозила потеря независимости. Еще свежи были в памяти события, когда чеченцы, доведенные до отчаяния карательными экспедициями царских войск, подняли восстание, жестоко подавленное армией под руководством командующего Кавказской линией генерала Ивана Якоби.

Обстановка в Чечне да и на всем Кавказе с каждым днем осложнялась. В 1774 году чеченцы совершили несколько на-

падений на русские военные посты. С целью наказать их в марте следующего года царские войска под командованием полковника Коха вторглись в село Старые Атаги и сожгли его. В это же время чеченцы ударили по русскому батальону, находившемуся в Ханкальском ущелье, и попытались уничтожить его, но на помощь подоспел Кох со своим отрядом. В результате боя обе стороны понесли тяжелые потери. Эта карательная акция еще больше обозлила чеченцев, и они продолжали набеги на русские поселения.

В такое трудное для Чечни время Ушурма вернулся в родные края и первоначально стал вести вполне мирную жизнь. Он женился на дочери Этти Батырмурзина по имени Чеча. Позже на допросе в Тайной экспедиции он говорил о том, что женат и имеет троих детей: «Есть у него и жена — Чеча. Сыну восемь лет, двум дочерям — четыре и один год». Больше он не принимал участия в каких-либо военных рейдах и набегах. Причем и земляков своих от подобной практики отговаривал, призывая вести честную и чистую жизнь, отказаться от табака и крепких напитков, молиться Единому Господу.

Следует сразу заметить, что первый чеченский имам никогда не ставил перед собой цель поправить собственное материальное положение. Ушурма родился бедняком. Когда он возглавил широкое народное движение, через его руки прошли огромные ценности, но ничто из них его не соблазнило. Этот человек был величайшим идеалистом и ушел из мира таким же бедным, как пришел. На допросе в Тайной экспедиции на вопрос о своем имуществе он ответил просто: «Имею дом в ауле Алды и двух волов».

По словам третьего имама Чечни и Дагестана Шамиля, «шейх Мансур имел мужественную, увлекательную наружность и, несмотря на то, что не знал грамоты, владел необыкновенным даром слова». Кроме того, по свидетельству Шамиля, имам Мансур был «так высок ростом, что в толпе людей казался сидящим верхом на лошади». Сведения эти имам получил от людей, лично знавших Мансура. Сам Шамиль не мог его видеть — он родился в 1797 году, тогда как Мансур умер за три года до этого, находясь в заточении далеко на севере.

Имеющиеся источники не позволяют с достоверностью проследить истоки пророческих откровений Мансура. Можно предположить, что учителем его был некто из аскетов-отшельников, исповедующих в исламе направление тариката. Такой вывод напрашивается сам собой, ибо до конца своих дней имам Мансур неизменно ратовал за умеренность, со-

блюдение постов, помощь бедным. Он выступал против горского закона «канлы» — кровной мести, неизменно требуя, чтобы кровники примирились. За недолгое время своей борьбы — всего пять лет — он сумел создать на Кавказе настоящую школу исламского мюридизма, которая на многие десятилетия пережила его.

Известно, что мюрида (ученика), приходящего к учителю, спрашивают только о знании закона и о решимости отречься от грехов. Далее он возвышается по мере развития своих нравственных качеств. Однако для Кавказа было важнее другое правило мюридизма — безусловная преданность учеников учителю-устазу. Мюриды были обязаны не только исполнять его волю, но стараться предупреждать его желания, прежде чем учитель выскажет их. Об отношениях учителя и ученика в тарикате сказано так: «Ни ум, ни богатство, ни древность рода не имеют значения. Простолюдин, верный наставлениям своего устаза, очистивший сердце постом и молитвою и достигший таким образом высших степеней нравственного очищения, стоит несравненно выше одаренного всеми благами земного владыки».

В своих показаниях в Тайной экспедиции Мансур сообщил, что «слухи о его обращении к честной жизни быстро распространились среди сородичей. Так они избавились от желания набегов и грабежей». Мансур также заявил, что «духовенство одобрительно относилось к его нравоучениям и даже настолько проникло к нему уважением, что назвало его имамом и шейхом». На допросе Мансур также показал, что во время размышлений и очищений в горах у него бывали «виде́ния». В частности, он видел двух всадников, посланных якобы самим пророком Мухаммедом, которые призывали его встать во главе горцев и начать проповедь праведной жизни.

Долгое время Ушурма не решался последовать этому призыву, но в январе или начале февраля 1785 года все же произнес свои первые публичные проповеди. Местные муллы и кади не сразу признали в нем духовного лидера. Они не раз спрашивали Ушурму о том, как его называть, на что он отвечал им так: «Я не святой, не пророк, но мне повелено от Бога утверждать народ в законе Его». Точно так же поступал и Мухаммед, говоря, что он простой человек, посланный Аллахом проповедовать среди народов нравственный закон. Когда духовные лица стали слишком настойчиво вопрошать Ушурму о смысле его учения, он согласился открыть цель своих предприятий двум преданным ему кади. После этого кади объявили правоверным, что

имам не может никому поведать тайну своего посланничества, иначе смерть тотчас поразит его. Вообще имам старался избегать встреч с официальными представителями мусульманского духовенства. Однажды, вопреки гостеприимству, свято уважаемому чеченцами, он даже отказал в беседе муллам, которые специально приехали расспросить о его вере и учении.

Думается, что Мансур имел причины не благоволить к духовным лицам, нередко пытавшимся уличить его в плохом знании Корана. В своем письме от декабря 1785 года к чеченцам и другим народам один из высших представителей табасаранских духовных лиц, не скрывая своего недовольства действиями объявившегося в Чечне проповедника, писал: «...О подвигах и делах назвавшегося имамом слышно, что они противны суть закону и священному нашему писанию: 1-ое, что упущение поста и богослужения довершать он возбраняет; 2-ое — богослужение отправляет он не так, как по закону следует; 3-е — чинит поборы с народа и приемлет подарки». Уже говорилось, что шейх Мансур отличался абсолютным бескорыстием, поэтому вряд ли можно верить и остальным обвинениям в его адрес.

Недовольство исламских священнослужителей было вызвано еще и тем, что новоявленный имам призывал чеченцев вместо паломничества в Мекку приходить в его войско с тем, чтобы вести борьбу за освобождение Кавказа. Он говорил, что в условиях войны за свободу совершение хаджа можно и нужно отложить до победы. Надо сказать, что это мнение разделяли многие мусульманские духовные лидеры Нового времени, выступающие против европейских колонизаторов.

Информаторы русских властей доносили: «Пришедшим к нему самовольно давал он имя Хаджи, присваиваемое только тем, кто посетил Мекку, не уничтожая тем постановления Магомета, но указывая на опасности путешествия через линии русской стражи. Ибо оправдывал это тем, что в Коране сказано: совершайте путешествие в Мекку и молитесь там Богу; но если будете в осаде — посылайте жертвоприношение по вашим средствам».

Хорошая осведомленность Мансура в основных догматах ислама показывает, что он имел хороших учителей. Надо сказать, что далеко не все священнослужители с недоверием относились к новому имаму — многие муллы и хаджи охотно выступали в качестве помощников в его делах. Несомненно, неграмотный Мансур сам не мог писать письма на арабском, татарском или русском языках, вести обширную

переписку с местными владетелями и старшинами, с российскими властями и турецкими представителями. Это делали с его слов те из местных мулл и кади, которые хорошо знали основные положения ислама и шариата и умели грамотно составлять письма, послания и документы.

В своих показаниях на допросах в Тайной экспедиции Этта (шурин Мансура) сообщил, что самым почитаемым и авторитетным среди помощников имама был Умар-Хаджи из селения Шали. Умар-Хаджи отвечал также и на многочисленные письма, с которыми простые люди обращались к Мансуру. Другими известными соратниками Мансура из местных мулл были Нагай-Мурза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамбе-Хаджи. Они записывали и распространяли его проповеди и составляли послания к сторонникам и колеблющимся.

3

Впервые с проповедями Мансур выступил в феврале или начале марта 1785 года у себя в ауле Алды. Чтобы предстать перед жителями родного селения избранником Аллаха, имаму Мансуру, как и другим известным предводителям народа в прошлые века (например, его современнику Емельяну Пугачеву), *необходимо было поразить воображение* суеверных и легко увлекающихся соплеменников знаками особой избранности, принадлежности к людям высшего порядка и божественного призвания. Его сторонники были убеждены в способности имама творить чудеса и в том, что сам Всевышний вещает через его уста во время пророческих откровений.

«Чеченцы разно говорят о средствах, предпринятых Ушурмою к возбуждению их фанатизма, — сообщает Али-Солтан. — По рассказам родных его, ночью привиделось ему во сне, что он был поднят ангелами с земли на небо, узрел чудесное сияние и закричал: "Аллах велик!" Поутру Ушурма объявил братьям своим, что в этот день умрет и снова отправится на небо, где должен окончательно определиться путь его. Он просил не погребать его до следующего утра, потому что через сутки он вернется к жизни. После чего, правда, лег и сделался как бы мертвым. Так пробыл он без дыхания и движения целый день и ночь, а утром восстал — к великому удивлению родных, окружавших его».

«Рассказывают также, — говорит Али-Солтан в другом донесении, — что с Ушурмой случались припадки падучей

болезни, которая среди простого народа почитается признаком божьего вдохновения. Он внезапно ослабевал и падал на землю, прямо среди своих слушателей. Его относили на кровать, с которой он, пролежавши как бы мертвым часа три, поднимался и обращался к сородичам своим с пророческими созерцаниями».

В то время многие жители аула стали интересоваться виде́ниями новоявленного имама. Рассказывали о том, как к Ушурме во сне явились двое на чудесных летающих лошадях и стали звать его во двор. Ушурма проснулся и велел жене узнать, кто они и откуда, и пригласить в дом. Жена же, увидев верховых, сильно удивилась тому, как могли они попасть к ним во двор, ворота которого были заперты. Воротясь к мужу, она сообщила, что во дворе действительно находятся два всадника, но не говорят, кто они и откуда. Когда же Ушурма вышел навстречу гостям, чтобы принять их со всем положенным гостеприимством, они приветствовали его: «Салам алейкум, имам!»

Всадники напомнили, что не первый раз являются к нему, но только теперь сообщили, что присланы пророком Мухаммедом по велению самого Аллаха. Присланы потому, что народы горские вошли в заблуждение и не исполняют закона, данного им пророком. Теперь он, новый имам, должен учить и увещевать людей, донося до них закон Мухаммеда, с тем чтобы они оставили свои заблуждения. Когда же Ушурма усомнился, что люди станут слушать его и повиноваться, ему ответили, чтобы он не боялся и говорил, что ему во всем помогает сам Аллах. Всадники сказали также, что с этого времени его будут звать «имам Мансур».

После этого всадники исчезли.

Ушурма три дня провел в посте и молитве, а затем передал свое виде́ние братьям. Он также сказал им, что безверие и закоренелые пороки, склонность к грабежам и убийствам губят некоторых чеченцев и готовят им осуждение в будущей жизни небесной; что властью, данной ему Аллахом, он должен уберечь своих близких и соотечественников от указанных пороков. Отныне он будет наставлять их на путь истинного закона и тем самым отвратит от гнева Божьего.

Родственники пытались убедить Ушурму не передавать посторонним виденный им сон, говоря ему: «Если люди не поверят тебе, нам всем будет стыдно». Когда же имам заявил, что он не в силах молчать, ибо может оттого умереть, родственники разрешили ему собрать народ. Ушурма стал созывать людей. Когда собрались все жители деревни, он

рассказал им о происшедшем с ним прошлой ночью, громко прославляя пророка Мухаммеда.

«До объявления имамом и шейхом, — сообщал 8 марта 1785 года Али-Солтан, — Мансур три ночи молился Богу, с плачем выговаривая своим родственникам, что по непостоянству иных чеченцев в рассуждении смертоубийств и грабительства они погибают или осуждаются в будущем вечному мучению». После трех суток, в течение которых родственники удерживали Ушурму от пророчеств, «оный взошел на мечеть, созвал всех к богомолью. И как народ собрался великим количеством, то оный увещевал всех тут предстоящих, дабы они отстали от всех злых предприятий, и кто с кем имеет ссору и кровную вражду, примирились бы. А равно вина и водки бы не пили, табаку не курили, подавали милостыню и наблюдали закон Мохаметов. Произнеся сию проповедь, ушел в свой дом, куда и все скопище народное за ним пошло. По приходе приказал зарезать двух баранов. Оное раздал тут всем предстоящим, чем тот день и окончился». На другой день Мансур взял одного из двух своих волов, вышел с ним на кладбище и трижды обвел вокруг могил. Потом отвел домой и там зарезал, отдав половину мяса беднякам, а другую — детям, пожелавшим учиться грамоте.

«С коего времени, — сообщает далее Али-Солтан, — разнесся повсюду слух о нем и собирается великое количество людей. И всякий день приводят к нему скотину, которую раздает бедным да и сам с родственниками из нее же питается... Ведомо здесь всем, что из близких его одного человека в прошлых годах убил горский житель. За то, по закону канлы, должен был отвечать жизнью своей. Но он, Ушурма, принудил мать и всех родственников сие упустить и с убийцею помириться. Смотря на то, и другие тому последовали. Стараются теперь делать все по его повелению. Вино и водку не пить и табаку не курить. Жители деревни Алдынской, да и многие приезжие, кои только у него побывают, все предаются его учению. Так они разбойные набеги и воровство, что прежде почиталось за удачу, ныне оставили в пренебрежении и от того уклоняются».

Так имам Мансур приступил к своим проповедям.

Вдохновенными речами он склонил на свою сторону не только простых односельчан, но и трех алдынских хаджи, считавшихся в народе праведниками. Одного из них, Бутыку-Хаджи, он послал в Мекку с письмом, сообщающим о своих виде́ниях. «Жить после того Мансур стал замкнуто и уединенно, — сообщал Али-Солтан. — Под домом его сдела-

на землянка весьма крепкая, где он ночует. Караул из его родственников никого туда не допускает. Еду ему приносит жена. Ни из чьих рук не берет еду и питье, кроме как от оной. Вокруг же дома для безопасности Ушурма содержал из преданных ему людей — своих учеников-мюридов — верную стражу из пятидесяти человек. У ворот их было двадцать, а на дворе пятнадцать. Кроме того, жители селения Алды оберегают путь, ведущий к русской границе».

Известно, что Мансур выходил к людям в поражающем фантазию простых горцев костюме, чем производил сильное впечатление. Старшины Алды доносили царским властям: «В ауле оказался один человек, оделся в разноцветное платье такое, что на свете никогда не видали, и речами смущает народ». Действительно, как докладывали агенты, на третий день после первой проповеди «имам Мансур сшил себе платье из разноцветных шелковых лоскутков, доставленных ему приверженцами. Он признал нужным, чтобы несколько человек из ближних его были одеты подобно ему, дабы христиане не могли узнать его, и тотчас двадцать мюридов исполнили его волю. Также имам теперь показывался народу не иначе как под покрывалом — зеленой шалью. В это же время он завел свое собственное знамя».

Требуя от чеченцев покаяния в неугодных Богу делах, Ушурма вновь и вновь призывал их оставить взаимные ссоры, убийства, кровную месть и прощать друг друга. Не курить табака, не пить ничего хмельного, не прелюбодействовать. «Именем Бога и его пророка Мухаммеда заклинаю вас, — говорил имам Мансур, — вернитесь на путь, который определил нам Всевышний. А если не исполните сии заповеди, то в скорости подвергнетесь гневу Божьему».

В один прекрасный день алдынский имам, как доносили информаторы русских властей, сообщил: «Спустя пять дней услышите все глас небесный, от которого задрожит земля. Принявшие мое учение возрадуются возвещению обо мне; не уверовавшие поразятся скорбью и расстройством ума и будут прощены мною не прежде, как по сердечному их раскаянию». Вскоре, к всеобщему удивлению, последовало сильное сотрясение земли, которое народ принял за следствие предсказания, внушенного Богом имаму.

Землетрясение — факт исторический. Оно произошло на Северном Кавказе в ночь с 12 на 13 февраля 1785 года. Эпицентр находился в горах Чечни. Толчки были столь сильными, что ощущались в Моздоке, Науре, Григориополисе, Екатериноградe, в Павловской, Мариинской и Георгиевской крепостях. 4 марта землетрясение повторилось. Стихийное

явление, охватившие значительные пространства, взволновало горцев и внушило им доверие к святости имама Мансура. Чеченцы воспринимали случившееся как гнев Божий и исполнение предсказаний пророка. Число его последователей после этого значительно возросло. Жители селения Алды перестали курить табак, пить бузу, прекратили кровомщение. Теперь все они были готовы следовать за своим имамом не раздумывая.

После землетрясения об Ушурме стали говорить как о новом пророке, и ему пришлось внести ясность. В одной из проповедей он заявил, что он не пророк, а имам, взявший на себя руководство чеченцами в трудные годы испытаний. Известно, что по мусульманскому учению стать наставником народа, имамом, мог только человек, обученный грамоте и получивший достаточное религиозное образование. Звание это можно было получить по благословению авторитетного духовного учителя. Желательно было также совершить хадж — долгое и трудное паломничество в Мекку. Известно, что Мансур всю жизнь мечтал сделать это, но так и не сумел.

Тем не менее слухи о новом пророке распространялись все шире и вызвали невиданный отклик среди горцев. В народе возникали все новые и новые легенды о «Божьем посланнике». Жители селения Алды рассказывали, как на глазах у всех он иссушил источник, а потом снова наполнил его водой. Говорили также, что однажды, проснувшись, у изголовья своего он нашел копье длиной в четыре аршина и объявил, что если пойдет с этим копьем против неверных, то станет оно длиной шестьдесят аршин, а если против мусульман, то согнется и не станет колоть. Слава об имаме Мансуре распространилась за пределы Чечни — о нем стали говорить на Кумыкской равнине и в горах Дагестана.

При внимательном изучении уцелевших проповедей Ушурмы нетрудно убедиться, что он, в сущности, не прибавил ничего нового к тому, что есть в Коране. Очевидно, что он учил добрым делам — строго соблюдать заповеди ислама, раздавать милостыню, не красть, не грабить, не прелюбодействовать, не пьянствовать, отказаться от жестокого обычая кровной мести. Из проповедей имама выводятся три основных направления его программы:

1) освобождение Чечни и всего Кавказа от власти угнетателей;

2) очищение нравов путем возвращения к аскетическому исламу времен пророка Мухаммеда;

3) борьба против противоречащих исламу местных обы-

чаев (адатов) и введение, убеждением или силой, общего для всех закона шариата.

Первый пункт предполагалось осуществить путем «священной войны» или газавата. Однако здесь следует еще раз подчеркнуть многозначность этого термина в жизни мусульман. Газават мог осуществляться как военным, так и мирным путем, путем убеждения. Как мы видим, вначале Мансур предполагал «начать разговаривать» с русскими и только в случае их отказа вывести с Кавказа свои войска открыть военные действия.

Во втором пункте мы видим свойственный всем мировым религиям призыв к отказу от греховной жизни и возвращению к чистым истокам духа, незапятнанным роскошью, разнузданностью и всевозможными пороками. Это требование должно было встретить отклик у чеченцев, среди которых в тот период было значительно меньше богачей, чем в Кабарде и Дагестане. Тем не менее неминуемо наступающий распад общины и обогащение отдельных ее членов вызывали протест народных масс, который легко было направить в русло борьбы за чистоту веры.

Выполнить третий пункт программы Мансура было не так-то легко. Для того чтобы заменить древние привычные законы адата мусульманским шариатом, необходимо было объединить горцев, заставить их признать общую для всех религиозную и правовую систему. Различные обычаи горских народов являлись одним из главных препятствий на пути к этой цели. Еще более серьезным препятствием на пути учения Мансура являлись древние языческие верования. Борьба мусульманства с ними, начиная со Средних веков, была упорной и не слишком успешной. В одной из первых своих проповедей имам призывал чеченцев «обычные же обряды не наблюдать, а быть так, как духовный закон мусульман учрежден». В самом выражении легко усматривается, что языческая обрядность в Чечне была еще живой и настолько естественной для населения, что даже проповеднику аскетического ислама она казалась обычной.

Одним из главных адатов у горцев был обычай кровной мести. Вот почему имам Мансур, «желая поселить в последователях его согласие и прекратить взаимное мщение», склонил своих родственников на примирение с убийцей одного из членов семьи. Чтобы ознаменовать это примирение, он при большом стечении народа выстрелил из ружья в воздух и устроил пир. После этого примеру имама последовали многие.

4

Известно, что процесс смены религиозных взглядов всегда бывает долгим, сложным и болезненным. Тем удивительнее достижение имама Мансура, сумевшего буквально за полгода добиться того, чтобы почти все чеченцы оставили древние полуязыческие обычаи и пошли за его учением. Под влиянием проповедей имама Мансура Чечня преображается. По примеру алдынцев жители других сел начали отвыкать от курения. Прекратили изготовлять и пить бузу — традиционный хмельной напиток. В центре каждого села появились шесты, на которые привязывались всякие находки — деньги, украшения, другие потерянные вещи. Люди становились добрее друг к другу, прощали кровников, соблюдали пост, ходили молиться в мечети. Безусловно, эти успехи объяснялись не только тягой населения к чистому исламу, ибо прочного внедрения его среди чеченцев мусульманское духовенство не могло добиться в течение веков, а личным примером имама и теми идеями, которые были оформлены в его религиозных проповедях. Мансуру удалось использовать морально-нравственный потенциал ислама для искоренения преступности и других пороков в чеченском обществе.

Добившись успехов в укреплении исламских законов в равнинных селах Чечни, завоевав авторитет и популярность среди этой части народа, Мансур начинает воздействовать на горные районы Чечни, где целые общества, формально приняв ислам, на деле придерживались языческих верований. Намечаются походы в земли карабулаков, ингушей и осетин, в соседние области — Кумыкию, Дагестан и Кабарду. Во всех этих районах среди местного населения имелись многочисленные сторонники имама Мансура, готовые при его появлении примкнуть к учителю и стать его мюридами.

В лагерь имама в селении Алды постоянно прибывали горцы из соседних уголков Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения царских агентов, постоянно засылавшихся властями в стан Мансура: «Жители всех окружающих аул Алды деревень открыто готовятся к походу в горы для приведения всех тамошних жителей в магометанский закон». Сам же имам обращается в письмах и призывах к своим соотечественникам со словами: «Настало уже время ослабления беззаконий и торжества мусульман».

В донесениях агентов сообщалось о том, как Мансур во главе отряда приближенных разъезжает по горным селам

Чечни и насильственным образом приводит здешних жителей к строгому соблюдению канонов ислама. «Наложив на страну трехдневный пост, — сообщает источник, — Мансур с приближенными своими мюридами стал навещать аулы, сопровождаемый священным песнопением. Жители повсеместно выходили к нему навстречу, каялись в грехах и обращались к тоба (покаянию), обязывались не делать дурных поступков, как то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить крепких напитков, но усердно молиться Богу, не пропуская назначенных для этого сроков».

Народ признал Мансура своим устазом, то есть наставником, данным от Бога. Люди так прониклись религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы. В своих обращениях и воззваниях к мусульманам Мансур не предлагал ничего нового, но требовал повиновения и полного подчинения законам шариата. Необычным для этих мест было еще и то, что имам не делал различия между разными народами Кавказа, которые часто разделяла многолетняя вражда. Согласно заветам пророка Мухаммеда, он считал их членами одной мусульманской общины — уммы.

«Я, раб божий Мансур, — обращается Ушурма к кабардинским хаджи, — всем мусульманам свидетельствую мое почтение с желанием навсегда Божией над вами милости и блага. Притом вам, мусульманам, верующим в единого Бога и почитающим великого пророка Магомета, даю знать, что приходит уже последнее время и близко надобно оного ждать. Будьте к вере прилежны и подобострастны, не сделайтесь законопреступниками, за доброе поведение получите воздаяние от Бога, а за ослушание — гнев и погибель. Подданные же к россиянам, будьте к ним справедливы и не касайтеся до малейшей шалости, пока я с Россиею войду в разговоры, содержите сие свято; а если кто из вас сделает им шалости, то я с таковыми управлюся Божиею милостию, войски мои в свете возьмут верх и покорят другие народы, а вам надлежит до оного иметь терпение».

Письма Мансура с проповедями и призывами следовать чистому исламу приходят также в ингушские села. Письмо на арабском языке от 17 июня 1786 года адресовано наиболее влиятельным и авторитетным представителям ингушских фамилий в Тарской долине — Нагаю Казику, Нагаю Исмаилову, Метге Бекову, Карату Зевурову и «всему ингушскому обществу». В этом письме Мансур сообщает: «Говорю вам я, имам Мансур. Явился мне во сне сам пророк Мухам-

мед и возвестил, что пророк Мехти (Махди. — *А. М.*), исповедующий имя его, должен в свое время, то есть в 1006 году, прийти, но термин уже тот минул, и теперь должно мне, имаму Мансуру, приводить мусульман к познанию пути Господа. Идите за мной без страха, ибо то, к чему призываю, угодно Аллаху».

Из различных свидетельств можно сделать вывод, что Мансур прошел обычный на Востоке путь религиозного проповедника, обличителя зла и наставника в вере. Только так простой незнатный человек, каким он был, мог в тогдашних условиях осуществить свои цели. А цели имама, как это вскоре стало ясно, шли гораздо дальше обличения своих соплеменников в неверии и нарушении законов ислама. Достигнув немалого успеха на этом пути, завоевав авторитет и популярность, Мансур должен был перейти к решительным действиям, которых требовала от него сложившаяся обстановка. Притеснения со стороны местных старшин и владетелей, экспедиции царских войск в Чечню и их кровавые «подвиги» здесь побуждали горцев к войне. В этих условиях религиозная проповедь Мансура давала выход национальной гордости, придавала высокий религиозный смысл борьбе за экономические и политические права чеченцев, сплачивала горцев, помогала им объединить разрозненные силы против натиска Российской империи.

Религиозное рвение имама Мансура и объективные обстоятельства того времени сошлись в нужное время и в нужном месте именно так, что бедный крестьянин из аула Алды Ушурма встал во главе народного движения, которое положило начало Кавказской войне, затянувшейся на многие десятилетия. Этот человек, еще недавно не ведомый никому, кроме его близких и односельчан, вышел из тьмы безвестности и стал героем, признанным вождем народа. С этих пор острие его религиозной пропаганды будет направлено на сплочение горцев, на борьбу против российских властей и тех местных правителей, которые не примкнули к имаму и продолжали придерживаться российской ориентации.

Чтобы оценить деяния и понять судьбу этого человека, необходимо узнать исторические корни и жизненные представления весьма необычного чеченского народа, в среде которого имам Мансур родился, вырос и со временем возглавил его борьбу против колониальной политики Российской империи.

Глава 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

1

Чеченцы — самый крупный народ Северного Кавказа. Самоназвание их — «нохчо» или «нахчой». От этого этнонима получила название нахская или вайнахская ветвь кавказской семьи языков, на которых сегодня говорят близкородственные народы — чеченцы, ингуши и небольшая группа бацбийцев в Грузии. Ветвь эта, по мнению ряда ученых, берет начало от древнейших языков, на которых говорили на заре человеческой истории великие народы Ближнего Востока — шумеры, хурриты и урарты.

Первичное заселение Кавказа происходило из прилегающих областей Передней Азии и Восточного Средиземноморья. Природно-климатические условия Кавказа были весьма благоприятны для жизни человека. Потому заселение этой области происходило на самой заре истории из Междуречья, где, по всем имеющимся свидетельствам, зародилась древнейшая цивилизация скотоводов и земледельцев. Именно Юго-Западная Азия, Кавказ и прилегающие территории (зона расселения протокавказских племен) стали колыбелью высокой сельскохозяйственной культуры, основанной на выращивании хлебных злаков. Это неопровержимо доказал академик Н. И. Вавилов — создатель учения о биологических основах селекции и уникального исследования о центрах происхождения культурных растений.

Древнейший ареал расселения предков кавказских народов включает обширные территории Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Собственно Кавказ является лишь северной периферией зоны обитания старейших на земле племен и народов. Древние традиции государственности, культуры и производящего хозяйства так или иначе проявляются в более поздних государственных образованиях Междуречья и Кавказа. Шумерская цивилизация оказала влияние не только на крупнейшие семитские державы древности — Аккад, Вавилон, Ассирию, но и на хурритские народы, которых считают предками ряда кавказских этносов. От хурритов и их государства Митанни, соперничавшего с самим Египтом, традиции государственности переходят в Урарту, Армению и Кавказскую Албанию, а позже распространяются по всему Кавказу.

Хурриты в течение многих веков играли ведущую роль в Передней Азии. В глубокой древности они создали государство Митанни со столицей Вашшуканни в Северной Месопотамии. На протяжении трех столетий государство Митанни играло доминирующую роль в Передней Азии. Под его влиянием находились многие области, прилегающие к нему, в том числе Аррапха, Киццувадна, Ашшур, Алалах. Социальная организация хурритов напоминала организацию чеченских средневековых тейповых общин. У них существовали большие семейные общины, именуемые в документах домами (биту) или башнями (димту). Несколько семейных общин образовывали село, которое являлось территориальной или территориально-родственной общиной. Селения располагались вокруг укрепленного поселка, где находился главный храм, жилища правителя и должностных лиц города-государства. У хурритов наряду с царем существовали совет старейшин и народное собрание, которые активно участвовали в процессе управления.

В начале I тысячелетия до н. э. хуррито-урартские племена, населявшие Армянское нагорье, создают государство Урарту. Через одно-два столетия Урарту становится мощной державой, цари которой совершают военные походы на прилегающие страны и вступают в соперничество с хеттами и ассирийцами. Возможно, что после падения Урарту в начале VI века до н. э. часть урартских племен мигрировала на Северный Кавказ, в районы расселения нахских племен. Туда же позже откочевали гаргары или гаргареи — потомки хуррито-урартских племен, жившие в Кавказской Албании, на территории современного Азербайджана и южной части Дагестана.

Существует и другая версия этногенеза чеченцев и других народов Северного Кавказа. Она гласит, что после окончания ледникового периода часть неолитических племен Передней Азии мигрировала на север и за несколько тысячелетий расселилась по предгорьям Кавказа от Каспия до Черного моря. В IV—III тысячелетиях здесь появились протохурритские племена в лице носителей куро-араксской археологической культуры. С III тысячелетия началось разделение прежде единого нахско-дагестанского языка на нахские (вайнахские) и дагестанские диалекты. К началу нашей эры нахские племена заселили значительную часть Северного Кавказа, соседствуя на востоке с дагестанцами, а на западе — с родственными им абхазо-адыгскими племенами, которые пришли из Малой Азии и расселились на побережье Черного и Азовского морей.

Первые письменные свидетельства о существовании проточеченских племен относятся к VII веку до н. э., когда начинаются скифские походы в Закавказье и Переднюю Азию. Основной маршрут движения кочевых орд проходил вдоль предгорий Северного Кавказа к Дербентскому проходу. Для прорыва в Закавказье скифы пользовались также горными перевалами — Дарьяльским, Мамисонским и Клухорским, у которых жили в то время предки нахских народов. Военные походы скифов привели к гибели многих плоскостных и предгорных поселений вайнахов и сокращению их численности. Именно в те времена погибло крупное нахское поселение, найденное археологами в районе Сержень-Юрта. Это был настоящий город с мощеными улицами, десятками металлургических мастерских и большим языческим храмом. Отношения кавказских племен со скифами со временем принимают характер военного союза. Это можно понять по тому, как меняется облик местной материальной культуры, приобретающей все больше характерные скифские черты.

В раннем средневековье нахские племена населяли территорию от Андийского хребта до Дарьяльского ущелья и далее, до современного Карачая. Грузинские источники называли предков горных чеченцев и ингушей, живших в верховьях рек Аргун, Асса и Армхи, «дурдзуками» и «цанарами». Кроме этого они знали двалов — нахских предков осетин — и бацбийцев, предков тушин, которых античные историки называли «тусками». В начале I тысячелетия н. э. на равнинах Северного Кавказа широко расселяются ираноязычные племена алан, сменившие здесь родственных им сарматов, как те до этого сменили скифов. В результате их смешения с исконным нахским элементом возник аланский народ, который считается предком осетин, но имеет не менее тесную связь с чеченцами и ингушами.

Уже во II веке н. э. Алания воспринимается как единая территория, а аланы — как одно из могущественнейших племен Северного Кавказа, в руках которого были сосредоточены стратегические пути из Европы в Закавказье. В III—VI веках Алания находится в зоне передвижения многочисленных кочевых племен, прежде всего гуннов, которые превращают в руины и пепелища поселения алан на Тереке и Кубани. Однако, несмотря на нашествие гуннов, долины и предгорья Северного Кавказа продолжают населять нахские племена, которые ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием и отгонным скотоводством. В V—VII веках аланы находятся уже в более мирных отношениях с

гуннами и участвуют в военных походах последних на Восточную Европу и Закавказье. В этот период аланы продолжают играть важную роль в политической жизни Кавказского региона. Они постоянно расширяют свои владения, оказывают военное давление на адыгские племена и выходят к Черному морю.

Этническая карта Кавказа той поры чрезвычайно сложна и запутана. Основу населения Северного Кавказа и Закавказья составляли коренные народы, находящиеся в различной степени родства. История существования кавказских народов насчитывает в целом более семи тысяч лет. Все это время здесь шли активные миграционные процессы. Постоянно происходили ассимиляция древних кавказских этносов с пришлыми народами и широкие переселения внутри самого горного ареала. В современном чеченском языке сохранились следы контактов не только с языками Северного Кавказа, но и с грузинским, армянским, арабским и даже с исчезнувшими наречиями хурритов и урартов.

Основные диалекты чеченского языка — горный и плоскостной. Последний лег в основу литературного языка чеченцев. Один из первых исследователей Чечни Петр Бутков (1775—1857) так определял границы распространения чеченского языка: «На чеченском говорят: а) жители горной Ичкерии, то есть племена, поселившиеся в верховьях Аксая; б) жители Большой и Малой Чечни; в) переселенцы из Ичкерии и Чечни, например, аулы на Качкалыковской плоскости. К языку чеченскому принадлежит наречия ауховских обществ (верховья Акташа, Ярык-су, Яман-су). Между этими наречиями и языком чеченским существует такое же малое различие, как между языками русским и малороссийским».

Слово «чечен», согласно одной из версий, имеет тюркомонгольское происхождение. Название это широко использовалось уже в «Тайной истории монголов» (XIII век), а возникло еще в домонгольский период у половцев-кипчаков. Возможно, оно происходит от глагола «чеч» — развязать, разъяснить, разрешить, красиво говорить, истолковывать. В современных тюркских языках слово «чечен» (чечан, чечаьн, шешен, саьсаьн) означает «красноречивый», «находчивый в словах». «Трудно сказать, какой смысл этого слова имели в виду монголо-татары, называя так народ, ранее имевший другое название, — пишет в своем исследовании Х. А. Хизриев. — Но даже у авторов Нового времени мы находим неожиданное подтверждение смысловому обозначению данного этнонима: "Чеченцы считаются людьми веселыми,

остроумными ('французы Кавказа')"». Вернее было бы назвать их «гасконцами Кавказа», добавив к перечисленным качествам еще и характерную для земляков шевалье д'Артаньяна отчаянную драчливость.

На самом деле этнонимы чаще всего возникают из названия какой-либо местности или населенного пункта. В центре Чечни находилась Чечен-Аре (Чеченская поляна), где на реке Аргун выросло большое поселение Чечен-Аул, ставшее в XVII—XVIII веках своеобразной «столицей» страны. Жителей окружающей аул местности, а затем и всей плоскости стали называть чеченцами, и этот термин постепенно распространился на весь народ от рек Аксай и Акташ на востоке до Ассы на западе.

2

Большинство чеченцев сегодня живут в Чеченской Республике, которая до 4 июня 1992 года составляла вместе с Ингушетией Чечено-Ингушскую Республику. Некоторая часть их проживает в Хасавюртовском районе Республики Дагестан, а также в Грузии (Ахметский район). Сегодня в мире насчитывается до двух миллионов чеченцев и 400 тысяч близкородственных им ингушей (галгай). Примерно полтора миллиона чеченцев проживает в России.

До 1917 года было принято делить Чечню на две части — Большую и Малую. Большая Чечня — это земли по правобережью реки Аргун до реки Аксай; Малая Чечня располагается по левобережью Аргуна до реки Ассы, включая горную часть и Надтеречный район. Это разделение связано с особенностями рельефа территории Чечни, которая включает в себя плоскость, предгорье, горный и высокогорный районы.

Центральную часть республики с запада на восток пересекают идущие параллельно Сунженский и Терский хребты. Через южную и юго-восточную части страны проходят отроги Главного Кавказского хребта. Здесь расположены глубокие ущелья и находятся самые высокие пики восточной части Главного Кавказского хребта — Тебулос-Мта (4494 метра) и Диклос-Мта (4275 метров). Покрытые вечными снегами вершины придают этим местам суровое и грозное величие.

Поразительную красоту снежных гор описал в своей знаменитой кавказской повести «Казаки» Лев Толстой: «Оленин с жадностью начал вглядываться, но было пасмурно, и

облака до половины застилали горы. Оленину виделось что-то серое, белое, курчавое, и, как он ни старался, он не мог найти ничего хорошего в виде гор, про которые он столько читал и слышал. Он подумал, что горы и облака имеют совершенно одинаковый вид и что особая красота снеговых гор, о которых ему толковали, есть такая же выдумка, как музыка Баха и любовь к женщине, в которые он не верил, — и он перестал дожидаться гор. Но на другой день рано утром он проснулся от свежести в своей перекладной и равнодушно взглянул направо. Утро было совершенно ясное. Вдруг он увидел шагах в двадцати от себя, как ему показалось в первую минуту, чисто-белые громады с их нежными очертаниями и причудливую, отчетливую воздушную линию их вершин и далекого неба. И когда он понял всю даль между ним и горами, и небом, всю громадность гор, и когда почувствовалась ему вся бесконечность этой красоты, он испугался, что это призрак, сон. Он встряхнулся, чтобы проснуться. Горы были все те же.

— Что это? Что это такое? — спросил он у ямщика.

— А горы, — отвечал равнодушно ногаец.

— И я тоже давно на них смотрю, — сказал Ванюша, — и вот хорошо-то! Дома не поверят.

На быстром движении тройки по ровной дороге горы, казалось, бежали по горизонту, блестя на восходящем солнце своими розоватыми вершинами. Сначала горы только удивили Оленина, потом обрадовали; но потом больше и больше вглядываясь в эту, не из других черных гор, но прямо из степи вырастающую и убегающую цепь снеговых гор, он мало-помалу начал вникать в эту красоту и почувствовал горы. С этой минуты все, что только он видел, все, что он думал, все, что он чувствовал, получало для него новый, строго величавый характер».

В конце XVIII века — времени, в которое жил герой нашей книги шейх Мансур — значительная часть Чечни была покрыта девственными лесами, состоящими по большей части из ценных пород деревьев. Здесь произрастали дуб, бук, карагач, ясень, вяз, а также груша, вишня, черешня, алыча (дикая слива). Дерево широко использовалось жителями для строительства, отопления, изготовления предметов домашнего обихода. Разросшиеся кустарники — орешник, боярышник, кизил, шиповник, терн, нередко переплетенные диким виноградом, — образовывали летом непроходимую чащу. В течение следующего столетия большая часть лесов была вырублена. Удивительную красоту здешних пейзажей теперь можно только вообразить. Леса уцелели лишь в гор-

ных районах, в основном по северным склонам и частично в предгорье.

Горная Чечня отличается от равнинной и в климатическом отношении. В горах летом часто идут дожди и ложатся туманы. На равнине же, особенно в прилегающих к Тереку районах, климат в основном жаркий с небольшими осадками. Вот как описывает погодные особенности Чечни исследователь XIX века: «Что касается до климата Чечни, то он сходен с климатом средней полосы России: летом бывают сильные жары, а зима довольно суровая, снежная с морозами, доходящими до 20 градусов, так что большая часть рек замерзает, за исключением только некоторых мест, отличающихся быстротою течения. В июне, июле, августе дни бывают весьма жарки, а ночи, напротив того, прохладны. Эти быстрые и ощутительные переходы порождают лихорадки и другие болезни. В Ичкерии и Аухе климат суровее, чем в остальных местностях, населенных чеченцами, и зима продолжительнее».

По территории Чечни протекают многочисленные реки. Весной и летом они бурно разливаются от дождей и таяния снегов в горах. Все они являются притоками Сунжи, впадающей в главную реку Чечни — Терек. Эта замечательная река многократно описана в русской литературе — научной и художественной. Вот как описывает природу Чечни во времена Мансура немецкий исследователь академик И. А. Гильденштедт, который путешествовал по Кавказу в 1770—1773 годах: «К рекам, берущим начало с Главного Снегового и Сулакско-Терского водоразделительных хребтов, принадлежат: Терек, Сунжа, Асса, Фортанга, Гехи, Мартанка, Аргун, Гудермес или Гумс. Из всех этих рек, конечно, первое место занимает Терек, протекающий по Чечне около ста верст расстояния. Воды его стремятся с такою быстротою, что уносят деревья и ворочают огромные камни. Шум от волн его слышен за несколько верст. Переправа через эту реку если не окончательно невозможна, то сопряжена с огромными затруднениями, так как дно изрыто быстрым течением. Высокое положение места, откуда истекает река Терек, делает ее во всем течении до самого Кизляра быстрою; в июле же и августе месяцах, когда талая вода, стекая с гор на равнину, поднимается от 8 до 10 футов выше обыкновенной меры, какая бывает осенью, зимой и весною, река становится свирепою. Тогда во многих местах, выступая из берегов, затопляет она часть оных. Она не токмо подмывает берег, но по местам делает новые русла, засыпая старые песком, в котором прибивает снесенные с гор деревья, а нередко целые плоты.

Низкий ее берег, начиная от моря и до Кизляра, почти безлесен. Выше до Староглядки лес начинает показываться. Отсюда же еще далее вверх весьма много лесу, который большей частью состоит из дуба, диких плодов и других деревьев. Река не всякий год замерзает, но зимою несет по ней лед. В сие время вода в оной бывает нарочито чиста, а потом, протекая через Кизляр, от земляных частиц мутится; но, будучи почерпнута, в сосуде скоро отстаивается и делается светлою, вкусною и здоровою...

Ниже Малки впадают в Терек малая Карука и Сунжа с правой стороны. Последняя заслуживает особого описания. Так называют ее черкесы и русские, а кистинцы именуют ее Солочью. Она начало свое имеет в Кавказских известковых горах неподалеку от ручья Кумбелея, вытекающего западнее Терека. В известковых горах течет она наиболее к северу и потом в средних горах и близ оных в востоку-северо-востоку и впадает подле Шадрины в Терек с правой стороны, весьма приметным образом оный наполняя. Течение ее составляет около 150 верст. В верхней ее части лежат по большей части кистинские уезды, а при самом истоке уезд Аккиньюрт. Река Сунжа главнейшие воды принимает в себя с правой стороны... Терек и обе большие реки Малка и Сунжа, в него впадающие, сходствуют между собою как началом своим, вытекая из высоких гор, так равно берегами и руслами, которые состоят из глины и песку, равномерно и быстрым своим течением, мутною, но здоровою водою и водящимися породами рыб».

Кроме рек Чечню пересекает еще множество ручьев и оросительных каналов, образующих обширную водную сеть. Однако такое многоводие существует не везде. Поскольку почти все притоки Сунжи впадают с правой стороны, Алхан-Чуртская долина между Сунжей и Тереком остается безводной, а между тем это один из плодороднейших районов Чечни — почва этой долины богата илистым черноземом.

«На всем протяжении между Тереком и Сунжею, — пишет П. Г. Бутков, — нет почти никаких источников кроме Горячеводского, известного у чеченцев под именем речки Мелхичи — на которой находится Горячеводское укрепление и аул Старый-Юрт, и речки Нефтянки, берущей свое начало из нефтяных источников и перерезывающей большую дорогу в шести верстах от крепости Грозной. Несколько минеральных и теплых ключей составляют всю водную систему этой местности. Такой важный недостаток был причиною того, что все население сосредоточилось на окраинах: по правому берегу реки Терек и левому Сунжи».

Археологические данные, материалы топонимики и лингвистики, а также сведения средневековых авторов отмечают давнее пребывание чеченцев на Северном Кавказе. «Армянская география», составленная Ананией Ширакаци в VII веке н. э., среди 53 кавказских народов, живущих в центральной части Кавказа, указывает предков чеченцев, называя их «нахчаматьянами» и «кустами». В грузинских летописях XII—XIV веков чеченцы известны под именем кистов и дурдзуков. Соседи чеченцев — кумыки называют их «мичигиш» (по реке Мичик). Начиная с XVI века чеченцы упоминаются и в русских документах под именами «окохи» и «минкизи» (мичкизы) — тоже, видимо, по реке Мичик. Свои названия для чеченцев есть и у других кавказских народов: кабардинское «шашен», осетинское «цацан», аварское «буртиел». Русское название «чеченцы», по одним данным, заимствовано у татар, а по другим — происходит от села Большой Чечен (Чечен-Аул). Село это находилось на левом берегу Аргуна на Чеченской равнине у подножия одной из двух гор Сюйри-Корта, образующих Ханкальское ущелье, и называлось по ее вершине — Чачань или Чечень.

До XV века чеченцы, изгнанные с равнины татаро-монголами, жили в основном в горах, разделенные на отдельные территориальные группы. Так, по берегам реки Мичик жили мичиковцы, на северо-восточном склоне Качкалыковского хребта — качкалыковцы, в верховьях рек Ярык-су, Яман-су и Аксай — нахчмахкоевцы (ичкеринцы), в бассейне Акташ-Ауха — ауховцы. Между ауховцами и Аксаем в лесистой местности — зандаковцы, в лесах у верховьев правого притока Аксая — беноевцы. Надо отметить, что большинство этих названий дано по именам аулов, гор или речек, рядом с которыми расположены поселения чеченцев. Жители каждого такого аула являлись членами одной общины, самостоятельно управлявшей своими делами.

После ослабления и распада Золотой Орды началось возвращение чеченцев на плоскость. По народным преданиям, первые поселения на равнине были основаны приблизительно в конце XIV века выходцами с Акинских гор, из местности Нашха в западной части Чечни. Другие предания, напротив, говорят, что чеченский народ вышел из Ичкерийских гор на востоке, где жил с очень давних времен, и занял сначала долины рек Аксая, Сунжи, Шавдона и Аргуна, а затем постепенно заселил плоскость Большой и Малой Чечни.

Вот сведения о родословной чеченцев, сохранившиеся в преданиях и легендах: «От прямых потомков Нахчуо (легендарный родоначальник чеченцев) образовались 56 главных фамилий или родов (тейпов), из которых три, происшедшие, по преданию, от сыновей Нахчуо — Тело, Мудара и Этагая, считаются наиболее древними и знатными. Все они называются (в память родоначальника) общим именем нахчуо или нахчи, отличая себя от горцев — таули... Иные предания также указывают на три главных рода аборигенов края — Галгай, Ахо или Ако и Шато, от которых произошли все другие фамилии. Так, от Галгая происходят преимущественно ингушские фамилии, от Ахо — общества: ахой, пешхой, цехой и другие. От Шато — шатой, чинхой, ченты, хачерой, нихалой и другие».

Ичкерия, которую называют еще Нохчи (Нахчи)-Мохк, считается колыбелью чеченского народа. Недаром именно ичкеринцы сохранили самое чистое произношение чеченского языка. Капитан Генерального штаба Российской армии И. Норденстам, составивший обширное исследование «Описание Чечни», писал, что нахчи «в прежние времена составляли племя обитавших в вершинах рек Аксая, Гудермеса, Хулхулау и Аргуна; сию землю чеченцы и теперь считают настоящею своею родиною и называют ее Нахчи-Мохк (то есть земля, принадлежащая племени Нахчи)». Переселение с гор на плоскость происходило тейпами. Так, тейп Парчхой основал селения Парчхой и Юрт-аул, тейп Цечой — селение Цечой (Кешен-аул) на реке Ярык-су. Спустя некоторое время из той же местности вышли тейпы — Беной, Цонтарой, Курчалой и другие. Они заняли обширные земли в верховьях рек Аксай и Гумс и основали здесь поселения с тейповыми названиями. Остальные территории между реками Аксай и Ярыксу позже были заняты тейпами Бильтой, Гендыргеной, Датой и другими.

Таким образом, вернувшиеся на плоскость чеченцы первоначально расселились большей частью в долинах Аргуна и других притоков Сунжи, а уже позже заняли всю плоскость Большой Чечни. По мере расселения чеченцам пришлось столкнуться с сильными соседями — прежде всего с тюркоязычными кумыками, жившими по рекам Сулаку и Аксаю и входившими в крупное феодальное образование — Кази-Кумухское (позже Тарковское) шамхальство. Вскоре кумыков потеснили ногайцы. Ядро Ногайской Орды составляли мангыты — одно из монгольских кочевых племен, оставшихся на Кавказе после распада Золотой Орды. Название новой орды произошло от имени стоявшего во главе орды темника Но-

гая. Это был сильный и многочисленный народ, в состав которого влились покоренные монголами кипчаки-половцы. Половцы, однако, в значительной мере ассимилировали победителей-мангытов, которые восприняли тюркский язык и многие элементы половецкой культуры. Кочевья ногайцев простирались от степных районов Северного Кавказа на север и далеко на восток в Заволжье за Яик до самого Аральского моря и даже до Иртыша. На западе их кочевья доходили до Крыма и Днестра.

Распад Золотой Орды способствовал постепенному освобождению Кавказа от монгольского владычества. Первыми обрели независимость народы Дагестана. Он находился на окраине необъятного золотоордынского государства, но вместе с тем имел важное стратегическое значение, так как через него проходили наиболее удобные торговые пути в богатые страны Ближнего Востока. Не имея уже сил для подчинения воинственных народов Дагестана, ордынские ханы предоставили правителям этой земли ряд льгот, с тем чтобы привлечь их на свою сторону и сделать союзниками. Одним из сильнейших государств Дагестана в XIV—XV веках становится Кази-Кумухское шамхальство в землях кумыков и лакцев. В конце XV века шамхал обладал большой силой и мог выставить на войну многотысячное войско. Около 1640 года Кази-Кумух распался на несколько владений, из которых сильнейшим было шамхальство Тарковское. Свои государства существовали и у других народов Дагестана — это были Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Табасаранское майсумство и т. д.

Если с востока чеченские земли в XVIII веке граничили с Дагестаном, то с запада их обрамляли земли ингушей и кабардинцев. Кабардинцы или адыги были потомками древних черкесских племен, издавна населявших запад Северного Кавказа и берега Азовского моря. К XVI веку они завершают миграцию на степные и предгорные земли в бассейне Терека и верхней Кубани. В долинах рек кабардинцы пасли скот, выращивали своих знаменитых скакунов. Коневодство и разведение скота становятся основой их процветания. Кабардинские князья, так же как и владетели Дагестана, с успехом воспользовались ослаблением Золотой Орды. Они потеснили ногайцев и стали полновластными хозяевами равнин и предгорий Северо-Восточного Кавказа. Держа в руках выходы из горных ущелий, они подчинили себе многие соседние народы.

Для того чтобы успешно отстаивать свои интересы в окружении сильных соседей, разобщенным чеченским сооб-

ществам и аулам необходимо было объединиться. Это было делом непростым, так как ни одно из обществ не желало признать главенства другого, пусть даже более сильного и многочисленного. Положение казалось безвыходным до тех пор, пока не возникла мысль о приглашении кого-то из князей соседних народов для временного, только на период военных действий, руководства.

По народному преданию, первыми на роль военных вождей были приглашены князья Турловы (боковая ветвь аварских ханов) из Гумбета. Судя по русским документам и дагестанским хроникам, появление Турловых на Чеченской поляне в низовьях Аргуна относится к середине XVII века. Им удалось создать так называемое «Чеченское владение» и водворить в крае относительный порядок. Теперь в случае военных действий чеченцы по призыву князя вооружались и следовали за ним. Все без исключения общества подчинялись его распоряжениям. При этом жители не ограничивались защитой своего аула, а совместно шли на помощь попавшим в беду соплеменникам. Были установлены подати в общую казну в виде подымной (с каждого дома) сабы, то есть меры зерна. Единое руководство стало приносить плоды, и вскоре наступило время, когда чеченцы могли уже не только защищать свои селения, но и отвоевывать принадлежавшие им прежде земли у кабардинцев и кумыков. Однако централизованная власть начала раздражать свободолюбивых чеченцев, и они отказались подчиняться князьям. Когда же Турловы попытались вернуть ускользающее влияние силой, то были немедленно лишены власти. Они сохраняли некоторое влияние до конца XVIII века, когда состоялось их окончательное изгнание за Сунжу в притеречные земли.

4

В XVI—XVII веках история северокавказских народов развивалась под знаком усиления русского влияния в регионе. Исторические связи Руси с Кавказом уходят в глубокое прошлое. Еще в период существования Древнерусского государства со столицей в Киеве некоторые кавказские народы — предки кабардинцев, адыгейцев, черкесов (косоги), аланов-осетин (ясы) — имели с ним связи, в том числе династические. В X веке победы русских князей над хазарами избавили народы Северного Кавказа от власти Хазарского каганата. В XIII—XV веках народы Руси и Кавказа совмест-

но боролись против общего врага — монгольских ханов. Известный путешественник Плано Карпини, посетивший Северный Кавказ через четыре года после того, как по этим местам прошли тумены хана Батыя, писал: «...аланы (так он именовал всех горцев и жителей предгорий), оказавшие мужественное сопротивление, до сих пор не покорились им». В тех же заметках он сообщает, что аланы уже давно сражаются на какой-то горе (имеется в виду Кавказский хребет) и «убили многих татар, притом вельмож».

В 1253 году через Северный Кавказ проследовал в Монголию французский путешественник Гильом де Рубрук, отметивший, что горцы продолжают оказывать сопротивление монголам. Возвращаясь через год в Европу, он повторил, что военные действия в горах нисколько не ослабли. «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха (хан Золотой Орды, сын Батыя. — *А. М.*) двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине...»

Кочевникам, пришедшим с другого конца земли, так и не удалось победить непокорных горцев. Решающую роль в окончательном освобождении народов Кавказа от трехвекового ига Золотой Орды сыграла победа русских войск на Куликовом поле в 1380 году. Ослабив ордынские силы, она позволила чеченцам и другим кавказским горцам начать возвращение на равнину. Правда, уже через несколько десятилетий набеги возобновились — теперь их предпринимали ногайцы и правители Крымского ханства, которое с середины XV века взяло под контроль Кубань. Правда, они больше не предпринимали попыток проникнуть в горы Кавказа и взять под контроль жившие там народы.

Не дано было покорить чеченцев и «железному хромцу» Тимуру. В конце XIV века его войска лавиной прокатились через весь Кавказ. Хорошо известно, с какой неповторимой жестокостью одноглазый эмир подавлял восстания в покоренных странах, оставляя на месте битв с восставшими пирамиды из отрубленных голов. Однако жестокость Тимура не испугала горцев. Они продолжали, не щадя жизни, защищать свои аулы, а если оборонять их не было больше возможности, уходили в горные леса и оттуда продолжали нападать на воинские отряды и торговые караваны завоевателей. По легенде, эмир, восхищенный мужеством чеченцев, подарил им саблю, усыпанную драгоценными камнями.

Разгромив одного из последних золотоордынских правителей, хана Тохтамыша, Тимур облегчил окончательную по-

беду Руси над Ордой. Со взятием войсками Ивана Грозного Казани (1553) и Астрахани (1555) юго-восточная граница Московского царства придвинулась к Каспийскому морю. Таким образом, Русь вплотную соприкоснулась с народами, населявшими Северный Кавказ. Борьба с остатками Золотой Орды — татарскими ханствами Поволжья и Крыма, а также стоявшей за их спиной султанской Турцией при этом не ослабевала, потому многие из кавказских народов — прежде всего те, что исповедовали христианство, — обратились за помощью и защитой к Московскому государству. Царь Иван IV Грозный немедля откликнулся на их призывы. Упорное стремление Турции взять под контроль этот стратегический регион вызывало активное противодействие Московского царства и делало две эти крупнейшие державы непримиримыми соперниками в борьбе за Кавказ.

Укреплению Московского царства в предгорьях Кавказа способствовало появление здесь пионеров русского продвижения — казаков, выходцев из Украины и Южной Руси. Начиная с середины XVI века казаки поднялись от устья Терека («Горынь-река») вверх по течению и расселились на слиянии Терека с Сунжей, у границы кабардинских и чеченских земель. Здесь они ставили городки, называя их по именам атаманов или особенностям местности: Червленый, Кордюковский, Шадринский, Гладковский. Позднее от этих городков произошли названия крупных казачьих станиц.

По роду окружавшей местности с ее горными хребтами (гребнями) казаки стали называть себя «гребенскими». Вот как рассказывает о гребенских казаках Л. Н. Толстой: «Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Тереком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки переродились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. Предание еще до сих пор свежее между казаками говорит, что царь Иван Грозный приезжал на Терек, вызвал с Гребня к лицу своему стариков, дарил им землю по сю сторону реки, увещевал жить в дружбе и обещал не принуждать их к подданству, ни к перемене веры.

Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера. Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает гор-

ца-врага, но презирает чуждого для него угнетателя солдата. Собственно русский солдат для казака есть какое-то дикое и презренное существо, которого образчик он видел в заходящих торгашах и переселенцах-малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца. Лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодой казак щеголяет знанием татарского языка* и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски».

Казаки и соседние с ними кавказские народы страдали от жестоких набегов крымских ханов. Особенно тяжело приходилось жителям Западного Кавказа и Кабарды. Крымчане уводили тысячи жителей в плен и продавали их в неволю. Особенно ценились за свою красоту черкесские женщины, которых отправляли в Турцию. Там некоторые из них попадали в султанский гарем и добивались большого влияния, но участью остальных было самое настоящее рабство. Набеги работорговцев были настоящей напастью для черкесских племен, которые постоянно искали союзников для защиты от врага. Первыми за помощью к московскому царю обратились кабардинские князья. Буквально через месяц после победы русских над Казанским ханством в Москву прибыли «черкесские» (так называли в XVI веке предков нынешних адыгейцев, кабардинцев и черкесов) князья с просьбой, чтобы русский царь «вступился за них и от крымского хана оборонил».

Взятие Астрахани повлекло за собой присоединение к России Большой Ногайской Орды. Ее князь Исмаил еще в 1552 году бил челом Ивану Грозному с просьбой о русском подданстве и защите от крымцев. В 1557 году в Москву явились дагестанские послы с просьбой о принятии «под руку» русского государя и защите от врагов «со всех сторон». В том же году прибыли послы от последних никому не подвластных кабардинских князей — Темрюка и Тазрюта (Тазурта) с челобитьем о подданстве и «бережении от врагов». Приняли русское подданство также абазины, жившие у Черного моря. С этого времени русские и кавказские народы начали предпринимать совместные военные походы против общих врагов. Так, в 1558 году «черкесы пятигорские многие» участвовали в походе русских в Ливонию, русские с

---

* Вплоть до XIX века многие русские авторы, не вдаваясь в этнические различия, называли всех жителей Северного Кавказа «татарами», а их языки — «татарским наречием».

большими силами черкесов и ногаями «ходили промышляти» над крымским ханом.

В 1561 году, после смерти первой жены Анастасии Романовой, Иван IV женился на кабардинской княжне Марии (Кученей) Темрюковне, дочери князя Темрюка Айдаровича. Вскоре князь попросил у зятя помощи в борьбе с крымскими татарами, участившими набеги на Кабарду. Московский царь послал на Терек воеводу князя Андрея Бабичева и келаря Петра Протасьева с большим войском. В 1567 году на левом берегу Терека, против устья Сунжи, была заложена крепость, получившая название Терской. Ее гарнизон состоял частично из государевых ратных людей, частично из гребенских казаков. Крепость эта была поставлена на главном торговом пути из Крыма к Каспийскому морю. Турецкий султан и крымский хан совместно потребовали от русского царя срыть ее. Требование это совпало со страшным разорением Москвы крымскими татарами в 1571 году, а также с затруднениями в ходе Ливонской войны. Иван IV был вынужден объявить султану о разрушении Терской крепости и отводе войск в Астрахань.

Царь выполнил свое обещание, но не до конца. Крепость снесена не была, из нее только вывели «государевых людей» — стрельцов. Их заменили, как вскоре сообщили султану соглядатаи, некие «воровские люди» — казаки, которые *живут сами по себе и никого не слушают. Очевидно,* весть о связях казаков с Москвой еще не достигла Стамбула, что было весьма удобно для царя. В 1578 году воевода Новосильцев вернулся в Терскую крепость и «на реке на Тереке на устье Сунжи реки город поставил». Следом пришли вольные волжские казаки и построили в устье Терека укрепленный городок, названный Трехстенным. Крымско-каспийский торговый путь оказался полностью под русским контролем.

Вскоре к Руси в поисках защиты от персидского шаха и турецкого султана обратился грузинский царь Александр. В 1584 году в Москву к царю Федору Ивановичу прибыло грузинское посольство, заявившее: «Сам своею головою и со всею своею землею под кров царствия и под вашу царскую руку рад поддается, понеже государь наш и земля наша Христьянская, а от неверных турок в велицей беде и в утеснении, и в том твоя царская воля, как государя нашего и его землю пожалуешь от таких и неверных богомерзких агарян оборонити». Для переговоров на Кавказ было направлено посольство — воевода Михаил Бурцев и келарь Протасьев с ратными людьми.

Но, чтобы реально помочь Грузии, необходимо было открыть дорогу с Северного Кавказа в Закавказье. Самым удобным был путь через каспийское побережье. Для этого в 1589 году было решено поставить в устье Терека, на его притоке Тюменке новую крепость. Город был назван Терским или Терками, а старая Терская крепость в устье Сунжи с тех пор стала именоваться Сунженским городищем. Гарнизон Терской крепости состоял из трех стрелецких полков. Кроме того, сюда пришла и расселилась вокруг часть гребенских и немало яицких казаков, которые стали родоначальниками терского казачества.

За год до основания Терской крепости, в 1566 году, в Грузию было отправлено первое русское посольство. Послы отметили, что при движении по реке Сунже к Дарьяльскому ущелью располагаются чеченские «землицы», известные под названиями «окохи», «шибуты» и «мичкизы». Между чеченцами и гребенскими казаками сложились вполне мирные отношения, скреплявшиеся куначеством. Тесные связи существовали между казаками станицы Червленной и чеченцами из селения Гуни, переселившимися сюда из Нахч-Мохка. Они ходили в гости и при необходимости оказывали друг другу помощь против врагов. Гребенские казаки многое позаимствовали у чеченцев по части быта и домашнего обихода: национальный костюм, танцы, музыкальные инструменты, игры, скачки и состязания в джигитовке. В свою очередь равнинные чеченцы переняли у русских некоторые приемы строительства домов, обработки земли и разведения огородов.

В конце XVI века чеченским «землицам» и феодальным владениям отводилось особое место во взаимоотношениях с Россией. Прежде всего это были экономические отношения: излишки продуктов своего производства (земледелия, скотоводства, домашних промыслов) чеченцам было выгодно обменивать в соседних казачьих городках. Большим спросом у самих чеченцев пользовались изделия русских мастеров — ткани, меха, оружие. Не менее важным был и политический аспект. В эти годы значительно усилилось военное давление на Кавказ Персии, Турции и Крымского ханства. В 1578 году в Закавказье вторглось 200-тысячное войско турецкого султана под командованием Мустафы Лала-паши. В том же году в северокавказские пределы вторгся крымский калга (главнокомандующий) Адиль-Гирей, выступивший против Персии. Татарская орда была разбита персами, а осколки ее, отступавшие в Крым и грабившие по дороге все подряд, были разгромлены русским воеводой на Тереке.

Противодействие интересов Персии, Турции и Крымского ханства с Россией в Кавказском регионе со временем только обострялось. Грузия, находившаяся в наиболее уязвимом положении, все чаще обращалась к России за помощью. Самый удобный путь сообщения с Закавказьем — Дарьяльский проход — пролегал через земли чеченцев и ингушей, без помощи которых наладить такое сообщение было очень трудно.

Одними из первых союзников России на Кавказе стали окоцкие (чеченские) мурзы Ушаром и его сын Ших, родовые земли которых располагались в верхнем междуречье Аксая и Акташа. Князь Ушаром со своим улусом и войском не раз помогал послам русского царя совершать непростые путешествия в Грузию и поддерживал добрые отношения с казачьими городками на Тереке. Эти отношения он завещал продолжать и своему сыну Шиху. Исполняя завещание отца, Ших-мурза первым из окоцких владетелей пришел служить в новый Терский городок на реке Тюменке. По грузинским и русским источникам войско Ших-мурзы составляло немалую силу — пятьсот конных и пятьсот пеших воинов. Следом за ним стали являться в Терки и другие горские владетели.

Царь Федор Иванович называет Ших-мурзу в своих царских грамотах князем, а подвластным ему селениям дает имена «Шихов юрт», «Шихов улус», «Шиховы кабаки» (то есть поселения). Под контролем мурзы находились наиболее удобные пути в Грузию, которыми чаще всего пользовались русские послы. Ших-мурза, видимо, имел большое влияние на чеченских владетелей, чьи земли находились в районах левобережья Аргуна и верховьях реки Чанты-Аргун. Так, при посредничестве Ших-мурзы Окоцкого и его поручительстве владетели «землиц» Чачана и Тарлоя обязались помогать людям русского царя и охранять их на пути в Грузию.

Федор Иванович не раз обращался непосредственно к Ших-мурзе с просьбой о содействии в продвижении послов. Так, в 1587 году князя Шиха просят пропустить через свои земли и помочь в дальнейшем пути русским послам Р. Биркину и П. Пивову. В 1589 году царь передает такую же просьбу в отношении русских послов в Грузию — князя С. Звенигородского и дьяка Т. Антонова. Ших-мурза всегда выполнял эти просьбы. В 1588 году он отправил в Москву собственное посольство во главе с племянником Батаем. Батаю было поручено решить вопрос о принятии окоцких мурз под протекторат русского государя: «Чтобы государь дядю

его — Шиха князя, и весь его улус пожаловал и держал под своею царскою рукою; а он (Ших. — *А. М.*) государю рад служить и со государевыми воеводами с терскими супротив всякого государства недруга стоять хочет, и где государь велит ему идти на свою государеву службу, он готов государеву службу нести».

Вместе с терскими казаками и подвластными ему окочанами и другими чеченцами Ших-мурза создал преграду дальнейшему продвижению Турции и Персии на Кавказ. Такая политическая ориентация не нравилась некоторым кавказским владетелям. В присланной царю грамоте Ших-мурза прямо указывал на это: «А черкесы и Арысламбек со мною не в дружбе, что аз тебе, великому князю и белому царю служу». Терские атаманы также доносили царю, что «шевкал (шамхал Тарковский) и горские люди преследуют его (Ших-мурзу. — *А. М.*) по дорогам и хотят убить. Ему в Окуках прожить не мочно. Хочет ехать в Астрахань». Однако сделать этого Ших-мурза не успел — в 1594 году он был вероломно убит кумыкским князем Ахмад-ханом. Тот пытался подчинить себе жителей Шихова улуса, но они не пожелали покориться чужаку. Оставив родные очаги, 160 окоцких семейств переселились в Терки. Но и после этого окочане остались посредниками в русско-грузинских отношениях.

В 1601 году в Грузию было направлено посольство во главе с Нащокиным и Леонтьевым. Терскому воеводе центральные власти поручили предварительно собрать сведения о ситуации в Закавказье, чтобы знать, насколько опасно будет путешествие послов. С этим поручением «из Терки к иверскому к Олександру царю в Грузии» послали «терских жилецких черкас, окоцких выходцев: Яная, Ахина, Дидея, Мостопарова». Известно, что посланные окочане свою задачу выполнили — передали царю Александру письмо из Терского городка, выяснили ситуацию в Грузии и проводили гонца от кахетинского царя обратно в Терки.

5

К концу XVI века под протекторатом русского царя уже находилась часть равнинной Чечни, а государственной границей России стал Терек в его нижнем течении. Вскоре в России началось Смутное время. Внутренние неурядицы, претензии на власть самозванцев, война с Польшей и Швецией поставили страну на грань национальной катастрофы. Воспользовавшись этим, Турция и ее крымские вассалы на-

ращивают давление на Кавказ. Утверждению турок на Северном Кавказе в это время препятствовали кабардинцы, которые не раз совместно с русскими участвовали в походах против турок и крымцев. После вступления на московский престол новой династии Романовых в 1613 году Россия смогла вновь усилить свое влияние на Кавказе.

Чеченские общества в этот период были разобщены, не подчиняясь никакой власти. Однако после смерти одного из владетелей его преемник обычно вновь подтверждал свою дружбу с Россией. Наследник уже известного нам Ших-мурзы, Батай Шихмурзин, в 1605 году отправился во главе окоцкого посольства в Москву. Одновременно туда поехал другой горский владетель — Сунчалей Янглычев Черкасский. Приезжали в Москву и окоцкие мурзы Кохостровы. В столбцах и книгах Посольского приказа не раз отмечены торжественные встречи чеченских мурз и их узденей в царских палатах. Описываются и богатые дары, с которыми гости с Кавказа возвращались домой.

В 1619 году состоялся крупный поход объединенных сил северокавказских народов и России против ногайских татар, разоривших и пожегших многие притеречные улусы. В письме кабардинского князя Алегука воеводе Н. Д. Вельяминову сообщается, что «с кабардинскими князи... готовы все с головами своими и безленейские и кумирганские и жаньские черкесы... и мерезинские, шибуцкие и тшанские и колканские и мулкинские и многих горских земель люди все против ногайских людей заодин стояти». В этом перечне мы видим многие сообщества чеченцев — мережей, шатоевцев, мулкойцев.

К середине XVII века в тесной связи с Россией находились тридцать шесть мичкизских аулов в землях «вверху от Терека-реки в гребнях и в самых крепких местах блиско Гребенских казачьих городков» — об этом упоминают документы Посольского приказа. Гребенские казаки, имевшие богатый опыт общения с горскими племенами, стали связующим звеном между властями Терского городка и местным населением, помогая воеводам налаживать отношения с горцами. Вокруг городка появились слободы — Черкасская (Черкесская), Новокрещенская, населенная горцами-христианами, Окоцкая, названная по имени чеченского общества окочан. В Терках в это время имелось три больших гостиных двора — Старый, Новый и Гилянский, караван-сараи, торговые ряды и лавки, в которых русские, местные горцы и приехавшие из разных стран купцы вели торговлю. Большие базары собирались тут два раза в неделю.

Как любой крупный торговый центр, Терский городок был многонационален. В Терках постоянно жили или приезжали для торговли люди многих западных и восточных национальностей. Помимо русских людей всех чинов и сословий тут жили и торговали армяне, грузины, персы, индийцы, поляки, немцы, цесарцы (австрийцы) и другие. Терки XVII века были цветущим городом. Помимо торговых рядов и караван-сараев здесь были приходские церкви, монастырь, работали общественные бани, таможенный двор. Для отдыха были разбиты прекрасные сады.

Кроме «тезиков», то есть персидских, шемахинских и дербентских купцов, торговлей на Северном Кавказе стали заниматься представители высших слоев местного населения — горские князья и мурзы. Знатные люди торговали через своих представителей — узденей и доверенных слуг. Для торговли использовались всевозможные товары, в основном местного производства. Большим преимуществом кавказских торговцев перед иностранными было то, что они пользовались привилегией, предоставленной им Русским государством за верность престолу — правом беспошлинной торговли.

Одними из самых крупных торговцев Терского городка стали служилые князья Черкасские — кабардинцы по происхождению, поселившиеся на Тереке с конца XVI века. В течение всего XVII века эти князья активно торговали с Россией, Персией и Закавказьем. Князь Сунчалей Черкасский отправил в Россию в 1621 году большой караван со своими товарами. Торговые обороты этого семейства достигали внушительных размеров. Например, в 1631 году князь Шелох и мурза Муцал Черкасские послали в Астрахань товаров на тысячу рублей — очень большая по тем временам сумма. Прибыль, которую приносила торговля такого масштаба, давала возможность жить с завидной роскошью. Муцал Черкасский, например, имел усадьбы в Терском городке и Астрахани, которые правильнее было бы назвать дворцами. Сам он одевался в «дорогое русское платье, шитое золотом и жемчугом». Его сестра стала официальной женой персидского шаха, чье государство в то время не уступало в могуществе Османской империи.

В числе доверенных лиц князей Черкасских были и чеченцы. В 1640 году в ходе переписи населения Терского города выяснилось, что окочанские уздени Алеев и Бокуй вместе со своим господином Муцалом Черкасским находятся по торговым делам в Москве. Алеев стоял близко к семье Черкасских — он был аталыком, то есть дядькой князей Шело-

ха и Муцала. Понятно, что он имел большой вес в городе. По просьбе терских воевод он выполнял государственные поручения и получал «государево жалованье, сукна, корм». Не менее известны чеченцы Бикша и Черкес, которые часто посещали Москву, установив отношения с ближними людьми царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Не раз им случалось совершать торговые операции для царского двора. В 1647 году казна выделила Бикше и Черкесу 500 рублей для приобретения аргамаков и иноходцев «под государево седло». В кумыкской и кабардинской землях эти терские купцы приобрели четырех аргамаков и двух иноходцев, которые были доставлены в царские конюшни.

Со временем помимо чеченской знати торговлей стали заниматься и простые общинники — причем не только в самом Терском городке, но и по всему побережью Каспийского моря, вплоть до Астрахани. В таможенной записи 1672 года указано, что разрешено «отпустить из Астрахани вниз Волгой рекою и морем до Терека терского окочанина Янтуничку Кумыкова в лодке. А в лодке будет с ним для его нужды пятнадцать мешков муки ржаные, да пять котлов, да коробка порожняя, да работных людей с ним будет с той лодки терских же окочан три человека. А у работных людей будет двадцать котлов медных, четыре аршина сукна настрафильного, да две коробки с мелочью. А с привозного своего товару пошлины по указу платили».

У другого окочанского торговца, Янбулата Эльмурзина, ассортимент товаров был еще шире. В 1676 году он вез из Астрахани «семь юфтей красного товару, шесть мешков муки ржаной и пшеничной, 15 коробок красных, 10 ларчиков окованных, 30 мерлушек. 10 зеркал, две тысячи игл, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пудов смолы, шестьдесят ножниц, тридцать решет, десять сит, два пуда зеленой котловой меди, да лохань большая зеленой меди, да пять мехов заячьих, бельих, да бархат изобрат. Работных людей десять человек». Видимо, дела у Эльмурзина шли хорошо, потому что через пять лет он же везет из Астрахани в Терский город «кармазину 15 аршин, 30 юфтей кожи, двести мерлушек, две тысячи игол, шесть пудов меди в котлах, шесть пудов меду, двести гнезд подошв, двадцать юфтей кож красных, щесть зеркал малой руки, шесть фунтов белил, пуд белил же, тридцать юфтей бельих мешков». Судя по перечню, товары, ввозимые в Терки, а значит, следовавшие дальше в глубинные районы Кавказа, предназначались для обычных покупателей и, следовательно, имели широкий спрос.

О том, что товары эти доходили не только до равнинных, но и до самых труднодоступных высокогорных чеченских селений, свидетельствуют археологические материалы из погребений в верховьях Аргуна, Ассы и Фортанги. Тут найдено большое количество предметов российского производства — зеркала, булавки, иглы, ножницы, наперстки, посуда, котлы и пр. Особенным спросом пользовались железные изделия, в том числе ярославские висячие замки, серпы из Бежецкого Верха, а также изделия из дерева (холмогорские раскрашенные сундуки, гребни, ложки), кожи и кожевенные изделия, льняные ткани и, конечно, знаменитые русские меха. В кладовых терского воеводского двора всегда хранились меховые шубы и пушнина для подарков местным владетелям и почетным гостям.

Со своей стороны на рынки Терского городка из ближних и дальних селений чеченцы и другие местные жители привозили грецкие орехи, шепталу (сушеные персики), свежие фрукты, мед, воск, овчины. По одному из документов 1698 года известно, что «мая в 28 день прибежал стружек с Терека на Уркустовскую заставу, а в том стружку по терским выписям окочанина Шявшики, у него тридцать восемь мешков орехов грецких, два мешка пшеничной муки, семь мешков шепталы». В Терском районе был и свой специфический товар — корень марены, применявшийся для окрашивания тканей. Главным потребителем его долгое время были персидские купцы, а затем ценный краситель стала закупать и Россия.

На протяжении всего XVII века ни Турция, ни Россия, ни Персия не смогли добиться явного преобладания на Северном Кавказе. Туркам удалось закрепиться на Черноморском побережье и в прилегающих районах Северо-Западного Кавказа. Россия построила ряд крепостей на северо-востоке. Иран в то время постоянно предпринимал вторжения на земли Дагестана, доходя порой до Сунжи, и получал заверения местных владетелей в полной покорности. Однако на протяжении всего этого времени северокавказские феодалы остаются политически независимыми и в отношениях с великими державами ориентируются на принцип собственной выгоды.

В 1722 году, сразу после успешного завершения Северной войны, российский император Петр I развернул свои войска на юг и решил, наконец, показать, кто хозяин на Кавказе. Персидский поход Петра с полным основанием можно признать колониальным завоеванием. Его основной задачей являлось присоединение к России Северо-Восточного Кавказа

и богатых прикаспийских провинций Ирана — Азербайджана и Гиляна, где имелись сырье для порохового производства, красящие вещества, металлы и нефть. Всего в рамках Персидского похода было проведено четыре операции — поход сухопутной армии под руководством самого Петра на Дербент и три морские экспедиции в Гилян, Баку и Сальяны.

На первом этапе российским войскам удалось занять Дербент, но на этом успехи кончились. Наибольшие потери понесла конница — «так лошади от худобы мерли, что у Старых Буйнаков в одну ночь 1700 лошадей умерло». Не легче пришлось и людям, так как большая часть судов с провиантом, артиллерией и боеприпасами погибла на подходе к Дербенту во время шторма. После этого продвижение войск к Баку и Шемахе стало невозможным. В дальнейшем успехи чередовались с неудачами и в результате, несмотря на значительные усилия, предпринятые Россией в 1722—1723 годах, ее попытки овладеть Северо-Восточным Кавказом и прикаспийскими районами закончились провалом.

Иран, раздираемый в то время внутренними неурядицами, практически не оказывал сопротивления. Но стоило российским отрядам отойти от побережья и углубиться в горы, как они встречали ожесточенное сопротивление и вынуждены были отступать к побережью. О высоких боевых качествах горцев, которых тогда традиционно именовали черкесами, российский посол в Иране А. П. Волынский писал: «Все это такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо, где татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двухсот, и никто против них не стоит, и все от них трепещут».

6

До сих пор, по сути, не найдено ответа на вопрос: в чем состоит причина столь длительного и ожесточенного противостояния между северокавказскими народами, в том числе чеченцами, и Россией? Попытки объяснить это только религиозными противоречиями не слишком убеждают. Большинство чеченцев уже в XVII веке были мусульманами. Почему же тогда только в последней четверти XVIII века ислам становится официальной идеологией тех, кто противопоставил себя России и ее продвижению на Кавказ? Не следует при этом забывать и о том, что большое количество правоверных мусульман в то время спокойно проживало в самой России. Многие даже несли воинскую службу в русских

войсках, в том числе и тех, которые действовали против бунтовавшей Чечни.

Главную роль в нарастании противоречий сыграло ужесточение колониальной политики России на Кавказе. При этом горцев тревожило и раздражало не само по себе проникновение русских. Главным было ограничение традиционных торгово-экономических и политических связей местных народов как между собой, так и с Турцией, Крымом и Персией. Российское наступление сопровождалось не только экономической блокадой, но и прямым захватом земель и жестокими карательными экспедициями против тех, кто пытался сопротивляться. Есть еще один важный момент, на который обратили внимание лишь немногие исследователи. В последней трети XVIII века все горское общество от Каспия до Черного моря охватил серьезный социальный кризис, связанный с падением роли старой аристократии и ростом влияния свободного крестьянства, именуемого в Чечне узденством.

Ядро всех чеченских восстаний, в том числе освободительного движения шейха Мансура, составляли бедняки, которым приходилось терпеть притеснения от местных владетелей и князей. Задолго до появления Мансура в Чечне, Дагестане и Кабарде здешние уздени много раз обращались с жалобами на притеснения со стороны своих владетелей. В своих прошениях уздени отмечали, что князья, попирая все обычаи и законы, захватывают у них баранов и быков; что они (князья), не спрашивая разрешения, берут у узденей лошадей и ездят на них; берут деньги и не возвращают; без разрешения хозяина заходят в дома, отбирают у родителей мальчиков и девочек и увозят их в свои дома, где держат в качестве слуг.

Российские власти, опиравшиеся в своей политике на горскую аристократию — князей и владетелей, — оставляли эти жалобы без внимания. Одной из причин этого была классовая солидарность — русские чиновники были дворянами и в любом регионе империи поддерживали знать в борьбе против «черни». Это придавало смелости горской аристократии, которая занималась беззастенчивым ограблением и притеснением своих же земляков. Все это, вместе с колониальной политикой империи, привело к мощному взрыву народной войны.

Таким образом, в последней трети XVIII века произошло то, что в корне изменило всю предшествующую картину отношений России с северокавказскими народами и прежде всего с Чечней.

Изменилась Россия. Изменилась Чечня. И они не ужились.

На заре этих грозных событий в чеченском селении Алды родился мальчик Ушурма. Этому мальчику через два десятка лет суждено было стать первым имамом Чечни и Северного Кавказа и войти в историю под именем шейха Мансура.

Глава 3

НАСЕЛЕНИЕ, БЫТ И ХАРАКТЕР

1

Во второй половине XVIII века чеченцы продолжали жить как в горах, так и на равнине. На западе они соседствовали с Малой Кабардой по реке Курп, далее граница шла по правому берегу Терека от станицы Галюгаевской до селения Амир-Аджи-Юрт. На востоке Чечня по рекам Аксай и Акташ смыкалась с землями кумыков. Река Акташ и Андийский хребет отделяли ее от дагестанского общества Салатау. На юге склоны Главного Кавказского хребта отделяли Чечню от Нагорного Дагестана и Грузии, а на западе она отделялась от земель ингушей рекой Ассой в верхнем ее течении. В целом территория Чечни составляла более десяти тысяч квадратных километров и делилась примерно поровну на гористую и равнинную части.

Достоверных данных о численности чеченцев в XVIII веке нет, потому определить эту цифру с достаточной точностью невозможно. Составитель книги «Описание Чечни» капитан Норденстам в начале XIX века писал: «Приблизительные сведения посему трудно собрать, ибо жители держат нас в заблуждении. Нарочно передают нам сведения в чрезмерно увеличенном виде или же в слишком уменьшенном, так что из рассказов трудно сделать какое-нибудь основательное исчисление народонаселения». Норденстам полагал, что в то время в Чечне (преимущественно в равнинной части) жило примерно 110—120 тысяч человек.

Современное жизни имама Мансура описание Чечни составил академик И. А. Гильденштедт. В своем обширном исследовании, переведенном с немецкого языка, ученый признается, что из многочисленных деревень, принадлежащих к Чеченскому округу, он сумел описать только некоторые: «Чечен, главная деревня нарочитой величины при Аргуне, в двадцати верстах от устья. Гидшгаул почти такой же величи-

ны, насупротив Чечена, Янгегерт при Сунже, Гадши-аул при Аргуне, Шактери, Шарейн, Тага, Докан, Атага и многие другие». По данным таких исследователей, как Н. Г. Волкова, Ш. Б. Ахмадов и Я. З. Ахмадов, население Чечни в начале XVIII века насчитывало до 100 тысяч человек, а к концу века достигло 180 тысяч.

Помимо чеченцев на территории Чечни в современных ее границах проживали и другие народы, в том числе русские. В «Описании Грузии и Кавказа» академика И. А. Гильденштедта имеется глава «О российских селениях при Тереке». В ней сказано, что русские селения «все находятся на левом берегу Терека, начиная с восточного его направления или слияния с рекой Малкой... Вообще наперед заметим, что сей российский левый берег Терека составляет предел весьма обширной, безлесной равнины, которая от реки Кумы называется Куманской степью. Она вообще высока, маловодна, суха и имеет низменные плодородные места. Наиболее плодородна она наверху, около Моздока, к морю же, по причине умножающейся соляной почвы, плодородие ее мало-помалу уменьшается. Все селения по берегу реки Терек от Моздока до Червленой называются Моздокскою, а оттуда вниз Кизлярскою, обе же вообще Терекскою линиею... Каждая станица состоит примерно из ста служилых казаков. Казаки станиц, начиная от Старогладской и выше до Червленой, именуются Гребенскими. Прежде жили они на хребтах или гребнях Передовых гор и сохранили свое название, хотя и переменили местопребывание... Ныне управляются они столь же порядочно, как и Донские казаки. Так же они одеваются, то же имеют оружие, таким же образом сражаются, только большей частью пешие, нежели конные, в чем сообразуются со своими неприятелями, жительствующими в горах. Летом большею частью выходят они на поле и живут в небольших черкесских юртах. Беспокойные горские народы держат казаков беспрестанно в военном состоянии, почему и недостает им ни времени, ни склонности к мирным упражнениям».

Вид чеченских поселений, расположенных на равнине, не слишком сильно отличался от казачьих станиц. Те из аулов, что тянулись вдоль берегов рек и больших дорог, состояли обычно из одной улицы и нескольких отходящих от нее переулков. Строения, окруженные плетнями, были широко разбросаны: сакля от сакли отделялась садами, огородами, изредка пашней. В таких поселках несколько домов нередко составляли квартал, в котором жили представители одного тейпа. Дома здесь строились так, чтобы сакля

младшего брата располагалась между саклями старшего и среднего.

В горных районах поселения чеченцев были весьма своеобразны. Каменные дома и хозяйственные постройки тут строились очень близко друг к другу, нередко вплотную. Потому крыша одной сакли иногда служила двором для той, что расположена выше, хотя таких сел «дагестанского» типа в горной Чечне было мало. Улицы таких аулов представляли собой узкие проходы между домами. Горные поселения чеченцев, за редким исключением, были намного меньше тех, что располагались на равнине.

В самых недоступных высокогорных районах, например в верховьях Аргуна, аулы вообще состояли из трех-пяти домов, прилепившихся подобно ласточкиным гнездам на крутых горных склонах или спрятавшихся на дне глубоких ущелий. Сообщение между аулами осуществлялось по труднопроходимым тропам, неведомым чужакам, или по долинам рек. Поперечных дорог через горы почти не было. Зимой любое сообщение с внешним миром прерывалось, так как снег заносил тропы и перевалы.

Колесный транспорт использовался в основном на равнине и в предгорных районах. В плоскостных селениях это были арбы на больших колесах, запряженные лошадьми. В предгорьях ездили на арбе с маленькими колесами, в которую впрягали уже не лошадей, а пару неторопливых могучих волов. В горах же передвигаться и перевозить грузы можно было только на вьючных лошадях выносливой горной породы.

На равнине чеченцы строили турлучные дома. Фундамент такого строения выкладывался из камня, стены же были саманными — плетеная основа обмазывалась внутри и снаружи глиной и белилась. Дом обычно состоял из двух комнат, каждая из которых имела отдельный выход на террасу, окружающую все строение. Чеченские женщины соблюдали жилье в большой чистоте, здесь всегда было опрятно и чисто. Мебелью служили низкие лежанки — тахты, длинные деревянные скамьи и низкие круглые столики на трех ножках. На лавках раскладывались домашние вещи — одеяла, подушки ковры, посуда. В углу комнаты стояли корзина с хлебом и бочка с водой. На стенах висели бычьи шкуры, которые чеченцы расстилали на полу при совершении молитвы.

Одну из лучших комнат всегда отводили под кунацкую. Нередко для гостей даже строился отдельный домик во дворе. Здесь хранились любимые вещи хозяина, стоял большой,

окованный железом сундук, покрытый ковром. В специальных нишах, сделанных в стенах, помещалась парадная медная посуда. Комнаты украшали также белые и цветные войлочные ковры (истанги). В стены вбивали множество колышков, на которых развешивались украшенное чеканкой оружие, красивые бутыли, глиняные или деревянные тарелки и чашки. Все это служило украшением жилища, и чем больше красивых вещей висело на стенах, тем более почтенным и гостеприимным считался дом.

Куначество — особая черта и важнейшая традиция чеченцев и других горских народов. Недаром чеченцы говорят: «Сколько отдашь, столько и получишь». Слово «кунак» — друг, приятель, названый брат — по мнению многих исследователей, происходит от чеченского «къонах» (благородный человек). Побратимство устанавливалось по разным поводам. Братались друзья, чтобы стать еще ближе, братались односельчане, братались князья и владетели, желавшие заключить политический союз. Существовало три вида братания: клятва в присутствии старшин рода; разрезание рук и смешивание текущей крови; питье молока из одной чаши, в которую как символ верности клали золотое кольцо. После совершения этих обрядов кунаки обменивались шашками, башлыками, бурками и другими вещами. В честь события у одного из названых братьев устраивали обед, куда приглашали всех друзей и родственников. Историк Н. Ф. Яковлев писал: «Названые братья ближе всяких родственников. В случае убийства одного из них другой обязан мстить за его кровь, как за родного брата».

Куначество у чеченцев никогда не определялось принадлежностью к определенному тейпу, нации и религии. Кунаками могли стать мужчины любых рас и вероисповеданий. Главное, чтобы они испытывали друг к другу искреннее уважение или чувство дружбы. Даже в период Кавказской войны бывали случаи, когда русские и чеченцы становились кунаками, а поводом к тому были нередко трагические события. Одну из таких историй о русском генерале Николае Слепцове (чеченцы звали его Сипсо), услышанную от деда, пересказал писатель и журналист Ямлихан Хасбулатов. Вкратце история выглядит так: русское войско после жестокой битвы захватило чеченское село. Оставшиеся в живых жители отступили в леса. К селению подъехал сам генерал Слепцов и стал осматривать поле боя. Возле невысокого холма, недалеко от речки, он заметил детскую колыбель. Генерал подъехал ближе, заглянул в колыбельку, и на него оттуда взглянуло крохотное ясноглазое чудо.

Слепцов был уже много лет женат, но детей не имел. Суровое лицо генерала подобрело. Предположив, что родители ребенка скорее всего погибли, он решил усыновить дитя этого несчастного, гордого народа, который он уважал и понимал его стремление к свободе, хотя, будучи верным слугой царя, сам же вместе со своими солдатами принес на эту землю смерть и страдания. Конечно, генерал не забывал, что малыш этот чеченского рода, а он сам русский, христианин, и все же они с первого взгляда потянулись друг к другу. Генералом овладело незнакомое доселе чувство душевного родства с этим беззащитным и чистым созданием.

«На том свете, когда встретимся с вами, — подумал генерал, обращаясь мысленно к погибшим родителям мальчика, — я вымолю у вас прощение за то, что взял себе вашего сына, оставленного на поле брани. Я сделаю все, чтобы этот ребенок вырос добрым и честным человеком, и, преклонив колени перед Господом, буду просить, чтобы дети наших народов никогда больше не воевали друг против друга».

Через двенадцать лет, когда чеченское селение вновь отстроилось и наполнилось людьми, неким жителем был приглашен сельский мулла. Когда мулла явился, чеченец рассказал о том, что у генерала Слепцова растет сын, который появился у него после битвы возле их селения.

— Должно быть, это мой сын, который потерялся тогда во время боя, — сказал этот чеченец. — Мулла, я умираю от старых ран, дни мои сочтены, но перед смертью я хотел бы взглянуть на своего сына. Только взглянуть и обнять его, потом я отпущу его обратно к приемному отцу. Пойди к русским и расскажи о моей просьбе. Я верю, что известный своей справедливостью генерал Сипсо выполнит это мое последнее желание.

Мулла отправился к Слепцову. Тот оказался дома и с уважением принял горского священнослужителя. Когда мулла изложил ему просьбу умирающего чеченца, генерал согласился без раздумий. Однако возразила генеральша, которая любила мальчика, как родного сына.

— Отец, будь благоразумен, горцы не вернут нам сына! — сказала она.

— Ты не ведаешь, что говоришь! — сердито возразил генерал. — Нет на свете чеченца, который, давши слово, не выполнил бы его. Такого просто не может быть.

Мулла вернулся в селение с мальчиком. Прикованный к постели умирающий чеченец смог полюбоваться и обнять своего... и уже не своего сына. После чего сказал:

— Можешь отвести его обратно, мулла.

— Поскольку мы заполучили нашего родного сына, нельзя ли его оставить? — с надеждой спросила жена.

— Э-э, горе мне с тобой, женщина! — покачал головой чеченец. — Этот русский генерал теперь мой брат и кунак. Если я нарушу данное слово, да притом обману кунака, то навлеку позор на весь наш род до последнего колена. Ты ведь знаешь, женщина, что слово, данное чеченцем, нерушимо.

И мальчик вернулся к своему приемному отцу.

Вскоре после этого события, в декабре 1851 года, генерал Слепцов был убит в стычке с чеченским отрядом. Захватившие генерала горцы, не касаясь его орденов и оружия, бережно накрыли павшего буркой и передали тело казакам в сунженскую станицу.

— Этот генерал — храбрый воин, — сказали они казакам. — Хоть он и воевал против нас, но был кунаком и названым братом чеченца. Такого человека мы должны проводить с почетом.

Традиция куначества во многом перекликалась с другим близким обычаем, называемым аталычеством. Суть его заключалась в передаче детей на воспитание в семью другого народа. Между чеченцами и казаками этот обычай был весьма распространен. Благодаря тому, что дети получали при этом знание чужого языка, обычаев и различных умений, взаимная жизнь соседствующих народов во многом обогащалась.

2

Традиция гостеприимства — святой принцип жизни горцев. Недаром говорят, что нигде не найдешь более верного кунака, чем чеченец. Потому кунацкая — всегда самая красивая, просторная комната дома, главное помещение, где хозяин проводит время вместе с гостями и друзьями. Историк Н. Ф. Дубровин, многие годы изучавший жизнь и бытовой уклад горцев, пишет: «Гостеприимство развито у чеченцев в значительной степени. Они являются утонченно вежливыми хозяевами и гостями. К примеру, никто, даже из маленьких детей, не войдет в дом нечаянно или врасплох. Человек, приезжающий или приходящий во двор, останавливается и, если прибытия его не заметили, вызывает хозяина. Но обычно о появлении гостя известно заранее, так как толпа ребятишек с радостным криком и писком встречает нового человека уже при въезде в аул. Также они провожа-

ют его и при выезде. Оповещенный таким образом хозяин, в большинстве случаев, предупреждая гостя, сам выходит навстречу. Приветствует, пожимает руку, принимает и привязывает к столбу его коня. Пригласив в кунацкую, хозяин в дверях ее, по обычаю, принимает передаваемое гостем оружие. После этого горский этикет возлагает на хозяина полную ответственность за безопасность гостя.

Довольно обычная для большинства чеченских семей суровая бедность нисколько не мешает проявлять самое изысканное радушие и гостеприимство. Всякий хозяин старается окружить гостя тем материальным довольством, какого сам не имеет ни в главные годовые праздники, ни в торжественные для своего семейства дни. Хозяин сажает гостя на почетное место. Причем сам отказывается сразу сесть с ним рядом и ежеминутно удаляется, дабы не стеснять гостя своим присутствием и предоставить кунацкую в полное его распоряжение.

Приезд гостя всегда превращается в исключительное явление в обыденной жизни горцев. Визиты новых людей, особенно в труднодоступных высокогорных аулах, происходят не часто, и потому местные жители не пропускают случая встретиться с незнакомым человеком, поглядеть на него и запастись свежими новостями. Желающие поговорить, коих весьма много в каждом селении, собираются в кунацкую, и комната быстро наполняется народом, оставляя лишь тесный круг возле самого гостя.

Хозяин по-прежнему только изредка присаживается на свое место, но, посидев немного и поговорив вскользь о разных пустяках, удаляется, чтобы распорядиться чем-нибудь, хотя бы, положим, угощением. Хозяйка приготовляет все необходимое, но сама не присутствует в обществе мужчин. Если чеченец совсем беден и не имеет отдельной кунацкой, то женщины выходят на двор и остаются там до тех пор, пока гость находится в доме.

Если странник, хотя бы и незнакомый, останавливается у чеченца на ночлег, то хозяин режет в честь его посещения барана. Если же гость принадлежит к числу лиц почетных и приехал с большою свитою, конвоем или окруженный товарищами, то хозяин приносит в жертву гостеприимству крупный рогатый скот, из которого готовятся разнообразные и обильные кушанья, которых с избытком хватит на всех присутствующих».

О том, какое огромное нравственное значение горцы придают гостеприимству, говорит популярная легенда, которую в Чечне знает каждый ребенок. На месте нынешнего

озера Казеной-Ам некогда был большой богатый аул Казеной, но его жители позабыли Бога и с ним обычаи куначества и гостеприимства, завещанные предками. Раз отправился ангел с небес посмотреть, как ведут себя люди. Он принял вид человека и ничем не отличался от обычного странника. Побывав в разных местах, он пришел в Казеной и стал проситься на ночлег. Обходил одну саклю за другой, и отовсюду его гнали прочь, а в одном месте едва не затравили собаками. Зашел ангел в самую последнюю саклю на краю селения. Там жила бедная пожилая женщина, которая обрадовалась гостю, накормила его и уложила отдыхать.

Наутро ангел открыл женщине свое небесное происхождение и сказал, что послан на землю Господом, дабы проверить людей.

— Казеноевцы — народ злой, негостеприимный, испорченный. За это Бог жестоко накажет их. Земля разверзнется и проглотит селение вместе с жителями, а впоследствии здесь образуется озеро, — сказал ангел. Он предупредил женщину, чтобы она, собрав имущество и детей, немедля покинула обреченное поселение. Едва успела она со своим бедным скарбом и детьми подняться на гору, как земля дрогнула и все дома провалились под землю. Вскоре на месте аула образовалось глубокое озеро, которое в память о погибшем селении окрестные жители назвали Казеной-Ам.

Этикет приема гостей у горцев разработан до мельчайших деталей, и не нужно думать, что он распространяется только на принимающую сторону. Гость, который входит в жилище горца, так же до тонкости знает и соблюдает правила этикета, предписанные ему. Например, гость никогда не должен садиться, прежде чем это предложит ему хозяин. Также ему не следует садиться на хозяйское место. Если присутствующие просят гостя занять почетное место, ему следует проявить скромность и не соглашаться сразу. Принять подобное предложение можно только после повторных просьб. Не следует садиться напротив двери, ведущей в комнату, где находятся женщины. Нельзя также смотреть на вход, откуда приносится пища. И естественно, как бы гость ни был голоден, он не должен с жадностью набрасываться на еду. В гостях не нужно вести пустых разговоров и включаться в беседу, когда никто не спрашивает вашего мнения. Никогда не следует критиковать хозяина и его гостей. Если гость является в дом без приглашения, то хозяин угощает его тем, что есть в его доме, и гость не должен просить еды, которую не подают. Хозяин не должен спрашивать гостя, хочет ли он есть, — стол накрывают в любом случае. Всякий

человек должен знать, что не следует входить в чей-либо дом во время еды и без приглашения.

Рассказать обо всем разнообразии этических норм гостеприимства трудно, но эти нормы воспринимаются горцами с самого рождения и становятся для них не просто правилами, но важнейшими принципами жизни и общения.

Нетрудно представить себе шейха Мансура в его многочисленных поездках по Чечне, когда он в окружении верных мюридов появлялся то в одном горском ауле, то в другом. В большинстве случаев шейх останавливался у богатых владетелей или узденей. Делал он это вовсе не потому, что любил пышные приемы и богатые угощения. Просто он отлично понимал, как трудно бедным горцам достойно принять алдынского имама со всем его окружением. Бедный человек вынужден был бы извести на один праздничный обед в честь столь высокого гостя весь свой домашний скот и запасы продовольствия, которыми его семья могла питаться целый год. Мансур сам был небогат и понимал, что любой чеченец скорее умрет с голоду, чем пожалеет чего-либо для гостя, которого посылает в его дом сам Господь.

Имама всегда принимали как самого почетного гостя. Чтобы увидеть и послушать Мансура, собирался всегда весь аул, и если селение было большим, Мансуру приходилось подниматься на крышу дома или даже мечети. Приезд алдынского имама становился большим событием, в честь которого князь или богатый уздень принимали у себя во дворе всех жителей аула. В такой день даже самые бедные могли вдоволь поесть мяса и выпить сколько угодно ароматного калмыцкого чая. Бузу и араку, популярные прежде в горских селениях, Мансур подавать запрещал. Об этом непременном условии знали все, кто когда-либо принимал имама. Табак и буза — коварный соблазн людям от самого дьявола, говорил имам. Сам он, несмотря на свой рост и громадную силу, ел мало. Он появлялся на таких пирах только для того, чтобы люди могли обратиться к нему со своими заботами.

Имам выслушивал всех и отвечал на любые вопросы, как бы ни были они трудны. Нередко на таких встречах ему приходилось разбирать давние ссоры между людьми, семьями и тейпами. И не было случая, чтобы Мансур не смог найти ответа, который обе стороны не признали бы справедливым. Он заставлял мириться даже те семьи, между которыми много десятков лет лежала смертная тень кровной мести.

— Между чеченцами не должно быть крови! — сказал тогда имам, и никто не посмел возразить ему.

Продолжая рассказ о чеченских поселениях, следует заметить, что в высокогорных районах возводились не только скромные одноэтажные сакли, но также и многоэтажные каменные строения, настоящие дома-крепости. Они назывались жилыми башнями — по-чеченски «гІала». К ним часто примыкали более узкие боевые башни — «бІоув». Это название связано со словом «бІо» — дозор, которое, в свою очередь, имеет отношение к еще более древнему чеченскому слову «бІан» — смотреть, видеть. Этимология его связана с древнейшей функцией боевой башни — сторожевой, сигнальной. В древности в горах Кавказа строились специальные сигнальные башни, но с X—XI веков они начали совмещать сторожевые, оборонительные и жилые функции. Это было связано с большими затратами труда, необходимыми для их возведения.

Классическая жилая башня — это массивное прямоугольное сооружение, сужающееся кверху, часто приближенное в плане к квадрату (обычные размеры 8 на 12 или 8 на 15 метров), высотой в три-четыре этажа, с плоской земляной кровлей. Сужение башни достигалось за счет утончения стен в верхней ее части, а также за счет наклона их вовнутрь. Толщина стен на различных постройках варьировалась от 1,2—0,9 метра в нижней части до 0,7—0,5 метра в верхней. Стены выкладывались из каменных блоков или плит различных размеров в зависимости от характера местного материала, которые тщательно обрабатывались с наружной стороны. Камни соединялись известковым или известково-глиняным раствором, хотя изредка встречалась и сухая кладка. В основании и нижней части башни укладывались монолиты внушительных размеров весом в несколько тонн.

В центре башни стоял опорный столб, также выложенный из хорошо обработанного камня. На нем держались балки перекрытий. Продольные балки укладывали на пилястры или угловые камни, на них клали более мелкие балки, а затем хворост, на который насыпали глину и утрамбовывали ее. Опорный столб назывался «эрд-богІам» и в более древние времена имел культовое значение. Интересно, что чеченцы долгое время сохраняли опорный столб в виде элемента конструкции любого жилища — скорее всего, именно из-за его сакрального смысла.

Первые два нижних этажа башни предназначались для содержания скота. На первом этаже обычно держали крупный рогатый скот и лошадей. Кроме того, здесь же часть

помещения отгораживалась для хранения зерна. Иногда для этого выкапывалась специальная яма, которая обкладывалась камнями. На втором этаже содержали овец и коз, которых загоняли наверх по специальному настилу из бревен. Третий этаж (в трехэтажных башнях — второй) служил жилищем для семьи. Здесь хранилось имущество: ковры, посуда, одежда, обитые жестью деревянные сундуки. Вещи развешивались на металлических крючьях или размещались в специальных нишах в стене. Кроме того, у стен устанавливались деревянные полки для посуды. Обычно над постелью хозяина висело оружие. Во времена постоянных войн это объяснялось необходимостью, а затем стало просто традицией.

В центре помещения находился каменный очаг — «кхерч», над которым висела надочажная цепь. Очаг имел несложное устройство и состоял из круглой каменной плиты, обложенной камнями разных размеров. Металлический треножник, на который устанавливался котел, назывался «очакх». Дым выходил через оконные отверстия. Здесь семья обычно готовила пищу, устраивала трапезу и отдыхала. Позже очаг был заменен пристенным камином — «товха». Но и место очага, и надочажная цепь оставались для чеченцев, как и для других народов Кавказа, священными. Кража, совершенная возле очага, воспринималась как смертельное оскорбление. В очаг нельзя было бросать сор. Когда хозяйка дома подметала пол, она должна была мести от очага, а не в его сторону. После окончания трапезы крошки хлеба со стола принято было бросать в горящий очаг. Это, по всей вероятности, было пережитком ритуала жертвоприношения — ведь очаг служил местом культовых обрядов со времен неолита. Мать семейства считалась хранительницей очага и пользовалась большим уважением со стороны других членов семьи и гостей. С очагом были связаны многие религиозные праздники.

Спали на широких деревянных или каменных топчанах, устланных расшитым войлоком. Некоторые домочадцы спали прямо на полу, на матрасах из овечьей шерсти, укрываясь бурками и тулупами. Зажиточные семьи имели богатую, расшитую узорами, шелковую постель, которая днем складывалась в дальнем углу помещения. На последнем этаже хранились инвентарь и запасы продуктов. Здесь укладывали спать гостей и молодоженов. Этот этаж становился боевым в случае, если жилая башня держала оборону. В этих же целях использовалась и плоская кровля, на которой ставился котел со смолой и заготавливались камни, которые при оса-

де башни сбрасывали на врага. Кровля строилась из толстых бревен, которые укладывали вплотную друг к другу. Сверху настилали хворост, затем насыпали глину, которую тщательно утрамбовывали. Иногда стены верхнего этажа возвышались над кровлей, образуя парапет, что усиливало боевые возможности защитников башни.

В теплое время года плоская кровля использовалась для хозяйственных нужд: здесь сушили снопы, мололи и веяли зерно. Летом семья здесь обедала и проводила досуг. Сообщение между этажами осуществлялось через лазы, к которым приставлялись специальные бревна с зарубками или деревянные лестницы. Каждый этаж, кроме последнего, обязательно имел свою дверь. Дверные и оконные проемы чаще всего выполнялись в виде закругленных арок из крупных монолитов. Арки были фигурные, на более древних башнях они еще примитивны и грубо обработаны, но на башнях XV—XVII веков приобретают более изящный вид. С боковых сторон проема делали глубокие ниши для засова, на который запиралась дверь, изготовленная из толстых дубовых досок. Изнутри дверные проемы расширялись, образуя стрельчатые арки. Окна были очень маленькими, на верхних этажах они могли служить и бойницами. В зимнее время, а также ночью окна закрывались деревянными ставнями или каменными плитами, в летнее время затягивались прозрачной пленкой, изготовленной из внутренностей животных.

Жилые башни возводились обычно без фундамента, на скальных массивах. Если в месте строительства не было выходов скальных пород на поверхность, то обычно снимали верхний слой грунта, и нижняя часть башни оказывалась углубленной в землю. Там, где почва была глинистой, ее поливали молоком или водой и снимали грунт до тех пор, пока жидкость не переставала просачиваться в землю. В основание башни укладывали огромные камни, которые могли достигать двух метров в длину и в высоту превышали рост человека. Передвигали и укладывали такие камни с помощью приспособления типа ворота́, а на большие расстояния их перетаскивали на специальных настилах с помощью волов.

Жилые башни строились обычно на возвышенных местах, неподалеку от источника воды. Это могли быть речка, ручей или родник. Нередко к башне подводили потайной водопровод, что было немаловажно в условиях военной опасности. Владельцы жилых башен старались максимально использовать их оборонительные возможности. При строительстве практически не использовалось дерево, чтобы башню нель-

зя было поджечь снаружи. Верхний этаж всегда был оборонительным. Над дверным проемом устраивали каменные бойницы (машикули), чтобы исключить возможность приближения к двери с целью поджога. Дверной проем был довольно узким и низким и обычно располагался с наиболее недоступной стороны, что значительно усложняло применение стенобитного орудия. Кроме того, с внешней стороны дверной проем был значительно у́же, чем с внутренней, и тем самым прикрывал края двери. Нередко устраивали потайной подземный выход из башни, по которому защитники при необходимости могли выйти в относительно безопасном для себя месте.

В процессе своего развития строения, состоящие из боевой и жилой башен, вырастают в настоящие замки, обнесенные каменной стеной. Их появление в горной Чечне связано с социальным расслоением общества. Народные предания связывают строительство крепостей с именами местных феодалов. Так, например, крепость в селении Казеной, согласно фольклорным материалам, была построена правителем Чеберлоя Алдам-Гези. Это сооружение расположено на горной скале и обнесено высокой стеной протяженностью почти сто метров.

Владельцем замка Моцарой был Моцар, старший из десяти братьев. Замок состоит из примыкающих друг к другу трех жилых и одной боевой башни и защищен высокой каменной стеной. Похожий замок существовал и в селении Бара, неподалеку от Моцароя. Он также являлся собственностью одной семьи, старшим в которой был Бара. Подобный замок с оборонительной стеной назывался по-чеченски «гIап» или «галан», цитадель же обозначалась термином «гIала». Такие сооружения имелись практически во всех селениях горной Чечни. Строительство жилых и сторожевых башен начинается еще в аланскую эпоху и достигает расцвета в IX—XI веках, а возведение замков и башенных комплексов приходится на XV—XVI века, когда равнинную часть Чечни покинули сначала монголо-татары, а затем и отряды Тимура. Это было время социально-экономического возрождения Чечни после гибельных для горских народов набегов кочевников.

На склоне горы Нашхой-Лам до сих пор видны руины огромной постройки. Где-то здесь, опять же согласно легенде, родился легендарный предок всех чеченцев — Нахчуо Турпал. Рассказывают, что он появился на свет божий с крепко сжатыми кулаками. В правой руке у него было железо, а в левой — кусок сыра. Вот почему чеченские мужчи-

ны — храбрые воины и гостеприимные хозяева. Археолог В. И. Марковин в своей книге «В стране вайнахов» пишет: «Район озера Галанчож — место, где каждый клочок земли овеян легендами. Именно здесь, по преданиям, находится прародина чеченцев — Нашха, область, давшая название чеченскому народу — "нохчи". Название "Галанчож" означает "Ущелье жилых башен". Действительно, в районе озера разбросано большое количество поселков с замечательными образцами башенной архитектуры».

Чеченские башни — и жилые, и боевые — стоят особняком на всем Северном Кавказе и похожи только на ингушские. Красота и строгость пропорций боевых башен делают честь мастерству и художественному вкусу древних чеченских и ингушских зодчих. Недаром они по заказу воздвигали свои боевые постройки в Северной Осетии, Хевсуретии, Тушетии. Небольшая вайнахская башня высится даже в грузинском замке Ананури. У входов в ущелья на неприступных скалах строились одиночные сторожевые башни. О подобных башнях складывались народные легенды, одну из которых пересказывает в своем очерке «Путешествие по центральной части горной Чечни» исследовательница Кавказа А. Е. Россикова. «К числу сторожевых относится Харачоевская башня, мрачно стоящая среди безбрежного моря зелени в верстах двух от села Харачой. Кто ее построил и в какое время — неизвестно. Стоит она на краю обрывистого выступа горы Це-Берд в виде темной четырехгранной пирамиды, слегка нагнувшись над рекой, точно всматриваясь в пропасть, куда буйные ветры, время и непогода сыплют ее старческие кости...

С этой башней связывают такую легенду. Очень давно в Харачоевском ущелье жила сильная фамилия Эрбий, состоящая из семи братьев и матери Эрте-Эмиль, необыкновенной красавицы. Братья были очень горды и, чтобы укрепить могущество и силу своей фамилии, построили высокую боевую башню. В башне они прятали живую воду, которую с великим трудом и опасностью добыли... Не зная, что это за вода, мать, в отсутствие сыновей, выпила этой воды, выстирала в ней белье, а потом выплеснула на землю.

Вернулись братья, живой воды нет...

Рассердились они, бросили родительский дом и пошли гулять по свету... Раз они идут и видят, что громадный змей поедает скотину и людей. Бесстрашные и сильные, они вступили в борьбу. Долго не уступал им змей, наконец не выдержал и обратился в бегство. Ползет змей, и такой он большой и тяжелый, что под ним земля проваливается. Бра-

тья преследовали его до тех пор, пока не настигли и не отрубили голову. А по тому пути, где полз змей, образовалась глубокая балка, по которой течет река Сунжа.

Что стало с братьями, не ведомо никому. Мать их — красавица Эрте-Эмиль, глотнувшая живой воды, говорят, до сих пор нисколько не состарилась. Неприкаянная бродит она по свету и разыскивает своих уже давно умерших сыновей».

Такова легенда о происхождении Харачоевской башни.

Конечно, башни строились не ради красоты. Известно, что хозяева боевых и сторожевых башен становились влиятельными и сильными владетелями, занимали высокое положение в своих обществах. Они имели наиболее обширные пастбища и могли взимать дань за проход через контролируемые ими горные ущелья. «Таможенная пошлина», надо сказать, была не слишком обременительной — с каждого путника брали одну пулю или заряд пороха. С перегоняемой отары — одного барана. С купеческого каравана — небольшую долю от всех товаров. Некоторые поселения, расположившиеся на оживленных караванных путях через горы, изрядно обогатились за счет такой дани.

Кроме жилых и боевых башен строились еще и сигнальные. В чеченском языке до нашего времени сохранилось выражение «кIур ба», от которого произошло название сигнальной башни. Оно буквально переводится как «дымить», а в настоящее время имеет смысл «избегать опасности». Со временем сигнальные башни составили стройную систему, позволявшую с исключительной быстротой передавать на большие расстояния необходимые сигналы.

На территории современной Чечни сохранились отдельные элементы сигнальной системы, которая начала складываться, вероятнее всего, еще в аланскую эпоху. По всей видимости, она была перестроена в XII—XV веках, когда равнинные вайнахи были вынуждены уйти в горы под натиском орд Чингисхана и Тимура и создали здесь новое государственное образование, бывшее союзом вольных обществ и небольших феодальных владений. Именно в этот период завершилось создание Великой сигнальной системы. Великой ее можно назвать потому, что она охватывала всю Чечню, почти каждое ущелье, каждое селение, начиная с левобережья Терека и заканчивая сигнальной башней самого южного селения Джарие на границе с Грузией. Сигнальные башни почти всегда имели плоскую кровлю, нередко с зубцами по углам, где разводили огонь. Строить сигнальную башню, находившуюся неподалеку от селения, и следить за

ее состоянием должны были местные жители. Они также были обязаны регулярно выделять несколько человек для несения караульной службы на башне. В случае военной опасности сигнал передавали ночью с помощью огня, днем — с помощью дыма.

В XIV—XV веках сторожевая и сигнальная системы в горной Чечне получают классический вид. Понятно, что такая четко спланированная оборонительная система, учитывающая особенности рельефа, тактическую и стратегическую значимость тех или иных горных перевалов и дорог, не могла быть создана разрозненными территориальными общинами и вольными обществами. Для этого должно было существовать государство. И о его существовании и возможностях в определенный период времени нам напоминают сохранившиеся по сей день звенья средневекового чуда горной Чечни — Великой сигнальной системы. Она сохранялась вплоть до начала XIX века, однако во времена Кавказской войны многие башни, входящие в нее, были разрушены.

4

Отапливались горские жилища, как дома, так и башни, при помощи местной разновидности камина, именуемого «таух». Нижняя часть очага была полукруглой и выкладывалась из камня, труба конической формы сооружалась из плетня, с обеих сторон обмазанного глиной. Со свода над очагом свешивалась цепь, на которой крепился котел для приготовления еды. В хозяйстве чеченцев имелась и другая печь под названием «кюрк» или «кюрик», сделанная из самана или камня. Она строилась во дворе под навесом или в специальном сарае. Печь-кюрк состояла из двух отделений: топки, в которой разводился огонь, и отделения, где сушили кукурузу и фрукты. Из диких груш, высушенных в печи и перемолотых жерновами в муку, приготовлялся вкусный освежающий напиток.

Чеченская кухня — одна из древнейших и самых простых. Блюда ее питательные и калорийные, готовятся из доступных всем продуктов. Большое место занимают изделия из муки. В эпоху Мансура это обычно была ячменная, кукурузная или просяная мука. Старинный чеченский хлеб — это пресная лепешка или «сискал», кукурузный хлеб. Позже чеченцы начали печь пироги из кислого теста. Для кулинарии чеченцев, как и других кавказских народов, очень важ-

ны острые приправы из лука, чеснока, перца, чабреца. Используется много разнообразной зелени. Оригинальные блюда готовятся из черемши, тыквы, кукурузы, творога, сыра и, конечно, сушеного мяса. В боевом походе сушеное мясо и кукурузная лепешка «сискал», которые никогда не портятся, были основной пищей джигита. Чеченцы любят готовить мясные бульоны. Мясо подается чаще всего с галушками из пшеничной или кукурузной муки с острой чесночной приправой. Местная кухня в основе своей мягкая, умеренная, можно даже сказать, диетическая. Она использует естественные продукты и притом очень разнообразна. Вот почему среди чеченцев так мало тучных, страдающих от излишнего веса людей, а дети их растут сильными, рослыми и подвижными.

Большое значение для чеченской кухни имеет мясо — баранина, говядина и птица. Мясо чеченцы ели главным образом зимой. Обычно его жарили, варили или делали начинку для галушек («жижиг галнаш»). Причем блюда эти подавались чаще всего гостям. Лето было гораздо богаче разнообразной едой за счет зелени, овощей, фруктов, а также свежего молока и молочных продуктов. Среди последних популярны сыр, масло, творог, кислое молоко «шар» и «берам» — квашеное соленое молоко. Праздничным блюдом считается «калд-дятта» — масло с творогом. Кроме этих блюд чеченцы едят вареную кукурузу «хаджиг», лапшу, фасоль, бобы. На свадьбы и похороны готовится ритуальная еда — лепешки.

Весной чеченские девушки собирают молодую черемшу и варят ее (в таком виде она напоминает спаржу) или жарят в масле и сале. Листья черемши солят, а корень заготавливают и зимой употребляют как приправу. Собирают также молодую крапиву, которую заготавливают впрок, перетирая с солью. Сбор черемши — одно из любимых занятий девушек. Большой веселой компанией они отправляются в лес и горы в сопровождении родственников-мужчин.

Самым распространенным напитком у чеченцев является так называемый калмыцкий чай — очень здоровое и полезное питье. Еще в XVIII веке жители Кавказа получали черный и зеленый чай из далекого Китая спрессованным в плитки. После измельчения и заварки в него добавляли масло, молоко, соль, а иногда и перец. Кружка такого чая с куском лепешки была обычным завтраком перед трудовым днем. На свадебных и иных пирах гостям подносили домашнее пиво, хмельную бузу, приготовленную из проса, или максу — сладкую бузу. Надо отметить, что после проповеди

шейха Мансура употребление алкогольных напитков практически прекратилось. Были распространены также «чапа» — сок дикого винограда и уже упоминавшийся напиток из молотых сушеных груш. Летом гостей потчевали арбузами, дынями, яблоками и виноградом.

Чеченцы очень умеренны в еде. В день они могут довольствоваться чуреком, небольшим куском сыра или бараньего сала и при этом нисколько не терять своей удивительной неутомимости, силы и ловкости. Обычно чеченская семья ест два или три раза в день, никогда не объедаясь. Приличия требуют, чтобы после окончания трапезы на блюдах что-то обязательно оставалось. Вот как описывает очевидец дружеский обед в горской сакле: «Когда кушанье готово, то, спустя час после приезда гостя, в кунацкую входит кто-то из детей хозяина, обычно мальчик с тазом и кумганом (кувшином-рукомойником. — *А. М.*) и полотенцем, перекинутым через плечо. Первым он подходит к гостю, и уже после этого моют руки все остальные. Едва только мальчик обойдет присутствующих, как в кунацкую вносят небольшие круглые столики на трех ножках, уставленные блюдами с вареным мясом, галушками, сыром и чуреками.

Если гость — лицо значительное, то есть преклонного возраста, то случается, что он ест один, ибо весьма трудно бывает уговорить кого-либо сесть рядом с гостем за стол. Во время трапезы гость может отрезать кусок мяса и передать его кому-либо из присутствующих. Это считается знаком внимания и честью для принимающего. Голова и грудинка поданного к столу барана предназначены самому уважаемому из гостей, который в свою очередь может передать лучшие куски любому из участников пира и, таким образом, подчеркнуть свое особенное к этому человеку уважение. Уезжающему гостю хозяин выносил оружие, подводил коня и, придерживая стремя, помогал сесть в седло. На этом они не прощались. Закон гостеприимства требовал, чтобы хозяин лично проводил гостя до безопасного места или до следующего поселения, где перепоручал его своему знакомому или родственнику».

Если гость был обижен, ограблен или убит по нерадению хозяина, общество подвергало такого человека полному отвержению. Это продолжалось до тех пор, пока провинившийся не отомстит тем, кто оскорбил святой обычай гостеприимства. О подобных случаях известный исследователь Кавказа А. Н. Берже писал: «Презрение к человеку, не сумевшему охранить и уважить гостя, выражается весьма оригинальным образом: на дворе провинившегося насы-

пается земляной бугор, который он, разумеется, сносит днем, но к следующему утру бугор появляется на прежнем месте. И так продолжается до тех пор, пока провинившийся чеченец не смоет с себя пятна за оскорбление гостеприимства».

По мнению известного исследователя Н. Ф. Дубровина, «наружная деликатность и вежливость есть отличительная черта чеченцев. Мужчины, даже незнакомые, при встрече обязательно здороваются. Знакомые же приветствуют друг друга улыбкой и пожатием правой руки. Удивительно, но в языке чеченцев не существует грубых ругательств. Даже в минуты сильного гнева самой употребительной бранью у чеченцев считается пожелание вроде того — чтоб тебе голову снесли! Чтоб тебя пушкой убило! И только в редких случаях, в неконтролируемом припадке бешенства, чеченец может назвать своего неприятеля "зюда къеза" (сын собаки), что считается большим оскорблением. Если в настоящее время в чеченском лексиконе и появились ругательства, то они все заимствованы из наречий соседей или иноземцев, а чаще всего у русских... В характере этого горского народа очень много гордого и щепетильного. Когда чеченец в чем-то нуждается и знает, что нужное ему в избытке имеется у соседа, он никогда не станет говорить о своей нужде, но если сосед о том от кого-то узнает, он непременно пришлет все необходимое сам. Вообще случаи обращения с просьбой весьма редки, ибо гордый чеченец не любит просить. Здесь, например, вы никогда не увидите людей, просящих милостыню. Чеченец, в каком бы трудном положении он ни оказался, до попрошайничества не унизится никогда».

Описания внешнего вида чеченцев можно найти у различных авторов. В общих чертах они совпадают: «Наружность чеченца вообще довольно благообразна. Он стройно сложен, приемы его отличаются живостью и проворством» («Терский сборник»), «наружность его благообразна, он стройно сложен, большею частью сухощав, бледнолиц, с быстрым и умным взглядом» (Н. Ф. Дубровин), «мущины собою дородны, хорошего росту, предприимчивы» (И. А. Гильденштедт).

5

В XVIII веке чеченские мужчины еще носили национальный костюм — «нохчи духар». У мужчин верхней одеждой служил чекмень (черкеска) или похожая на него «чуа», пошитая из домотканого сукна серого или зеленого цвета.

Верхняя одежда всегда плотно подгонялась по фигуре. Под нее надевали бешмет или архалук под цвет черкески, хотя летом бешмет чаще всего был из белой материи. Шаровары шили зауженными книзу, также из плотного сукна. В холодное время года или в дождь чеченца защищали бурка и башлык. На ногах у большинства чеченцев, как богатых, так и бедных, были чувяки или «мачи» из сыромятной лошадиной кожи. Особым щегольством считались чувяки, которые плотно охватывали ногу, чтобы рельефно обрисовать ее. Поэтому прежде чем надеть чувяки, их мочили в воде. Состоятельные люди могли приобрести чувяки и ноговицы, пошитые из черного сафьяна, или мягкие кавказские сапоги. К сафьяновым чувякам пришивали подошву из прочной буйволиной кожи. Зимней обувью были теплые войлочные чувяки, схожие с легкими валенками.

На голове чеченцы обязательно носили папаху из овчины, а богачи — из каракуля бухарского ягненка. Форма чеченской папахи обычно была конусовидной. Летом папаху могла заменять войлочная шапка. Мужчины украшали одежду узким галуном, костяными газырями белого или черного цвета, а на пояса нашивали серебряные бляшки.

Весьма живописный костюм чеченских женщин включал в себя несколько частей. Нижней одеждой была красная или синяя рубаха до колен с цветными надплечьями и широкие шаровары, которые подвязывались у щиколотки. Поверх рубашки чеченка надевала платье с длинными и широкими рукавами. Молодые женщины и девушки подвязывали платье на талии пояском, пожилые носили широкие прямые платья без пояса. Особенным было свадебное платье. Шилось оно из белого или яркого красочного шелка и кроилось в талию. Длинные рукава были разрезными от локтя по обычаю многих восточных народов. На груди платье украшали ряды серебряных пуговиц кубачинской работы. Завершал свадебный наряд серебряный пояс. Чаще всего женщины надевали это платье только раз, а потом по старинному обычаю дарили его сестре мужа или другой родственнице.

Зимой чеченки носили утепленный бешмет с металлическими застежками. У богатых женщин застежки были из серебра. Ниже локтя рукава бешмета делались разрезными, их скрепляли петли и пуговицы, обшитые цветной или серебряной нитью. Бешмет могли носить и летом. Еще одним видом женской одежды были шубы. В некоторых чеченских обществах считалось, что девушкам носить шубы стыдно, и их носили только замужние женщины. На голове у чеченской женщины был шерстяной или шелковый платок бело-

го цвета. Под платком молодые носили маленькие шапочки с нашитыми на них монетами и другими блестящими украшениями. Пожилые женщины под платком носили повязку «чухта», которая плотно облегала голову и спускалась на спину в виде мешочка, в который укладывались волосы.

В предгорьях женщины накидывали на себя покрывало, которое при встрече с мужчинами должны были опускать на лицо. В горных районах женщины вели себя свободнее, покрывал не носили и не скрывали лицо от мужчин. На ногах женщины из простонародья, как и мужчины, носили чувяки. Обувью богатых женщин были башмаки и туфли городского или местного производства. Женщины горной Чечни украшений почти не носили. В качестве серег они вдевали в мочки ушей кольца из серебряной проволоки. У состоятельных чеченок серьги эти достигали трех дюймов в диаметре. Женщины из богатых семей тратили много денег на одежду и богатые украшения. Одежду шили из дорогих тканей, украшали золотыми и серебряными галунами. Самыми популярными украшениями были серебряные пояса, серьги, браслеты. Костюм богатой чеченки мог включать шелковый малиновый бешмет с серебряным поясом, шелковые шаровары, подвязанные у щиколотки серебряным галуном, красные сафьяновые туфли, шитые золотой нитью.

6

В XVIII веке хозяйство Чечни в целом оставалось традиционным. Основными занятиями населения были скотоводство, земледелие и кустарное ремесло. При этом ситуация в горной Чечне значительно отличалась от положения на равнине. В горных районах не хватало удобной пахотной земли, и жителям нередко приходилось вырубать лес для того, чтобы очистить место для посадок. Это далеко не везде можно было сделать. Поэтому, например, в верховьях Аргуна чеченцы почти не занимались хлебопашеством, а необходимые продукты — хлеб, соль, овощи — получали в обмен на продукцию животноводства от жителей плоскостных аулов, где земли были удобными для земледелия. На расчищенных в предгорьях площадках чеченцы высевали ячмень, овес, немного пшеницы, просо и лен. Они сеяли лен только для масла, а стебли выбрасывали, поскольку не были знакомы с техникой выделки льняных тканей.

Размер участка пахотной земли в этих районах составлял от 0,1 до 0,3 гектара на одно хозяйство. Сенокосы и пахотные

земли в горах находились в частном владении, пастбищами же и лесными угодьями владела община. Надо отметить, что право личной собственности на землю установилось у чеченцев еще в древности. Позже, с переселением с гор на плоскость, правила частного землепользования были перенесены в равнинные аулы. С общинным землевладением чеченцы познакомились только в середине XIX века, после введения российского законодательства.

На равнине самой распространенной культурой была кукуруза, которую высевали в три-четыре раза больше, чем пшеницы. Сеяли также ячмень и просо. Основными орудиями для обработки земли были на плоскости — тяжелый плуг грузинского типа, в который запрягали быков, а в горах — соха. Иногда участки были такими маленькими, что их пахали вручную, делая острой палкой неглубокую борозду и бросая в нее зерно. Хотя грунт в горах весьма беден — глина с небольшим слоем чернозема, — урожаи при благоприятных погодных условиях выращивали неплохие. Наиболее плодородными были места, защищенные с севера горами: здесь теплее, и лето более сухое. На горных склонах, открытых с севера, слишком часто шли дожди.

Урожай срезали самодельными серпами. Убранный хлеб связывали в небольшие снопы, собирали в копны и, спустя время, отвозили на гумно. Орудия молотьбы на плоскости и в горах были разными. На равнине снопы прокатывали шестигранным каменным катком, в горах зерно выбивали молотильными досками или старым горским способом — с помощью нескольких пар крупного рогатого скота, которые ходили по разложенным снопам.

Во время полевых работ, например пахоты, прополки, сенокоса, уборки и перевозки урожая, члены чеченской сельской общины практиковали совместные работы («белхи»), что-то вроде «помочи» в русских деревнях. Если у бедных и средних хозяев не хватало быков или плугов, чтобы распахать поле, они договаривались с соседями о том, чтобы пахать сообща, составляя артели из нескольких человек. Тот, чье поле распахивали, должен был кормить артель утром и днем. Ужинали все по собственным домам. Такие совместные работы, как правило, сопровождались танцами, песнями и общим весельем.

Почва восточной части чеченской равнины богата илистым черноземом и способна давать обильные урожаи, но для этого необходима вода. Между тем засуха здесь — весьма частое явление. Поэтому важнейшей общественной работой было налаживание искусственного орошения. Местные жи-

тели совместно строили каналы и рыли канавы для того, чтобы провести воду на свои поля. В начале XIX века исследователь И. И. Норденстам отмечал, что Чечня производит хлеба больше, чем необходимо для прокормления ее жителей, и поэтому избыток обменивается у соседних народов на различные предметы и изделия. Чеченский хлеб вывозился на продажу не только в соседние районы, но даже и за границы Кавказа, в Персию.

Кроме хлебопашества чеченцы занимались садоводством, многие навыки которого были переняты у соседних народов. Фруктовые деревья высаживались в небольших садиках возле домов, причем плоды в значительной степени употреблялись самими хозяевами. В огородах сажали лук, чеснок, фасоль, бобы, огурцы, тыкву, реже арбузы или дыни. Одним из самых давних занятий чеченцев было пчеловодство, которое П. Г. Бутков называл «обильным». По его словам, чеченцы «пчеловодством занимаются рачительно и получаемый от того в большом количестве мед отменно вкусен. Пчеловодство, принадлежа к числу занятий, не требующих большой затраты силы и усиленной работы, может, однако, давать значительные доходы, а потому считается излюбленным чеченцами». Развитию этого промысла благоприятствовали и климат Чечни, и обилие цветущих лугов и лесов. Пчеловодством занимались по всей Чечне, но главным образом оно было сосредоточено в предгорьях. Мед и воск пользовались большим спросом и вывозились на продажу даже за пределы Кавказа.

Важное место в хозяйстве жителей плоскостной и особенно горной Чечни занимало скотоводство. Тут особенно остро проявлялось различие между бедными и богатыми чеченцами. В руках зажиточных семей была сосредоточена большая часть поголовья домашних животных, значительная же часть бедных крестьян вообще не имела скота. В равнинных районах разводили крупный рогатый скот, тягловый и молочный: коров, буйволов, волов. В горах Ичкерии, в Аргунском округе, у аккинцев и мереджинцев скотоводство было развито меньше. Скот был хотя и сильным, но малорослым. Лошадей было немного, специально их разведением жители не занимались, предпочитая покупать коней у кабардинцев или татар. Лучше было развито овцеводство, шерсть продавалась в Дагестан. Из домашней птицы были распространены куры и индейки. Гусей и уток чеченцы не держали.

Как и другие народы Кавказа, чеченцы применяли отгонную систему скотоводства. На летние пастбища овец и

частично рогатый скот перегоняли в более высокие горные места. За недостатком выпасов была развита аренда летних пастбищ. Так, большая часть скота ичкеринцев летом паслась на северном склоне Сулако-Терского хребта. «Овец для пастьбы, — писал П. Г. Бутков. — отгоняют большею частью в земли аварского хана и андийцев». Осенью скот возвращали в предгорья и на плоскость. В зимнее время горцам приходилось арендовать пастбища в плоскостных районах, например у кумыков, или перегонять за Терек.

Скот, оставленный в горах, держали в стойлах (обычно в нижних этажах жилых домов и башен) и кормили сеном, заготовленным летом на горных лугах. Для доставки сена вниз с покосных участков чеченцы применяли оригинальный способ: копну туго переплетали гибкими прутьями и скатывали вниз по склону. Горное сено было чистым, без бурьяна, но ради экономии его перед кормлением смешивали с соломой. В лесистых предгорьях мелкий рогатый скот содержался на подножном корму в течение всего года. Крупный скот зимой держали в стойле и кормили смесью сена и кукурузных стеблей. В целом уровень развития животноводства был низким; в основном разводили местные породы скота, хорошо приспособленные к нелегким горным условиям. Поголовье скота постоянно снижалось. Причин было две: недостаток пастбищной земли у большинства крестьян в горной и предгорной местностях и часто повторяющиеся эпизоотии.

Поскольку хозяйство чеченцев было натуральным, ремесла и домашние промыслы играли в их жизни большую роль. Занятия эти появились у чеченцев очень давно — задолго до того, как они стали переселяться на равнину. Из промыслов главное место принадлежало производству бурок и других войлочных изделий. В этом промысле также существовало разделение труда между плоскостными и горными жителями: производство было сосредоточено в плоскостной части Чечни (особенно выделялось село Дойкураул недалеко от нынешнего Грозного на правом берегу Терека), а горные районы служили сырьевой базой и местом сбыта готовых изделий. Бурки, которые изготавливались женщинами Чабуртлы, по свидетельству Р. Ф. Розена, продавались и обменивались в Грузии и Дагестане. Охотно покупали бурки и в соседних казачьих станицах. Важным достоинством чеченцев в этом деле было то, что их бурки выщелачивались в минеральных источниках и получались особенно тонкими и легкими.

Производство войлочных ковров (истанг) было характерно как для плоскостной, так и для горной Чечни. Эти ковры, украшенные ярким растительным и животным орнаментом, являлись обязательной принадлежностью каждого чеченского жилища: их вешали на стены, ими же покрывали пол в кунацкой. Чеченцы-горцы изготовляли из козьих шкур сапожную кожу — сафьян — и сбывали ее жителям плоскостной Чечни. Из кожи делали обувь, конскую сбрую, турлуки — надувные мешки для переправы по воде, походные вещевые мешки. Некоторые селения стали центрами выделки кожи, например Старый Юрт, Новый Юрт, Шали.

Большое место среди домашних промыслов занимала выделка сукна и изделий из него (черкесок, башлыков). Это по традиции считалось занятием женщин. Во многих аулах Чечни занимались гончарным производством — изготовляли горшки, кувшины, чашки. Однако большая часть домашней утвари, особенно в предгорьях, изготовлялась из дерева. Широко было налажено производство оружия, хотя наблюдатели отмечают невысокое его качество. П. Г. Бутков писал: «Из железа, которое покупали они в Ахалцихе и Персии, делают сабли и кинжалы. Ружья работы их нехороши и гораздо лучшие из дагестанского селения Кубачи. Порох делают сами, извлекая селитру из некоторых трав, а серу находят у себя и около Брагунских горячих вод. Свинец покупают в Персии и областях турецких, без крайней нужды пули не теряют».

Почти в каждом крупном ауле имелись кузнецы, плотники и другие мастера, но несколько селений особенно выделялись как ремесленные центры. Старейшим центром обработки металла было селение Старые Атаги у входа в Аргунское ущелье. Там изготавливали медные кувшины, тазы, подносы и другие изделия из металла, но главным образом холодное оружие. Одним из крупных ремесленных центров горной Чечни являлось селение Шатой, где изготавливали изделия из камня, дерева, металла, кожи, в том числе одежду и обувь. Шатоевцы снабжали своими товарами многие высокогорные аулы.

Во времена Мансура Чечня была богата лесами. Чеченцы из надтеречных и сунженских, то есть плоскостных, областей вели успешную торговлю лесом. В течение зимы они подготавливали плоты строевого и дровяного леса, а весной и летом сплавляли их по Сунже и Тереку до Кизляра. Леса в Чечне не находились в частной собственности, каждый мог нарубить где угодно и сколько угодно необходимой ему древесины, так что она практически ничего, кроме цены до-

ставки, не стоила. При этом леса не подвергались сплошной вырубке. Выработанное веками народное экологическое мышление запрещало поднимать топор на дикие плодовые деревья — орехи, груши, яблони, алычу. Оставляли нетронутыми и деревья с птичьими гнездами. На хозяйственные нужды рубили только выросшие деревья, а на топливо использовали исключительно сухостой.

Кизляр вызвал к жизни еще один вид деревянного промысла. Для обширных кизлярских виноградников требовались бочарные доски, обручи, клепки и «таркалы» — колья для подвязывания виноградной лозы, которые и начали изготовлять в надтеречных чеченских селениях. Из различных пород деревьев делались кухонная посуда, домашняя утварь (ульи, бочки), отдельные детали для домов. Терские казаки часто покупали у чеченцев арбы и колеса к ним. Чтобы поднять рыночный спрос, чеченцы делали на своих изделиях разнообразные украшения.

Ранее было рассказано о крупных торговцах-чеченцах. Но, как можно заметить, их деятельность распространялась обычно за пределы Кавказа, в Россию и Персию. В самой Чечне натуральный обмен товарами только в XVIII веке сменился торговлей на деньги. В ходу были русские, иранские и грузинские серебряные монеты, но мерой стоимости по традиции оставался скот — главным образом овцы. Жители Ичкерии и других горных районов снабжали чеченцев, живущих на плоскости, порохом, оружием, медной посудой, сукном, овчиной и звериными шкурами, войлоком, сыромятными кожами, медом, воском, яблоками, грушами, диким виноградом и орехами. Взамен получали хлеб, чугунные котлы, различные материи (холст, крашенину, пестрядь), калмыцкий чай, небольшое количество стали и железа. Все эти товары попадали в плоскостную Чечню через армян, персов и других купцов, а также через надтеречных и сунженских чеченцев, во многом отличавшихся по образу жизни от своих соплеменников.

В торговых операциях для отмеривания товаров служили следующие единицы измерения: мерой длины был локоть; для сыпучих тел большая мера составляла пять «сага» или чашек и равнялась восьми гарнцам (приблизительно 26 килограммам). При взвешивании, обычно безменом, использовали такие меры, как пуд («пунт») и фунт («герке»). Во времена Мансура у чеченцев, особенно горных, сохранялось равнодушное и даже презрительное отношение к богатству и его накоплению. Именно поэтому проповеди шейха, призывавшего к равенству и отказу от излишеств, имели такой успех.

Глава 4

ВЕРОВАНИЯ И ОБЫЧАИ

1

Когда-то чеченцы, как и все прочие народы, были язычниками. Однако еще в древности они верили в единого и великого Бога-Творца — Дела. Их мировоззрение испытало влияние вначале христианства, а затем ислама в его суфийской форме. О длительном бытовании христианства у чеченцев говорят его следы в языке, а также в некоторых обычаях и календарных традициях.

Помимо религиозных догм жизнь чеченцев определяли нерушимые традиции родства и соплеменничества. В глубокой древности в недрах общинной демократии сложился неписаный закон «Къонахалла» — кодекс чести, считавший главной целью жизни человека бескорыстное служение своему народу. Слово «къонах» означало достойного человека, строго соблюдавшего целый комплекс морально-этических правил. В него входили такие понятия, как человечность или гуманность («адамалла»), справедливость («нийсо»), чистота помыслов («цIано»), уважение к людям («ларам») и честь («сий»). В основе кодекса «Къонахалла» лежал добровольно принятый на себя долг перед народом и родной страной, за который къонах не ждет награды ни в этом мире, ни в будущем. Его поступки определяются не страхом перед небесной карой, а сознательной волей.

Самым ценным качеством мужчины считалась выдержка («собар»). У чеченцев сохранилась пословица: «Собаро лам баькхина, майралло тIом болина» — «Выдержка достигает цели, безрассудство приводит к войне». Кодекс къонаха определял каждый его шаг, его отношение к природе, людям и животным. Если человек вел себя негуманно по отношению к кому-нибудь, даже к врагу, он уже не мог считаться къонахом. Добить раненого врага, надругаться над его трупом считалось у чеченцев позорным поступком. Къонах не мог обидеть ребенка, ударить женщину. В кодексе «Къонахалла», донесенном до нас народной памятью, говорилось: «Если женщина совершила проступок, за который ее можно ударить, ей нужно дать развод». Уступить в ссоре или споре более слабому противнику считалось мужеством. Суть такой идеологии хорошо показал А. С. Пушкин в незавершенной поэме «Тазит». Кабардинский князь не понимает своего сына, воспитанного чеченцем в духе «къонахалла», когда тот не

добивает раненого кровника и отпускает с миром безоружного купца.

До середины XVI века многие чеченские общества сохраняли отдельные элементы христианских верований, проникших в Чечню из Грузии. В горной Чечне, особенно в Аргунском ущелье, до сих пор находятся развалины древних церквей и каменные кресты. Впервые эти памятники седой чеченской старины были обследованы в 1886 году В. Ф. Миллером, руководившим Московской археологической экспедицией. В «Материалах по археологии Кавказа» Миллер писал: «Немалое число крестов, встреченных нами в разных местах Аргунского округа, служат до сих пор немыми свидетелями некогда процветавшего здесь христианства».

Свидетельства былого распространения христианства были обнаружены Миллером во многих народных обрядах и поверьях. Существуют предания, гласящие, что предки чеченцев были «керестанами» — искаженное «христиане». Этим именем чеченцы называют сейчас всех немусульман, верующих в единого Бога, в отличие от язычников, которых именуют «людьми без веры».

Одним из самых известных памятников христианства у чеченцев и ингушей был храм Тхаба-Ерды в Ингушетии, на берегу реки Ассы. В этом же районе, ниже по течению Ассы, близ аулов Таргим и Хайрах находился и другой христианский храм — Алби-Ерды, ныне совершенно разрушенный. Немецкий исследователь в конце XVIII века писал об ингушах: «Они имеют, однако ж, некоторые следы христианства, даже явственнее, нежели у других кавказцев. Они веруют токмо в единого Бога, именуемого ими Дела, и не знают никаких посторонних богов или кумиров, ниже святых. Они, как и абхазы, празднуют воскресные дни оставлением всякой работы; не употребляют мясного, летом короткое время, а зимою должайшее. Весь народ почитает одного престарелого, благочестивого пустынножителя, который называется Цани Стаг (чистый муж), коий живет в высоких горах возле одной древней церкви, освящает при наступлении первого мясоеда овец для заклания. Они, как магометане, берут многих жен. В помянутой церкви (Тхаба-Ерды. — *А. М.*) есть, говорят, надписи, статуи, а под сводами и рукописи».

Побывавший в этой церкви профессор В. Ф. Миллер уже не увидел книг или рукописей, но часть надписей на камне еще сохранилась. В одной из них говорилось, что церковь эта была построена царем Давидом в округе епископа Геор-

гия в 830 году. Предания, как чеченцев и ингушей, так и осетин, приписывают постройку множества церквей по всему Кавказскому хребту легендарной грузинской царице Тамаре, правившей в 1184—1212 годах. Вероятно, процесс распространения христианства в Чечне начался значительно раньше — ведь в Грузии христианство стало официальной религией еще в IV веке.

Арабское завоевание приостановило развитие христианства в Грузии, но с ослаблением арабов в X веке Грузия под властью династии Багратидов вновь крепнет. Последующие два столетия по праву считаются золотым веком грузинской культуры — ее литературы, искусства, ремесел, общественной жизни в целом. В этот период Грузинское царство оказывало большое влияние на многие соседние народы и христианство там укреплялось. Конец этому благополучному времени был положен нашествием монголо-татар в начале XIII века. Тогда влияние Грузии на соседние горские народы ослабло. С падением Константинополя в 1461 году Грузия лишилась также своей союзницы и защитницы Византии, а вскоре сама распалась на три царства и несколько княжеств. С трудом отбиваясь от турок и персов, Грузия не могла уже содействовать распространению христианства на Кавказе, тем более что турки стали активно насаждать ислам не только среди других народов Кавказа, но и среди самих грузин.

Язык чеченцев хранит память о христианском прошлом. По-чеченски неделя носит то же название, что и у грузин — «квирэ», а воскресенье — «квирендэ», то есть «недельный день» (он считался Божьим днем). Пятница называлась «пирескэ» от грузинского и греческого «параскеви», и только в конце XIX века это слово заменилось мусульманским «джумэ». Наконец, счет дней недели у чеченцев также ведется по-христиански — с понедельника.

Ислам суннитского толка начал распространяться в Чечне с VII века, с появлением на Кавказе арабов, но окончательно возобладал только в XVI веке, а в горных районах — еще позже. Разные чеченские племена принимали мусульманство разновременно. Народные предания рассказывают, как аварские и кумыкские муллы, направленные шамхалом Тарковским в конце XVII века, приходили в горные чеченские селения и нанимались там пастухами, одновременно проповедуя ислам. Эти «пастухи», скорее всего, приходили из дагестанских селений Кумух, Акуши и Эндерей, которые в то время были религиозными центрами Дагестана.

Период исламизации чеченцев совпал по времени с возвращением их с гор в предгорья, а затем и на равнины. Источники показывают, что на протяжении XVI—XVII веков чеченцы все больше отдаляются от христианской Грузии и сближаются с мусульманскими народами — кабардинцами, дагестанцами и кумыками. Можно возразить, что в то же время чеченцы начали контактировать с жившими на Тереке гребенскими казаками, иногда даже роднились с ними. Но казаки никогда не были религиозными проповедниками и не могли соперничать с активной пропагандой ислама. Тем не менее даже в XVIII веке среди горных чеченцев встречались целые общества, совершавшие христианские обряды. «Не скрою от тебя, — говорил старый чеченец майору Властову в 80-х годах XIX века, — что седьмой отец мой (то есть предок в седьмом колене) исповедовал другую веру, но какую именно, не ведаю».

Далеко не сразу учение Мухаммеда стало религией всех чеченцев. В горах еще долго жили древние языческие верования и фрагменты христианской религии, причудливо переплетающиеся с исламом. Остановимся подробнее на некоторых древних верованиях чеченцев, чтобы лучше понять их обычаи и обряды в более позднюю эпоху. Одним из главных вопросов всякой религии является вопрос о душе и о том, куда девается она после смерти. Чеченцы считали, что со смертью человека умирает лишь его тело, сущность же (душа) не погибает. На вопрос о том, куда девается душа, отвечала следующая легенда: «Некогда на земле жили нарты-орштхойцы. Среди них были выдающиеся герои, такие как Урузман, Ормзи, Сосла, Патарз. Они положили начало всем порядкам среди чеченцев; от них же производят свою родословную многие фамилии. Видную роль между ними играл Батыга-Шертко; он был постоянным защитником и руководителем народа. Этот человек обладал сверхъестественным свойством — мог отправляться, когда ему вздумается, даже на тот свет и возвращаться обратно».

Загробный мир чеченцы, как и ингуши, не считали местом блаженства и беззаботного отдыха от земных трудов. На том свете все происходит так же, как и на этом, считали они. Сменяются времена года, идут сезонные работы — сев, жатва, покос, причем в обоих мирах одновременно. Разница заключается лишь в том, что умершие бодрствуют и работают, когда в нашем мире ночь, ведь солнце приходит на тот свет из мира живых. Спят они, понятное дело, когда у нас день.

У чеченцев существовали предки-герои, общие для всего народа, для отдельного общества, состоявшего из несколь-

ких селений, и, наконец, для одного тейпа или рода. Они носили название «эрдов», и святилищем их были храмы или часовни, называемые «эльгыц». «Эльгыцы» строились в виде небольшого каменного дома с дверями, одна из которых была с северной, а другая — с восточной стороны. Встречались «эльгыцы» и с одной дверью. В эти святилища чеченцы помещали рога принесенных в жертву животных и белые значки «ныч». В жертву духам приносили не только домашних, но и диких животных (оленей, туров) в благодарность за помощь в охоте. Считается, что такие святилища строились по велению людей, общавшихся с духами и получивших от них указание, в каком именно месте следует совершать обряды.

«Эльгыцы» в горной Чечне строились в Средние века, причем иногда там совершались не только языческие, но и христианские обряды. Самым известным памятником такого рода является упоминавшаяся уже церковь Тхаба-Ерды в Ингушетии. Учрежденное здесь святилище пользовалось большим почетом. Еще издали, завидев этот храм, горец падал ниц и молился. Возле храма спокойно оставляли без присмотра вещи, хлеб, сено и любые ценные вещи, потому что никто не осмелился бы украсть то, что находилось под защитой святилища. Около Тхаба-Ерды жители окружающих аулов устраивали ежегодные празднества с жертвоприношениями. Именем храма клялись, сюда приходили для решения наиболее важных для народа дел, например избрания вождя.

Одно из подобных святилищ находилось на территории горной Чечни в Акинском обществе. Это святилище бога или духа Мизра около селения Галанчож. Народная молва относит его создание к XV веку. Первоначально это здание служило церковью, затем стало местом поклонения местному божеству. Рядом с церковью была священная роща, которая еще в XIX веке считалась неприкосновенной, и никто не осмеливался вырубать ее.

Культ Тушоли, божества плодородия и урожая, — один из древнейших в Чечне. Вера в это божество проникла на Северный Кавказ через Закавказье из Передней Азии более трех тысяч лет назад. Божеству поклонялись по всей Чечне, но у каждого общества было свое собственное святилище Тушоли. Его имя звучит во многих клятвах и упоминается в молитвах. Его именем назван первый весенний месяц «тушоли-бут», время пробуждения природы. Удода, который прилетал в горы в марте, называли «Тушоли котам» (курица Тушоли). Эту птицу, посвященную великому божеству, любили и охраняли. В последнее воскресенье апреля, называв-

шееся «Тушоли-кириде», совершалось большое празднество в честь божества.

Другое общенахское божество Мятсела или Мятцели взяло свое имя от горы Мятты (Столовой). Мятсели был посвящен месяц июль — «мятсели-бут». Праздник Мятсели просуществовал дольше всех других языческих празднеств — до начала XX века. В субботу утром из всех аулов Мецхальского, Джерахского и других обществ горной Ингушетии жители выходили в путь к святилищу. При выходе из дома женщины и девушки пели священную песню (гелой), а мужчины стреляли из ружей и пистолетов. За аулом пение прекращалось, и девушки присоединялись к парням, которые погоняли ослов, навьюченных корзинами с провизией. Следом вели жертвенных животных — трехлетнего бычка с белой материей на рогах и баранов. Чем больше баранов приводилось на гору, тем больших милостей ждали от Мятсели. Участники праздника поднимались на гору Мат-Хох, где устраивали танцы у святилища. На третий день все поднимались на вершину горы Мятты, где на высоте более трех километров над уровнем моря стояли три «эльгыца». Там Мятсели жертвовали деньги и ценные вещи, которые оставались здесь же под охраной жрецов.

Уже в XVIII веке языческие обряды сохранялись только как пережиток. Однако процесс утверждения ислама в горных районах Чечни затянулся до конца столетия, а в Ингушетии закончился только в 1867 году, когда аул Гвилети в Дарьяльском ущелье принял посланного туда муллу.

2

Окончательное принятие ислама чеченцами приходится на начало XVII века. Чеченское предание называет имя наиболее красноречивого и успешного из мусульманских проповедников — Термаол. Мулла Термаол обладал большой силой убеждения, проповеди его были красочны и увлекательны. Многие чеченские тейпы по его настоянию приняли ислам. Дело, начатое Термаолом, по преданию, завершил шейх Берсан, ставший вождем чеченцев в XVII веке и обративший в мусульманство жителей последних языческих аулов на плоскости. По некоторым сведениям, он же первым начал проповедь суфийской доктрины в Чечне. Шейх был исторической личностью — в селении Верхний Курчалой сохранилась его могила (зиарат) с арабской надписью на надгробном камне: «Здесь лежит Берсан».

Этих великих проповедников алдынский юноша Ушурма считал своими учителями. Он знал многие легенды о их жизни и помнил составленные ими молитвы. Однако кроме великих, но давно ушедших из этого мира учителей Ушурме нужен был живой устаз — человек, который мог бы ответить на множество вопросов, мог научить его правильно жить и понимать великую книгу Коран, посланную на землю самим Аллахом через своего верного пророка Мухаммеда. Тысячи трудных вопросов роились в голове Ушурмы и мучили его, мешая жить. На эти вопросы он пока не знал ответов и надеялся получить их от мудрого учителя.

Не всякий мулла и даже совершивший паломничество в Мекку Хаджи может быть настоящим учителем. Устазом для Ушурмы мог стать только истинно чистый муж, пустынножитель, который отверг земную суету и соблазны и посвятил себя небесам. Как найти такого человека? Мансур слышал только об одном. Это был святой Цани Стаг, живущий в каменной пещере на пустынном плоскогорье, где, кажется, и ящерица не смогла бы найти пропитания. Трудно даже сказать, существовал ли на самом деле суровый отшельник Цани Стаг. Может быть, вольная человеческая фантазия и вера в древних святых в вечном поиске чистоты создала этот высокий образ?

Так или иначе, но предание говорит, что однажды, едва достигнув совершеннолетия, Ушурма из аула Алды собрал свои нехитрые пожитки, попрощался с родными и отправился в путь, конечного пункта которого никто не мог ему подсказать. С тех пор его многие годы никто не видел. О нем успели уже позабыть, когда он снова появился в родном селении. Где и у кого он был, Ушурма никогда и никому не рассказывал. Он лишь мельком упомянул, что учился у «высокого и чистого духом мужа» и служил ему до тех пор, пока устаз не приказал Ушурме покинуть уединенную пещеру в горах и отправляться в мир, чтобы нести людям свет учения Мухаммеда.

«Теперь ты чистый и преданный Господу человек, и место твое не в каменной пустыне, а в миру. Там, среди бурь и страстей, ты должен, подобно Божьему факелу, осветить грешным людям путь к небесам. Благословляю тебя на этот подвиг!» Так сказал Цани Стаг, и Ушурма, хотя и не хотел уходить в мир из великой чистоты гор, не посмел ослушаться учителя...

Именно тогда движение за чистоту ислама начало широко распространяться на Кавказе. Исследователи истории Чечни считают, что «сильное религиозное движение было

возбуждено в народе именно в 1785 году, когда чеченец по имени Ушурма, прозванный за его ученость и святость жизни шейхом Мансуром, сумел соединить национальную освободительную борьбу с религиозной деятельностью». Можно предположить, что основой проповеди Мансура, с которой он обратился к своим землякам, стало учение суфизма и тариката, в широко распространенной тогда традиции мусульманского ордена Накшбанди, где все верующие связаны железной дисциплиной и самоотверженным служением вере. Религиозное братство Накшбанди, зародившееся в XIV веке в Средней Азии, постепенно проникало на Кавказ многие десятилетия. Нетрудно предположить, что чистый муж Цани Стаг был одним из высших представителей ордена Накшбанди, этого сурового аскетического учения, тяготевшего к чистой жизни и требовавшего того же от своих последователей.

В учении ислама есть несколько составных частей и направлений, некоторые из которых сыграли особенно заметную роль в истории Чечни. Шариат — это наставление, живое слово Магомета, оно включает в себя правила, которыми должен руководствоваться в повседневной жизни каждый мусульманин. Наблюдают за исполнением шариата духовные лица — улемы, кади, муфтии и муллы. Прежде всего они следят за исполнением религиозных постановлений, богослужений и обрядов, решают споры между верующими, судят их за проступки и определяют наказание. Но не менее важную роль в мусульманском учении играет суфизм (от арабского слова «суф» — грубая шерстяная ткань, власяница, непременный атрибут аскета) — мистическое течение в исламе. Оно возникло в VIII—IX веках и окончательно оформилось в X—XII веках. Главным в суфизме является учение о постоянном приближении к познанию Бога через мистическую любовь и слиянию с ним в духовных озарениях. Активных последователей суфизма называли мюридами.

Суфийская доктрина с ее аскетизмом и углубленным самосозерцанием считается лучшим средством постижения тариката («пути к Богу»). Тарикат открывает путь нравственного совершенствования, ведущего к блаженству. Последователи этого учения должны искать уединения и все время посвятить молитвам. Мирская суета и светские дела не должны отвлекать их от служения Всевышнему. Такие люди добровольно отказываются от земной власти и не употребляют оружия. В определенном смысле тарикат противоположен джихаду — заповеданному пророком распространению веры путем «священной войны». В Коране (сура 9, аят 29)

говорится: «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными»*. Многие — как мусульмане, так и приверженцы других религий, — понимают эти слова чересчур буквально, что часто приводит к вражде и насилию. Но сведущие богословы указывают, что джихад вовсе не обязательно связан с применением оружия — прежде всего он должен вестись в душе человека против его собственных грехов. Более того, джихад и тарикат являются двумя сторонами одного учения, одинаково благочестивыми и необходимыми для истинного мусульманина.

Последователи тариката, распавшегося на суфийские ордены, именовались имамами, шейхами, мюридами. Имам — это духовный руководитель, наставник мусульман, глава мусульманской общины, духовное лицо, руководящее богослужением в мечети. Шейхами (по-арабски «старец») кочевники-бедуины называли главу рода, племени или союза племен, позже — вообще почтенного человека. В исламе шейхом стали именовать руководителя мусульманской общины, видного богослова, мусульманского законоведа. Стать шейхом или имамом можно было, лишь пройдя ряд ступеней по пути совершенствования и божественных откровений. Право стать духовным наставником верующих мог дать только учитель (муршид). Без благословения муршида, достигшего уже высшей ступени богосозерцания, никто не мог сделаться шейхом или имамом. Мюридами (ищущими) на мусульманском Востоке изначально назвали только представителей исламского монашеского сословия, монашеских орденов — дервишей (от персидского «бедняк, нищий», «аскет»). Позже появились и мюриды, не принадлежавшие к дервишеским орденам, причем число их постепенно увеличивалось. Они создавали группы своих последователей, которые также назывались мюридами, но вели обычную мирскую жизнь.

Единственной целью мюридов было беспрекословное подчинение и преданность своему духовному наставнику. Историк Н. Ф. Дубровин цитирует слова одного из знатоков веры: «Мюрида, приходящего к учителю, спрашивают только о знании закона (то есть шариата. — *А. М.*) и о решимости его отречься от грехов. Далее он возвышается единст-

* Пер. М. Н. Османова.

венно по мере развития его нравственных совершенств. Ни ум, ни богатство, ни древность рода не имеют никакого значения у последователей тариката. Простолюдин, очистивший сердце свое постом и молитвою и достигший высших степеней нравственного образования, стоит несравненно выше одаренного всеми благами вельможи, который, признав их ничтожество, прибегает к устазу с просьбою о наставлении в тарикате... Гораздо важнее, по последствиям своим, другое коренное правило мюридизма — это привязанность учеников к учителю. Они обязаны не только исполнять волю устаза, но стараться предупреждать его желания, прежде чем он выскажет их, понимая потаенные помыслы его искренно любящим сердцем».

3

На Кавказе мюридизм впервые появился именно в своем первоначальном, аскетическом и мирном виде. Вскоре, однако, среди горцев появились люди, увидевшие в исламе средство для достижения политических целей. Сохранив учение мюридизма, продолжая называть своих приверженцев мюридами, новые устазы проповедовали, что для сохранения чистоты веры необходима «священная война» против посягателей на ислам, неверных — джихад или газават. За участие в газавате, за связанные с этим лишения в земной жизни правоверного ждало райское блаженство после смерти. Проповедуя это, устазы ссылались на Коран, где говорилось, что Аллах обещает борцам с неверными рай, а несогласным и богоотступникам — ад.

Подобные проповеди и призывы полностью изменили первоначальный смысл мюридизма. Мюридов, пришедших в Чечню из Дагестана, отличала подчеркнутая внешняя религиозность. Такой духовный руководитель никогда не пропускал ни одного намаза и даже совершал их больше, чем положено. Он избегал всякого общения с иноверцами и жил чрезвычайно скромно, что вызывало одобрение отвергающих роскошь чеченцев. Однако они далеко не во всем были согласны с классическим учением мюридизма. Чеченцы, не имевшие ни политического единства, ни твердого гражданского порядка, зачастую решавшие споры с помощью оружия, с трудом переносили любое внешнее стеснение их жизни. Суд по законам шариата был слишком строгим по понятиям чеченцев, и к нему прибегали редко. Духовенство в Чечне не имело того особого значения и влияния, как, на-

пример, в Дагестане. Те молодые люди, которые хотели получить какие-либо знания или просто выучить арабский язык, чтобы читать Коран, должны были отправляться в далекие места — Чиркей, Акушу или Казикумух.

По сути, все отличие чеченских духовных лиц от простых селян заключалось в том, что они умели читать и писать и были полезны своим неграмотным соплеменникам при составлении каких-либо писем или документов. Для того чтобы стать духовным лицом в Чечне, не требовалось никакого специального разрешения или религиозного обряда — достаточно было знать грамоту и основные молитвы. Если в ауле имелся грамотный человек, односельчане провозглашали его своим муллой. Но даже и таких, весьма скромно образованных чеченцев было мало, поэтому во многих горных аулах духовные лица были пришлыми. Из нескольких мулл в ауле старейшинами избирался кади (судья), единолично осуществлявший судопроизводство на основе законов шариата. Избрание кади не возвышало муллу над другими и не давало ему никакой власти. Просто он, как доверенное лицо общины, разбирал тяжбы и составлял документы, получая за это скромную плату натурой. На место умершего кади старейшины избирали нового. Селение обязывалось выделять на пропитание избранного кади и на содержание мечети седьмую часть урожая хлеба и приплода скота, а также отдавать часть доходов от ремесла, охоты, бортничества.

Таким образом, деятельность духовных лиц в Чечне была весьма скромной и не приносила значительных доходов. Приглашенный со стороны мулла наравне с другими членами общины получал земельный надел, с которого кормился. Многие муллы посвящали свободное время торговле. Зарисовки, сделанные П. Г. Бутковым в начале XIX века, можно с полным основанием отнести и к тем временам, когда жил и действовал шейх Мансур: «Некоторые муллы в Чечне заботились не столько о распространении истин магометанского учения и чистоты религии, сколько хлопотали о поддержании суеверия в народе. Так, к нему могла обратиться девушка с просьбой приворожить возлюбленного. Мулла охотно откликался. На кусочке бумаги с начертанными на ней кружочками, цифрами, арабскими словами он записывал имена возлюбленного, его отца и матери, затем сворачивал бумажку треугольником, вкладывал ее в треугольный же кусочек кожи и отдавал девушке, чтобы она положила его в такое место, где молодой человек мог нечаянно на него наступить».

Практически все исследователи отмечают, что все горцы очень суеверны и склонны к мистицизму, поэтому «чеченец охотно вступает в религиозное братство суфи (зикр) и расположен приветствовать каждого искателя приключений имамом». Из наиболее распространенных в те времена суеверий чеченцев можно назвать веру в порчу или сглаз. Порчу могла, по поверьям чеченцев, навести любая злая женщина, подбросив заговоренную траву в очаг человека, которому хотела причинить вред. В этом случае хозяина дома непременно постигала болезнь. Отвести порчу могла только та же женщина, которая и навела ее. С порчей и другим колдовством были призваны бороться амулеты. Как уже отмечалось, в жизни чеченцев ислам тесно уживался с пережитками язычества, поэтому в амулеты обычно вкладывали молитвы или изречения из Корана.

Гадания были широко распространены среди чеченцев. Имелось множество их видов — по зеркалу («кюзгехажар»), по камням («палтасар»), по платку («долдустар»), по книгам «Седан-джайна» и «Пайхомар-Сулейман-джайна». По зеркалу обычно гадали девушки, желавшие узнать о своем будущем муже. «Седан-джайна» или «Книга звезды» пользовалась огромным авторитетом среди чеченцев, с ее помощью многие чеченские и дагестанские вожди не раз направляли своих соплеменников на нужные цели. Книга разделялась на двенадцать частей в соответствии с созвездиями. На первой странице была расположена арабская азбука, где каждой букве присваивалось некое численное значение. Желающий узнать о своем будущем должен был сначала назвать имена — свое и своей матери. Прорицатель разбирал эти имена по буквам, складывая числовые значения каждой буквы. Затем, при помощи определенных математических расчетов, производилось гадание.

Часто гадали по бараньим костям («пхенер» или «пхенерхажер»). Это гадание особенно было употребительно перед выступлением в военный поход или набег за добычей, чтобы узнать, насколько удачны они будут. Гадание это выглядело так: желающий узнать свою судьбу приводил к прорицателю (хажару) барана — чаще всего белого, причем обязательно достигшего одного года и своего собственного. Считалось, что только такой баран запечатлевает на костях прошлую, настоящую и будущую жизнь своего хозяина. «Хажар» резал барана, варил его и вынимал одну из лопаток передней ноги. Лопатка нужна была абсолютно целая, на ней не должно было оставаться кусков мяса. «Хажар» смотрел сквозь лопатку на свет и по темным и светлым пятнам на ней пред-

сказывал будущее. Наиболее умелыми предсказателями у чеченцев признавались чаберлоевцы — жители горного района близ озера Казеной-Ам.

С такими предрассудками боролись проповедники «чистой веры», в том числе шейх Мансур. Выступая против суеверий и остатков язычества, он преследовал не только религиозные, но и политические цели. Только оторвавшись от родных клочков земли и родовых святынь, его соплеменники могли стать бойцами сильной и сплоченной армии, которую Мансур твердо намеревался поднять в бой за освобождение Кавказа.

Глава 5

СЕМЬЯ, ТЕЙП, ОБЩЕСТВО

1

Национальная консолидация чеченского этноса шла параллельно с возвращением на плоскость и распространением ислама. В XVIII веке чеченцы уже были единым народом с общим ополчением, судебными органами и общенародным собранием или Советом страны (Мехк кхел) — своеобразным прообразом парламента. Вместе с тем у них сохранялась довольно пестрая и сложная социально-политическая структура, унаследованная от прошлого. В общественном устройстве существовало много архаичных черт, включая разделение на аульные общества — «землицы», которых к концу XVIII века насчитывалось более двух десятков. Аулов с общинной структурой было до ста тридцати. Они, в свою очередь, делились на «купы» (кварталы), где жили группы близких родственников — «некъе» или «гар». «Гар» был гораздо ближе по своей структуре и содержанию к понятию рода, члены которого восходили к реально существовавшему единому предку. Подтверждением этому может быть реликтовое понятие, сохранившееся в чеченском языке до сих пор в выражении: «вари да» — «отец рода, прародитель», хотя народная этимология часто переосмысливает его как «ворхи да» — «отец семерых», то есть семи поколений.

Из некъе и гаров на равнине постепенно составились тейпы. Слово «тейп» или «тайп» происходит от арабского «тайфа» (сообщество) и могло распространиться среди чеченцев не ранее XVII века. По всей видимости, вначале оно имело чисто территориальный смысл. По сути дела, это бы-

ла сельская община, состоявшая из выходцев из одного горного общества и выполнявшая функции социальной организации. Подтверждением этому может служить и то, что тейпы принимали в свой состав не только переселенцев из других стран, но и людей из других тейпов. То есть в те времена, когда тейп функционировал как социальный институт, был возможен переход отдельных семей и даже целых фамилий из одного тейпа в другой. Кроме того, тейпы могли возникать на основе военной или профессиональной специализации, что подтверждается названием многих чеченских тейпов: Ширдой — «пращники», Лашкарой — «резервные войска», Бlавлой — «строители башен». Некоторые тейпы назывались по месту своего жительства: Харачой — «пещера», Хъачарой — «сливовая долина», Шарой — «ледник».

Многие тейповые общины в горах образовались в результате компактного переселения из равнинной части Чечни ремесленников, крестьян и других социальных групп во времена монголо-татарского нашествия и походов Тимура. Уже в XVII веке тейпы делились на «чистые» и «смешанные». К первым относилось около двадцати тейпов, претендовавших на происхождение из района плоскогорья Нашхо — легендарной прародины чеченцев. «Смешанные» тейпы возникали в результате включения в их состав иноплеменников. Считается, например, что тейп Гуной возник в результате смешения чеченцев с терскими казаками, тейп Харачой — с черкесами, тейп Дзумсой — с грузинами.

Право частной собственности или исключительного владения землей в Чечне XVIII века было безусловным и полным. При этом земля могла быть отдана частным владельцам в бессрочный залог, продана или обменена, хотя ограничения в праве распоряжения ей сохранялись. Известно, что частная собственность на землю зародилась именно в горах, что было связано с малой возможностью использования коллективного труда. Поэтому родовых отношений в классическом смысле этого слова и родовой собственности Чечня не знала, по крайней мере, с эпохи бронзы.

Представительным органом сельской общины был совет старейшин — «юртан кхел». Его решение считалось обязательным для всех членов общины. В свою очередь, в купах и гарах авторитетами являлись старейшие по возрасту или известные умом, храбростью и другими достоинствами. Как писал один из авторов XIX века, «чеченец, убегая всякого ограничения своей воли как нестерпимой узды, невольно покорялся превосходству ума и опытности и часто исполнял добровольно приговор старейшин, осудивших его». Общину

возглавлял предводитель, который руководил советом старейшин, но при принятии решений он имел равный со всеми голос. Тейповые (фамильные) группы в ауле сохраняли за собой право на принятие в свой состав посторонних лиц, которыми могли быть представители других тейпов или чужеземцы; именно так чаще всего образовывались «смешанные» тейпы.

Коренными чеченскими тейпами считаются только те, которые имеют свои «пастбищные» горы или башни, хотя иногда тейпы были вынуждены уступать свои земли в качестве платы за кровь в междоусобных войнах. Тейп — это не род, с которым его иногда сравнивают. Даже те признаки, которые в науке считаются свойствами родовой организации, приобрели в тейповой общине совершенно иной характер. Но в соответствующих экономических условиях и при слабой социальной дифференциации территориальная община, объединившись в тейп, не могла создать другой идеологии, чем общность происхождения от единого предка и тейповое братство.

В процессе развития и усложнения социальной жизни, борьбы с колониальной экспансией мелкие тейповые общины перестали справляться с возложенными на них функциями. Закономерным стал процесс объединения чеченских тейпов и фамилий в более крупные и сложные организации — «мохки» или союзы аулов, возникавшие по течениям рек, долинам и ущельям. Представительным органом такого союза был «мохк кхел» — регулярно собираемый совет старейшин, в который входили представители всех тейпов, образовавших союз. К XVI веку в Чечне сложились девять таких союзов: Аъкхий, Маълхий, Нохчмакхой, ТIерлой, ЧIаьнтIий, ЧIеберлой, Шарой, Шуотой и Мержой.

В XVII—XVIII веках на равнине и в предгорьях складываются новые общества — Чеченское владение, Большие Атаги, Гехи, Мичиг, Качкалык, Орштхой (Аршты), Брагуны, Алды и др. В этот период медленно, но неуклонно нарастало социальное расслоение. Рядом с вольными чеченцами, узденями, жила постоянная, хоть и немногочисленная группа личных рабов — военнопленных, которых чеченцы захватывали во время набегов на соседние земли. Рабы подразделялись на два разряда — «лай» и «ясир» («ясырь»). Лаи — давние пленники, которые уже не помнили своего происхождения и родины, потому что были похищены в детском возрасте или даже родились в рабстве. Ясирами были рабы, захваченные в плен недавно, которые еще могли надеяться на помощь родных. Если ясир не выкупался более

года, он переходил в разряд лаев. Из этой разницы происходило и различие в положении двух категорий пленных. С ясиром, за которого можно было получить выкуп, обходились бережнее, чем с лаем, которого могли продать, наказать по произволу хозяина и даже убить. Случалось, что доведенный до отчаяния жестоким обращением раб убегал от хозяина и пытался найти защиту у другого члена общины. Однако никто не имел права оставить у себя бежавшего раба против воли его прежнего хозяина, поскольку по адату нарушал этим право собственности. Можно было только выступить посредником между рабом и хозяином, пытаться уговорить господина продать раба или быть с ним более милостивым.

Раба могли отпустить на волю, и тогда он назывался «азат». С момента освобождения азат становился членом вольного чеченского общества и теоретически уравнивался с другими членами тейпа. Но поскольку положение человека, его вес определялись родственными связями, отпущенный на свободу раб, не имеющий семейных связей в обществе, не мог стать вровень с вольными чеченцами. Фактически он оставался бесправным человеком. Поэтому чаще всего такой отпущенник оставался в семье бывшего хозяина и, случалось, женился на его дочери или родственнице, приобретая таким образом покровительство семьи.

2

У чеченцев, находившихся в XVIII веке на феодальной стадии развития, деление на сословия проявлялось слабее, чем у кабардинцев или кумыков. Наследственные князья (эли) имели в Чечне статус приглашенных военачальников и правили в равнинных районах, получая с их жителей «ясак» зерном и скотом — не дань, а, скорее, установленную соглашением плату за услуги. Кроме того, общинники определенное число дней в году работали в хозяйстве князя. Все коренные жители Чечни считали себя узденями — «благородными». Узденство, то есть свободное крестьянство, было поголовно вооружено и в случае войны становилось основой ополчения, которым руководил выбранный народным собранием военачальник — «бяччи».

Чеченская правовая система считалась одной из самых развитых на Кавказе. Благодаря этому за разрешением споров различного характера к чеченцам обращались из всех регионов Кавказа, в том числе из горной Грузии. Большую

известность как знатоки правовых норм получили жители горной общины Ошни. Вплоть до 1944 года здесь существовал «Ошни кхел» — суд, к которому все чеченцы и представители других народов Кавказа обращались как к суду последней инстанции. По преданиям, не было такого трудного случая, который не могли бы разобрать судьи из Ошни; к тому же их приговор почти всегда устраивал обе стороны.

Чеченское право предусматривало почти все институции, которые являются обязательными для современной судебной практики, то есть обвинение, защиту, право ответчика обратиться в высшую инстанцию. По фольклорным материалам, источником права у чеченцев в позднейшее время был не столько освященный временем обычай (адат), сколько установления судов и Совета страны (Мехк-кхел). Правовая система чеченцев была довольно гуманной для своего времени. В ней практически не было наказания, предусматривавшего смертную казнь или увечья. За особо тяжкие преступления человеку могли воздвигнуть «холм проклятия» — карлаг. После вынесения приговора старейшина, председательствовавший на суде, взяв в руки камень, с проклятиями в адрес преступника бросал его на землю. Так поступали все присутствовавшие. Так как карлаги возводили у дорог, все проезжавшие мимо бросали камень на это место, проклиная преступника. Со временем вырастал высокий холм. Для преступника это было страшнее смерти, и об этом преступлении помнили столетиями.

Спорные вопросы могли решаться общим собранием жителей аула, на котором мог свободно высказываться каждый. Такие собрания были одним из любимых способов времяпровождения чеченцев, поэтому и происходили они довольно часто. Для того чтобы открыть собрание, достаточно было взобраться на мечеть или крышу собственной сакли и начать громко созывать односельчан. Собравшиеся выслушивали то, что хотел сказать им оратор, и, если его сообщение заслуживало внимания, начиналось обсуждение, в котором участвовали только взрослые мужчины. Обсуждения проходили всегда очень оживленно и нередко заканчивались дракой. Случалось, подобные столкновения интересов доходили до того, что селение разделялось на два противоположных лагеря, и оказавшиеся в меньшинстве вынуждены были покидать аул и селиться в другом месте.

Суверенные чеченские общества нередко конфликтовали между собой — чаще всего из-за межевых споров, возникавших в процессе раздела плоскостных земель. Для урегулирования таких конфликтов и обсуждения вопросов войны и

мира существовал особый орган. «В деле важном для всех племен чеченских соглашаются предварительно о месте, где быть совету, — пишет П. Г. Бутков. — Чаще всего собираются в ауле Герменчук. Каждое селение посылает туда своего кадия и стариков. Определению сего сейма все чеченские общества беспрекословно подчиняются». Имеется в виду Мехк-кхел (Совет страны), роль которого в зависимости от внутренней и внешней обстановки то ослабевала, то усиливалась. В его обязанности входили введение цен на основные товары и продукты, установление общей системы единиц измерения при торговле, определение меры наказания за преступные деяния членов общества, а также решение всех внешних и внутренних дел. В случае невыполнения требований Мехк-кхела виновных сурово наказывали, вплоть до сожжения непокорных аулов. Однако этот чеченский «парламент» собирался нерегулярно и не имел постоянных членов, что сильно ограничивало его власть.

К XVIII веку в Чечне сложилось законодательство, составленное из двух частей — шариата, прописанного в Коране, и адата, основанного на вековых народных обычаях. Понятно, что сочетание это было шатким. То один, то другой закон, в зависимости от обстоятельств, выходил на первое место, и, разумеется, этим широко пользовались судящиеся стороны, опираясь в своих тяжбах то на шариат, то на адат.

Главным в адате можно назвать то, что это был суд старейшин, мудрецов, посредников-советников — без принуждения к исполнению решений. Суд, основанный только на уважении к уму, опытности, праведной жизни отцов и дедов. На суд к старейшинам приходили только те, кто этого хотел и по доброй воле соглашался исполнить их приговор. В целом чеченцы почитали и уважали стариков и их суд. Но бывало такое, что обидчик отказывался судиться с обиженным. Тогда адат предоставлял обиженному право отобрать у обидчика какое-либо ценное имущество, чтобы заставить того пойти на суд. Захваченные вещи передавались на хранение старикам. Те оценивали и выделяли долю, удовлетворяющую, на их взгляд, претензии обиженного, а остаток возвращали прежнему владельцу. Понятно, что отнять что-либо из имущества обидчика не всегда было возможно, да и обидчик мог иметь такое влияние в обществе, что даже старейшины не могли заставить его признать вынесенный приговор. Тогда обиженный человек уходил из аула в другое общество, где ожидал найти сильных покровителей.

Если по каким-либо причинам решение, принятое по адату, не могло быть исполнено, пострадавший сам брал на

себя полномочия наказать обидчика. Отсюда берет начало закон «канлы» или кровной мести — своеобразный устав личного права, уходящий корнями в первобытное прошлое народа. Как и везде, убийство, насилие и вообще преступления против жизни и собственности считались у чеченцев самыми тяжелыми, непростительными. Однако такие преступления далеко не всегда наказывались судом. Из-за отсутствия государственных органов и гражданского правопорядка совершивший тяжелое преступление мог скрыться, уйти от ответственности, поэтому правом «канлы» разрешалось мстить не только самому обидчику, но и его родственникам. За кровь платили кровью, и эта цепочка продолжалась до бесконечности. Право «канлы» переходило из поколения в поколение.

Если мститель не хотел или не мог исполнить свой долг, он вынужден был уйти из своего общества и тейпа. То же происходило, если обидчик желал избежать мести. Тогда он со всеми родственниками тайно переселялся в другие местности, что случалось нередко. Известно множество случаев, когда чеченцы — скрывавшиеся от кровной мести или женихи, укравшие невест, — поселялись у соседних горских народов и даже в станицах терских казаков. Были случаи, когда родственники убийцы отрекались от него, и преследуемый превращался в «абрека» — изгоя, человека вне закона.

3

В чеченской семье царил патриархат. Главой семьи был муж, который являлся полновластным ее хозяином. При решении семейных дел мнение женщины не учитывалось. Отец по своему усмотрению женил сына и распоряжался всем семейным имуществом. Слово матери было решающим в одном только случае — когда выдавали замуж дочь.

Браки между родственниками запрещались в пределах трех-четырех поколений. Случалось (очень редко), что в брак вступали члены одного тейпа, но общим правилом были браки между представителями разных тейпов и даже аула. Уважающий себя къонах (витязь) всегда искал невесту на стороне. Чеченскую девушку ни в коем случае не могли выдать за иноплеменника. От семьи жениха требовался выкуп — калым или «там» (в русской литературе его обычно называют тюркским словом «кебин»). Он складывался из двух частей — собственно «тама», непременных подарков се-

мье и родственникам невесты, и «урдо», предназначавшегося жене на случай развода. «Урдо» было единственным имуществом чеченской женщины, положенным ей по адату. Калым выплачивался деньгами, скотом или ценными вещами. Приданое по большей части состояло из домашней утвари. Например, это могли быть котлы, жестяное блюдо, сковорода, сундук с нарядами.

Выплатить калым было под силу далеко не каждому. От 200 до 500 рублей серебром — непомерная для горцев сумма. Сбор средств занимал нередко большое время. Выходом из трудного положения было широко распространенное умыкание невесты. В большинстве случаев оно совершалось по взаимной договоренности между юношей и девушкой и с молчаливого согласия родственников. Спустя несколько дней жених мирился с семьей невесты, и тогда игралась свадьба. И все же, по причине непомерно большого калыма, число браков в Чечне было значительно меньше, чем в Дагестане или Кабарде.

Обычно заключению брака предшествовали сватовство и другие свадебные обряды. Если две семьи решали породниться друг с другом, сватовство могло состояться заранее, когда жених и невеста еще были детьми. В качестве символического залога родня жениха давала пулю, газырь и небольшую сумму денег. После сватовства, в случае согласия родителей невесты, совершался сговор. Он состоял в следующем: жених должен был подарить невесте шелковый платок и десять рублей серебром, одарить также отца невесты или ее ближайшего родственника — обычными подарками были оружие, лошадь или отрез материи. Кроме того, следовало хорошенько угостить родных и близких невесты. Для этого богатый жених закалывал корову, быка или несколько овец. Бедный горец мог зарезать не больше двух баранов.

Жених не должен был до свадьбы видеться с семьей невесты, а свидания жениха и невесты проходили тайно, хотя и в присутствии свидетелей. На такие встречи жених получал право только после сговора. На людях суженые не разговаривали, а невеста даже отворачивалась и закрывала лицо при виде жениха. Сговор мог быть расторгнут по желанию одной из сторон, после чего девушка могла выйти за другого. Однако девушка не могла сама, по своей воле отказаться от жениха — она должна была получить на расторжение сговора его согласие. Чеченка выходила замуж рано, как только ей исполнялось четырнадцать-пятнадцать лет. Юноши могли жениться в возрасте 15—17 лет.

Свадебные торжества проводились в доме жениха и длились несколько дней. За четыре дня до свадьбы большая группа родственников и друзей жениха отправлялась за невестой в ее селение. Весь этот поезд недалеко от дома невесты встречали криками, камнями и выстрелами в воздух. Отшучиваясь и обороняясь, посланные пробирались к дому. У входа они встречали одного из родственников невесты, который запирал перед их носом дверь, требуя подарка. Обычно «привратник» получал кинжал, и заветная дверь отворялась. Но за дверью оказывалась шумная толпа женщин, которая встречала гостей визгом, щипала их и колола булавками. После этого шутливого сопротивления стороны заключали мировую и все садились за угощение.

Невеста в этот день должна быть наряднее всех. Свадебный наряд девушки из семьи среднего достатка состоял из длинной рубашки, ситцевого синего архалука с желтым кантом. На голову повязывали небольшой шелковый черный платок, а к нему сверху прикрепляли длинное белое покрывало. В этот день невеста прощалась с родным домом под пение подруг. Во время угощения девушка сидела отдельно от всех, за занавеской, скрывавшей ее от чужих глаз. Дружки жениха выводили невесту из дома и везли на закрытой арбе в сопровождении родственниц, молодых женщин и девушек в аул жениха.

Перед въездом в селение стрельбой из ружей дружки возвещали о прибытии невесты, а девушки, приехавшие с невестой, били в бубны, тазы и пели в честь молодых. В доме жениха невесту по ковровым дорожкам провожали в специально отведенную для нее комнату, где она вместе с сопровождавшими ее женщинами оставалась до окончания свадьбы. Сам жених не участвовал в свадебных торжествах — он укрывался в доме друга или родственника. Даже после свадьбы молодой муж первое время приходил к жене тайком, ночью, скрываясь не только от односельчан, но и от собственных родителей. Жена также в течение нескольких недель после замужества не говорила с отцом своего мужа и его близкими родственниками, проявляя тем самым свое уважение к ним.

На свадебный пир собиралось все селение, на угощение приглашали даже случайных путников — они считались гостями всего аула и пользовались особым почетом и вниманием. Пир в доме жениха продолжался в течение трех дней. В сакле и под навесом ставили миски с вареным мясом, кусками масла и меда, лепешками в топленом масле, халвой из масла, смешанного с обжаренной мукой и медом, и другие

яства. После пиршества старики расходились по домам, а молодежь оставалась веселиться. Слово «ловзар» по-чеченски означает не только «свадьба», но и «праздник», «торжество», «игра».

Чеченская свадьба обязательно сопровождалась танцами, игрой на музыкальных инструментах, соревнованиями в остроумии, в исполнении частушек, выступлениями клоунов (джухург) и канатоходцев (пельхьу), состязаниями лучших наездников. Свадьба вовсе не была стихийным мероприятием — ею полновластно распоряжались «тхьамда» (тамада) и два его помощника, мужчина и женщина. Без их сигнала не разрешалось начинать танцы.

В разгар свадьбы появлялся мулла с двумя свидетелями. Он выпроваживал из комнаты присутствующих и спрашивал невесту: «Желаешь ли ты выйти замуж за такого-то, сына такого-то?» После утвердительного ответа он шел к отцу невесты и спрашивал его: «Желаешь ли ты отдать дочь свою такому-то?» Получив согласие, мулла приходил в комнату, где сидел жених, и тихо задавал ему вопросы, подобные тем, что задавал невесте. Жених отвечал чуть слышно, чтобы никто, кроме муллы и свидетелей, не мог услышать. Все эти предосторожности были вызваны тем, что чеченцы верили, будто во время обряда можно сглазить жениха. После этого мулла совершал официальное бракосочетание: читал молитвы, слова которых должен был повторять жених. Только тогда начиналось завершающее пиршество, после которого гости расходились, а жених входил в саклю, где его ждала молодая.

Архаичный патриархат наглядно проявлялся в чеченских родильных обрядах. Во время родов муж уезжал из дома и возвращался только после рождения ребенка. Иногда он некоторое время после этого не показывался на глаза родителям и ближайшим родственникам. Рождение мальчика особенно приветствовалось — отец воспринимал это как особую благодать, которую Бог посылает его семье. Женщина, родившая сына, пользовалась почетом и уважением, ее положение в новой семье делалось прочным.

Когда в ауле узнавали о рождении мальчика, все односельчане спешили поздравить родителей. Счастливый отец устраивал в честь этого события пир, иногда длившийся целых три дня, на котором один из уважаемых родственников давал новорожденному имя. Женщины устраивали собственный пир: в комнату матери приходили родственницы и знакомые женщины и после чтения над новорожденным молитвы из Корана принимались за угощение — баранину, рис, разнообразные сладости. На женском пиру младенцу

также давали имя — то, какое хотелось матери. Нередко случалось, что отец и мать звали ребенка разными именами. Вот почему мужчины и женщины с двумя именами не были редкостью в Чечне.

До совершеннолетия дети находились в абсолютной власти отца, и не существовало закона, который бы ограничивал эту власть. Но с достижением возраста, когда сыновья уже умели пользоваться оружием и могли стать воинами, отец уже не демонстрировал свою власть над сыном и давал ему больше самостоятельности. По адату все мужчины одной семьи имели равные права, хотя в реальности все же главенствовал отец. Чеченцы считали детей, в особенности сыновей, даром Божьим, поэтому никогда не били их и очень редко ругали. Другой причиной столь гуманного обращения было убеждение, что побои и брань запугивают детей, делают их робкими и препятствуют тому, чтобы из них выросли храбрые воины. «Если ребенок проказничает, — рассуждает чеченец, — это значит, что он будет удальцом. Вырастет большой, наберется ума, не станет делать глупостей и будет джигитом. Ест много? Ну и хорошо — значит, будет богатырь!»

Главной воспитательной заботой отца было дать сыновьям трудовые навыки, а также развить в них умение владеть оружием, силу и храбрость. Отец хвалил сына за успех в каком-либо деле, а в случае неуспеха старался насмешками и обидными прозвищами воздействовать на его самолюбие. Грамоте обучались только мальчики, начиная с десяти лет по собственному желанию или воле отца. Обучение проходило дома, куда для этого приходил мулла, или в специальных школах, которые существовали при мечетях в некоторых аулах. Если ребенка отправляли в такую школу, то с собой ему давали одежду и по возможности книги. В школе обучали арабскому письму и чтению Корана. Девочки школ не посещали. Их учили тому, что будет заполнять их жизнь: шитью, кройке, ткачеству, изготовлению нитей, тесьмы, валянию войлока и всему прочему, что делала девушка до замужества в родном доме.

4

В погребальных обрядах чеченцев мусульманские элементы уже в XVII веке возобладали над языческими. По мусульманскому обычаю мулла читал над умершим отходную молитву (ясин). Женщины громко плакали, били себя в

грудь, рвали на себе волосы, царапали лицо. Мулла тем временем клал умершего на дубовую доску, омывал его и оборачивал холстом белого цвета.

Узнав о кончине человека, его односельчане, родственники и знакомые из других аулов спешили к его дому, причем мужчины приводили с собой барана или приносили деньги — помощь семье, потерявшей кормильца. Пришедшие начинали прощаться с умершим. Здесь мусульманский запрет на скорбь о покойном пересиливался древними обычаями. Женщины начинали причитать, плакать, печально пели о доблестях покойного и горькой участи вдовы. По окончании женского плача в саклю входили мужчины, которые до того находились во дворе. По одному или по двое они появлялись в комнате, где находился покойник, стояли там некоторое время и молча, опустив голову, выходили.

Хоронили умершего по исламскому закону в день его смерти. Исключение делалось только, если человек умер неожиданно. Тогда похороны продолжались до трех дней, чтобы родные и знакомые из других аулов могли успеть на них. Тело покойного на кладбище несли мужчины, а женщины у окраины аула поворачивали обратно. Покойного укладывали в могилу головой на запад, лицом к Мекке. После того как могилу засыпали землей, мулла читал молитву и трижды поливал могилу в головах покойного водой из кувшина, после чего все расходились. На следующий день после погребения родственники умершего устраивали поминальный пир. Тех, кто пришел на него, размещали в доме и угощали бараниной и говядиной. Когда входил очередной посетитель, все поднимались и читали особую молитву, в конце которой оглаживали бороды.

Чеченцы были глубоко убеждены, что если не устроить поминки, то умерший не сможет благополучно существовать в загробном мире. Поэтому, несмотря на большие расходы, поминки устраивались очень многолюдные. На них приходили не только родственники и односельчане, но и знакомые покойного даже из самых дальних мест. Для поминального пира резали множество баранов и быков, а до принятия ислама готовили большое количество пива и араки. Кроме того, необходимо было починить платье покойного (черкеску, бешмет, башлык, ноговицы, рубашку), которое предназначалось для раздачи малоимущим односельчанам.

Особым образом погребали погибших в бою — без омовения и савана, в том виде, в каком их настигла смерть. Воин, погибший за веру, — а такими боями были практически все столкновения с иноверцами, — считался «шахидом» —

святым мучеником. Над его могилой устанавливался надгробный камень с чалмой и надписью, а также длинный, до трех саженей (около шести с половиной метров) высотой, шест с длинным цветным знаком, обращенным к востоку. Церемония сооружения памятника шахиду была чрезвычайно впечатляющей и рассчитанной на то, чтобы возбудить в собравшихся мужчинах стремление стать борцом за веру. «Я видел в Чечне не одну из этих церемоний, — писал очевидец. — И уверен, что каждый чеченец, который присутствует при этом, возвратится домой с неодолимой жаждой смерти на поле битвы и надеждой, что ему поставят на могиле подобный памятник. Тот, кто ввел у чеченцев эту церемонию, был великий знаток человеческого сердца, в котором врожденное чувство честолюбия и которому сладостна мысль, окончив доблестно земную жизнь, увековечить себя в памяти сограждан».

Решение об установлении памятника шахиду принималось всем аулом. Заготовив памятник, люди отправлялись на могилу, где со стрельбой и песнями устанавливали столб или длинное копье с надетым на него шелковым длинным флажком белого, красного или голубого цвета. Затем мужчины садились на лошадей, выстраивались в одну линию лицом в сторону неприятеля и производили залп из ружей, давая понять врагу, что убитый будет отомщен. Затем весь строй поворачивался лицом к родному аулу шахида и давал еще один залп, возвещая, что их односельчанину отдается высокая честь за его подвиг.

Чеченцы всегда с большим почтением относились к могилам своих родственников. Раз в неделю (обычно в пятницу) мужчина заходил на кладбище, чтобы прочитать молитву над прахом своих предков. Накануне этого дня семья умершего готовила поминальные лепешки и угощала родных и соседей. В дни, установленные для поминок, резали быка или корову, готовили угощение и раздавали односельчанам. У чеченцев существовало также поверье, что если в день поминок отпустить пленного, то душа умершего получит облегчение. Нередко в день поминок давали свободу пленному или рабу.

В заключение обзора чеченского общества приведем характеристики, сделанные исследователями XIX века. «Чеченцы, — писал П. Г. Бутков, — честолюбивы, горды, вспыльчивы, храбры. Чеченец легче снесет всякую другую обиду, нежели оскорбляющую личность его. Сказать, что он трус,

значит, сделать его врагом непримиримым и подвергнуться мщению. Они редко попадают в руки неприятелей, почитая за стыд жить в плену. Случалось, что, будучи в руках наших, предавали себя смерти даже за уверенностью получить свободу обменом на христианских пленников. Случалось также, что взятые в плен раненые смертельно имели злость плевать на всех, кто приближался, и злословить».

«Чеченцы горды, тщеславятся своею независимостью и верят в широкую будущность своего народа и своей родины, — сообщает другой знаток Кавказа Н. Ф. Дубровин. — Покидая с трудом свое отечество, чеченец спешит как можно скорее вернуться под "свое родное одеяло" — так называют они свои леса и горы. Чеченцы считают себя народом, избранным самим Богом, но для какой именно цели они предназначены и избраны, объяснить не могут. Вследствие такой самоуверенности они полагают, что ни во взгляде на жизнь, ни в своих мнениях и приговорах ошибаться не могут. От этого у них часто проявляется недоверие ко всему сказанному нами (русскими), ко всем действиям нашим, клонящимся прямо в их пользу. Причину такого характера надо искать в кровавых переворотах, которым подвергались чеченцы от нашествия и разорений иноплеменников, и в борьбе с лишениями всякого рода. Добрая нравственность народа только и поддерживается еще прежними преданиями старины, сказаниями о патриархальных временах, когда понятия их были девственны и чисты. Умственное развитие чеченцев весьма велико: они искусные дипломаты, как между собою, так и с русским правительством. Они чрезвычайно тонки, осторожны, дальновидны в своих действиях, чему способствует их врожденная недоверчивость, а главное, беспрерывные насилия и вечная война».

Бывает, волк холодной ночью воет,
Все думают, что с голоду он воет.

Нет. Он от стаи оторвался,
Вот причина!

Похожи все мы на такого волка,
Оторванные от родных могил.

За что нас Бог карает?
Точно судно, что в Мекку плыло,
Но разбито бурей!

Старинная чеченская песня

Часть вторая

ИМАМ

Лишь достигнув сердца жизни, человек понимает, что он не выше преступника и не ниже пророка.

Джебран Халиль Джебран

Глава 1

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

1

В предыдущих главах мы попытались рассказать, какой была Чечня и как жили чеченцы в XVIII веке, который стал временем имама Мансура и новым периодом в истории русско-кавказских отношений.

Следует заметить, что отношения эти за свою историю прошли несколько заметных этапов. Начиналось все в весьма отдаленные времена, когда кавказские народы и русские княжества поддерживали оживленные торговые отношения и не раз становились союзниками в борьбе с сильными врагами — Хазарским каганатом, татаро-монголами, Ираном и Турцией, стремившимися подчинить народы Северного Кавказа. Наиболее активным было это соседство и сотрудничество во времена Ивана Грозного, когда многие народы Кавказа перешли под покровительство сильного Московского царства. Далее в России начался период Смутного времени, когда само существование государства оказалось под вопросом. Оправившись от смут, самозванцев и нашествий, Русское государство стало приобретать все больший вес на международной арене. К концу XVII века начал явственно ощущаться перевес России в борьбе за Северный Кавказ с ее давними соперниками — Персией, Турцией и Крымским ханством.

В период царствования Петра I внешнеполитические усилия Русского государства были обращены на Запад. Началась война за выход к Балтийскому морю. Это значительно усилило влияние Турции на Кавказе. Такое положение дел не устраивало Россию, и потому сразу по окончании Северной войны в 1722 году Петр I предпринял Персидский

поход. Результаты его нельзя назвать полностью успешными, однако под суверенитет Русского государства перешли территории по западному берегу Каспийского моря и города Дербент, Баку, Решт, Астрабад. Заключенный в 1723 году договор с Ираном подтвердил эти изменения. Несмотря на общий колонизаторский характер политики Петра I на Кавказе, она оказала объективно положительное влияние на жителей региона, в том числе и чеченцев. С основанием здесь новых русских крепостей уменьшилась опасность турецко-крымских вторжений, расширились рынки сбыта местных товаров. Приобретения Петра I на Каспии были утрачены его племянницей, императрицей Анной Иоанновной, а русско-турецкая война 1735—1739 годов принесла России новые территориальные потери.

С обретением выхода к Балтийскому морю русская политика вернулась к проблеме выхода к морю Черному. Задача эта потребовала восстановления старых связей и торговых путей, которые пролегали через Кавказ. В то время многие владетели Чечни установили с Россией добрососедские отношения и придерживались русской ориентации. Чеченцы принимали непосредственное участие в русско-турецкой войне 1735—1739 годов. Летом 1735 года 80-тысячное войско крымского хана Каплан-Гирея вышло на берег Сунжи. В чеченском предании о тех временах говорилось, что хан обложил данью «даже тех, кто в бедности жили у гор снеговых». Тогда чеченцы объявили, «что готовы насмерть с ним биться за свободу, чтобы рабскую дань не платить». Крымские татары были разбиты наголову в ущельях чеченских гор, два царевича и многие знатные мурзы погибли или попали в плен.

Во время вторжения на Кавказ иранского шаха Надира в 1745 году чеченский владетель Айдемир побывал в Кизляре, где договорился с русскими о совместной борьбе и «против шаха по возможности своей стоять обязался». Он же содействовал к приведению других горских владетелей, включая аварцев и андийцев, к союзу с российским воинством. После изгнания войск шаха Надира с Кавказа многие чеченские общества поддерживали с Россией добрососедские отношения. В том же 1745 году жители селения Чебутли получили поддержку России, «дабы им с купечеством в город Кизляр, гребенские городки, тако в Андреевскую, Аксайскую и протчие деревни ездить под защищением было свободно». Вслед за селением Чебутли с Россией стали сотрудничать Алдинское общество и аул Шали. В эти годы российское правительство учредило постоянное царское жа-

лованье для пятидесяти узденей и четырех чеченских владетелей — Расланбека Айдемирова, Алисултана и Алибека Казбулатовых и Турлова. К середине XVIII века ориентация на Россию среди чеченской аристократии стала преобладающей.

Однако тесная связь верхушки чеченского общества с российским правительством имела и свою негативную сторону. Простые чеченцы, как уже не раз отмечалось, с неохотой подчинялись любой власти, в том числе и собственным князьям, а порой, возмутившись притеснениями, даже изгоняли неугодных князей со своих родовых территорий. В 1758 году, когда власть местных владетелей пошатнулась, царское правительство послало в Чечню большие военные силы для «замирения» народа и укрепления княжеской власти. Тогда большинство князей вернулись в свои уделы, но российская «помощь» оказала плохую услугу дальнейшему развитию отношений между русскими и чеченцами.

Вторая половина XVIII века была ознаменована нарастанием русской активности на Кавказе. В это время Россия делает первые шаги к освоению природных богатств края. На Северный Кавказ направляются поисковые партии с целью разведки полезных ископаемых и возможностей их практического применения. Для ознакомления с народами, населяющими Кавказ, их обычаями, языками, хозяйственным укладом российская Академия наук отправляет в эти места ряд экспедиций.

Одновременно Россия предпринимает серьезные шаги для укрепления своих военных позиций. Заложена первая линия оборонительных укреплений, идущих от Кизляра, основанного в 1735 году, до Моздока, заложенного в 1763 году, и далее к Азовскому морю. Построены крепости Екатериноградская, Павловская, Марьинская, Георгиевская и Александровская. Эти укрепления позволили русским во время новой войны с Турцией 1768—1774 годов вести активные боевые действия против войск султана не только на Кавказе, но и Закавказье, где союзниками России были Картли-Кахетинское и Имеретинское царства.

Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года кардинально изменил ситуацию на Кавказе в пользу России. По этому договору Крымское ханство, давний союзник Турции, становилось независимым государством, а по существу вассалом России. По тому же договору Турция отказывалась от Кабарды, и кабардинцы также становились российскими подданными. Вновь построенная Кавказская линия позволила России начать колонизацию края, о чем докладывал

императрице Екатерине II генерал-губернатор обширных южных владений князь Г. А. Потемкин-Таврический: «Оная Линия... отделит разного звания горских народов... от тех мест, коими нашим подданным пользоваться следует, положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество... Сверх того открывает способ войти в тамошние горы и жилище осетинское и со временем пользоваться их рудами и минералами».

Политика колонизации Северного Кавказа, которая год от года делалась все более активной и целенаправленной, становится причиной резкого обострения отношений между горскими народами и Российской империей. К тому времени этот обширный край практически не имел оседлого русского населения, кроме казачьих линейных станиц, входивших в пограничные войска. Протянувшись вдоль Кубани и Терека до самого Каспия, Кавказская линия стала форпостом для дальнейшего продвижения русских вглубь Кавказа. Городов на линии не существовало, были только крепости и укрепления с гражданскими слободками, которые также подчинялись военному управлению. Слободки эти возникали стихийно — под прикрытием крепостей селились отставные нижние чины с семействами, торговцы, ремесленники, выходцы с гор, принявшие христианство.

Создание линии отрезало горцев от благодатных степных пастбищ, столь важных для отгонного скотоводства, лишало их доступа к путям сообщения и возможности торговать со степными народами Предкавказья — ногайцами и калмыками, а также с терскими казаками. С середины XVIII века русские посты на Тереке не пропускали за реку чеченских торговцев, вымогая с них взятки, а то и просто отбирая товар. Если же торговля разрешалась, она проходила под контролем русских чиновников, которые бессовестно занижали цены, обманывая горцев. Тем не менее торговля с Россией неуклонно росла: на берегах Терека «толпились» целые обозы из 30—40 арб с товарами из Чечни и Дагестана. Главным центром торговли стал Кизляр, куда со всего Северного Кавказа доставлялись фрукты, орехи, мед, лес, кожи и шерсть.

В Петербурге уже считали весь Кавказ русским владением и в 1776 году отдали его в подчинение родственнику всесильного фаворита, 33-летнему генералу Павлу Сергеевичу Потемкину, получившему титул командующего Кавказской линии, а позже генерал-губернатора. Однако правительство России понимало, что надежно связать этот край с импери-

ей можно только с распространением здесь земледелия и ремесел, а значит, с учреждением сел и городов. Эти соображения дополнялись необходимостью развивать средства снабжения расквартированных здесь войск, так как при плохих дорогах и удаленности от Центральной России содержание войск и оперативное управление ими становилось затруднительным.

Для защиты новых территориальных приобретений России на Кавказе от возможных вражеских нападений и управления присоединенными горскими народами правительство постановило продолжить Кизляро-Моздокскую линию на запад, по кабардинским землям и реке Кубани. Это продолжение составили десять укреплений, построенных от впадения реки Малки в Терек до устья Дона. В числе этих крепостей были будущие города Георгиевск, Ставрополь, Азов. Позже эта линия получила название Азово-Моздокской. Сюда была переселена часть волжских и донских казаков общим числом до 850 семей. Но основным и постоянным элементом колонизации края были отставные солдаты. Генерал Потемкин в 1782 году расселил здесь 586 человек с семьями, прибывших из внутренних губерний, которые основали три слободы — Сергиевскую, Саблю и Малку.

В июле 1783 года к России было присоединено степное Прикубанье, населенное ногайцами. Это стало возможным после включения в состав России Крыма и признания Оттоманской Портой реки Кубани границей русских владений. В следующем, 1784 году на правом берегу Кубани были построены форпосты Преградный Стан, Прочный Окоп и Григориополис. Они стали опорными пунктами обороны от Закубанья, которое формально оставалось владением Турции. С этого времени начинается этап массовой колонизации Предкавказья. По сенатскому указу от 22 сентября 1782 года Потемкин получил право раздавать земли в этом регионе русским помещикам, привозившим сюда своих крепостных из центральных областей России. Правом этим воспользовалось лишь несколько лиц из столичной знати. Расселение и устройство на этих землях крепостных крестьян требовало огромных расходов, а надежды на возмещение затрат были довольно шаткими. Вот почему только очень богатые люди, да и то из «придворных» соображений, решились принять эти «царские подарки».

В 1784 году указ от 18 декабря даровал право получать свободные земли на Кавказской линии всем желающим без различия рода и звания. Однако и эти меры оказались не-

достаточными для привлечения поселенцев. Обещание свободного отвода земли без других льгот не могло заставить крестьян из внутренних губерний оставить обжитые места и искать счастья в отдаленной, неведомой и опасной стране. Военным властям отдано было распоряжение оставлять вышедших в отставку солдат кавказских войск для жительства на линии, причем поселянам выдавалось из казны пособие в 20 рублей — по тем временам немалая сумма.

В 1785 году, после учреждения Кавказского наместничества, генералу Потемкину был объявлен именной указ с изложением главных направлений его деятельности по устройству края. В числе прочего этот указ содержал план колонизации Кавказа, разработанный самой императрицей. План этот состоял из трех главных пунктов:

1) по степи от Царицына до Кавказской линии и от линии до Черкасска должны быть построены почтовые дворы и начато заселение дорог, начиная от почтовых станций через 15—30 верст; селения было предложено ограждать земляными укреплениями «от внезапного покушения тамошних народов, от своеволия еще не отвыкших»;

2) между Черкасском и линией необходимо основать город, «к которому со временем и умножением населения, и уезд причислен быть может»; в качестве пособия колонистам выдавать по 20 рублей;

3) посадить на те поселения отставных солдат, привлеченных различными пособиями от казны и другой помощью.

На призыв откликнулось 23 175 «душ мужеского пола» из разных мест России, главным образом курских, пензенских и орловских крестьян. В 1786 году численность населения Кавказской области составила 5742 городских жителя и 16 414 сельских, всего 22 156 душ мужского пола. Среди них было русских 16 839 (76%), армян 2092 (9%), грузин 1323 (6%), греков, поляков и новокрещеных разных наций 203 (1%). По сословиям население Кавказской области делилось следующим образом: купцов 52, мещан 188, однодворцев 12 456, казенных крестьян 1931, малороссиян 510, помещичьих крестьян 843, отставных солдат 469, дворовых людей 124, беглых помещичьих крестьян 124, неизвестных сословий 142; всего 16 839 душ мужского пола.

Пополнялось и городское население. Оно приезжало не только в известные уже города Кизляр и Моздок, но и в некоторые укрепленные военные поселения, которые со временем тоже получили статус городов. Примером такого нового города была станица Екатериноградская, которая

стала административным центром Кавказского наместничества. Переселенцы направлялись также в Царицын и Черкасск. На новых местах по именным спискам их принимали особые государственные чиновники и препровождали в места нового жительства, где колонистов встречали распорядители поселений. Генерал Потемкин стремился, чтобы новые места соответствовали тем условиям, к которым привыкли различные категории переселенцев, — например, украинцев он предложил поселять в степях, «как людей, привыкших к безлесным местам». В расселении колонистов учитывались и другие факторы. Так, татар из Казанской, Вятской и других губерний было предложено поселять на кавказской дороге от Царицына, «дабы иметь их далее от заграничных народов, с ними единоверных». К солдатским слободам следовало подселять однодворцев, поскольку дети поселенцев-солдат «войдут почти в тот же род и звание», а, кроме того, одинокие солдаты «будут иметь случай обжениться».

Тщательно, казалось бы, продуманные планы российского правительства жестко корректировались жизнью. Поселенцы страдали от непривычного климата, лишений и постоянных набегов горцев, видевших в них более опасных захватчиков, чем солдаты и казаки. В Михайловском, Надежде, Пелагиаде и Марьином в 1787 году было 4696 душ поселенцев-крестьян мужского пола. За два следующих года население уменьшилось на четверть, причем из них умерло 1243 человека, было взято горцами в плен 106 человек, бежало 90, отдано в рекруты 109, перешли в сословие купцов и мещан 126 человек. За эти же два года родилось 485 человек. Таким образом, общая убыль мужского населения составила 1189 человек.

Академик Паллас, в 1793 году совершивший путешествие по Северному Кавказу, отмечал, что, несмотря на естественный прирост, общее число колонистов со времени их поселения в крае не увеличилось. По его же свидетельству, хозяйство переселенцев все же развивалось. В 1792 году они собрали на своих полях 94 400 четвертей ржи, 86 400 четвертей пшеницы, 45 544 четверти ячменя, 28 300 четвертей проса, 75 700 четвертей овса, 1200 четвертей гречихи, 1533 четверти гороха, 3140 четвертей конопли, 2160 четвертей льняного семени. Этих продуктов было достаточно для жизни и снабжения местных воинских частей.

Указ от 9 мая 1785 года, предписавший П. С. Потемкину план колонизации, предлагал и другие мероприятия по улучшению гражданской и хозяйственной жизни края. Так,

в главных городах-крепостях Кавказской линии, Кизляре и Моздоке, которые до того управлялись военными властями, решено было ввести городское самоуправление. Иностранцам, поселившимся в Саратовском наместничестве, было разрешено расселяться на Северном Кавказе. Во вновь учрежденном губернском городе Екатериноградe предписывалось построить соборную церковь и открыть школы — одну для обучения детей аманатов (заложников из числа горцев) и другую для обучения русских горским языкам. Было дано также указание привести в порядок дороги, особенно через Кавказские горы в Грузию, и построить на этих дорогах каменные мосты.

Программа была задумана широко, однако в присоединенном крае почти совсем не было гражданского населения, а полувоенные поселенцы вынуждены были жить, не выпуская из рук оружия, постоянно отвлекались от мирных трудов набегами горцев, объявивших их захватчиками. Главная мысль, обозначенная в плане колонизации, была безусловно верной — для утверждения в крае российской власти необходимо не только оружие, но и школы, развитие сельского хозяйства и промышленности. Однако мирное строительство требовало большой и сложной работы, зато военная сила в лице Кавказского корпуса всегда была под рукой. Но кто сможет припомнить хотя бы один случай из человеческой истории, когда иностранные солдаты принесли мир и благоденствие в какую-нибудь страну?

Укрепление России на Северном Кавказе подготовило возможность присоединения Восточной Грузии. В июле 1783 года Георгиевским трактатом (подписан в крепости Георгиевск) царь Ираклий II подтвердил переход под протекторат России Картли-Кахетинского царства. Для лучшей связи с вновь присоединенными закавказскими землями необходима была удобная и безопасная дорога. Через Дарьяльское ущелье уже имелась вьючная тропа, вместо которой русские власти во главе с генералом Потемкиным решили проложить дорогу. Усилиями полутора тысяч русских солдат в течение трех месяцев была построена дорога через Дарьяльское ущелье и Крестовый перевал. Это было начало знаменитой Военно-Грузинской дороги, которая в последующие годы прочно связала Закавказье с Северным Кавказом и Россией. Для того чтобы обеспечить безопасность движения по пути от Моздока до Дарьяла, были сооружены четыре крепости, одной из которых стал Владикавказ — в будущем крупнейший русский город на Северном Кавказе.

2

Столь значительные территориальные и политические перемены в Кавказском регионе не могли не сказаться и на ситуации в Чечне, тем более что она располагалась на пересечении путей из России в Закавказье и на Восточный Кавказ. У страны, оказавшейся в подобном положении, судьба всегда складывается непросто, особенно если ее населяют горцы, не привыкшие ни к каким притеснениям и ограничениям своей свободы. Прокладывая новые дороги в Закавказье, строя укрепления и заселяя земли на Северном Кавказе, русские вторгались на территории чеченских обществ, нарушая их веками налаженную жизнь. Не могли мириться чеченцы с ограничениями в торговле и передвижениях, с другими притеснениями, связанными с колониальной политикой Российской империи на Кавказе. В связи с ростом населения и земельной теснотой чеченцы в поисках новых мест для поселения начали в массовом порядке заселять долину Терека и бассейны рек Ассы, Фортанги и Сунжи. Конфликты разного характера с русскими становились все более частыми и драматичными.

Военные столкновения российских властей с горскими народами, в том числе с чеченцами, начались еще в первой половине XVIII века. Так, П. Г. Бутков сообщает, что 23 июля 1722 года отряду царских войск во главе с бригадиром Ветерани специальным указом правительства предписывалось выступить против восставших чеченцев и жителей «Андреевской деревни» — имелся в виду аул Эндери, столица кумыкского Эндереевского княжества в Дагестане. Отряд Ветерани состоял из трех полков драгун, насчитывавших в своем составе около двух тысяч солдат, а также 400 казаков. Отряд Ветерани встретил вооруженное сопротивление чеченцев и жителей Эндери, число которых составляло от пяти до шести тысяч человек. В это время полковник Наумов с командой солдат и офицеров из этого же отряда подошел к Эндери. Вскоре «вся деревня, — указывает П. Г. Бутков, — была разорена и превращена в пепел; получена знатная добыча». Из команды Наумова при сражении с восставшими чеченцами и кумыками было убито более 80 драгун. Среди восставших горцев также было много убитых и раненых.

Через десять лет после похода на чеченцев бригадира Ветерани, в июле 1732 года царские власти снарядили в Чечню другую военную экспедицию во главе с командовавшим войсками в крепости Святой Крест генерал-майором графом Дугласом. В это время владетель Чечен-аула Айдемир

Бардыханов оказал открытое сопротивление российским властям. Горцы угрожали нападением на укрепленную Кавказскую линию. Генерал-майор Дуглас, приглашенный местными владетелями и старшинами, с отрядом в 1200 человек пехоты и 500 человек казаков 4 июля предпринял военную экспедицию в Чечню и Кумыкию. Когда отряд подошел к кумыкской деревне Эндери, генерал Дуглас получил известие, что восставшие, узнав о приближении войск, тут же разошлись. Обманутый этими ложными сведениями, Дуглас ограничился тем, что послал против деревни Чечен-аул отряд под командованием полковника Коха из 300 человек пехоты и 200 человек казаков, сам же с оставшимися войсками ждал у деревни Эндери. Отряд Коха 7 июля вступил в деревню Чечен-аул, сжег ее и стал отходить назад, но при отступлении солдаты и казаки были окружены восставшими горцами. В происшедшем между ними сражении были убито 125 и ранено 75 солдат. Количество потерь со стороны восставших источники не сообщают.

Вторая половина XVIII века отмечена участившимися столкновениями чеченцев с русскими войсками, которые проникали все дальше и дальше на Северный Кавказ. В рапорте кизлярского коменданта Куроедова на имя князя Г. А. Потемкина говорится, что в 1757 году во время отправления должности коменданта Кизляра генерал-майором фон Фрауендорфом чеченцы «совершенно вышли из повиновения своим владельцам» и «совсем оказались противными Российской стороне». «За таковые дерзости, — продолжает рапорт, — того же году октября 23 дня велено было их наказать и привесть к должному повиновению».

Экспедиция генерала Фрауендорфа в Чечню была, пожалуй, самой продолжительной. Она длилась несколько месяцев. В представленной в Коллегию иностранных дел докладной Фрауендорф указывал, что «чеченцы явно от подданства Ее Императорского Величества отложились и от владельцев своих отстали и ни в чем их не слушают и, кроме всего вышеписанного, под гребенские городки почти ежедневно чинят подбеги и наводят беспрестанное беспокойство и всячески ищут убивать, пленить и воровать и казачьи городки выжигать хвалятся... а владельцы чеченские по непослушанию тех злодеев бессилием отговариваются и о наказании их просят». Поэтому, отмечал в своей докладной кизлярский комендант, «чеченцам всемерно надлежит учинить наказание». Между тем причиной выступления чеченцев были отнюдь не «шалости», а аресты и ограбления чеченских купцов на торговых путях, захват казаками и солдатами скота в

чеченских аулах по Сунже. К этим действиям, о которых постоянно сообщают русские документы, добавилось строительство укреплений на чеченских землях правобережья Терека, которое даже императрица Елизавета Петровна сочла ошибочным и неправомерным актом.

Одобряя инициативу кизлярского коменданта о «наказании» восставших горцев, Коллегия иностранных дел отмечала, что она «в наказании чеченцев за учиненные ими ныне явные противности весьма согласна, ибо подлинно, что тем далее, то они больше продерзости производить не оставят, а притом и другие горские народы к ним приставать могут». Действительно, на помощь чеченцам пришли до двух тысяч кумыков, андийцев и аварцев, которые явились к Чечен-аулу и участвовали в стычках с царскими войсками. В экспедиции против восставших участвовали казачьи войска — Гребенское и Терское семейное, Кизлярская нерегулярная команда князя Эльмурзы Черкасского, грузинский и армянский эскадроны, калмыцкие отряды под начальством Яндыка и Ерембия и не менее 500 человек пехоты от двух гарнизонных полков с полковыми пушками.

О точном количестве всех воинских частей, участвовавших в экспедиции, мы не имеем сведений. Войска были расположены лагерями по обоим берегам реки Сунжи: калмыцкие отряды — на правом, а царские войска — на левом. Хотя в целом экспедиция длилась месяц, основные боевые действия ограничились одним сражением с чеченцами, которое произошло 24 апреля 1758 года. По неполным данным, в сражении было убито два солдата, и еще шестеро позже скончались от ран; потери горцев неизвестны. За время похода царские каратели сожгли несколько чеченских аулов, угнали скот и уничтожили посевы, обрекая население на голод.

Несмотря на поход Фрауендорфа, чеченцы продолжали выступать против русских войск и своих владетелей. В 1770 году генерал-майор де Медем, назначенный накануне командующим войсками Кавказской линии и одновременно инспектором, дважды ходил «наказывать» чеченцев, которые «никак своего буйства не оставляли». Примерно то же самое говорил о походе генерала де Медема в Чечню в 1770 году известный знаток Кавказа П. Г. Бутков. Он, в частности, отмечал: «Сей первый поход против чеченцев, в коем употребленная умеренность не могла их привести к раскаянию, но поощряла только к вящим преступлениям, и они от буйства своего не отстали».

В 1774 году после генерала де Медема инспектором Кавказской линии был назначен генерал-поручик Якоби, при котором был также совершен ряд походов против чеченцев. Та же картина повторилась и весной 1783 года при командующем войсками на Кавказе генерал-поручике П. С. Потемкине, когда войска для усмирения чеченцев были двинуты одновременно с запада, от Карабулака (Арштхой), и с севера, через Ханкальское ущелье. Так, против селения Атаги выступил полковник Кек с тремя батальонами пехоты, 12 орудиями, двумя эскадронами легионеров и 1150 линейными казаками. В Карабулак был отправлен майор Рик с батальоном пехоты, эскадроном драгун и сотнею казаков. Полковник Кек со своим отрядом 3 марта выступил против Атагов и сжег их, а заодно и соседнее селение Алды — родной аул Мансура. Заранее покинувшие оба аула горцы попытались дать бой царским войскам, но из-за неравенства в вооружении отступили, понеся серьезные потери.

В конце сентября 1783 года генерал-поручик П. С. Потемкин вновь снарядил несколько отрядов в Чечню для наказания восставших атагинцев, а также жителей некоторых других равнинных сел, которые не желали повиноваться царским властям и давать им аманатов (заложников). Так, из Малой Кабарды отряду генерала Самойлова (из шести рот гренадер, двух батальонов егерей, двух эскадронов драгун, одного Донского казачьего полка с четырьмя полевыми пушками) было приказано наступать мимо жилищ чеченцев-карабулаков к селению Атаги. Сам же генерал Потемкин в это время с двумя пехотными полками, егерским батальоном, 4 эскадронами драгун и 900 казаками выступил из Наура к Ханкальскому ущелью.

В задачу Потемкина входило, отвлекая наступательным маневром местных жителей, дать возможность и время отряду Самойлова незамеченным проникнуть в селение Атаги и сжечь его — уже во второй раз за полгода. 3 октября отряд Потемкина перешел реку Сунжу и остановился у Ханкальского ущелья, ожидая приближения отряда Самойлова. Однако Самойлов при движении с запада был встречен на пути сопротивлением чеченцев из селения Гехи. Потемкин в это время продолжал отвлекать чеченцев у входа в ущелье Хан-Кала, а потом атаковал их в самом ущелье. 6 октября в ущелье вошли два батальона пехоты под командованием полковника Пиери. Перестрелка длилась 12 часов. Чеченцы первыми отступили из ущелья. Следует отметить, что накануне этого сражения в Ханкальском ущелье российскими отрядами был вырублен лес, чтобы войска свободно могли

передвигаться, перестраиваться и вести бой. В это время генерал-поручик Потемкин послал в ущелье для соединения с Самойловым четыре гренадерские роты и 300 казаков. Чеченцы, беспрепятственно пропустив вперед царские войска, внезапно напали на отряд Потемкина с гор, покрытых лесом, но были отбиты. Тем временем Самойлов, пробившийся с запада Чеченской равнины к Аргуну, захватил селение Атаги и, отбиваясь от сопротивлявшихся чеченцев, пошел к Хан-Кале для соединения с Потемкиным. В этом сражении со стороны царских войск было убито 18 и ранено 49 человек.

Незадолго до этих грозных событий Ушурма вернулся из горной обители, где чистый муж Цани Стаг учил юного отшельника служению Господу и пониманию Корана. Мы не знаем, принял ли он участие в столкновении своих земляков с царскими войсками, но все случившееся глубоко повлияло на него. Если в его душе и жило стремление удалиться от мира и, подобно своему наставнику, проводить жизнь в молитвах и размышлениях, то в этот момент оно отступило на второй план. Разорения и насилия, чинимые незваными пришельцами, вызвали у молодого чеченца, как и у многих его земляков, гнев и желание отомстить. Ушурма с детства внимательно прислушивался к беседам стариков, набираясь у них мудрости. С каждым годом старики все больше говорили о притеснениях со стороны русских войск и о том, что рано или поздно они захватят весь Кавказ. Быть может, еще тогда у него зародилось желание противостоять этой угрозе и защитить вековую свободу чеченцев. Но, без сомнения, именно осенью 1783 года это желание преобразилось в четкую программу действий.

Некоторое время жизнь шла своим чередом, но в начале 1785 года Ушурма собрал родных и рассказал, что к нему опять явились два сияющих всадника. Но теперь они отворили свои уста и сообщили, что он, Ушурма, должен привести к вере в Аллаха своих соотечественников и все народы Кавказа. С этого времени он не может молчать и должен рассказать об этом народу, который нуждается в откровении. Ангелы — теперь он твердо знал, что это были они, — сообщили, что высокое служение было назначено ему с рождения самим Аллахом. Вот почему они постоянно следили за ним и охраняли его. Теперь пришло время вступить на путь, предназначенный ему Господом. Родственники были очень озадачены и даже напуганы этим признанием Ушурмы и просили его повременить с сообщением известия односельчанам.

Однако Ушурма ждать не стал. По чеченскому обычаю он поднялся на крышу дома и созвал жителей, обратившись к ним с такими словами: «Правоверные! Изо дня в день мы отступаем от слов Аллаха, будто забыв, что Он, Единственный и Всемогущий, сотворил всех нас и что к Нему нам предстоит вернуться. Мы отдаляемся от заветов священного Корана, будто не знаем о страшной каре, приготовленной Всевышним для всякого отступника. Опомнитесь, люди, ибо я возвещаю вам о гневе Аллаха, который вы навлекаете и на свои головы, и на весь наш народ!»

«Кто же ты, вестник? Святой, ангел или, может быть, пророк?» — с гневной усмешкой выкрикнул мулла, тоже пришедший к дому Мансура.

«Я — Ушурма, сын Шабаза, которого вы все знаете, — спокойно ответил имам. — Я не ангел, не пророк и не святой, но один из тех, кого Аллах облагодетельствовал истинной верой. Я — раб Аллаха, не признающий никакого другого рабства, кроме этого. Я призываю и вас освободить свои души от низменных страстей, а ваши тела — от власти неверных!»

Так впервые прозвучала и быстро распространилась по всему Кавказу весть о том, что в чеченском ауле Алды появился имам, который призвал горцев к всеобщему признанию исламской веры и «священной войне» против России, стремящейся обратить в рабство свободные народы Кавказа. Так шейх Мансур начал свое служение, которое не оставлял уже до конца жизни...

3

У всякой войны, кроме экономических, существуют и политические причины. В многолетнем русско-чеченском противостоянии основной политической причиной считается так называемый исламский фактор. Это не вполне верно. Попробуем разобраться, почему наиболее крупное народное движение на Кавказе конца XVIII века началось именно в Чечне, где ислам духовно и организационно был в то время гораздо слабее, чем в Дагестане, где куда логичнее было бы ожидать восстания. Для того чтобы понять истину, необходимо увидеть под религиозной оболочкой движения те глубинные социальные процессы, которые стали истинной причиной выступления горцев.

В XVIII веке в Чечне в отличие от других национальных районов не существовало неограниченной власти владетелей

над свободными горскими крестьянами. Здесь никогда не практиковалась, как, например, у кумыков или кабардинцев, купля и продажа крестьян и членов их семей. Зависимость чеченских крестьян от своих владетелей выражалась чаще всего в форме натурального налога, выплачиваемого обществами горцев за исполнение князьями своих обязанностей. Случалось, что для управления разрозненными чеченскими родовыми объединениями (особенно в случае войны с соседями) приглашались князья со стороны, вводившие дополнительные военные подати. Но «варяги» эти правили недолго (обычно ровно столько, сколько длился конфликт) и вскоре изгонялись. Чеченские по происхождению владетели также не имели неограниченной власти над личностью крестьян и довольствовались более или менее значительными поборами. При этом многие общества Чечни в XVIII веке вообще не подчинялись никаким князьям и владетелям.

Ни в одном из уголков Северного Кавказа богатые хозяева не чувствовали такой неуверенности в своем положении и такого страха перед простым народом, как в Чечне. В переписке с царскими властями князья и владетели постоянно подчеркивали свое бессилие удержать в повиновении подвластных горцев, просили помощи в борьбе с непокорными крестьянами, а то и разрешения переселиться под защиту царских крепостей и укреплений Кавказской линии. Опасения местных владетелей за свою судьбу были вполне обоснованными. В это время произошло несколько крупных восстаний, в результате которых немалая часть владетелей была попросту истреблена. Так, в 1757—1759 годах чеченцы изгнали кабардинского владетеля Девлет-Гирея, который вынужден был переселиться на равнинные земли, под защиту российских властей. После Девлет-Гирея восставшие изгнали и других князей, а один из них, Казбулат из села Атаги, был убит. «Хотя затем все, кроме Девлет-Гирея, и были водворены русскими вновь на прежние места, — сообщает историк Г. А. Ткачев, — однако в 1783 году возмущение повторилось, и владельцы на этот раз окончательно были изгнаны».

Однако главной причиной восстания стало все же не социальное неравенство, а недовольство действиями царской администрации, которая цепью крепостей, кордонов и станиц фактически отрезала Чечню от внешнего мира. Это угрожало сложившемуся за века своеобразному разделению труда, на котором держалось хозяйство горцев: степные народы давали скот и кожи, Кабарда — верховых лошадей и

упряжь, Чечня — хлеб и лес, Дагестан — оружие, посуду, украшения. Затруднялась торговля с Ираном и Турцией, а товарооборот с Россией ставился в зависимость от политической конъюнктуры. Все это ухудшало жизнь горцев и способствовало росту числа бедняков, не имевших ни земли, ни скота. Именно простые крестьяне Чечни выдвинули во главу народного движения не князя или признанного мусульманского богослова, а одного из бедных жителей селения Алды — Ушурму, принявшего имя имама Мансура.

Глава 2

«ПОСТАВЛЮ ЗНАМЯ СВОЕ НА ЧЕЧЕНСКОЙ ПОЛЯНЕ»

1

Весной 1785 года число сторонников имама Мансура постоянно увеличивается. Выступив из Чечни, он быстро находит себе сторонников среди кумыков, кабардинцев, многих народов Дагестана. Уже с этих пор в своих религиозных проповедях Мансур стал говорить о необходимости объединения всех кавказских горцев для борьбы за освобождение. В своих обращениях к жителям родного аула Алды он обещал, что за короткое время соберет великое множество войска. С этим войском он собирался пойти к карабулакам, осетинам и ингушам, а потом в Кабарду для обращения этих народов в мусульманство. После того он планировал выступить против русских городов и крепостей, чтобы остановить продвижение «неверных» на Кавказ.

«Как только наступит к тому время, — говорил Мансур, — я поставлю мое знамя и палатку на Чеченской поляне. Сколь ни обширна поляна, — уверял своих приверженцев имам, — но едва ли вместит она то многочисленное войско, которое соберется ко мне. Я устрою из него стражу на девяти разных местах, по десять тысяч человек в каждом». Речи Мансура не дошли до нас в письменном виде, но их бережно сохранила и передала через поколения народная память. Вот что говорил — или мог говорить — чеченский вождь своим приверженцам в один из дней апреля 1785 года:

«Дорогие соотечественники! Отцы и сыновья гордого чеченского народа!

Бог видит и знает, почему мы собрались здесь. В сегодняшнее непростое время, когда над нами нависла угроза, я вынужден обратиться к вам от имени Всемогущего Аллаха с

просьбой встать на защиту нашего отечества. Бог создал нас свободными, и свобода эта передавалась нами из поколения в поколение как самое дорогое достояние. Мы хотим жить на своей земле так, как жили наши деды и прадеды, любя свой край и уважая его честь. Желаем ходить по своей земле как хозяева, не боясь, что в наш дом в любую минуту придет враг, чтобы убить нас, обесчестить наших жен и дочерей, разрушить наши дома и мечети и наконец отнять у нас данную нам Богом свободу, сделать из нас рабов. Если мы не объединимся, не выбросим из душ наших все злые помыслы и не предадимся полностью на волю Всевышнего, то перестанем существовать как народ. Сам Бог отвернется от нас, и наши дети проклянут нас, но не подчинятся врагу, поскольку в их жилах течет кровь вольных предков, а в груди бьются гордые вайнахские сердца. Они никогда не смогут жить под пятой врага.

Чеченцы — мирный народ. Нам не нужна война, не нужны чужие земли. Видит Бог, мы никогда не начинали войны ни с одним народом, не вторгались к соседям, довольствуясь тем, что дал нам Господь. Жили и живем по милости Аллаха, по данным Им законам адата и шариата. Мы всегда были гостеприимными, делили с гостем кров и последний кусок хлеба. Но мы не потерпим на своей земле непрошеных гостей — тех, кто пришел убивать нас, заставлять нас жить по законам, противным нашей вере и нашему духу.

Аллах велик, и все в Его власти. Он поможет нам избавиться от врагов мирным путем. А если неверные навяжут нам войну, то мы примем ее и покажем, как умеем воевать. Те, кто погибнет в этой войне, попадут в рай волей Аллаха. Он всегда за тех, кто не желает воевать, но вынужден защищать свою землю и свой народ».

Произнося такие речи, Мансур искренне верил, что Аллах поможет ему и, если нужно, даст ему силы творить чудеса. Многие слышали, как он говорил своим воинам, что никакое оружие правоверным не опасно, и если царские войска будут стрелять в них из пушек, то не следует этого страшиться, ибо «дула пушек оборотятся против неверных и станут их же побивать». Он также обещал, что в бою ножи чеченских джигитов сделаются длиннее сабли и будут нещадно разить врагов. Обещал и то, что воинам, идущим в бой пешими, будут посланы свыше чудесные белые кони. Мансур хорошо знал поверья своих сородичей — белая лошадь у чеченцев считается предзнаменованием успехов и счастья. В этом предсказании не было лукавства. Имам не

сомневался, что в предстоящем большом походе горцы захватят немало казацких табунов, где в числе других будут и белые лошади.

Мансур не скрывал, что в предстоящих сражениях восставшим придется понести немалые потери. По донесениям Али-Солтана, он говорил: «Не ведаю, кому суждено остаться в живых, а кому погибнуть, но тот, кто увидит победу, будет героем и счастливейшим из смертных, тот же, кто встретит смерть в бою, станет шахидом и обитателем рая в ту самую минуту, когда отойдет от жизни земной». Войдя в пророческий экстаз, Мансур предсказывал: «Войско наше пролетит по селениям неверных, как буря. Все они покорятся беспрекословно и примут наш закон. Тогда те мусульмане, что еще не присоединились, увидят свое заблуждение и обратятся на путь истины. Всех же, кто и тогда не избавится от помрачения ума и продолжит биться с нами, будем рубить пополам — одна половина превратится в собаку, а другая в свинью. Но знайте, правоверные, что на том трудные дни не кончатся. Придет самая главная битва света с тьмой и добра со злом. Все народы услышат о рождении Даджала (Антихриста. — *А. М.*). Тогда все народы в смятении побегут в Тифлис. Там, от великого стечения последует голод, и будут люди пожирать свое платье и тетиву луков. Многие погибнут и немногие останутся... Только после того появится пророк Иса и убьет Даджала, после чего будет царствовать триста лет для блага всех народов. Потом же наступит конец света».

По всей видимости, Мансур искренне верил в нарисованную им грозную картину будущего апокалипсиса. Не было необычным и то, что он грозил проклятием тем, кто не поверит ему, в том числе священнослужителям. «Особенно же, — говорил он, — адскому мучению подвергнутся нынешние учителя из духовенства, которые не хотят сказать народу о тех испытаниях, которые ждут его, и не учат, что спасутся только праведные. Кто не захочет избавиться от пороков своих и останется в прежних своих заблуждениях, то не удостоятся они быть среди войска праведников».

Первоначально проповеди Мансура и его притязания на духовное руководство вызвали раздражение у представителей духовенства и горской знати. Судя по донесению ногайского старшины Халиля Эфенди-аги русским властям, однажды несколько мурз и хаджи, прибывших из Дагестана, даже ворвались с оружием в дом шейха, чтобы убить его. Сидя в комнате за занавеской, он окликнул их и сказал: «Ведомо мне, что пришли вы меня убить. Что ж, если вы

увидите, что я творю что-либо вредное мусульманскому закону, делайте со мной что хотите. Я же говорю только, чтобы вы молились единому Богу, держали пост, вина не пили и трубок не курили, не убивали бы людей и живых не брали в плен и не продавали в рабство». Услышав эти слова, нападавшие в смущении разошлись. Скорее всего, это легенда — бдительно охранявшие Мансура односельчане вряд ли позволили бы чужеземцам причинить ему вред. Но содержание речей имама, которые он повторял снова и снова, ногайский мурза передал верно. Он утаил от русского командования только одну «малость» — призыв к борьбе против притеснителей, на который с каждым днем откликалось все больше людей.

Зажигательные речи Мансура быстро оказали действие на его односельчан. Уже 4 марта 1785 года старшина деревни Куллар Кайтуко Баков сообщил в русской ставке в Кизляре, что заметил в ауле Алды приготовления жителей к военному походу. «Для этого шьют они знамена и говорят, что сначала пойдут с Мансуром к ингушам для обращения их в магометанство и для отыскания какого-то древнего Алкорана, якобы хранящегося у ингушей». Возможно, это были отголоски легенд о старинных книгах, якобы хранившихся в развалинах христианского храма Тхаба-Ерды в горах Ингушетии. Тот же Баков слышал в Алдах, будто аварский правитель Умма-хан прислал Мансуру письмо, в котором выражал сочувствие новому имаму. В том же письме якобы говорилось, что Умма-хан получил из Стамбула в подарок шубу и саблю для Мансура вместе с указанием присоединиться к нему с войском. Эти сведения сомнительны: аварский хан не передал Мансуру никаких подарков и тем более не выступил к нему на помощь. Да и турки, как мы увидим дальше, до определенного времени относились к имаму без восторга. Похоже, старшина Баков хорошо знал, что русские опасаются союза мятежных горцев с Блистательной Портой, и надеялся получить за эту «ценную» информацию немалое вознаграждение.

Верно другое: как раз в то время Мансур рассылал письма владетелям и народам Кавказа, призывая их встать на его сторону. В начале марта из станицы Червленой с письмом к старейшинам села Алды был отправлен казак Иван Жуков с пятью конвойными солдатами. Возвратившись в станицу, Жуков сообщил, что «в Атагу и Алды, по немалой опасности тех мест, никто не осмелился их провожать. Однако слышал он, что тот святой, по имени Мансур, делает различные чудеса, посмотреть на кои в Алдынскую деревню со всех

концов приехало с оружием до двух тысяч человек, и пригоняют скота немалое число, который режут себе на пищу. Говорят, что новоявленный имам разослал письма к Умма-хану Аварскому, князю Шамхалу Тарковскому, кабардинскому князю и народам Кабарды с тем, чтобы они съехались в селение Алды, чтобы увидеть чудеса Мансура, какие он будет производить».

8 марта 1785 года кизлярский татарин Али-Солтан, вернувшийся из Больших Атагов, доносил, что «Ушурма приказал сделать себе знамя и копье, что караул при нем находится весьма великий, а жители Алдынской деревни расположились по дороге, ведущей к российским границам». В секретном рапорте полковника Савельева на имя генерала Пеутлинга от 9 марта 1785 года отмечается, что «вчерашнего дня, собравшиеся за рекою Сунжею из разных горских деревень жители, числом более ста человек, хотели совершить нападение на укрепления русских за Тереком». Подполковник Матцен тогда же доносил, что по дошедшим до него слухам чеченцы готовили нападение на только что основанную крепость Владикавказ.

Посланный со специальным заданием в чеченскую деревню Чертынтогаевскую (Чуртан-Тоги) для сбора сведений об Ушурме кизлярский житель Нагишей Тенгизбиев доносил, что «Ушурма имеет намерение напасть на ближние казацкие селения Червленую и Шадринскую. Что тот имам Мансур обласкивает народ, так что жители непременно присоединятся к нему, когда он совершит свой выезд. Владелец Топлинской деревни Казбулат, хотя и старается всеми мерами удержать своих подвластных от суеверия Ушурмы, однако же те тайно к нему уезжают. Письмо же, посланное от кизлярского коменданта к алдынским старшинам, якобы последние сожгли».

Кизлярский комендант Вешняков в рапорте на имя генерал-майора Пеутлинга от 9 марта 1785 года сообщал, что все горские деревни чрезвычайно верят Мансуру и «привязанности имеют большие к нему. У кумыков же, со времени выступления Мансура со своим учением, живущие в их селениях христиане (имелись в виду армянские торговцы. — *А. М.*) претерпевают обиды и притеснения». Старшина Сактач из ингушской деревни Шолхи, расположенной вблизи от Владикавказа, сообщил подполковнику Матцену, что у них люди между собой говорят, «якобы в Чечнях появился пророк, приводящий магометан к своей присяге. Кроме того, хотят чеченцы в наши деревни приехать и к оной прися-

ге всех принудить, а если не согласимся, то нас всех хотят разорить».

Подполковник Матцен доносил генерал-майору Пеутлингу, что «из деревни Заурской, расположенной также вблизи Владикавказа, в ночь на 8 марта 1785 года бежали жители 13 дворов, в числе которых их старшина Чегастук». Посланный на место происшествия для выяснения причины грузинский владелец Гаврила Казбек сообщил, что оставшиеся жители этой деревни сказали ему, что известно им, будто хотят чеченцы напасть на крепость Владикавказскую, отчего они боятся подвергнуться наказанию со стороны чеченцев, так как отказались соединиться с ними. Прибывший 9 марта 1785 года к подполковнику Матцену Дударуко Ахметов донес, «что, будучи в Малой Кабарде, слышал от тамошних кабардинцев, что в Чечнях имеются великие сборища».

С каждым днем напряжение на Кавказской линии нарастало. Из Чечни чуть ли не каждый день приходили тревожные сообщения. Комендант Кизляра Вешняков был всерьез обеспокоен действиями горцев, которые по приказанию Ушурмы намеревались напасть на российские укрепления и посты. Потому он разослал письма мурзе Бамату Девлетгирееву (владетель Дойкур-Аула и Нового Юрта в Надтеречье. — *А. М.*) и брагунским владельцам Кучуку Баматову и Арсланбеку Мударову, чтобы они в случае движения горцев во главе с Ушурмой дали знать о том на форпост с нарочным. «Если же пропустите его — предупреждал бригадир Вешняков, — и не объявите, а через то селениям учинится вред, так ответствовать будете пред оружием Ее Императорского Величества».

Между тем к имаму Мансуру продолжали прибывать люди из соседних областей, особенно из кумыкских селений, которые сильнее других испытывали на себе притеснения местных князей и владетелей. Брагунский князь Росланбек извещал кизлярского коменданта, что к Ушурме из многих ближайших деревень, между которыми есть Аксаевская, Андреевская и Девлетгиреевская, «по немалому числу убегают жители, которым Мансур приказывает, чтобы, когда будет он выезжать из своего обиталища, то они следовали бы за ним вооруженно. Все, кто приезжает к Ушурме из горских деревень, дают ему присягу и отъезжают обратно единственно с той целью, чтобы разорять российские селения. Достоверно известно, что сей Ушурма имеет стремление напасть, разделя войска свои на части, сразу на многие русские поселения, в том числе и на Кизляр... что кизлярские татары

заразились оным суеверием, и сделалась в них великая противу русских перемена».

В этом сообщении, отправленном между 10 и 15 марта, впервые говорится о плане нападения Мансура на Кизляр. Другие информаторы русских властей говорили лишь о подготовке имама и его людей к большому военному походу. Отправленный в Чечню лазутчик по имени Адил (чеченец, живший в Малой Кабарде) доносил секунд-майору Жильцову, что видел в Алдах Мансура, который речами склонял к себе живущие в здешних местах народы. «При Ушурме, — сообщает Адил, — находится более тысячи человек, которых обнадеживает он тем, что в будущем месяце, в середине, со всем своим войском выступит в поле, где откроет перед народом свое лицо, после которого будут чудеса». Слышал Адил также, что после выступления Мансур намерен идти на гребенские казачьи станицы и земли, которые по указу императрицы занимают переселенцы из России. Он видел в Алдах приехавших из других селений — не только чеченских, но также карабулакских и дагестанских. Особенно много было пришельцев из кумыкских обществ Аксай и Андрей (Эндерей). Кроме того, на обратном пути Адил встретил едущих к Ушурме сыновей известного осетинского владетеля Ахмата — Дударука и Арасланука со многими при них людьми.

«14 марта, в пятницу, то есть в день рождения пророка Мухаммеда, когда у мусульман принято начинать особо важные дела, Ушурма собрал в ауле Алды жителей разных горских деревень, — сообщал в Кизляр новые сведения уже известный нам Кайтуко Баков. — В каждую пятницу собирается тут много народу, для того только, чтобы увидеть Ушурму в мечети и подойти под его руку. Слышал также, что из Большой Кабарды был прислан к Ушурме от владельцев тамошних некий Аджи и будто бы тот Аджи предложил Ушурме идти в поход... и, что если у кого не будет хватать лошадей, то в Кабарде их много». Как примечал Баков, «хотя в стане Ушурмы идут приготовления к большому походу, однако день выступления держится в тайне, и он того узнать не мог».

Мурза Дженбулат Сарымурзаев, находившийся в Дагестане, 21 марта 1785 года сообщил: «Слышал в горских деревнях от народа, что когда вознамерится Ушурма идти на российские селения, то никого из горцев в жилищах не останется, а все присоединятся к нему». В Тарках мурзу Сарымурзаева уверяли, что будто бы «дженгутайский Али-Солтан посылал к имаму своего Аджия и теперь сам

намеревается ехать к Ушурме, но с войском или же один, того узнать не удалось. Когда же Али-Солтан возвратится от Ушурмы, то все горцы собираются поехать к имаму для сборов. Из кумыцких владельцев трое лично изъявили ему в апреле месяце свою покорность. Все владельцы дагестанские отправили к нему народных послов с уверением в своей преданности. Хан же Аварии Омар (Умма-хан Аварский, часто называемый Авар-ханом. — *А. М.*) писал, что сам предстанет к его услугам, но Ушурма отвечал, что это надо было решать раньше, а теперь для своих услуг он имеет довольно людей».

Тогда же, в марте-апреле, сведения об алдынском имаме Мансуре дошли до Турции. «Из турецкой крепости Суджук приезжал к нему нарочный от тамошнего паши и поднес от его имени часы в подарок», — сообщал Дженбулат Сарымурзаев. Трехбунчужный ахалцихский паша Сулейман весьма обрадовался появлению в Чечне имама. Он посылал к нему письма и подарки, изъявлял свою готовность помогать деньгами. При этом осторожный паша советовал Мансуру не спешить с началом военных действий до удобного времени — возможно, до решения султанского правительства о новой войне против России. «Кроме того, Ушурма ведет переписку с крымцами, и особенно с закубанцами, — продолжал хорошо информированный Сарымурзаев. — Закубанцам послал он свое знамя. Это знамя привезено было близкими Ушурме людьми, скрывавшими под покрывалом лицо свое: закубанцы говорили, что таинственные посланцы имама на бегу были быстрее лошади».

2

Весь Северный Кавказ той весной раскололся на два лагеря. Одни местные владетели и старшины противились восставшим, отказывались помогать им и старались удержать своих подданных от перехода в лагерь Мансура. Другие князья и мурзы, особенно из Кабарды и Кумыкии, кто из страха перед чеченским имамом, кто из солидарности с ним, стали устанавливать с ним контакты, а простой народ из этих областей целыми группами переходил на сторону восставших.

Видя, что войско Ушурмы с каждым днем усиливается, российские власти решили опорочить Мансура и стали распространять среди местных владетелей информацию о том, что имам якобы подослан турками. Так, в письме от 24 мар-

та 1785 года к аксаевским князьям и владетелям кизлярский комендант Вешняков указывал, что «имянующийся имамом — есть не кто иной, как вкравшийся со стороны турецкой шпион, который, как видно, нарочно для сего возмущения подослан, чтоб чрез сие могла разорваться тишина и спокойствие. А потому вас, почтенных князей, как верноподданных, прошу подвластным своим утвердить сие точным образом, что в Алдынской деревне народ выходит на возмущение и бунт против России единственно по наущению сего шпиона». Письма эти, возможно, что-то значили для князей и владетелей, но не могли убедить народ. Особых симпатий к туркам у горцев не было, но те были все-таки единоверцами и казались многим единственными союзниками в борьбе против угрозы с севера.

25 марта 1785 года аксаевский уздень Качалай через своего сына дал знать русским властям, что объявившийся имам дня три тому назад «выезжал с большою партиею горцев для осмотра местоположения на гребень, лежаший между рекою Сунжею и Брагунскими теплыми водами, а оттуда возвратился в Алдынскую деревню». Становилось ясно, что начало большого похода приближается. Позже появились новые подтверждения о решительных намерениях имама. Эти сообщения были переданы прямо из стана Мансура. Алдынский мулла Али сообщил Булатову, посланному аксаевскими владетелями для наблюдения за действиями восставших, что Ушурма велит прибывшим к нему горцам быть готовыми к выходу в апреле. Сборы были назначены имамом «между Науром и Мекенями, на той стороне», в урочище Джуарак. Тот же Булатов рассказал, что в Алдах приглашенные из Кубачи умельцы начали делать большой, наподобие бочки, военный барабан. «Середина у барабана будет медная, — сообщал агент, — а края жестяные. На нем будет висеть двадцать четыре колокольчика... как слышал, в тот барабан будут бить шесть человек серебряными палками».

В письме армянина Семена Мосесова из Аксаевской деревни, адресованном кизлярскому коменданту Вешнякову, указывалось, что «будто бы на прошлой неделе ших писал в разные селения, а именно: в Аксаевскую, Андреевскую, Тарковскую. Также к тавлинцам по самый Дербент, чтобы все они к 15-му числу сего месяца собрались к выступлению в поход, и что первым его намерением является совершить нападение на Кизляр. Дагестанцы ни о чем более не заботятся, лишь бы только идти на Кизляр. Даже на каждой улице сделали знамена, а другие еще и делают. Владельцы же

кумыкские, хотя и пишут, что верноподданные, но от должности верноподданнической весьма далеки. И великая холодность в них возрастает, и верить им нет способа. Подвластные их распродают все свое имение и закупают лошадей и готовят воинскую амуницию».

Другой армянский купец Никита Яковлев сообщал, что от дагестанских владетелей постоянно присылаются к имаму старшины, муллы и ученые, и «вся Дагестания начала якобы прославлять его, почитая за справедливого святого. Из Андреевской и Аксаевской деревень приезжает к Ушурме много жителей». Судя по тем сведениям, которые доставляли из горских деревень, особенно из Алдов, российские агенты, Мансур ни на день не прекращал своей агитации среди горцев. Его письма и прокламации были адресованы к различным горским владетелям и князьям Чечни, Дагестана и Кабарды. В них Ушурма призывает их вместе с их подданными выступить против казачьих станиц, а также российских укреплений и крепостей.

Вот одно из писем чеченского имама, переведенное на русский язык и сохраненное в архивах: «Всем общинам, всем мусульманам, всем верующим на Востоке и Западе, вечное спасение да будет с вами все ночи и дни! Знайте, о верующие! Развращенность, привычка к спиртным напиткам, курение табака сделали наших вождей небрежными. Сейчас явился человек, чтобы наставлять людей на верный путь. Покайтесь и внемлите доброму совету раньше конца вашей жизни; во славу Господа, как Он сказал, только те, кто кается, кто верует и делает добрые дела, только те блаженны. Разве не видите вы, как ваши земли занимают неверные, и вам останется только быть на этих землях рабами?

Наполните сердца ваши страхом Божьим. Молите прощения всех ваших ссор и раздоров, всех ваших злословий. Будьте справедливы к тем, кто оскорблен. Прощайте преступника по слову Божию. Возвратитесь к Господу, творите милосердие. Мы пренебрегали законами Господа. Подчинимся же законам Его, отбросим все, что Он запретил. Подготовим себя к битве за освобождение земли нашей. Аллах сказал, бейтесь с неверными, уничтожайте многобожие... Будьте милосердны и дайте немного от вашего добра для Божьего дела. Тот, кто подает на Божье дело, уподобляется зерну, которое дает семь колосьев. Сила исходит только от Бога, Всевышнего и Всемогущего. Бог посылает победу тем, кто прославляет Его и покидает тех, кто от Него отворачивается».

Напоминая верующим о благах, уготованных им Всевышним, Мансур предрекал жестокую кару тем, кто не пойдет за ним: «Кто не поверит словам моим и останется в прежнем заблуждении, тот не удостоится быть среди войска праведных. Такие вернутся в дома свои, где встретят их старики, женщины и дети и будут плевать им в глаза. Преданные позору, захотят они вернуться в войско, но не смогут найти его, точно так же не отыщут они больше и своих домов и близких своих. Оставшись без крова, не найдут, где приклонить голову свою, и станут рабами в казацких станицах».

В рапорте от 10 апреля 1785 года на имя генерал-майора А. А. Пеутлинга кизлярский комендант Вешняков доносил, что чеченцы и кумыки запасаются воинской амуницией и лошадьми, распродавая свой скот и имущество. Кроме того, он видел «24 письма, адресованных к разным владельцам от шиха. В письмах тех сказано, чтобы все повинующиеся ему народы собирались в Алды 15 числа сего месяца, имея с собой провиант на 10 дней. Однако в точности узнать намерение Ушурмы, когда он собирается выступить в поход, не удалось. Есть слух, что пойдут в будущий праздник, то есть в светлую неделю». 26 апреля 1785 года тот же кулларский старшина Кайтуко Баков сообщил полковнику Савельеву, что видел приехавших к Ушурме в Алды двух владетелей из Дагестана, включая сына уцмия каракайтагского Али-бека. Вдобавок «вчерашнего дня приехало туда около ста человек кабардинцев».

3

Российские власти были весьма озабочены растущей популярностью Ушурмы не только у простых горцев, но и у правителей кавказских земель. Они попытались срочно заручиться поддержкой наиболее влиятельных князей и получить их заверения не поддерживать связей с объявившимся в Чечне имамом Мансуром. 11 мая 1785 года за подписями и печатями двенадцати кабардинских владетелей и узденей через назначенного в Кабарду пристава, премьер-майора Уракова, была принесена присяга. В ней говорилось, что подписавшиеся обязались не ездить к «назвавшемуся имамом». Тем, кто нарушит данное обязательство, грозил «высочайший Ее Императорского Величества гнев».

Кроме того, царскими властями были усилены наиболее важные форпосты и крепости, расположенные на Кавказ-

ской линии — особенно те, против которых Мансур обещал совершить поход. Наибольшую тревогу у российского командования вызывали Кизляр, Владикавказ и Григориополис. К крепости Кизляр были срочно подтянуты Астраханский пехотный полк, четыре эскадрона драгун и батальон гренадер с орудиями, а к Григориополису и Владикавказу для укрепления в случае необходимости генерал-поручик Леонтьев предписал перебросить Селенгинский полк.

Для того чтобы восставшие горцы и сам Мансур не подослали к живущим в Кизляре и Астрахани мусульманским народам лазутчиков, которые могли «сделать между ними какого-либо волнения», приказано было иметь «секретное прилежное примечание, чтобы никого в Астрахань от стороны Кизляра и тамошнего края без письменных видов не пропускать». Кроме того, было указано, чтобы все отправляющиеся в Астрахань жители горских деревень, а также жители Кизлярского округа имели при себе письменные разрешения на въезд, с тем чтобы «из сообщников бунтовщика в Астрахань никто пройти не мог».

Говоря о мерах предосторожности российского военного командования в связи с призывами Ушурмы идти к российским границам, стоит привести выдержку из рапорта генерал-поручика Леонтьева на имя командующего войсками генерал-поручика Потемкина: «Поскольку основное намерение Ушурмы испытать свою удачу в казачьих станицах, то на случай отвращения мятежников приведены в боевую готовность Астраханский и Томский пехотные полки и Кабардинский егерский батальон, да в Григориополисе прибавлено 100 человек егерей».

Стремление имама Мансура объединить горцев на основе мусульманской религии не могло быть оставлено без внимания командования Кавказской линии. В штабе генерал-поручика Потемкина была составлена справка «По поводу общего числа вооруженных людей, кои могут выставить различные народы Северного Кавказа в случае единодушного выступления». Подсчеты показывали, что «кумыки, вместе с другими горскими народами, могли выставить до 5 тысяч оружейных. Аксаевцы же совместно с топлинскими и андреевскими и прочими лезгинскими народами могли выставить до 2-х тысяч оружейных, чеченцы (имеются в виду жители равнинной Чечни. — *А. М.*) — до 4-х тысяч, кабардинцы — до 8 тысяч... а с присоединением Малой Кабарды, до 10 тысяч». Таким образом, общее число вооруженных горцев могло составить до 25 тысяч человек. Численность российских

войск была почти такой же, но они были рассеяны по всей протяженности Кавказской линии.

Напряжение нарастало. Российское командование, при всей своей военной силе, чувствовало себя неуверенно, так как не могло твердо доверять даже тем владетелям и князьям, которые официально считались его союзниками. В письме от 4 апреля 1785 года кизлярский комендант Вешняков упрекал андреевского владетеля Темира Хамзина: «Наружность ваша из писем показывает, что вы и все ваше общество преданы к Ее Императорскому Величеству. Внутренность же, хотя и закрыта, и кроме всемогущего сердцевидца никто о ней судить не может, однако ж дела точно уверяют, что вы мало о должности верноподданнической мыслите, а более час от часу возрастает в вас холодность, и убегаете от преданности к Российской монархине».

Командующий войсками Кавказской линии генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин в это время отсутствовал — он выехал в Петербург еще в декабре 1784 года в связи с созданием Кавказского наместничества. Замещавший его генерал-поручик Леонтьев с большим опасением смотрел на волнения горцев в Чечне и предписал всем пограничным начальникам находиться постоянно в боевой готовности.

Имя еще недавно никому в России не ведомого имама Мансура было теперь хорошо известно в самом Петербурге. Командующий всей русской армией, генерал-фельдмаршал и светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, направляет на Кавказ письмо: «Повторяемые известия о появившемся лжепророке и народном от него волнении, как бы ни были темны и необоснователь ны, тем не менее, требуют уважения... Не оказывая, впрочем, наружной заботы, которая может послужить к ободрению восставших горцев, прикажите стянуть некоторое число войск к реке Сунже, где находится главное сборище. Единый страх, таковым движением произведенный, будет удобен к разогнанию бунтовщиков...»

Со своей стороны генерал Потемкин счел необходимым разослать горским народам прокламацию, в которой требовал не верить новоявленному имаму и не следовать его учению. В прокламации, обнародованной 2 апреля 1785 года, говорилось: «К неудовольствию моему извещен я, что в пределах чеченского народа явился некто, возмущающий лживым прельщением спокойствие народа. Называя себя пророком, в коего никто из разумных верить не может и не должен, привлекает ослепленных суеверов и обманывает их.

Таковое происшествие не может быть мною оставлено без надлежащего рассмотрения».

По неизвестным нам причинам намеченное на апрель 1785 года выступление Мансура не состоялось. Возможно, ему помешали весенние полевые работы — ведь чеченцы жили не грабежами и набегами, как утверждают ныне фальсификаторы истории, а скотоводством, земледелием и ремеслом. Только упорный каждодневный труд мог обеспечить их семьи пропитанием, и Мансур, хорошо знакомый с крестьянским трудом, знал это и учитывал при разработке своих военных планов.

Глава 3

БИТВА НА СУНЖЕ

1

В своей прокламации генерал Потемкин призывал горцев не следовать по пути, предлагаемому новоявленным имамом. Тем, кто, невзирая на этот призыв, не желал отказаться от поддержки Мансура, грозили суровые наказания. Несмотря на решительный тон прокламации, российские власти выжидали, не решаясь начинать военные действия. Горцы же и вовсе не обратили на нее внимания. Число приверженцев имама постоянно росло. «С каждым часом усиливается Мансур, — пишет известный исследователь Кавказа Н. Ф. Дубровин и многозначительно добавляет: — Стал он проповедовать газават или священную войну. Его учение, теряя мало-помалу чисто религиозный характер, обращается в политическое стремление, весьма для России опасное».

Царское командование на Кавказе призвало войска к более бдительному несению службы на линии. Те крепости и станицы, против которых Мансур намеревался выступить со своими повстанцами, усиливались войсками и оружием. Прежде всего было решено укрепить позиции на реке Сунже, в непосредственной близости от селения Алды, и тем самым защититься от вторжения повстанцев на Кавказскую линию.

20 апреля 1785 года в специальном ордере № 20 командующий войсками генерал-поручик Потемкин предписал генерал-поручику Леонтьеву отправить на Сунжу отряд во главе с генерал-майором Шемякиным, состоящий из двух пехотных полков, одного егерского батальона, нескольких эскад-

ронов драгун и Уральского казачьего полка. Шемякину предписано было занять позицию по своему усмотрению и действовать решительно, с тем чтобы пресечь волнения горцев в самом начале и «не дать малой искре произвести пламень».

Однако меры эти уже не могли остановить распространения народного движения. Поступающие в Кизляр рапорты и донесения указывали, что волнения со стороны восставших горцев не прекращаются, а, напротив, усиливаются. Положение представлялось настолько серьезным, что для усмирения горцев сам главнокомандующий светлейший князь Потемкин в конце июня предписал направить во главе сильного отряда «в самое сборище Ушурмы лично известного ему своими качествами полковника Пиери».

35-летний полковник Николай Юрьевич Пиери, грек по национальности, был известен решительным характером. По воспоминаниям современников, в воинском искусстве его особенно занимали греческие фаланги, а главной мечтой было сделать из россиян блистательных и непобедимых греков. Себя он воображал новым Александром Македонским. Его полк особенно славился в российских войсках на Кавказе искусством парадной маршировки и различных построений.

В копии ордера командования на имя полковника Пиери от 3 июля 1785 года сообщалось, что «появившийся в Чечне за рекою Сунжею лжепророк суемудрием своим или же никому не известным ухищрением опутал много легкомысленных горских народов. Оные, по невежеству своему, уверясь на его призывы, не только презрели свое собственное спокойствие, но и тысячами готовы отважиться на всевозможные злодейства русским властям, а также жителям станиц и крепостей». Полковнику Пиери ставилась задача под покровом ночи проникнуть со своим отрядом в цитадель восставших горцев — селение Алды. Он должен был взять живым самого Мансура и доставить его в ставку российских властей.

Одновременно было приказано выдвинуть отряд генерал-майора Шемякина к аулу Алхан-Юрт, придав ему гренадерские роты, а Московский пехотный полк вывести к крепости Григориополис, к границам Кабарды. «Согласно вашим повелениям, — сообщал князю Г. А. Потемкину в рапорте от 11 мая 1785 года генерал-поручик П. С. Потемкин, — предписал я подкреплять отряд полковника Пиери генерал-майору Шемякину, чтобы, в случае сильного сопротивления скопища, организованного Ушурмою против наших войск, отряд Пиери мог выполнить свое задание».

В предписании полковнику Пиери указывалось, чтобы он, приблизившись со своим отрядом к месту сборища восставших, потребовал передачи ему самого «лжепророка». «Коли случится какое затруднение и упорство со стороны местных жителей, — писал светлейший князь Потемкин, — то следует хотя бы и силою взять сего зачинщика и тем самым восстановить нарушенное в крае спокойствие. Полковнику Пиери прикажите по прибытии к сборищу дать знать прельщенным, что единое средство к отвращению предстоящего им бедствия есть выдача сего обманщика, и что в случае упорства подвергнут они себя всей тяжести наказания. Весьма желательно, чтобы дело сие было окончено без лишних потерь».

Для захвата в плен имама Мансура решено было использовать наиболее надежных людей из числа местных владетелей и князей. «Небесполезно в сем случае, — указывал П. С. Потемкин полковнику Пиери, — добиться передачи его в руки усердных владельцев, а именно: Кайтуки Брагунского, коего доброжелание и верность испытаны, и другого Кайтуки, близ Наура живущего». Генерал-поручик Леонтьев, находившийся в это время на Кавказской линии, через своих агентов регулярно получал сведения о том, что Мансур в настоящее время находится дома и не имеет при себе «никаких скопищ» — «все предавшиеся ему в послушание чеченцы заняты ныне домашним упражнением на своих полях».

Царское командование, отправляя отряд полковника Пиери в восставшее селение Алды, надеялось вместе с тем избежать серьезного вооруженного столкновения. Однако генерал-поручик Леонтьев, хорошо узнавший характер кавказских народов, сразу высказал опасения по поводу предстоящей встречи царских войск с местными жителями. Он, в частности, писал о чеченцах: «Хотя желательно весьма убегнуть всякого кровопролития, но, зная дерзость сих народов, предположу, что безнадежно ждать их покорности, особливо, когда следуют наущению лжепророка».

Отряд полковника Пиери представлял собой крупное боевое соединение и состоял из Астраханского пехотного полка, батальона Кабардинского егерского полка, двух гренадерских рот, Томского пехотного полка и сотни казаков Терского войска. Дополнительно отряду были приданы несколько сотен конницы и артиллерия — шесть пушек. Согласно предварительно разработанному плану, отряд Пиери должен был, переправившись через Терек, начать свое движение к Сунже и, перейдя ее, подойти к Алдам с юго-запада, со стороны казачьей станицы Калиновской. Оттуда, по

мнению царских властей, Мансур никак не мог ожидать нападения. К Сунже отряд должен был подойти скрытно и незаметно. По прибытии предписано было под покровом ночи переправить за Сунжу Кабардинский егерский батальон, имея при себе проводников — капрала Ясноводского и старшину деревни Куллары Бакова. Царские войска должны незамстно окружить аул Алды, а затем проникнуть в него, войти в дом Мансура и захватить его со всеми при нем находящимися восставшими чеченцами. Другая часть отряда должна была ждать возвращения Кабардинского батальона и прикрывать переправу через реку. При благополучном исходе операции полковник Пиери со всем своим отрядом должен был немедленно совершить обратный марш и доставить захваченного имама в штаб генерал-поручика Леонтьева.

По расчетам российских генералов, внимание Мансура должен был отвлекать «деташамент» (передовой отряд) бригадира Апраксина, расположенный «на виду его (Мансура. — *А. М.*) в то время, когда приготовлялся оный устремиться на Владикавказскую крепость». В случае же, если Кабардинский егерский батальон постигнет неудача в пути или же в самом селении Алды, ему тут же должен был прийти на помощь Пиери со своими войсками. На этот случай предусматривалось надежно укрепить переправу через реку Сунжу, заградив войсками лесной проход в селение Алды от нападения местных жителей, и после этого «следовать в Алдынскую деревню для захвата лжепророка». Если же и в этом случае произойдет какое-либо затруднение или упорство, то надо взять селение штурмом и пленить Мансура любой ценой.

Разработчики плана, как указывал генерал Леонтьев в своем рапорте от 19 июля 1785 года на имя командующего П. С. Потемкина, были уверены в благополучном завершении операции, поскольку, во-первых, «провожать войска от переправы через лес в деревню было предложено совершенно знающим путь и вернейшим людям». Во-вторых, «дом лжепророка находился в некотором отдалении от деревни». В-третьих, жители Алды, «не ведая сего намерения, были без всякого помышления о сопротивлении». В случае же сопротивления местных жителей отряду Пиери к нему на выручку должен был прийти бригадир Апраксин со своим отрядом, поставленный у Алханова брода, где переправлялся Пиери. Полковнику Савельеву во главе Моздокского казачьего полка с двумя орудиями также предписано было следовать к реке Сунже для помощи отряду Пиери. В экспедиции принимал участие также полковник В. С. То-

мара, добровольно вызвавшийся идти в этот поход. Томара с небольшим числом войск должен был остаться в вагенбурге (укреплении из повозок в форме четырехугольника) со стороны Алхан-Юрта и охранять подходы к переправе через Сунжу.

3 июля 1785 года отряд полковника Пиери подошел к станице Калиновской и 4 июля переправился на заранее приготовленных судах через Терек. На другой день, около четырех часов пополудни, полностью укомплектованный отряд Пиери двинулся по направлению к аулу Алды. Расстояние от места сбора до селения не превышало пятидесяти километров. Отряд Пиери двигался очень быстро. «Необходимо, чтобы лжепророк не получил вести о приближении войск, — требовал от Пиери генерал-поручик Леонтьев, — и не скрылся бы куда далее».

Находившийся в отряде премьер-майор Комарский, давно служивший на Кавказе и знавший трудности передвижения по местным дорогам, предупреждал полковника Пиери о том, что в нынешнюю ночь из-за дальнего расстояния и трудностей в пути они не смогут прибыть к переправе на реке Сунже, так как солдаты устанут. Поскольку бригадиру Апраксину во главе деташамента было велено следовать из Григориополиса, с тем чтобы 6 июля подойти к Алханову броду, Комарский предложил подождать его несколько часов и начать наступление на Алды совместно в ночь на 7 июля. Чеченец из Алхан-Юрта, бывший проводником отряда полковника Пиери, также подтвердил, что в эту ночь они к броду прибыть не успеют, а поэтому «не угодно ли будет расположиться в лощине, где отряд может безопасно в полной закрытости пробыть». Полковник Пиери, однако, не принял во внимание ни опасений майора Комарского, ни совета местного жителя и приказал продолжить марш.

6 июля в пятом часу утра отряд Пиери достиг Сунжи. Не доходя до леса, который вплотную подступал к реке, в двух верстах от переправы солдаты сформировали из связанных телег вагенбург, где был оставлен обоз под прикрытием 400 мушкетеров Астраханского полка с двумя пушками под командованием капитана Шуринова. В то время когда отряд Пиери подходил к Сунже, он был замечен жителями Алхан-Юрта или Алхановой деревни. Этот чеченский аул был расположен на правом берегу Сунжи, в трех верстах выше аула Алды. Вскоре между отрядом Пиери и жителями Алхан-Юрта завязалась перестрелка. Отстреливаясь от горцев, отряд полковника Пиери в составе Кабардинского егерского баталь-

она, двух гренадерских рот Астраханского пехотного полка, а также двух пушек со снарядами в повозке приблизился к переправе через Сунжу.

В отряде Пиери находился со своей командой и полковник Василий Степанович Томара. В рапорте на имя генерал-поручика Леонтьева, составленном по окончании экспедиции, он отмечал: «Началась перестрелка у реки и в вагенбурге позади нас. Чеченцы с самого началу прибытия отряда к Сунже покушались завладеть проходом нашим из лесу. Так с 5 до 11 часов беспрестанно они с нами перестреливались и стали гораздо умножаться». Очевидно, жители Алхан-Юрта послали за помощью в Алды, откуда к месту боя начали прибывать добровольцы. О том, где находился в это время Мансур, ничего не известно — возможно, он, как обычно, молился в своем погребе. Но следующие часы показали, что надежда застать шейха врасплох была напрасной. Мгновенно оценив обстановку, он взял на себя руководство сражением и сделал все, чтобы оно окончилось победой. Есть и другая версия — что он знал о готовящейся операции по своему захвату и даже провоцировал ее, через верных ему информаторов убеждая русское командование в том, что он не готов к нападению. Кроме того, он разработал систему оповещения на случай появления войск, которая оказалась весьма эффективной.

По прибытии к переправе полковник Пиери приказал Кабардинскому егерскому батальону переправляться через Сунжу. Первой на другой берег реки перешла вторая рота батальона во главе с капитаном Зверевым и адъютантом Деклесом. Следом стали переходить другие роты Кабардинского егерского батальона. 2-й и 5-й ротам батальона приказано было занять позицию у дороги с правой стороны леса, 3-й и 4-й — по левую сторону леса, открывая тем самым возможность отряду Пиери двигаться вперед. 1-я и 6-я роты оставлены были у переправы в резерве.

До тех пор пока полковник Пиери с двумя пушками и гренадерскими ротами Астраханского пехотного полка не переправился через Сунжу, все перечисленные выше роты Кабардинского егерского батальона оставались на своих позициях. Гренадерские же роты Томского полка были оставлены на левом берегу для прикрытия переправы со стороны Алхан-Юрта. С приближением отряда к переправе перестрелка усилилась, и завязался настоящий бой. Полковник Пиери вынужден был внести некоторые коррективы в ранее разработанный план. Так, решено было оставить недалеко от переправы через Сунжу для ее прикрытия мушкетерские

роты Астраханского полка под начальством полковника Томара. В случае осложнений в ходе операции полковник должен был отправить вслед за Пиери в Алдынскую деревню всех свободных солдат. Часть отряда Пиери в количестве 160 солдат Астраханского полка должна была следовать впереди команды с правого и левого флангов, прикрывая основной отряд.

С первых шагов подробно разработанный план алдынской операции начал рушиться. Главным его пунктом было застать жителей деревни врасплох и воспользоваться всеми преимуществами внезапного нападения. Только это делало возможным без большого кровопролития захватить в плен Мансура со всеми его единомышленниками. Уже на переправе через Сунжу стало ясно, что этот главный пункт оказался невыполнимым. Только кабинетные стратеги могли предположить, что горцы, бывшие прекрасными охотниками и прирожденными воинами, окажутся столь беспечны, что проспят приход в свое селение большого отряда русских войск, и настолько трусливы, что не окажут ему сопротивления.

За Сунжей отряду Пиери предстояло преодолеть лес, по которому пролегала извилистая и до такой степени узкая дорога, что тут едва могли пройти в ряд четыре человека. Когда отряд Пиери направился к Алды, на левой стороне реки началась перестрелка между жителями Алхан-Юрта и войсками, засевшими в вагенбурге. Прискакавший казак сообщил Пиери, что восставшие усиливают натиск на вагенбург. Между тем премьер-майор Комарский, указывая на то, что отряд их обнаружен местными жителями, высказал полковнику Пиери предложение возвратиться обратно и занять переправу. Пиери отвечал Комарскому, что в вагенбурге им оставлен Астраханский полк, который обязан защищать переправу, он же с отрядом непременно доберется до Алдов, чтобы выполнить главную свою задачу. В это время полковник Томара, подойдя к войскам, находившимся в вагенбурге, взял из них 250 солдат и распределил их по ротам поручиков Войновича и Ставраки, оставленных для охраны переправы на противоположной стороне реки Сунжи.

Капитану Шуринову, оставленному в вагенбурге, было приказано в случае сильного наступления восставших из Алхан-Юрта отражать их пушками. Кроме того, ему было предписано поставить от вагенбурга до переправы через Сунжу четыре пикета. После этого полковник Томара с ос-

тавшимися 130 солдатами подошел к переправе. Капитану Кугаевскому, который до подхода Томара находился здесь с гренадерами Томского пехотного полка, приказано было переправиться через Сунжу и следовать на помощь отряду Пиери. С противоположного берега Сунжи горцы вели перестрелку с находящимися у переправы гребенскими казаками числом около сотни человек.

Команда полковника Томара, непрерывно стреляя по берегам из ружей, начала переправляться на другую сторону Сунжи. Семьдесят астраханских мушкетеров во главе с поручиком Копыловым, перейдя на противоположный берег, стали освобождать переправу. После этого на другой берег было переправлено еще шестьдесят солдат Астраханского полка, которых решено было послать на помощь полковнику Пиери. Капитан Кугаевский со 120 гренадерами и поручиком Копыловым, продолжая отстреливаться от горцев, прошел уже лес до самых Алдов, однако «близ оной от чеченцев, в немалом числе и с крайним отчаянием на них бросившихся, принуждены были отступить обратно к переправе». Капитан Кугаевский был ранен и взят в плен, а шестьдесят человек из его команды убито. Остальные спаслись только благодаря плотному огню оставшихся у переправы товарищей.

В это время отряд Пиери со своим отрядом и двумя пушками прошел наконец через лес и остановился в полукилометре от селения Алды на ровной поляне. Команда капитана Михалевского, которая шла за отрядом Пиери, пройдя быстрым маршем лес, вышла к Алдам с левой стороны и, соединившись с Пиери, остановилась на той же поляне недалеко от селения. Полковник Пиери приказал стрелять по аулу из пушек. Турецкие источники утверждают, что когда колонна Пиери приблизилась к селению Алды, то ей навстречу вышли эмиссары Мансура, просившие русских не начинать сражения. Писавший об этом французский историк Александр Беннигсен уточнял, что, по словам турецкого коменданта крепости Согуджак Али-паши, имам Мансур назначил эмиссара, чтобы тот объяснил русским, что он — имам чеченцев и желает жить в мире с Россией и Турцией. Он не имеет от Бога соизволения вести войну, поэтому пусть русские войска возвратятся к себе и успокоятся. Только если Аллах Всемогущий повелит ему, он подчинится и пойдет на русских войной. Если такое обращение Мансура к войскам Пиери и имело место, то оно осталось без последствий.

2

После упорного сражения с жителями Алдов, во время которого был убит старший брат Мансура, русские войска заняли село. Между 10 и 11 часами утра отряд Пиери, отбивая непрестанные атаки чеченцев, приблизился к дому, в котором, как указал проводник, жил Мансур. Самого имама в доме, конечно, не было — все жители покинули село. Женщины, старики и дети укрылись в лесных убежищах, а мужчины вместе с имамом незаметно зашли в тыл к отряду Пиери и перекрыли лесную тропинку, по которой тот пришел. Этот маневр, неожиданно и быстро предпринятый алдынцами по приказу Мансура, показал несомненный воинский талант вождя горцев и его умение управлять большими массами людей. Военная хитрость имама поставила русские войска в опасное положение.

К несчастью своему, полковник Пиери понял это слишком поздно. Он больше думал о том, как отыскать алдынского имама и примерно наказать бунтовщиков. Для начала Пиери приказал поджечь дом Ушурмы. После этого отряд вышел из аула и, пройдя с полкилометра, остановился на ровном месте. Солдаты, наконец, получили возможность отдохнуть и пополнить боеприпасы. Однако отдыха не получилось — уже через несколько минут вновь началась перестрелка. Используя излюбленную горцами тактику внезапного нападения и быстрого отступления, алдынские жители отдельными партиями выскакивали в разных местах из леса, стреляли в солдат и исчезали. Потеряв до двадцати человек, Пиери отдал приказ стрелять по восставшим из пушек, но это не имело успеха, так как невозможно было определить, где чеченские стрелки появятся вновь.

По приказу Пиери при отступлении отряду было предписано угнать с собой крупный рогатый скот, принадлежащий местным жителям. Против этого решения категорически возражал премьер-майор Комарский. Он убеждал полковника Пиери, что войска сильно устали после дальнего перехода и последовавшего затем боя. Солдатам трудно будет организованно отступать, управляясь при этом с большим стадом. Еще одним аргументом была неожиданная ссылка на офицерскую честь: Комарский заявил, что он не для того начальствует над батальоном, чтобы его солдаты «покушались на грабительства». На это заявление полковник Пиери раздраженно ответил, что в случае неповиновения отстранит премьер-майора от командования, а солдат его батальона лишит заслуженной награды.

Некоторое время полковник ждал, что появятся местные старейшины с просьбой не разорять селение окончательно и вернуть скот. Тогда он собирался потребовать у них выдачи главного бунтовщика Мансура. Никакой делегации, однако, не появилось, а алдынцы только усилили свои яростные нападения. Оставив на месте поручика Мызникова с ротой солдат, полковник Пиери взял под свое командование Кабардинский егерский батальон и отправил его 4-ю, 5-ю и 6-ю роты в Алды, где они выгнали из селения последних оставшихся жителей, не дав им забрать с собой никакого имущества, и предали огню все четыреста домов. После этой жестокой расправы полковник Пиери отдал приказ отходить. Была дана команда «К ружью!», и отряд двинулся к переправе.

В это время майор Комарский сообщил, что горцы отрезали обратный путь, заняв всю дорогу в лесу. Он предложил Пиери задержаться у деревни Алды и подождать прибытия подкрепления от переправы. До этого времени он предлагал образовать каре, которому неорганизованное скопление алдынцев не могло серьезно угрожать. Однако Пиери и на этот раз отверг предложение майора Комарского и «приказал повиноваться его повелениям без лишних разговоров».

Полковник отдал команду расположить отряд при отходе следующим образом: впереди — гренадерская рота Астраханского полка с пушкой, за ней — поручик Мызников с 1-й ротой Кабардинского егерского батальона и подпоручик Лях-ович. Потом — другая пушка, которую прикрывает гренадерская рота Астраханского полка. 6-я егерская рота Кабардинского батальона шла позади всей команды, прикрывала отход солдат через лес. Оставшиеся четыре егерские роты Кабардинского батальона были распределены по флангам. От команды Астраханского полка и егерского батальона решено было отправить вперед такое же число фланкеров (для прикрытия отряда с флангов) и расположить их на таком расстоянии друг от друга, как и при передвижении отряда Пиери в Алды. Головная часть колонны и арьергард должны были идти с пушками, подготовленными для быстрой стрельбы.

Через опустевшее селение Пиери прошел без особых затруднений, хотя изредка из-за горящих домов раздавались выстрелы. Но как только отряд дошел до леса и углубился в него, началось настоящее сражение между восставшими алдынцами и русскими солдатами. Отряд Пиери оказался в плотном окружении чеченцев, которые, скрываясь за деревьями, открыли такой бешеный огонь по отходящим войскам

со всех сторон, что среди офицеров, егерей и гренадер сразу появилось множество убитых и раненых. Сам полковник Пиери получил ранение в голову.

Несмотря на большие потери, отряд продолжал пробиваться к переправе. Раненых и убитых становилось все больше. Отступавших солдат начала охватывать паника. Было решено отпустить отобранную у алдынцев скотину. Не успел отряд пройти через лес и километра, как прибежавший к капитану Астраханского пехотного полка Ивану Казину раненый капитан Кугаевский сообщил, что большая часть солдат, идущих позади колонны с пушкой, перебита восставшими. Капитан Казин, прихватив с собой нескольких солдат, бросился в арьергард колонны на выручку, но помощь оказалась запоздалой — пушка уже находилась в руках восставших чеченцев.

Рискуя головой, Казин повел солдат отбивать у восставших пушку. Между его солдатами и алдынцами завязался яростный бой, в котором солдаты бились штыками, а чеченцы — шашками и кинжалами. В этой схватке больше половины солдат было убито, многие получили серьезные ранения. Сам капитан Казин был ранен в левую ногу. После безуспешной попытки отбить захваченную пушку, капитан с оставшимися солдатами встал впереди колонны, защищая теперь уже переднюю пушку от энергичных атак алдынцев. Однако и здесь капитана ждала неудача. Лошади, которые тащили пушку и ящики со снарядами, были перебиты. Солдатам приходилось защищаться от чеченцев и одновременно тащить вперед ящики со снарядами и пушку.

В это время команда, охранявшая штаб отряда, подверглась сильнейшей атаке, и полковник Пиери получил второе ранение, которое оказалось смертельным. Его ординарец, молодой поручик Петр Багратион, собрав оставшихся солдат, вступил в рукопашный бой, пытаясь не допустить к тяжелораненому командиру неудержимо наступавших горцев. Солдаты Астраханского полка, прикрывавшие отряд с флангов, были частично перебиты и, не выдержав сильнейших атак, стали в панике выбегать прямо на дорогу, где становились легкими мишенями для ружейного огня.

Между тем перестрелка все усиливалась. Когда солдаты расстреляли все наличные патроны, в ход пошли штыки. Оставшиеся егеря и гренадеры, теснимые численно превосходившими их алдынцами, стали спешно отступать к переправе. Майор Комарский несколько раз выбегал вперед и останавливал бегущих солдат, приказывая им идти в штыки и рубиться на саблях. Горцы, тоже истратившие весь свой

боезапас, бросались на них с кинжалами. Раненый в ногу Комарский с небольшим числом егерей оставался в строю и продожал отступать к переправе, отбивая штыками наседавших алдынцев. Когда до переправы оставалось совсем немного, поручик Галафеев, находившийся в команде капитана Михалевского, увидел, как майор Комарский от полученного им второго ранения упал, не имея сил идти дальше, а на него повалились многие русские солдаты, убитые и раненые.

Потеря обоих командиров — полковника Пиери и премьер-майора Комарского — произвела в отряде полное расстройство. «Тут, видно, — доносил в своем рапорте светлейшему князю Потемкину генерал-поручик П. С. Потемкин, — наши егеря совершенно побежали. Горцы их резали безоружных и брали шатающихся по лесу в плен». Отступавшим солдатам был дан приказ «поднять и нести вперед пушку». Капитан Казин, превозмогая боль от ранения, остался защищать отступающие остатки отряда и последнюю пушку. Передвигался капитан с большим трудом. В этих обстоятельствах, как сообщал он позже в рапорте генерал-поручику Леонтьеву, из-за потери многих солдат его старания удержать пушку оказались тщетны. Бесплодными оказались и попытки капитана вынести при отступлении смертельно раненного майора Комарского. Самого капитана, потерявшего сознание от потери крови, бывшим с ним солдатам с большим трудом удалось дотащить до переправы через Сунжу.

В результате только небольшая часть солдат пробилась к переправе. Во время отступления отряд потерял своего командира и почти всех офицеров. В руках восставших остались обе пушки, убитые и раненые, а также прятавшиеся в лесу солдаты. Достигнув Сунжи, солдаты бросались в ее воды и спешно перебирались на другой берег. Преследовавшие их горцы стреляли на выбор по переходившим вброд солдатам и многих при этом убили. В Чечне потом ходила молва, что Сунжа после этой битвы покраснела от крови и вся была покрыта плывущими по волнам фуражками русских солдат.

Сражение на этом не закончилось. К переправе спешили восставшие как из Алдов, так и из Алхан-Юрта. Полковник Томара, который оставался со своим отрядом у переправы, собрал все оставшиеся команды и сумел отвести их к вагенбургу. Здесь, под прикрытием повозок, солдаты в течение двух часов отстреливались от наступавших горцев, приходили в себя и готовились к отходу. Перед тем как тронуться в обратный путь, русские стали бить в барабаны и трубить

сбор, с тем чтобы их могли услышать блуждающие в лесу солдаты. Но к вагенбургу никто не вышел.

Неожиданно стрельба со стороны горцев прекратилась. Из леса показалась группа алдынских жителей. Впереди шел старик с белым флагом. Полковник Томара дал команду прекратить стрельбу и вышел навстречу делегации. Когда чеченцы приблизились, полковник увидел, что они несут кого-то на самодельных носилках. Это был двадцатилетний адъютант полковника Пиери князь Петр Багратион. В последний раз поручика видели, когда солдаты, защищавшие своего командира, полегли все до одного. Только Багратион, уже дважды раненный, продолжал биться шашкой, не подпуская никого к истекавшему кровью полковнику.

Старик, несший белый флаг, сообщил, что его зовут Осман-Хаджи и что его послал к русским имам Мансур.

— Имам видел, как сражался этот человек, — сказал Осман-Хаджи. — Он уважает смелых людей, даже если это враги.

— Благодарим и готовы заплатить выкуп, — ответил полковник Томара.

— Мы храбрецов не продаем и не покупаем, — сказал в ответ посланец Мансура.

Так запечатлено это событие в горском предании, которое много лет спустя записал и опубликовал на страницах журнала «Сын Отечества» известный исследователь Кавказа А. Терещенко. Имеется и другая версия этого необычного события, также опубликованная в журналах и книгах своего времени. Она такова: в ставку русских на берегу Сунжи с миром явились чеченцы, которые несли на носилках раненого офицера. Это был Багратион.

Изумленные благородным жестом мятежников русские спросили:

— Мансур отдает офицера просто так, без выкупа?

— За настоящих мужчин я выкупа не беру, — ответил командир горцев, статный мужчина благородного вида. После этого он повернулся и скрылся в лесу вместе со своими товарищами.

Только спустя некоторое время русские поняли, что перед ними был сам Мансур. Они были поражены.

3

Князь Петр Багратион состоял в должности адъютанта полковника. Он и до этого участвовал вместе с Пиери в двух походах на Чечню в 1783 году. О сражении под се-

лом Алды, о своем пленении и удивительном возвращении Петр Багратион рассказал известному историку академику П. Г. Буткову. Благородный жест горского вождя имама Мансура спас жизнь юному поручику, ставшему впоследствии генералом от инфантерии, известным российским полководцем. Особенно прославился Петр Багратион в Отечественной войне 1812 года и умер от ран, полученных в Бородинском сражении...

Но это было намного позже. А пока сражение возле аула Алды подходило к концу. Восставшие жители Алдов и Алхан-Юрта стекались к знамени Мансура, которое было установлено на видном месте, сразу на выходе из леса. Объединив силы, имам решил довершить разгром русских войск, не давая им выйти из вагенбурга. Не имея больше возможности развернуть боевые действия против восставших и думая только о том, как спасти остатки отряда, полковник Томара, разместив раненых по повозкам и составив каре, двинулся прямо в гору. Это было спасительное решение. Отдалившись от злополучного леса, где большая партия восставших уже собиралась добить русские войска, отряд полковника вышел на дорогу, по которой накануне отряд полковника Пиери прибыл в Алды. Вооруженная партия восставших горцев, до пятисот конных и множество пеших, до десяти часов вечера преследовала отступавший отряд. Изнуренные солдаты отступали, непрерывно отстреливаясь от наседавших чеченцев. Только с наступлением темноты им удалось оторваться от погони.

Никогда еще регулярные русские войска не терпели столь жестокого поражения от горцев. Отряд Пиери не выполнил поставленной задачи и при этом потерял более трети своего штатного состава. Большие потери были и в рядах восставших, но их настроение было совершенно иным. Они победили и, как все победители, были счастливы. Если до битвы на Сунже алдынцы были просто храбрыми горскими джигитами, то после нее они стали армией имама Мансура.

После боя имам, как истинный вождь своего народа, обошел все семьи, где были погибшие, и выразил родственникам шахидов свое глубокое сочувствие. Он говорил, что воины отдали жизни за веру и свой народ и уже находятся в раю. Были проведены зикры и мовлиды, а через неделю после похорон состоялись торжества по поводу знаменательной победы. На праздник собрались люди не только из Чечни, но и со всего Кавказа. Алдынцы резали коров и овец и угощали гостей, раздавали милостыню бедным. Провести такие торжества было не просто — ведь родной аул

имама был совершенно разорен царскими войсками. Мансур, как и его земляки, лишился всего: его сакля была сровнена с землей, старший брат погиб, семья лишилась всего имущества.

Утрата жилья и скота, родных и близких не сломила дух алдынцев, но лишь укрепила их решимость мстить обидчикам. Так начинался газават — «священная война» горцев против царских войск, вторгшихся на землю Кавказа. Газават, к которому Мансур до этого призывал в политических и религиозных целях, стал теперь глубоко личным делом самого имама и многих тысяч его сторонников. Это проявилось в речи, произнесенной имамом после сражения и бережно сохраненной в памяти потомков:

«Прославленные в легендах сыны чеченского народа!

Я низко кланяюсь вам сегодня. Благодаря великому Аллаху, вам и вашему непоколебимому духу мы одолели коварного неприятеля, вторгшегося в наши пределы. Враг хитер и хотел уничтожить нас, застав врасплох. Но он не учел, что с нами Аллах, что Он в наших сердцах, в наших молитвах. Да, это он помог нам в нашем праведном деле. Захватчики рассчитывали окружить наше село ранним утром, когда мы еще спали, и потопить нас в море крови. Они просчитались и нашли то, что несли нам, — смерть. Но в наших сердцах нет радости. Потеря наших лучших сыновей стала для нас трагедией. Их уже никто не вернет, но они навсегда останутся в нашей памяти.

У тех, кто отдал за нас свои жизни, остались семьи — матери, отцы, жены, дети. С сегодняшнего дня мы будем заботиться о них и помогать во всех делах. Все те, кого мы похоронили сегодня, были лучшими и храбрейшими сынами нашего народа, всех народов Кавказа. Они вновь показали, что нас, горцев, можно убить, но победить нас, сломить наш дух невозможно. И в этом наша сила. Теперь нам надо быть бдительными, надо благодарить Бога, молиться, подавать милостыню и готовиться к отражению новых вылазок неприятеля. То, что произошло, — это только начало. Только наша готовность дать достойный отпор, наша твердость и сплоченность могут отрезвить врага и заставить его задуматься. Хотя с трудом верится, что поражение чему-нибудь научит царских командиров. Их беда в том, что они считают нас дикарями, неспособными к сопротивлению. Они думали, что мы разбежимся от одного выстрела из пушки. Мы доказали им, что это не так. Посмотрим, поймут ли они этот урок.

Мой храбрый народ! Я горжусь тем, что я мусульманин и сын Чечни. Я всегда с вами, в радости и в горе. Мы будем стараться избегать войны не потому, что боимся врага, а потому, что война ненавистна Всевышнему. Не нужна она и нам. Но если нам не дадут спокойно жить, мы все как один встанем на защиту нашей земли. Да поможет нам в нашем праведном деле Всемогущий Аллах!»

4

6 июля 1785 года бригадир Апраксин получил приказ генерала Леонтьева подойти к Алдынской переправе, от которой он находился в 20 верстах, и помочь отряду Пиери. Несмотря на уверения проводника, что путь к переправе недолог, солдаты подошли туда только во второй половине дня 8 июля. К этому времени остатков отряда Пиери здесь уже не было. Войска подошли к Алхан-Юрту и обстреляли его. Никто из жителей не отвечал на стрельбу, и Апраксин приказал послать в деревню уральских казаков. Проехав село, казаки никого не встретили. Но когда они стали спускаться к броду, жители открыли по ним сильную ружейную стрельбу. Восставшие горцы, выскакивая из-за кустов, обстреливали казаков и время от времени, собираясь большими толпами, бросались на них в атаку. В своем рапорте Апраксин сообщал, что он, опасаясь больших потерь со стороны своих солдат, не стал переходить на другую сторону Сунжи для наказания жителей Алды, «где обретался также и новоявленный шейх».

Постепенно стрельба со стороны жителей Алхан-Юрта, длившаяся в течение двух часов, утихла — у них кончились боеприпасы. Тогда бригадир Апраксин приказал поджечь деревню и посевы хлеба, принадлежавшие ее жителям. После этого отряд отступил к селению, чтобы доставить людям и лошадям воду. С приближением отряда к реке жители деревни начали стрелять в незваных гостей из ружей. Одновременно восставшие попытались переправиться на эту сторону Сунжи и спасти подожженный царскими войсками хлеб. Против них были посланы уральские казаки, подкрепленные двумя эскадронами астраханских драгун. В завязавшейся между восставшими и войсками Апраксина перестрелке было убито около 30 горцев. Погибли князь Алхан из сожженной деревни, а также присланный сюда от самого Мансура алдынский старейшина Осман-Хаджи. Оба — и Алхан, и Осман-Хаджи — во время сражения сидели верхом на

лошадях и руководили боем. Их, как легкие мишени, сразили выстрелами из пушек.

«При сражении, — отмечал бригадир Апраксин в своем рапорте, — чеченцы были все на свежих лошадях и держались всегда от леса на несколько сажень, чтобы можно было быстро укрыться». После сожжения деревни князя Алхана было решено угнать стадо, принадлежавшее жителям Алхан-Юрта, — до двухсот голов скота. Вернувшись в Малую Кабарду, бригадир Апраксин составил весьма пышное донесение о победах своего отряда. Сообщалось, например, что «с одного мертвого снят патронташ егерский да отбито знамя одно и барабан, по форме видно, что данный от самого лжепророка. Барабан и знамя были отданы уральским казакам, а скот поделен между нижними чинами всего отряда».

В рапорте содержались вовсе удивительные сведения о результатах артиллерийской стрельбы, когда с одного выстрела ядром была перебита половина большой толпы нападавших. Светлейший князь Потемкин оценил хвастливое донесение Апраксина по достоинству. В ордере на имя генерал-поручика П. С. Потемкина он язвительно заметил: «Если то были одни жители деревни Алханова, то о преимуществе, одержанном над ними столь знатными силами, можно было сказать короче. Достойно, однако же, примечания, что несколькими ядрами, коих всех пущенных только 26, побито в одной схватке 170 человек и что еще одним выстрелом повалено более половины толпы, — искусство артиллеристов чрезвычайное!» Тут явственно видна язвительная усмешка одноглазого генерал-фельдмаршала! «Но гораздо менее удачи в трофеях, — замечает светлейший. — Снятый с мертвого патронташ, нечто похожее на барабан и таковое же знамя могли быть преданы молчанию».

Нелестная оценка действий Апраксина была совершенно справедлива. Этот военачальник, войска которого должны были помочь отряду Пиери в захвате руководителя восстания, не оказался на месте в то время, когда его помощь была крайне необходима. Последовавший рейд, когда было сожжено две деревни и захвачен принадлежащий их жителям скот, не внушил никакого страха восставшим, а только сильнее озлобил их. Тем более что пойти в деревню Алды, где располагался сам «новоявленный шейх», Апраксин не решился, и это было воспринято мятежными горцами, как признак страха перед победоносным имамом Мансуром.

Подводя итог Алдынской операции, следует признать, что царские войска потерпели очень болезненное пораже-

ние. К тому же неудача эта грозила самым негативным образом отразиться на всей ситуации на Северном Кавказе. Отряд Пиери, насчитывавший в своем составе три тысячи солдат и офицеров, лишился двух орудий, отбитых восставшими, потерял убитыми и взятыми в плен 13 офицеров и 740 нижних чинов. Были убиты пять старших офицеров, в том числе сам руководитель экспедиции полковник Николай Пиери, премьер-майор Сергей Комарский, капитан, поручик и адъютант. Из Кабардинского егерского батальона выбыло почти 600 человек (спаслось не более десятка солдат), из Астраханского полка 110 человек и из двух гренадерских рот Томского полка — 71 человек. 162 человека были взяты чеченцами в плен. В следующем году они были выкуплены российскими властями. Еще позже чеченцы возвратили обе пушки за сто рублей — пользоваться ими они все равно не могли из-за отсутствия снарядов и опытных артиллеристов.

Что касается потерь со стороны восставших горцев, то, согласно рапорту генерал-поручика Леонтьева П. С. Потемкину, более 300 восставших горцев было убито, включая брата Мансура и около сорока почетных (знатных) чеченцев. Вероятно, на самом деле потери были меньше, поскольку в ауле Алды всего проживало не более 500—600 взрослых мужчин, из которых многие к тому же не успели принять участие в скоротечном сражении. Позже, на допросах в суде, сам Мансур говорил, что в том бою погибло около ста горцев. Князь Потемкин был чрезвычайно огорчен неожиданным для него провалом крупной операции. Полковник Пиери в качестве руководителя экспедиции был рекомендован самим светлейшим как наиболее опытный, смелый и энергичный офицер. Разгром отряда и гибель Пиери стали для князя двойным ударом.

Секретный ордер Потемкина от 6 августа 1785 года на имя генерал-поручика Леонтьева проникнут чувством горечи за поражение российских войск. В этом документе Потемкин, изучив все рапорты, донесения, ордера и допросы участников Алдынской экспедиции, делает попытку объяснить причины поражения отряда Пиери. «Читая рапорты, — писал князь, — нетрудно понять, что покойный Пиери, презирая чеченские народы, не стал дожидаться отряда бригадира Апраксина и хотел успеть все один, потому устремился через ту же лесную дефилею (тесный проход. — *А. М.*), которая уже была наполнена чеченцами, надеясь легко их разогнать. Если бы он вместо этого пути от деревни Алды пошел через Хан-Кале, то не только не случилось бы несча-

стье, но и не могло произойти кровопролитие, так как чеченцы, ожидая отряд Пиери на том же проходе, не смогли бы ему помешать».

«При всем том, — отмечал далее князь, — сам полковник Пиери храбро окончил свой путь, в то время как многие чины из отряда были постыдным образом разбиты и взяты в плен... Никогда знаменитое российское войско такового стыда еще не имело и с такою робостью не действовало... Объяснения офицеров, спасшихся бегством, подтверждают слабое устройство, с каким отступал отряд Пиери, а также робость войск, которые искали средство не драться с неприятелем, а только спасаться бегством. Сам факт пленения солдат наиболее подтверждает это, ибо, сколь много ни было бы чеченцев в лесу, если бы войско, не имея сил одолеть их, сомкнувшись, стало пробиваться на штыках, то, хотя и понесло бы урон, но не имело бы позора попасть в плен». Страх рассеял русских солдат, «и чеченцы побрали их, как овец». Что касается вспомогательных рот, которые шли за отрядом полковника Пиери, то они не имели смелости дойти до отряда и вскоре начали отступать. «Сия-то ретирада, — заключает князь, — ободрила чеченцев, а смерть наших, кои пали на том месте, поразила страхом солдат с покойным Пиери бывших».

Князь Потемкин предостерег русских военачальников, что победа восставших чеченцев над отрядом Пиери может поставить в затруднительное положение всю Кавказскую линию. Он приказал генерал-поручику Леонтьеву собрать со всех мест части войск и «поставить Линию в безопасность» с тем, чтобы первая часть войска могла быть всегда «наготове отражать толпу, ежели бы со лжепророком оная таки покуситься к Кизляру дерзнула». Вторая часть войска не должна позволить соединиться «чеченцам с Малой Кабардою, если бы сия по наущению тех подвигнулась к соединению».

В завершение Потемкин указывал, что часть войск нужно направить в Малую Кабарду, чтобы «не допустить бы взволноваться сим народам, спокойство коих нам наипаче нужно». В конце ордера князь откровенно выражает свое беспокойство по поводу ухудшения обстановки на Кавказе в результате победы восставших над отрядом полковника Пиери. «Не могу я умолчать, сколь неудачное сие дело не только расстроило всего края состояние, но и подало чеченцам повод к дальним дерзновениям... Уповаю, что ваше превосходительство, — наставлял князь генерал-поручика Леонтьева, — по испытанному знанию военного искусства предположите меры, дабы оный лжепророк отучился делать новые

покушения, и при том обуздайте с другой стороны как Малую, так и Большую Кабарды. Происшествия за Сунжей тем сожалительнее, что принятие мер надлежащих упущено. Я уже не говорю о том, что покойный полковник Пиери погорячился идти на чеченцев, не дождавшись бригадира Апраксина к своему подкреплению. Не стал прежде в близости сего места станом, для точного исполнения моих предписаний — тайно пробраться к селению Алды и постараться захватить Мансура или вытребовать его у народа, и употребить оружие только в случае неповиновения».

Разграбление и сожжение села также осуждалось Потемкиным, поскольку алдынцам даже не объяснили причин прибытия к ним русского отряда: «Полковник Пиери мог бы, конечно, требовать от чеченцев лжепророка, а по отказу следовать в то селение. Тогда бы знали чеченцы, зачем идут к ним, и, может быть, предпочли бы выдать злодея, нежели за него драться и подвергнуть себя мщению». Следует признать, что, несмотря на подробное планирование операции, отряд Пиери был оставлен без всякой помощи. Бригадир Апраксин только 6 июля получил предписание от генерал-поручика Леонтьева выступить к Алдынской переправе на реке Сунже, от которой он находился на расстоянии двадцати километров. Не подоспела помощь и от полковника Савельева, которому до того было предписано находиться в распоряжении полковника Пиери со своим отрядом в составе Моздокского казачьего полка и двух орудий.

При сражении отряда Пиери под Алдами на стороне местных жителей было преимущество в тактике ведения боя в специфических условиях лесной местности. В то время как российские войска оказались совершенно неготовыми к ведению боя в лесу, горцы были в своей стихии и умело пользовались излюбленной тактикой — нападали из-за деревьев, быстро отходили и нападали снова, уже с другой стороны. Велика вина в поражении русских войск и самого полковника Пиери. Он оказался человеком упрямым, нетерпеливым и больше всего жаждущим личной славы. Необдуманность в действиях и решениях, нежелание прислушиваться к советам опытных офицеров, недостаток трезвого расчета в момент сложной ситуации, неправильная расстановка боевых сил — все это сказалось на поражении и гибели отряда. Роковая же ошибка, по мнению генерал-фельдмаршала Потемкина состояла в том, что Пиери не вступил в переговоры с восставшими, что было ему предписано. Во всех случаях, — в этом светлейший князь был убежден, — с чеченцами лучше договариваться, чем воевать.

Заметим, однако, что всякое поражение имеет своей причиной не только ошибки проигравшей стороны, которые весьма тщательно разобраны в переписке князя Потемкина с командующим русскими войсками на Кавказе, но, в не меньшей степени, таланты и достижения стороны победившей. Главным достоинством войск Мансура, принесшим им победу над крупным формированием регулярных царских войск, следует назвать организацию. В это трудно поверить, но алдынский имам сумел добиться точного выполнения своих приказов от безгранично храбрых, но столь же безгранично недисциплинированных горских воинов. Не следует забывать и об умелом руководстве ходом сражения — талант поразительный для молодого горца, совершенно незнакомого с военной теорией. Однако этот его несомненный дар мог проявиться только при условии готовности чеченских вольных джигитов беспрекословно подчиняться приказам своего военачальника.

В этом и состоит самое удивительное достижение первого чеченского имама — он сумел объединить и дисциплинировать людей. Мансур добился того, чего мало кому из горских князей и военачальников когда-либо удавалось. Чеченцы пошли за ним, признав своего земляка народным вождем.

Глава 4

ПАСТУХ-ВОЛК НАСТУПАЕТ

1

Поражение отряда полковника Пиери взволновало весь Кавказ, подняв авторитет Мансура на небывалую высоту. Чеченцы объясняли этот военный успех чудесной силой своего вождя, которому покровительствовал сам Аллах. Мансур получил высшую власть не в силу могущества и древности своего рода, не за богатство, а именно по единодушному признанию народа. Такое произошло, пожалуй, впервые в истории Чечни. Теперь шейх Мансур решал все дела, издавал и отменял законы, казнил и миловал, как признанный единоличный правитель народа. Военный успех способствовал деятельности Мансура по распространению законов шариата. Вокруг имама, всенародно признанного чудотворцем, стали собираться мощные силы, которые те-

перь составляли около десяти тысяч бойцов. Это были, главным образом, чеченцы и дагестанцы.

Оказавшись перед лицом такой угрозы, царское командование сочло необходимым перевести свои силы на оборонительное положение. С этой целью передовая линия войск, предназначенная для защиты от нападения с гор, была передислоцирована. Мелкие укрепленные пункты были оставлены, а войска стянуты к трем базам в Моздоке, Кизляре и Екатериноградe. Блокирование горных дорог и ущелий было снято. Силы, размещенные в Грузии, были частично отозваны на Кавказскую линию, что дало возможность Умма-хану Аварскому вторгнуться в Грузию и опустошить некоторые ее области. Позднее царское командование в целях сокращения оборонительных сооружений вынуждено было покинуть свои укрепления, защищавшие связь с Закавказьем, а также Владикавказ и Дарьяльское ущелье.

Турецкие власти в Анапе и Согуджаке, внимательно наблюдавшие за ходом событий, регулярно сообщали в Стамбул о действиях российских властей после поражения отряда Пиери. Комендант Согуджака Али-паша писал в сентябре 1785 года, что после поражения от имама Мансура царские войска укрепились в форпостах и станицах и готовятся переместить отдельные части с легких постов в более сильные укрепления. Далее он сообщал, что по всей Кубанской линии русские заняли оборонительные позиции вдоль турецкой границы, сконцентрировали свои силы и разрушили мосты. Турецкие агенты усердно распространяли слухи о том, как отрицательно сказалась на боевом духе российских войск неудача, понесенная ими у селения Алды.

В рапорте от 5 сентября 1785 года Али-паша сообщал сильно преувеличенные сведения о массовом дезертирстве из русских частей, стоящих на Кубани, о громадных трофеях, якобы захваченных восставшими при разгроме царских войск на Сунже, и о том, что добыча эта продавалась за бесценок на всем Западном Кавказе. Шейх Мансур также сообщал о победе горцев под Алдами в своих письмах, утверждая, что российские войска потерпели сокрушительное поражение по воле Аллаха, и все правоверные должны этому радоваться. В эти дни слава о Мансуре распространилась не только по всему Северному Кавказу, но и далеко за его пределы.

В рапорте князю Потемкину генерал-майор Михаил Каховский сообщал, что из посланных им в разные места конфидентов (агентов) один, возвратившийся из Анапы, доложил о том, что приезжающие из Кабарды купцы везде

рассказывают, что объявившийся в Чечне шейх или святой имел сражение с царскими войсками, победил их и отнял у них пушки. Турки же этому очень обрадованы и говорят, что теперь сбывается древнее пророчество о торжестве ислама над неверными и приближается время большой победоносной войны. Другие конфиденты доносили, что жители Малой Кабарды взволновались и готовы примкнуть к Мансуру. Из различных сел и горских обществ чеченцы толпами стекались под его знамена. Это позволило имаму уже через шесть дней после сражения совершить ряд нападений на посты Кавказской линии.

Практически вся Чечня теперь подчинялась Мансуру, но он не довольствовался этим; его планы простирались гораздо дальше. Мансур стремился привлечь под свои знамена все народы Северного Кавказа, в том числе и не обращенные в ислам. Вскоре ученики Мансура, его мюриды появились среди осетин и ингушей, стараясь склонить их на свою сторону. Депеши царских агентов сообщали о присоединении к Мансуру некоторых обществ Центрального Дагестана. Эмиссары имама появляются в Кабарде — самом богатом и густонаселенном районе Северного Кавказа, имевшем важное стратегическое значение. В рапорте на имя генерал-поручика Леонтьева полковник Иван Лешкевич сообщал, что находящийся в Чечне Мансур начал через своих ближайших сообщников волновать закубанские племена, среди которых ему особенно доверились черкесы.

Многие князья и муллы, выражая свою полную приверженность Мансуру, стали склонять на сторону имама свои народы. Прибывший из Закубанья ногаец по имени Джан-Али Исаков в письме на турецком языке сообщил, что он, будучи в Новрузовской орде на Лабе, слышал следующее. Ездивший в Чечню «к появившемуся там шейху, то есть святому» мулла Жембулуцкой ногайской орды из аула Канлы, возвратился с данным от святого «двухвостым» зеленым знаменем. Мулла будто бы рассказывал Джан-Али, что «объявленный де шейх именем Мансур якобы уже послал от себя к турецкому двору посланника, чтобы Порта непременно объявила России войну, а он де, в свою очередь, не оставит случая со своими отрядами делать нападения на российские границы. Побывав в Новрузовской орде, тот мулла со своим знаменем, данным от святого шейха, пошел к Темиргойским черкесам».

Черкесами или адыгами в то время называли себя почти все народы Западного Кавказа. Среди них, кроме живущих в горах кабардинцев, были давно переселившиеся на плос-

кость племена шапсугов, бжедугов, абадзехов, натухайцев, темиргоевцев, бесленеевцев и другие. Все они, как и чеченцы, уже давно испытывали давление со стороны России. После Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией в Закубанье появились русские укрепления, под защитой которых сюда начали прибывать поселенцы, вытеснявшие адыгов с их исконных земель. Слава об имаме Мансуре, быстро распространившаяся по всему Кавказу, воодушевила закубанские народы на активные действия против России. В письме коменданту Константиноградской крепости премьер-майору Рику уздень из Большой Кабарды Аджи-Садык сообщал, что владелец Бекмурза Хамурзин постоянно шлет в Чечню к имаму письма, в которых просит предупредить его о том, «когда будет он (Мансур) иметь движение свое с войском, дабы присоединиться к нему».

Видя, что недовольные действиями царских властей кабардинцы стали склоняться к проповедям имама Мансура и навещать его, премьер-майор князь Ураков, находившийся в Кабарде в качестве пристава, стал на общем собрании владетелей и узденей внушать им, чтобы они, во избежание опасных последствий, прекратили свое сообщение с имамом. В присутствии Уракова от владетелей и узденей Кабарды было взято подтверждение, что никто из них больше не будет ездить к бунтовщику.

Российская администрация, со своей стороны, требовала от лояльных к ней местных князей и феодалов, чтобы они запрещали крестьянам под страхом наказания уходить от своих владетелей и присоединяться к отряду Мансура. Кумыкские владетели, через земли которых восставшие горцы могли бы напасть на русские укрепления и станицы гребенских казаков, были строго предупреждены царскими властями, чтобы в случае движения горцев во главе с шейхом Мансуром в сторону Кавказской линии они немедленно сообщили об этом на заставы.

Однако требования властей к владетелям и старшинам не всегда достигали результата, поскольку у тех не было ни сил, ни особого желания удерживать своих крестьян от ухода в лагерь восставших. Комендант Владикавказа подполковник Матцен сообщал командованию о том, что «лжепророк» стал весьма известен и у них. Одновременно он сообщал об участившихся случаях нападения восставших горцев на небольшие группы российских солдат, которые выходили из крепости для рубки леса. Стали учащаться и случаи нападения горцев на отдельные русские села, расположенные неподалеку от крепостей и укреплений.

Тот же Матцен доносил, что 10 июня отряд горцев в 70 человек, разделившись на две части, хотел отогнать пасущиеся вблизи от Владикавказа русские и осетинские табуны. Старшина деревни Шолхи Чох, собрав команду, стал их преследовать. Когда Чох нагнал часть горцев, между ними произошло сильное сражение. Через несколько дней ингушские старшины известили подполковника Матцена о том, что партия горцев из пятисот человек с тринадцатью знаменами приблизилась к ингушской деревне Цори, расположенной в 40 верстах от Владикавказа, с целью ее разорения. Не дойдя несколько верст до деревни, горцы расположились на ночлег. Этой ночью жители Цори, которые были извещены о приближении горцев, внезапно совершили на них нападение. Были убитые и раненые с обеих сторон.

Нападения чеченцев на ингушские деревни происходили по той причине, что жители Шолхи и Цори придерживались прорусской ориентации и к тому же не были мусульманами. Походы Мансура в ингушские села 11 и 13 июня 1785 года имели целью обращение своих соплеменников в мусульманскую веру. Сыграла свою роль и политика царских властей, которые, по сообщению историка П. Г. Буткова, «сознательно ссорили чеченцев и ингушей». Между тем многие чеченцы равнинных аулов, а также жители кумыкских деревень продолжали уходить от своих владетелей и вливаться в повстанческий лагерь шейха Мансура.

Царская администрация с тревогой отмечала, что восставшие горцы начинают все более организованно предпринимать вооруженные нападения на села, расположенные вблизи российских укреплений и крепостей по Тереку. Все это были лишь разведывательные рейды. Шейх Мансур явно изучал обстановку, вынашивая планы нападения на Кизляр, Григориополис, Владикавказ и Каргинское укрепление — главные опорные пункты Кавказской оборонительной линии. По сведениям русских агентов, имам собирался потребовать от начальников этих крепостей, чтобы они добровольно оставили их и возвращались в Россию. Если же они не послушаются, то он пойдет на них войной и «всех российских в прах разобьет».

В письме на имя кизлярского коменданта Вешнякова аксаевские владетели Эльдархан Солтанмамутов, Ахметхан и Алхан Каплановы, Адил Алибеков и Касай Уцмиев отмечали: «Будучи вместе в Андреевской деревне для точного выяснения, кто к стороне российской доброжелатели и кто простирается в злых предприятиях, проведали они следующее. Аксаевцы и андреевцы, жители чеченских деревень и казанишевцы из Дагестана, а также крестьяне аварского Ум-

ма-хана и дженгутейского Алисолтана будто бы решили все вместе после мусульманского праздника байрама выступить против крепости Кизляра для учинения зла».

В конце июля один из аксаевских владетелей, Касай Уцмиев, побывавший в кумыкских селениях, в письме кизлярскому коменданту доносил: «Будучи в аксаевских аулах, известился, что в урочище, называемом Кара-Тюбе, в буераке собралась толпа горцев из четырехсот человек, которые с негодным намерением следовали в российские места». Насколько стало ему ведомо, намерение восставших заключалось в том, чтобы уничтожить сторожевой пост, находящийся вблизи Каргинского редута.

В течение всего лета 1785 года в лагере Мансура шло усиленное накопление войск. В своих письмах и прокламациях к различным горским народам имам призывал их единодушно выступить с ним против общего врага — российских войск и союзных с ними местных князей. Призывы эти находили отклик среди кабардинцев и дагестанцев, готовых в любое время примкнуть к восставшим, не говоря уже о соотечественниках имама, в большинстве своем перешедших на его сторону. Многие горцы лично приходили в Алды, чтобы послушать проповеди имама. Вот что говорил он им:

«Гордые сыны Кавказа!

Сотни лет наши деды и прадеды защищали свои земли от незваных гостей, пытавшихся силой поработить нас. Десятки тысяч завоевателей сложили здесь свои головы. Но это не стало уроком для тех, кто сегодня хочет завоевать наш край. Богатства Кавказа не дают покоя нашим недругам. Нам приходится постоянно защищать себя. Враги уничтожают наши жилища, сжигают посевы, убивают стариков, женщин и детей. Они строят на нашей земле крепости, рубят наш лес, чтобы им легче было нападать на нас, разводят свиней, наплевав на наши законы и обычаи. Они хотят загнать нас в горы, чтобы мы вымерли от голода.

Но Аллах услышал наши молитвы. Храбрые чеченцы, кабардинцы, аварцы, кумыки и другие наши братья готовы вместе выступить против общего врага. Мы должны разрушить все вражеские крепости — Кизляр, Владикавказ, Моздок и другие. Если мы не уничтожим их, враг выстроит такие же здесь, на нашей земле. И тогда мы простимся со своей свободой, забудем о своей гордости. Этого нам не простят предки, ценой жизни защищавшие отечество от неприятеля, этого не простят наши потомки, и этого, наконец, не простит великий Аллах. Сегодня наша цель — Кизляр. Разрушив его, мы разорвем первое звено в черной цепи раб-

ства, душащей наш родной Кавказ. Это не просто война, а газават. Каждый, кто отдаст жизнь в этой священной войне, будет благословен и станет шахидом. Битва будет нелегкой, но нас вдохновляет то, что мы воюем за правое дело. Это значит, что с нами сам Господь. Настоящие мужчины познаются на поле брани. Поэтому не бойтесь врага, не отступайте назад! Пусть Всевышний поможет нам изгнать неверных с нашей земли!»

2

Волнение все больше охватывало Чечню, Кабарду и Дагестан. Все новые добровольцы вливались в войско Мансура, все новые князья и владетели изъявляли желание примкнуть к нему в походе на Кизляр. Из всех укреплений Кавказской линии Кизляр имел наибольшее стратегическое значение. Эта старейшая из русских крепостей была связующим звеном между Северным Кавказом, Закавказьем и Россией. Тут проходил путь, который связывал Кавказскую линию с Астраханью. Кизляр был первостепенным административным и экономическим центром всего Северного Кавказа. Несомненно, именно этим объясняются настойчивые попытки восставших во главе с Мансуром в течение двух лет (1785—1786) овладеть этим городом.

Взяв Кизляр, имам надеялся разорвать связь Северного Кавказа с Астраханью, а следовательно, перекрыть главную дорогу между Россией и Кавказом. Чтобы полнее представить себе этот город, который так упорно стремился захватить шейх Мансур, приведем описание его, сделанное Гильденштедтом:

«Город и крепость Кизляр лежит девятью верстами ниже Бороздинской на левом берегу Терека, где он продолжает течение свое, имея по левой стороне реку Борозду. Терек при Кизляре ныне очень мелководен; особливо весною и осенью течение воды в нем почти не приметно. Кизляр стоит на низком, глинистом и болотистом берегу, который не токмо во время таянья снегов и дождливой погоды бывает грязен, но и подвержен наводнению; почему и старались сему пособить построением плотин, за которыми прилежно надсматривают во время водополья. Когда в Кизляре и по всему Тереку дуют Восточный и Южный ветры из гор, то причиняют сушь и холод. Около Кизляра и далее простирающаяся мокрая и болотистая почва и многие стоячие воды наполняют часто воздух густыми и вонючими испарениями.

Город разделяется на 4 части:

Крепость. Она лежит на левом берегу Терека, почти при истоке Кизлярки, и кругом себя никаких строений не имеет. В ней находятся публичные здания и гарнизонные казармы.

Солдатская слобода при Тереке, несколько сот шагов выше крепости.

Собственно так называемый город. Он лежит на левом берегу между слиянием Кизлярки и старого Терека. В нем находятся домы различных народов, коими населен город, и разделяется город на 8 кварталов.

Армянский квартал, который русские называют Армянской слободою, а татары Арментир.

Грузинский квартал, по-русски Грузинская слобода, а по-татарски Курце-Аул.

Квартал новокрещенов или проселитов, по-татарски Кристиаул, то есть християнская деревня. Он состоит из ногайских и кумыкских татар, также и черкесов, которые в прежние времена приняли християнскую веру, каковых и ныне не мало.

Квартал терских казаков. Как сии, так и новокрещены, составляют Терское войско. Имя они получили от прежних Терков; нынешние все крещены и происходят или от татар, или от черкесов.

Окочирский квартал. Жители кумыкской деревни Окочир, перешед в Кизляр, в нем поселились. Ныне населяют его кумыки и ногайцы, сохранившие магометанский закон.

Черкесский квартал, по-татарски Чергес-аул. В нем живут магометанского закона черкесы, кои большей частию были подданные князя Бекевича.

Квартал казанских татар, по-татарски Казанте-аул. Они перешли сюда из Казани, упражняются в земледелии и состоят в подушном окладе, которого никто из прочих жителей Терека не платит.

Квартал Тезик-аул. В нем живут персияне, которых русские называют тезирами от персидского "тудшир", то есть купец. Они ведут торг с армянами и грузинцами, податей не платят и военной службы не исправляют. Все сии кварталы с полевой стороны окружены земляным валом.

Четвертая часть города лежит к северо-западу от Кизлярки, в широкой равнине; она от всего города отделена, почему и называют ее татары Кирда-Юлер, то есть полевое строение. В ней находятся виноградные сады и огороды жителей, при которых живут многие грузинцы и армяне.

По причине недостатка в лесах, малое число домов построено по русскому образцу из бревен, по большей же ча-

сти из сырого кирпича и обожженного. Большая часть домов суть мазанки, построенные из тонких жердей и из сеченой соломы, смешанной с глиною, из чего сделана и крыша. Внутри они весьма низки. Поелику, как почва, так и обмазка домов в сырую погоду смягчаются и покрываются солью, то жилища по всему Тереку, вышепомянутым образом строящиеся, не бывают ни прочны, ни здоровы. Дерево гниет весьма скоро, а кирпичи, разведенные солью, становятся столь рыхлы, что растираются в пальцах».

Так выглядел Кизляр и летом 1785 года. Именно тогда горцы во главе с шейхом Мансуром, стараясь развить военный успех, приобретенный в результате победы над отрядом Пиери, спустились на равнину и начали наступление на крепость. Первым на пути войска Мансура оказался Каргинский редут, расположенный в пяти верстах от Кизляра. Взятие его оказалось делом непростым. Гарнизон редута, составленный из опытных солдат, успешно отбивал атаки горцев, не имевших опыта штурма хорошо оборудованных укреплений. Убедившись, что прямые атаки приведут к большим потерям, шейх Мансур созвал в свою палатку командиров и предложил новый план.

Собрав в окрестностях все, что могло гореть, горцы сложили большие костры. От сильного жара запылали расположенные рядом деревянные строения. Распространившийся пожар перекинулся на стены редута. Воды для тушения пожара защитникам редута негде было взять, так как они были отрезаны войсками Мансура от реки. Сильный ветер широко разносил огонь, и вскоре он достиг порохового погреба. Укрепление вместе с его защитниками взлетело на воздух, горцы захватили несколько пленных и четыре пушки. Это была первая победа войск Мансура, одержанная над регулярными войсками за пределами чеченской территории.

Вдохновленные этим успехом, восставшие в количестве более пяти тысяч человек 15 июля подошли к Кизляру. Город в те дни был охвачен сильнейшей тревогой. Вот как описывает положение один из очевидцев: «Картина весьма печального свойства. Испуганные дети кричали, женщины плакали и, теряя голову, не знали, за что приняться. Седые старики сумрачно глядели на свои семьи, убирали и прятали пожитки. Многие, не веря в возможность удержать город, бежали в Астраханские степи. Казаки с вечера были отправлены навстречу войску мятежника. Перед выходом они заклинали друг друга стоять за родную землю и "падать спиной в Терек" (то есть умереть, не позволив горцам перейти реку), если не удастся остановить "пастуха-волка", как они назвали Мансура.

Ночь прошла в напряженном ожидании. Под утро, когда измученные жители стали забываться сном, огромной тучей поднялась пыль за Тереком, и повсюду разнеслось: "Идут!" Крепость вздрогнула, словно бы сама земля затряслась, чуя неотвратимую беду. Чтобы ободрить народ, русские и армянские священники ходили по улицам, пели молебны и кропили христиан и стены крепости святой водой. Суета и тревога видны были повсюду, и только солдаты молча стояли на стенах, изготовившись к бою. Чеченцы появились вблизи Кизляра в полдень и начали переправу. Казаки препятствовали им, как могли, и очень многие из них в этом бою "упали спиной в Терек".

К вечеру войскам Мансура удалось перейти реку, и они двинулись на штурм крепостной ограды, возведенной вокруг форштадта. Пять раз поднимались горцы на приступ, но всякий раз остановлены были огнем крепостных пушек и ружейной стрельбой. Пятый приступ был самым страшным, и военное счастье, казалось, уже повернулось к войскам имама. Кое-где они сумели даже подняться на стены. Защитниками города были брошены в бой последние резервы, а попросту все, кто мог держать в руках оружие. Роковое противостояние длилось более часа, и время это показалось жителям Кизляра бесконечным. Уже наступила темнота, когда горцы были все-таки отбиты и отошли в свой лагерь».

Рано утром русское командование предприняло попытку атаковать горцев силами Томского пехотного полка — единственного воинского соединения, сохранившего способность вести боевые операции после пяти штурмов, предпринятых горцами. Акция эта была во многом психологического свойства. Она должна была продемонстрировать восставшим горцам способность Кизлярского гарнизона к активным действиям. Перед командованием полка была поставлена задача отбросить утомленного безуспешными штурмами противника от крепости.

Выстроившись в каре, солдаты полка под барабанный бой вышли из ворот крепости и двинулись к лагерю восставших. Похоже, что горцам только этого и было надо. После безуспешных попыток овладеть Кизляром, Мансур бросил все свои силы на разгром Томского полка. Атака горцев была против господствующей в то время военной теории проведена сразу с четырех сторон и оказалась настолько мощной, что томичи вынуждены были с большими потерями отступить под прикрытие стен крепости. Спасло их то, что солдатам невероятными усилиями удалось удержать сомкнутый строй.

На другой день, 18 июля, Мансур приказал своим отрядам прекратить штурм и отойти от Кизляра. Он понял, что его войско пока не готово к штурму хорошо укрепленных городов. Для этого у него нет специального оборудования, вооружения, а главное, опыта. Продолжение осады Кизляра могло привести к большим потерям, а этого Мансур не мог допустить. Он понимал, что война на этом не кончится, а на победу может рассчитывать только тот, кто сумеет сохранить войска. Имам дал команду войскам отойти в горы для отдыха и пополнения, а сам возвратился в родное село Алды.

В эти дни им была произнесена последняя из сохраненных народной памятью речей. Имам сказал своим соратникам:

«Дорогие соотечественники! Свободные сыны Кавказа!

Мы доказали врагам, что у них не будет спокойной жизни на нашей земле. Враг понял, что за набеги на наши села мы отплатим ему тем же. Мы не скрывали от неприятеля наш набег на Кизляр. Не шли на крепость, как разбойники, под покровом ночи. Нам не удалось взять город — видно, так было угодно Всевышнему. И все же наш поход был не напрасным. Неприятель ошеломлен нашими действиями. С помощью Всемогущего Аллаха и благодаря вам, мужественные сыны гор, мы смогли уничтожить значительные силы противника и взорвать Каргинский редут вместе с его защитниками. Я поздравляю вас с этим успехом. Теперь враги уже не смогут безнаказанно грабить наши села. Народ проснулся, он понял, что судьба отечества в его руках.

Мы не стали штурмовать Кизляр. Нельзя воевать против пушек и ружей с пиками и кинжалами. Но нельзя падать духом из-за одной неудачи. Придет время, когда не только Кизляр, но и все другие крепости покорятся нам. Наша задача — поднять все кавказские народы на борьбу с захватчиками. Мы зажгли только искру, от которой должен разгореться костер. Только объединившись, народы Кавказа смогут защитить свои земли. Пусть Бог поможет нам стать братьями и найти общий язык со всеми, кто приходит к нам с добром, а не с войной. Помните, все в руках Всевышнего! Верьте в него! Молитесь ему! Давайте милостыню всем нуждающимся! Ваше достояние от этого не убудет, а только прибавится. Будьте прилежны в вере, следуйте закону, очистите ваши души от скверны. Не делайте неугодных Богу деяний. Знайте — все, что сделано вами в этом мире, хорошее и плохое, вспомнится вам в Судный день».

3

Слова Мансура оказали свое действие. Никто или почти никто из восставших не воспринял отступление от Кизляра как поражение. Все вспоминали другое — разгром Каргинского редута, захват четырех пушек и успешное сражение против Томского пехотного полка. Горцы не сомневались, что через некоторое время Кизляр падет к ногам правоверных, которых ведет в бой святой шейх Мансур. Движение кавказских народов разгоралось все жарче на всей протяженности укрепленной линии от Кубани до Терека. Горцы по-прежнему толпами уходили от своих владетелей и старшин и вступали в войско Мансура.

«Народ из повиновения нашего вышел: есть у них намерение, чтобы нас из деревни выгнать», — жаловались князья Андреевской деревни кизлярскому коменданту Вешнякову. Жители Андрея (Эндерея) на общем сходе приняли решение: если среди них окажутся предатели, которые выдадут сведения о планах восставших русским властям, то «такого человека убить и дом с его имением разграбить и сжечь». Владетели, которые придерживались пророссийской ориентации и находились на службе у русских властей, старались удержать своих подвластных от присоединения к имаму Мансуру. Армянин, побывавший в Аксаевской деревне, сообщал, что «князья сами не идут к Ушурме, да и своих подвластных грозят убивать, если те осмелятся уйти к имаму».

Однако не все состоятельные хозяева были непримиримыми противниками Мансура. В лагерь его переходили богатые уздени из многих кумыкских и кабардинских деревень. Князья Андреевской и Аксаевской деревень Темир Хамзин, Ханца Алиев и другие доносили: «Наши подвластные уздени и черный народ лжепророку обещают с каждой мечети отдать по два человека». Произвол горских князей вынуждал узденей обращаться к властям, чтобы последние призвали местных владетелей к порядку или же разрешили узденям переселиться в другие, более спокойные места. Русская администрация, опиравшаяся в своей деятельности на местную аристократию, оставляла жалобы без внимания. Вот почему появление Мансура в Малой Кабарде сразу привлекло к имаму внимание горских крестьян. Подвластный «черный народ» и большинство состоятельных хозяев изъявило готовность стать под знамена имама.

Опора эта, однако, была не очень надежной. Богатые уздени по своему социальному статусу были ближе к владетелям и не желали лишаться нажитого имущества и больших

стад скота. В течение всего времени восстания горцев они колебались — то выступали заодно с российскими властями, то примыкали к Мансуру. Из архивных документов явствует, что войско Мансура составляли в основном простые крестьяне. Тем не менее под знамя имама встали некоторые князья и феодалы Большой и Малой Кабарды. Это были Ахмет Дударов из Осетии, сыновья шамхала Тарковского, сын хана Казикумухского из Дагестана и немало других. Впрочем, они покинули имама сразу, как только начались трудности. Позже они оправдывались перед русскими властями тем, что не хотели подвергнуть разорению свои вотчины. Говорили, например, что иначе «самозванец пожег бы деревни и угнал их скот, который по степи при кочевых татарах находился».

Большинство же князей не примыкали к народному движению, а, напротив, боролись с Мансуром, понимая, что выступление горской бедноты направлено также и против них. Такие владетели не раз обращались к царским властям, чтобы те поддержали их вооруженной рукой. «Прошу ради Бога, — писал костековский владетель, — прислать на вспоможение войска, ибо по прибытии шейха в Костековскую деревню все подвластные оному повинуются. В противном случае Костековскую деревню из рук наших отберут, и мы все весьма будем притеснены». «Наш народ весь, — вторили ему аксаевские владетели, — из повиновения вышел, предался бунтовщику и уехал на север в Андреевскую деревню. Просим наказать беспутных, иначе они будут поощряться к злоумышлениям». Чтобы подвигнуть русские власти к активной военной помощи, князья и владетели заявляли в ультимативной форме: «Если оный народ (бунтовщики) не потерпит от России наказания, то их (владетелей) усердия к Российской стороне не будет».

Российские власти поддерживали владетелей и посылали войска для подавления восставших. Направленный в Эндерей ротмистр доносил: «По прибытии в деревню в ней жительствующие народы присягнули, дабы Российскому престолу были верными и князю своему Хамзе Алиеву послушны с тем условием, что если они присягой пренебрегут, то будут изгнаны из деревни либо преданы смерти».

Тем не менее народное движение, возглавляемое шейхом Мансуром, с каждым днем нарастало. Агенты российских властей из горских селений сообщали о том, что «лжепророк» намеревается, еще более увеличив войско, предпринять новый поход на Кизляр. Командующий войсками Кавказской линии генерал-поручик Леонтьев отправился в Кизляр,

чтобы принять меры к защите города. Там уже размещались два полка, но сразу же после первого нападения отряда Мансура генерал Леонтьев отправил в крепость Астраханский пехотный полк, стоявший до этого в станице Червленой. Считая эти подкрепления все-таки недостаточными, генерал Леонтьев просил астраханского губернатора прислать в Кизляр отряд калмыков из двух тысяч человек.

Бригадиру Апраксину было приказано со своим отрядом следовать к реке Малке, чтобы не позволить кабардинцам соединиться с восставшими чеченцами. Подполковника Вреде Леонтьев срочно отправил с батальоном мушкетеров на усиление крепости Григориополиса, разделявшей Кабарду и Чечню. Это было вызвано неожиданным сообщением майора Жильцова, находившегося со своим отрядом в этой крепости. В своем рапорте майор писал, что 26 июля к нему прискакал князь Малой Кабарды Жембулат и сообщил, что «шейх Мансур, со своею злодейскою толпою в близком времени намерен сделать нападение на Григориополис». Чтобы более точно удостовериться в этом, Жильцов тотчас же послал в Кабарду своего человека. Тот по возвращении донес, что князь Дол и уздень Берд Хапцуг с их подвластными уехали к Мансуру и что они собираются принять участие в походе Мансура против Григориополиса.

В самом конце июля князь Жембулат вторично приехал в укрепление и сообщил, что Мансур с отрядом чеченцев уже вступил в Малую Кабарду и разместился в Доловой мечети, которая расположена на холме. Затем Мансур отправился в дом князя Дола, а оттуда послал человека за князьями Келеметом, Кайтуком и другими владетелями, в том числе за князем Жембулатом. По прибытии приглашенных шейх Мансур стал их уговаривать, чтобы они присоединились к нему.

Когда владетели Малой Кабарды после встречи с Мансуром разошлись по домам, князья Келемет и Кайтук сразу послали князя Жембулата с донесением в Григориополис. Они просили предупредить русских о происходящем у них и уверить начальника гарнизона, что кабардинские князья, в силу данной ими присяги, остаются верными Российской державе. От имени мирных владетелей они просили позволения отправить их жен, детей и имущество в безопасное место. Они же, вместе с их подданными, намеревались остаться в Кабарде и в случае нападения отряда Мансура защищать себя и свои селения. На самом же деле, несмотря на клятвенные обещания в верности, кабардинские князья, боясь быть разоренными своими же крестьянами, втайне от

российских властей, пообещали помочь шейху Мансуру. «Из сего происшествия заключительно было, — отмечал подполковник Вреде, — что кабардинцы все изменили и явно возмутились против России. Уверение их о верности было обманом, дабы тем время выиграть, да имение свое сохранить».

Заручившись поддержкой князей Малой Кабарды, Мансур совместно с отрядом чеченцев и кумыков решил атаковать укрепление Григориополис. Имам прекрасно понимал, что для того чтобы осуществить свои далеко идущие планы, ему необходимо обучить горцев сложной науке войны, в которой решающим успехом могут стать штурмы укрепленных городов Кавказской оборонительной линии. Эта наука в корне отличалась от лихих кавалерийских налетов, столь любимых отчаянными горскими джигитами.

Утром 29 июля 1785 года шейх Мансур предпринял нападение на недавно построенную крепость Григориополис. «Редут этот (Григориополис. — *А. М.*) расположен на пологом и безлесном скате горы, — описывает город один из современников. — Близ его, с правой и левой сторон — глубокие лощины. С тылу, в версте от него, вершина горы, покрытая лесом». Со стен укрепления было видно, как в ближнем лесу начали собираться вооруженные отряды горцев. Чеченские всадники время от времени выскакивали из лесу со своими знаменами и значками. Точно таким же образом с кабардинской стороны выезжали вооруженные всадники со значками.

Отряды горцев у леса продолжали накапливаться. Подполковник Вреде выслал к ним парламентера, чтобы спросить, для какой цели они собрались. Горцы в переговоры вступать не стали и выстрелами прогнали парламентера. После этого в крепости стали спешно готовиться к обороне и принимать меры для отражения нападения. Все войска были введены в укрепление и расположены вдоль стен. Наиболее слабые места были заставлены провиантским обозом, а промежутки и щели между телегами завалены досками, бревнами и прочим материалом. Казенные лошади и волы, находившиеся в укреплении, были размещены в разных строениях и во рву. Частный скот, не имея места в укреплении, был оставлен за валом и размещен в бывших недалеко от укрепления землянках Селенгинского полка; двери и окна этих землянок были наскоро забиты досками.

Около двух часов дня войско Мансура подошло к Григориополису и окружило его со всех сторон. Наступавшие горцы постарались перекрыть всякое сообщение с крепостью

через горные места и на равнине. Восставшими была перехвачена депеша во Владикавказ, посланная с переводчиком Цыганковым в сопровождении семи казаков. На расстоянии более версты от укрепления маленький отряд был окружен горцами, открывшими по нему частый огонь из ружей. Подполковник Вреде тут же отправил на помощь хорунжего Павлова с несколькими казаками. Команда Павлова хотя и подоспела на помощь Цыганкову, однако сама была окружена и захвачена в плен.

Войско горцев спустилось в овраги, окружавшие Григориополис. Там они стреножили своих коней и начали осаду самого укрепления в пешем строю, открыв по нему огонь из ружей. Среди стрелявших чеченцев и кабардинцев виден был в белой одежде сам Мансур. Перестрелка, начавшаяся с двух часов дня, продолжалась до поздних сумерек. Горцам не удалось первым же приступом овладеть Григориополисом. Тогда, используя удачный опыт штурма Каргинского редута, восставшие зажгли сараи, конюшни и другие строения вокруг крепости, принадлежавшие Астраханскому пехотному полку. Как только заполыхали зажженные сараи, воины Мансура под прикрытием густого дыма, сильно затруднившего прицельный огонь русских пушек, сделали отчаянную попытку подняться на стены Григориополиса. Защитники крепости с большим трудом отбили эту опаснейшую атаку.

Осада продолжалась двое суток. Войска, находившиеся в укреплении, в течение всего этого времени оставались без воды. Прежние запасы были истрачены для остановки пожара, устроенного горцами. Подполковник Вреде вынужден был произвести вылазку за пределы крепости с тем, чтобы запастись водой. От успеха этой вылазки во многом зависела судьба города. Восемьдесят егерей и сто казаков под прикрытием огня пушек бросились на засевших вокруг крепости горцев. Завязался жестокий бой. Постепенно горцы, не ожидавшие в этом месте столь сильной атаки, начали отступать. Егеря и казаки добрались до воды, наполнили кадушки и вернулись в крепость раньше, чем горцы успели подтянуть резервы и отрезать им обратный путь.

Григориополис восставшим взять не удалось. Однако неудачей этот поход считать не следует — в нем был получен бесценный боевой опыт. Говоря об осаде Кизляра и Григориополиса, следует отметить, что горцы тут впервые столкнулись с хорошо укрепленными крепостями, которые защищали обученные регулярные войска, имевшие на вооружении артиллерию. Горцы не были подготовлены к овладению крепостями и укреплениями, им только предстояло научиться

вести их правильную осаду. При попытке захватить укрепления они действовали стихийным порывом, что редко приносит удачу. Восставшие также не вполне владели тактикой организованного огневого боя на открытой местности. Умевшие прекрасно защищаться и нападать в горных и лесных условиях, на открытой, ровной местности горцы вынуждены были отступать при непосредственном столкновении с регулярными войсками.

Не менее важно и то, что у русских властей была налажена широкая сеть агентуры из числа местных старшин и владетелей, позволявшая раскрывать планы восставших и своевременно перебрасывать силы в различные пункты на Кавказской линии, куда, по донесениям агентов, должны были выступить восставшие. Хотя отдельные князья и владетели, а также некоторая часть узденей перешли на сторону восставших горцев, однако в целом поведение знати носило выжидательный характер и при любой попытке царских властей оказать им помощь, сделать уступки или просто подкупить они изменяли своим восставшим землякам.

Первые организованные выступления горцев против Кизляра и Григориополиса закончились неудачей. Однако разгром Каргинского редута, а главное, смелое наступление против регулярных царских войск, на что до этого времени никто на Кавказе не решался (не считая отдельных набегов и нападений, происходивших довольно часто), сохранили высокий авторитет шейха из Алды. Неимущие горцы, крестьяне и абреки продолжали верить в своего имама и готовы были идти за него в огонь, в воду и под царские пушки. Важно было и то, что с каждым новым боем опыт накапливался, и армия Мансура становилась все более организованной. В окружении шейха появились ветераны и опытные командиры, на которых он мог полностью положиться. Эти люди безгранично верили в своего вождя и повсюду сопровождали его.

Глава 5

«БОГОМ КЛЯНУСЬ, У НИХ ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КОННИЦЫ!»

1

В начале осени Мансур объявил, что целью очередного похода снова будет Кизляр. Намерение имама повторно выступить против крепости заставило генерал-поручика По-

темкина срочно принимать меры. Подполковнику Лунину было приказано в случае продвижения Мансура к Кизляру, соединившись с резервными командами, атаковать горцев прямо в поле.

К кабардинцам было отправлено послание Потемкина, в котором их призывали к спокойствию и повиновению. Генерал уверял, что «ложный имам Мансур не спасет их обманными чудесами от грома и стрел, которые поразят преступников». Кабардинский пристав князь Ураков, собрав князей Кабарды, зачитал им письмо командующего. Собравшиеся встретили его смущенным молчанием и по-прежнему продолжали уходить к Мансуру, а один из владетелей Большой Кабарды разорил селения своих крестьян, ушедших за линию к русским.

Волнения в Кабарде нарастали. Поддерживая постоянные отношения с закубанскими народами и чеченцами, получая послания от имама Мансура, многие кабардинцы продавали свое имущество и на вырученные деньги покупали оружие и лошадей. Соединившись с закубанскими черкесами, они стали совершать регулярные нападения на Кавказскую линию. Большие конные отряды кабардинцев совершили ряд нападений на Константиногорск, селение Нино и даже на укрепление Георгиевское. Один из князей Малой Кабарды, Дол, собрал отряд более чем из 700 человек и, как призывал шейх Мансур, стал нападать на проезжавших рядом с Владикавказом представителей царской администрации. В октябре он даже попытался овладеть русским редутом возле Владикавказа, но неудачно.

Вся Кабарда была в это время разделена на три партии. Первая из них, самая сильная и многочисленная, была предана имаму Мансуру, снабжала его отряды продовольствием и готовилась присоединиться к нему, когда он выступит на Кизляр. Вторая оставалась в нерешительности, но по большей части сочувствовала восставшим. В случае взятия Кизляра эта партия скорее всего присоединилась бы к восставшим. Третья партия, состоявшая из князей и владетелей, продолжала служить России. Однако не исключено, что в случае вступления Мансура в Кабарду и они вынуждены были бы к нему примкнуть, чтобы не пострадать от своих же крестьян.

Шейх Мансур передал кабардинцам свое знамя и просил их, взявши пример с князя Дола, чаще совершать нападения на российские поселения, военные посты и крепости. Нападения Дола сильно беспокоили царскую администрацию, так как создавали угрозу регулярным связям Северного Кав-

каза с Грузией и всем Закавказьем. Комендант Владикавказа Матцен послал письмо к жившим вблизи крепости ингушам, чтобы они собрались и вместе с российским войском ударили по отряду Дола. Он обещал, что за службу они получат награду. Ингушский старшина Чош собрал 150 человек крестьян и, соединившись с русскими солдатами, заставил Дола отступить в горы. В поощрение за верную службу генерал Потемкин выдал старшине сотню червонцев, брату его пятьдесят червонцев и обоим — по пять аршин сукна на платье. Всем остальным ингушам досталось по четыре аршина сукна. «Сия сумма, — рассудительно заметил Потемкин, — не составляет большого расхода, но приучит горцев к службе нашей усердствовать».

Русские военные посты от кубанской стороны сообщали, что за рекой собираются вооруженные толпы восставших. Казачьими разъездами были замечены три больших (по шестьсот человек) отряда закубанцев, которые явно готовились совершить нападения на российскую сторону. Письма Мансура уже давно доставлялись к закубанским народам через проезжих купцов, однако настоящие связи устанавливаются с того дня, когда здесь появились посланцы имама. Они успешно действуют среди черкесских, адыгейских и ногайских племен, призывая их присоединяться к восставшим.

В конце августа полковник Ляшкевич доносил с Кубани о том, что по всей Адыгее ходят послания и письма от Мансура и что закубанцы срочно продают свой скот, закупают оружие и готовятся к соединению с имамом. Лояльный российским властям закубанский султан Арслан-Гирей отмечал в письме генерал-майору Шемякину, что закубанские народы хотят, переправившись через Кубань, ударить по русским укреплениям. Готовые в любое время напасть на российские границы, закубанцы тем охотнее откликались на призывы мятежного имама, что надеялись еще и на поддержку со стороны Оттоманской Порты.

В то время коменданту турецкого гарнизона в крепости Согуджак было отправлено специальное послание на черкесском языке от адыгейских вождей. Это письмо, оригинал которого извлечен французским историком Беннигсеном из турецких архивов, ясно выражает настроение, царящее среди закубанских горцев:

«Мой владыка, если ты нас спросишь новости об имаме Мансуре, мы ответим, что они хорошие. Наша единственная мысль — это сражаться день и ночь с презренными неверными. Несмотря на то, что численность наших бойцов не очень велика, Всемогущий Бог дарует нам, Его слугам, по-

беду. Но не думай, что одной нашей силы достаточно, чтобы довести до конца эту борьбу. Благодаря твоему благословению и молитвам, только с твоей помощью мы можем добиться победы. Эта земля принадлежит нашему падишаху. Если он пришлет нам свой рескрипт, то мы будем готовы к сражениям следующей весной. В Крыму осталось мало русского войска, русское командование отправило все свои силы против имама Мансура; даже те части, которые находятся в Кум-Кале, отправлены против него».

Мансур в это время оказался в сложном положении. Он объявил о скором походе на Кизляр, но горцы не были готовы к выступлению. Аксаевцы, качкалыковцы и чеченцы пригласили имама к себе для совета. На совете они заявили, что согласны совместно выступить против России, но не на Кизляр, а на многочисленные поселения между Шелкозаводской и Щедринской казачьими станицами. Они не надеялись на удачу под Кизляром и считали, что для начала лучше будет захватить слабо защищенные станицы, угнать табуны лошадей и захватить в плен людей.

Такое предложение в корне меняло планы Мансура, и он попросил время на размышление. Через несколько дней совет собрался снова, и на нем Мансур выступил с новым планом войны. Этот план не исключал нападения на главные крепости Кавказской линии. Имам по-прежнему был убежден, что только такие крупные операции могли решить исход войны. Однако к большим сражениям с регулярными войсками на открытой местности горцы по-прежнему были не готовы. Поэтому новый этап войны должен был представлять собой множество нападений на небольшие укрепления и поселения по всей Кавказской оборонительной линии. По замыслу имама, ни одна дорога с этих пор не должна была оставаться безопасной для русских.

Уже на следующее утро отряд в количестве 400 человек напал на Калиновскую станицу, но особого успеха не имел. Предупрежденные казаки успели подготовиться. Но в это же время другой отряд в составе 200 конных напал на солдатские поселения неподалеку от Владикавказа, угнал 800 голов крупного рогатого скота и увел в плен более 50 человек.

Новый план стал, пожалуй, самым крупным военным успехом чеченского имама во всей его воинской карьере. Мансур сумел преодолеть разобщенность горских народов, которая до сих пор не давала им возможности противостоять объединенным силам крупных держав. Теперь небольшие отряды горцев беспрерывно атаковали небольшие укрепления и станицы в самых разных местах с такой интенсивностью и

постоянством, что земля, как говорится, горела под ногами у поселенцев и солдат. Беспрерывные набеги превратились в постоянную головную боль для российской администрации, которая не могла обеспечить спокойствие на огромной территории от Кубани до Астрахани. Русская армия также была совершенно не готова к столь интенсивной партизанской войне. К тому же командование утратило важнейший свой козырь — тайные доклады добровольных и платных агентов-информаторов. Эти доклады прежде давали возможность почти всегда упреждать атаки горцев. Теперь же в силу многочисленности и разнонаправленности этих атак оперативная информация потеряла всякий смысл.

Российская военная администрация напоминала медведя, которого со всех сторон кусали пчелы. Как он ни кружился, как ни отмахивался, пчелы продолжали жалить. Войска и переселенцы вынуждены были жить, не выпуская из рук оружия. Ни один торговый караван, ни один транспорт с товарами и вооружением, ни одна делегация не могли отправиться в путь без крупного воинского конвоя. По сути дела войска, казаки и переселенцы оказались заперты в стенах своих поселений. План Мансура имел целью изгнать их обратно в Россию и помешать им захватывать земли чеченцев и других кавказских народов.

Следует признать, что шейх Мансур в это время, по сути, единовластно контролировал обстановку на Северном Кавказе. Так обстояли дела на Кавказской линии, когда генерал-поручик Потемкин 30 сентября 1785 года прибыл из Петербурга в крепость Георгиевскую. Опытный военачальник сразу оценил опасность сложившейся ситуации. «Обстоятельства здешние в крайнем замешательстве, — доносил он в тот же день светлейшему князю Потемкину. — Лжепророк паки собирается напасть на Кизляр и иные наши селения. Все кумыки, чеченцы и прочие горцы, даже часть дагестанцев, стекаются к нему. Закубанцы непрестанно делают уже не только шалости, но и сильные собрания, и постоянные нападения на Линию». Сообщая о том, «с какой злостью все народы, по пространству Линии живущие, устремлялись на возмущение и бунт», генерал Потемкин отмечал, что «лжепророк не токмо не был отучен от дерзостей, но никогда с самого начала так силен не был, как я нашел его ныне».

Накануне прибытия генерала Потемкина на Кавказской линии произошли очередные крупные столкновения. К станице Наурской подошел отряд горцев числом до тысячи человек, который намеревался переправиться через Терек. В то время другая часть восставших атаковала крепость Моз-

док. Кабардинцы также постоянно вторгались в пределы русских границ, угоняли скот и уводили в плен людей. Осенью 1785 года восставшие кабардинцы пробрались через линию на реку Куру, разграбили деревню Черкесскую и всех жителей увели с собой. Примеру восставших чеченцев и кабардинцев следовали закубанские народы.

Генерал Потемкин начал действовать. Помимо мер военного устрашения, он продолжал рассылать письма и прокламации, пытаясь переманить на свою сторону то крестьян, то владетелей. Однако эти попытки серьезного действия не имели. «Многие донесения уверяют меня, — писал костековскому владетелю Хамзе Алишеву кизлярский комендант Вешняков, — что горцы собираются выступить в российские пределы, и путь их лежит непременно через кумыкские селения. Соблюдая верность российской стороне, вам следует воспретить проезд горцам через свои селения, а паром через реку Койсу разобрать, чтобы не могли им воспользоваться».

Грузин по имени Петр, находившийся в плену в Аксаевской деревне, а оттуда проданный в другое горское селение, где проживали мичкизцы (чеченцы, жившие по реке Мичик), в письме к кизлярскому коменданту просил выкупить его и сообщал, «что жители тех деревень хотят непременно идти на Кизляр. Богом клянусь, — утверждал пленник, — что у них двадцать тысяч конницы и пятнадцать тысяч пехоты, и намерение их выступить через две недели на Кизляр крепкое».

Хотя сообщаемые грузином Петром сведения о численности войск Мансура не слишком заслуживают доверия, несомненно, что под знамя имама к осени собралось большое число бойцов. Летучие нападения горцев в последнее время часто были успешными. Русские войска, состоявшие преимущественно из пехоты, не могли успешно противодействовать отрядам конников, совершавших быстрые и неожиданные перемещения. Рассредоточенные по всей границе небольшими отрядами, они не могли своевременно сосредоточиться для нанесения сильного удара. Кавалерийские полки на Кавказской линии находились в особенно плохом состоянии. Они не были укомплектованы людьми; большой недостаток ощущался и в лошадях.

2

Поздней осенью 1785 года вся русская граница от Черного до Каспийского морей полыхала, подвергаясь постоянным нападениям местных народов. Генерал Потемкин вы-

нужден был произвести реорганизацию обороны линии. Из всех наличных войск он составил три больших отряда. Один должен был сдерживать кумыков, дагестанцев и чеченцев, другой — кабардинцев, третий — закубанцев. В соответствии с этим решением для борьбы с шейхом Мансуром на Терек были посланы войска под командованием генерал-майора Шемякина. Для отражения набегов из Большой и Малой Кабарды туда направлялись войска под командованием самого генерала Потемкина. Третий отряд во главе с бригадиром Апраксиным, расположившийся у Невинного Мыса, должен был контролировать пространство от Прочного Окопа до крепости Константиногорская.

Не используя до времени военные средства для предотвращения нападений горцев, Потемкин снова разослал прокламации к народам, которые находились на стороне Мансура. Из некоторых мест он получил ответы. В письме от 12 октября 1785 года на татарском (кумыкском) языке жители и старшины селений Большие Атаги, Чечен-Аул и Алды сообщали, что проживающий у них имам не имеет враждебных намерений по отношению к русским. Шейх Мансур только прославляет мусульманскую религию, требует строго соблюдать закон, а воров казнит без пощады. В то же время старшины откровенно признавались, что без позволения имама не могут и не смеют вступать в переговоры с властями.

«Мы находимся в точном послушании имама Мансура, — писали чеченские старшины, — что он прикажет, то и делаем. Он есть удостоенный и избранный от Бога человек, добрый и справедливый и не велит обижать христиан и других беззаконников, а призывает наблюдать закон мусульманский. Стороне вашей убытку он не желает. Потому ныне, что он прикажет, то и исполнять будем».

Алдынский имам начал собирать в своем родном ауле объединенное войско кавказских народов для нового большого похода на Кизляр. Он уверял собравшихся под его знамя, что ему было видение, которое говорит о том, что на этот раз их ждет удача. К бригадиру Вешнякову приехали сыновья старшего андреевского владетеля Темира Хамзина — Казий, Девлетгирей и внук его Солтанмамут. Они сообщили, что за исключением самого владетеля, его сыновей и родственников все остальные костековские жители и часть аксаевских князей и узденей вместе с их крестьянами перешли в лагерь Мансура. Сам имам якобы собирался в ближайшее время совершить нападение на морскую пристань в Дагестане — будущий Порт-Петровск. Он планировал захватить здесь провиант, которым снабжались русские войска,

прервать их сообщение с Астраханью и станицами Гребенского и Семейного казачьих войск, после чего приступить к осаде Кизляра. Но это сообщение оказалось ложным — Мансур стал действовать совершенно иначе.

19 августа кизлярский комендант получил рапорт от находящегося на противоположной стороне Терека казачьего дозора. Атаман Петр Сехин сообщал, что шейх Мансур с большим числом вооруженных горцев, пользуясь обмелением Терека и возможностью перейти его вброд, стал переправляться на левый берег в 15 верстах от Кизляра. После благополучной переправы отряд Мансура подошел к урочищу Буйвалы, которое находилось верстах в семи от Кизляра, и расположился в садах, окружавших город и принадлежавших его жителям. 20 августа отряд Мансура находился на том же месте, опустошая сады и сжигая строения. Только вечером, желая овладеть ретраншаментом — валом, которым кизлярские власти обнесли крепость при известии о походе горцев, — Мансур атаковал русские войска.

Длительная подготовка шейха к нападению на Кизляр позволила бригадиру Вешнякову принять серьезные меры предосторожности, которые сослужили добрую службу. Для обороны крепости ретраншамент был разделен на две части: правая сторона, защищавшая дома тезикских и окоченских татар, находилась в ведомстве капитана Терского казачьего войска князя Бековича Черкасского, а левая сторона, защищавшая дома грузин и армян, — в ведомстве плац-майора Боярского. Для обороны города был собран отряд в две тысячи пятьсот человек, в составе которого находились две роты Астраханского и Кизлярского полков, гребенские и терские казаки. Кроме того, было и ополчение, составленное из грузин, армян и калмыков, добровольно вызвавшихся защищать свой город. Гарнизонный батальон был оставлен в крепости, в резерве, за ретраншаментом стал лагерем Томский пехотный полк в составе 720 человек под командованием полковника И. М. Лунина.

21 августа 1785 года, в десятом часу вечера, отряд Мансура предпринял атаку на Томский пехотный полк. Солдаты, построившись в каре, встретили горцев огнем. Атаки продолжались около часа и привели к большим потерям. Не желая терять людей, полковник Лунин построил из каре треугольник и одним из углов начал отступление в крепость. Горцы наседали на отступающих и пытались окружить их. Наступали они довольно искусно, залегая в лощинах и ямах и прячась за различными укрытиями. Лунин приказал отступать быстрее. Воины Мансура погнались за ними, но на

подходе к крепости были встречены огнем из пушек. Схватка эта привела к большим потерям с обеих сторон. Согласно рапорту полковника Лунина, горцы во время нападения на Кизляр потеряли якобы убитыми и ранеными более тысячи человек, включая несколько представителей знати. «Со стороны же защитников Кизляра, — отмечал Лунин, — при отражении войск Ушурмы убит один извозчик из Томского пехотного полка, ранены 7 солдат из того же полка». Эти данные, как и в других случаях, явно преувеличивают потери противника и преуменьшают собственные, поэтому доверять им не стоит.

На этот раз войска восставших больше штурмовать город не стали. Проведя ночь у реки Новый Терек, в двадцати верстах от Кизляра, они рано утром 22 августа поднялись и, разделившись на три части, направились в разные стороны. Одна часть двинулась по дороге, пролегавшей по морскому берегу; другая — к кумыкскому селению Эндерей, а третья — в чеченские селения. Новость об отходе атакующих была встречена в Кизляре с невероятным облегчением. Говоря о заслугах кизлярского гарнизона, полковник Лунин доносил, что особенно храбро защищались гребенские казаки с их атаманом Петром Сехиным. Отличились также терские казаки, находившиеся под командованием князя Бековича-Черкасского.

«Владелец Костековской деревни Хамза Алишев, старик 80 лет, слепой, имевший чин капитана, оставался в верности России неколебим, — писал генерал Потемкин светлейшему князю Потемкину. — Андреевский владелец Темир, старик благонамеренный, также не колебался в верности. Дети его (Кази, Девлетгирей и внук Солтанмамут), которые всегда показывали усердие к службе Ее Императорскому Величеству, были извещателями о намерениях Мансура. Другие два андреевских владетеля — старик Муртазали и Девлетгирей Баматов, также оказывали свою верность императорскому престолу. Что касается до Девлет-Гирея Баматова, прошу покорно Вашу Светлость оказать ему особое отличие, так как он никогда не покушался на бунт, и, ведая сие, ших Мансур искал всемерно случая его повесить».

Отношение к Мансуру раскалывало пополам не только горские общества, но и отдельные семьи. Например, сын андреевского владетеля Муртазали Чапалов был главным пособником и любимцем шейха Мансура. Из других аксаевских владетелей, кроме Айдара, который хотя бы внешне показывал верность царским властям, все остальные вместе с их подвластными крестьянами участвовали при нападении

на крепость Кизляр. В отряде Мансура кроме жителей большинства чеченских аулов были также лезгины, тавлинцы и часть тарковцев, подвластных шамхалу. Сам же владетель Тарковский не принимал участия в нападении на Кизляр и держался в стороне от Мансура. Такой же позиции придерживались другие дагестанские правители — аварский Уммахан, кайтагский Амир-Хамза, табасаранский Сухраб-Бек.

В то время как Мансур со своим отрядом искал возможность прорваться через Терек и устремиться на Кизляр, визирь Тарковского шамхала Лаварслан, часто выезжавший по велению своего господина к царским властям, прибыл к генералу Потемкину с письмом, в котором шамхал поздравлял командующего с прибытием на линию. Обратный отъезд Лаварслана совпал с походом отряда Мансура на Кизляр. Отправляя визиря обратно, Потемкин передал с ним послание, в котором упрекал шамхала за то, что в числе бунтовщиков были и его подвластные. «Я уверен, — писал генерал-поручик, — что тарковцы были в отряде Мансура без позволения своего владетеля, а потому прошу, чтобы Вы не допускали впредь своих подвластных к бунтовщикам. Отступление Мансура, которое последовало почти перед глазами визиря Лаварслана, будет сильным поводом удержать Ваши народы».

Князь Малой Кабарды Дол, который вместе со своими узденями и подвластными давно перешел на сторону Мансура, принимал самое активное участие в нападении горцев на Кизляр и все время неотлучно находился при имаме. В рапорте от 29 ноября 1785 года на имя светлейшего князя Потемкина генерал-поручик Потемкин сообщал о владетелях Большой и Малой Кабарды, которые были либо прямыми соучастниками Мансура при нападении на Кизляр, либо сочувствовали ему, сохраняя нейтральное положение. Генерал отмечал, что из всех кабардинских князей «непоколебимо в верности к России» пребывали только Девлетгирей Касаев и его брат Бекмурза.

Владетель Исмаил Темрюков, племянник Мисоста Баматова, указывал далее Потемкин, «был в продолжение бунта одним из главнейших плутов, а Кайсын Джанхотов был послушником главного бунтовщика шиха и неоднократно ездил к нему на советы». Владетель Тепсаруко из Малой Кабарды все время осады Кизляра восставшими «постоянно пребывал спокойным». Даже в то время, когда «бунтовщик ших» приближался с отрядом к Тереку у Татартупа, он запрещал своим подвластным присоединяться к восставшим. Остальные владетели Малой Кабарды, Кайтука и Келемет, «хотя и имели наклонность к Мансуру внутренне, однако не давали про-

являться ей наружно». Владелец Большой Кабарды капитан Шабазгирей Куденетов, человек по своему характеру двоедушный, старался угождать обеим сторонам. Из числа известных узденей более всех свою верность российской стороне оказал Девлетука Танбиев, который, по мнению генерала Потемкина, заслуживает отличия. Говоря о тех средствах, благодаря которым более всего можно было привлечь к себе кабардинских владетелей, генерал Потемкин прямо указывал, что «все они генерально весьма жадны к деньгам».

Во время нападения горцев на Кизляр «взбунтовались кочующие близ оного ногайские татары», которые «подавали помощь горцам в отгоне у кизлярских обывателей табунов и причинении им еще другого вреда». Кроме того, восставшие переправили ногайцев на левый берег реки Бекетея, «убили бывших при них Терского войска солдат, сожгли деревню господина надворного советника Тарумова». Подоспевший отряд казаков во главе с полковником Савельевым успел занять переправы через Терек. В завязавшейся перестрелке горцы понесли потери: были взяты в плен семь человек тарковцев и три человека аксаевцев. Тарковцы на допросе показали, что они ушли к Мансуру тайно, «не с позволения своего шамхала». Аксаевцы объясняли свое присоединение к отряду Мансура тем, что шли сюда, «смотря на других, и верили алдынскому имаму».

Генерал-поручик Потемкин отмечал поддержку Мансура и другими кавказскими народами, включая давних неприятелей горцев — кочевников-ногайцев. «О готовности ногайцев отойти к бунтовщику я имел честь доносить Вашей светлости, — отмечал он в рапорте светлейшему князю. — Виновниками такой наклонности были их муллы и старшины, которые ныне под стражею находятся в Кизляре... Нужно оных строго наказать, дабы другие, видя, покушаться перестали». Кизлярские татары (оседлые тезикские и окоченские), подстрекаемые их кади и старшинами, также снялись со своих мест и во время нападения отряда Мансура попытались присоединиться к нему. Однако их перехватили войска полковника Савельева, занявшие переправы по Старому Тереку.

3

Несмотря на успокоительные рапорты, положение на Кавказской линии оставалось по-прежнему напряженным. Хорошо информированный историк П. Г. Бутков свидетельствует: «По распоряжению Ушурмы горцы единовременно

сделали нападения на все места, занятые войсками кавказского корпуса. Так, большекабардинцы напали в августе месяце на отряд генерал-майора Шемякина, стоявший в вершинах реки Малки у Бештовых гор. Вторгались неоднократно большими силами на пограничную линию, производя грабежи, опустошения и убийства. В это же время закубанцы вторгались на Линию и покушались овладеть Прочноокопской крепостью. Дагестанцы, в числе 20 тысяч человек, подущенные ахалцихским пашою и подкрепленные турками, производили опустошения в сентябре, октябре и ноябре, в Грузии и Имеретии. Предводителями их были: Омар-хан Аварский, Алисолтан Дженгутейский, кади Акушинский и некоторые из ближайших сообщников Ушурмы. Возмущение на Кавказе распространилось до такой степени, что полностью прекратилось сообщение Грузии с пограничной линией...»

Неудача второй атаки на Кизляр не привела Мансура в уныние. Он сумел сохранить войско и надеялся, что преданные ему кумыкские и кабардинские владетели поднимут подвластные им народы на новую военную акцию. «Ушурма снова приобрел расположение умов, воспаленных мщением и восстанием, — писал тот же П. Г. Бутков. — Многочисленные толпы опять отовсюду стекались к нему». Посланный царскими властями с тайным заданием в Тарки, а оттуда в дагестанские селения окоченский татарин Вали Килякаев по возвращении сообщил, что видел, как жители дагестанских селений Казанищ, Губден, Хунтаркали, Ерпели, Карабудахкента, Каякента, Усемкента и других группами по десять-пятнадцать человек уходили к Мансуру. Возвратясь из Тарков в Кумыкию, Килякаев узнал также, что отдельные кумыкские владетели дали Мансуру свое согласие на участие в его походах и в подтверждение этого дали ему аманатов (заложников). Как правило, Мансур брал аманатов только у тех владетелей, которых считал ненадежными. Так, андреевские владетели Чепалов, Аджимуртазалиев, уздень Казбек Умашев отдали в аманаты Мансуру своих детей; другие же владетели — Аджи и Бамат Кандауров — от дачи аманатов воздержались.

«Если имам снова возьмет движение к Кизляру, — сообщал Килякаев, — то андреевцы к нему пристанут. Теперь же он имеет намерение, выехавши из жилища, первый стан взять на реке Ярык-су, где владельцев аксаевских понудит присоединиться к себе, а потом перейдет в урочище Казьму. В настоящее время войско, собранное Мансуром, еще не в большом количестве». В письме от андреевского владельца Темира Хамзина к бригадиру Вешнякову сообщалось, что

владетели Али-Солтан Камбулатов, Чепалов, Аджимуртазалиев со своими узденями и подвластными крестьянами до сих пор остаются на стороне Мансура и «никак не соглашаются оставить свои злонамерения... Князья же Аксаевские между собой условились присягою, что в толпу алдынского шиха не вмешиваются и повелениям его не повинуются».

В начале сентября 1785 года Мансур, находясь в селении Горячевское, подвластном аксаевским князьям, стал уверять его жителей, что ожидает прибытия к себе чеченских отрядов и после того пойдет вновь на Кизляр или на Калиновскую станицу. «Кумыки просят меня идти на Кизляр, — говорил имам, — а чеченцы желают напасть на Калиновскую станицу. После совета мы решим, куда идти». Однако совещание так и не состоялось. Не дождавшись прибытия чеченских отрядов, Мансур отправился на речку Ярык-су и водрузил здесь свое знамя. С ним прибыло до пятисот человек войска, несколько кабардинских владетелей и кумыкских князей. Продовольствие вскоре было израсходовано, после чего большинство горцев вынуждено было разойтись по домам.

Сам Мансур отправился к Костековской деревне и, не доходя до нее верст десять, решил сделать привал и укрепиться на случай, если царские войска его будут преследовать. Как показывал Кайтука Баков 29 сентября 1785 года, Ушурма письмами стал призывать к себе чеченцев, уверяя, что после Курбан-байрама все собравшиеся по его призыву не только легко овладеют Кизляром, но и будут иметь удачу во всем.

Агитация имама возымела действие. К концу сентября даже среди всегда лояльных к российским властям ингушей и осетин началось брожение. Их мурзы и старшины сообщали, что действия соседних народов: закубанцев, чеченцев, кабардинцев, дагестанцев, подстрекаемых Мансуром, — вызывают волнения среди ингушских и осетинских крестьян. В рапорте на имя генерала Потемкина подполковник Матцен 30 сентября 1785 года отмечал, что ингуши и осетины после движения горцев на Кизляр взволновались и, забыв присягу, стали совершать нападения на своих владетелей и российские посты как на равнинной части, так и в горах. 17 сентября 1785 года против ингушей и осетин, которые, соединившись недалеко от Владикавказа, совершали частые нападения на русские укрепления, царские власти послали войска под командованием капитана Пахомова. 26 сентября отряд восставших горцев числом пятьсот человек, в числе которых, по сообщению ингушского владетеля из деревни

Шолхи Чоша, находились жившие до сих пор мирно жители Карабулака и часть чеченцев, напал даже на саму крепость Владикавказ.

В это время по всему Кавказу разнесся слух, что турецкое правительство, которое всегда враждовало с Россией, прислало Мансуру письмо о том, что «если ему надобны деньги, пушки и войско, то все ему пришлют». Говорили, будто от паши Ахалцихского уже отправлены Мансуру деньги и знамя, «которые он получит через услужливых людей». Эти слухи ободрили племена, живущие по правому флангу Кавказской линии, и они стали действовать против царских войск решительнее и активнее. 1 октября 1785 года полковой есаул Корней Студеницкий доносил, что закубанские татары или черкесы из аулов, расположенных вблизи военных укреплений, напали на укрепленный редут российских войск. 2 октября, согласно донесению подпоручика Бутырского пехотного полка Кузьмищева, закубанцы численностью около 300 человек, перейдя на правый берег Кубани, напали на Невинный редут; в этот же день другой отряд совершил нападение на Кубанский редут. 4 октября Мансур приказал отряду из 400 человек переправиться через Терек и совершить нападение на Калиновскую станицу. Эта попытка не удалась — во время переправы горцы были встречены сильным пушечным огнем и повернули назад.

В рапорте на имя флигель-адъютанта Апраксина полковник К. И. Муфель сообщал, что 10 октября закубанские народы числом до 2 тысяч человек пытались прорваться за Кавказскую линию к Ставрополю, перейдя реку Кубань, но были отбиты. В тот же день отряд горцев до тысячи человек переправился через Кубань у Овечьего брода и устремился на российские военные укрепления. В происшедшем столкновении с обеих сторон были убитые и раненые. Тогда же отряд кабардинцев из 400 человек напал на селение Нино и угнал 500 лошадей и 800 овец. Еще один отряд пробрался на линию выше крепости Константиногорска, разгромил несколько военных поселений и взял в плен 31 человека.

К бригадиру Вешнякову, который пристально следил за волнениями горцев, все чаще поступали сведения от агентов, посланных в горы для выяснения намерений Мансура, о предполагавшемся третьем походе на Кизляр. Нередко случалось, что доставляемые агентами сведения из горских селений оказывались ложными. Полковник Савельев получил известие от бригадира И. С. Вешнякова, что Мансур во главе большого отряда ночью или рано утром атакует отряд полковника Лунина или же нападет на Кизляр. На помощь

Лунину был срочно отправлен атаман Федоров с командой, а затем в Кизляр прибыл сам полковник Савельев, имея при себе полк и две мушкетерские роты. Однако брагунские владетели Кучук и Росланбек, которые в тот же день встретили полковника Савельева, сообщили, что Мансур со вчерашнего дня никуда не выезжал, к тому же многие горцы разошлись по своим селениям для уборки урожая.

Осенью 1785 года картина не изменилась — весь Северный Кавказ был по-прежнему охвачен восстанием. Движению, однако, по-прежнему недоставало единого руководства. В этом был его главный изъян и основная трудность. Имам понимал, как сложно будет ему собрать все маленькие войны в одну большую и сделать ее победоносной, подчинив своей воле. Никогда и никому до сих пор не удавалось создать из непокорных кавказских горцев организованную, и беспрекословно подчиняющуюся приказам, военную организацию — армию.

Мансур сумел развернуть на Кавказе невиданную прежде народную войну. Это, несомненно, было главной его заслугой. Но окончательной и полной победы он мог добиться только в том случае, если сумеет объединить в один пожар все великое множество разрозненных костров. Восставшие горцы должны были превратиться в единую и послушную воле имама армию. Совершить такое мог только он и больше никто.

Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть
— но не ты ли была моей вечной рабой?

Земля черная, ты покроешь меня
— но не я ли тебя конем топтал?

Холодна ты, смерть,
— но не я ли был твоим господином?

Мое тело — достояние земли!
Мою душу — примет небо.

Старинная чеченская песня

Часть третья

ПРАВЕДЕН ЛИШЬ БОЖИЙ СУД

Рождение и смерть — вот два благороднейших выражения доблести.

Джебран Халиль Джебран

Глава 1

«БЕДЫ НАШИ — НАКАЗАНИЕ ЗА НЕВЕРИЕ»

1

Осенью 1785 года в рядах сторонников Мансура наметились разногласия. Костековские жители на приглашение имама присоединиться к нему для нового нападения на Кизляр выразили свое согласие не очень охотно и не спешили садиться на коней. Старейшины некоторых чеченских аулов отправили к русским властям посланцев с уверениями, что они не желают воевать с Россией, но без позволения имама не могут и не смеют вступать в переговоры с его врагами. «Мы находимся в точном послушании имама Мансура, — писали алдынские старейшины, — что он прикажет, то и делаем. Он есть удостоенный и избранный от Бога, человек добрый и справедливый и не велит обижать христиан и других беззаконников, а приказывает наблюдать закон мусульманский и его духовенства. К стороне вашей убытку не делал и не желал; да и ныне, что он прикажет, то и исполнять будем, а к стороне вашей убытку не желаем». Из этих слов видно, что авторитет Мансура в Чечне по-прежнему оставался непоколебимым.

Многие сторонники имама говорили, что Кизляр сильно укреплен, имеет много войск и пушек для обороны. Станицы же по Тереку защищены гораздо слабее, поэтому нападение на них должно увенчаться успехом и, главное, принести много ценной добычи. Сам Мансур не хотел, чтобы начатая им священная война превратилась в череду обычных разбойных набегов, но готов был временно согласиться с предложениями соотечественников. Воинский дух не должен был угаснуть. Имама твердо поддержали дагестанцы, которые к тому времени составляли значительную часть его

ополчения. Они не возражали против набегов на станицы, но участие в таких операциях было для них очень неудобно. «Река Терек, — говорили дагестанцы, — вверху гораздо глубже и быстрее, переходить ее будет трудно. Идти нам в чеченские селения далеко, да к тому же мы не имеем провианта. Мы готовы наступать с имамом на Кизляр. В чеченские селения не пойдем, лучше вернемся домой».

12 октября 1785 года Мансур со своим отрядом двинулся к Аксаю. Приблизившись к Нижнему Яру, он стал готовиться к переправе через Терек. Недалеко от того места, где горцы собирались перейти реку, у Старогладковской станицы, располагался российский отряд во главе с полковником Савельевым. Отряд состоял из батальона гренадер, двух мушкетерских рот и казаков из станиц, расположенных по Тереку. Чеченский владелец Алибек предупредил Савельева, что Мансур со своими войсками продвигается вверх по реке и уже переправился через Аксай, а конные отряды его достигли села Брагуны.

Как только полковник Савельев узнал о приближении отряда Мансура, он взял эскадрон Моздокского казачьего полка и сотню гребенских казаков с одним орудием, а затем поспешил к месту предполагаемой переправы, чтобы преградить путь горцам. Густой лес прикрывал продвижение солдат Савельева. Горцы, расположившись лагерем на берегу Терека, спокойно готовились к переправе. Савельев, наблюдавший за ними с опушки леса, приказал открыть огонь по столпившемуся у берега противнику.

Частый ружейный огонь и выстрелы из пушки заставили горцев поспешно отойти с места переправы. Отряд Мансура двинулся вверх по течению Терека и скрылся за лесом. Савельев, дождавшись подкрепления, двинулся со своим отрядом по противоположному берегу реки в погоню за Мансуром. Посланные от полковника Савельева лазутчики донесли, что имам остановился и готовится совершить нападение на Кавказскую линию между станицами Щедринская и Червленая. Подойдя к реке Сунжа, Мансур остановился в лесу близ деревни Брагуны. Савельев расположился возле станицы Щедринской на противоположном берегу и стал наблюдать за действиями противника. Имам, оставив основную часть своего отряда у Брагунского леса, направился в Алды, чтобы уговорить земляков присоединиться к нему. Встреча прошла успешно — немало чеченских джигитов вступило в войско Мансура.

22 октября с отрядом в 6 тысяч человек Мансур переправился через Сунжу и взял направление не на Кизляр, а вверх

по Тереку. Он намеревался соединиться с кабардинцами и действовать сообща. На протяжении всего продвижения с отрядом к Кабарде шейх находился под постоянным наблюдением уже двух российских воинских команд — соединения полковника Савельева и подоспевшего отряда полковника Лунина, которому подчинялись Томский пехотный полк, гренадерские роты Астраханского полка, два эскадрона Астраханского драгунского полка и несколько орудий полевой артиллерии.

Понимая, что предоставляется удобный случай для нанесения Мансуру решительного удара, генерал Потемкин решил подключить к операции еще и полковника Нагеля. Он приказал тому отправиться в Моздок, принять там войска и присоединиться к отрядам Савельева и Лунина. Сформировав ударную группу и приняв общее командование, полковник Нагель должен был перейти в наступление и пресечь возможность соединения отряда Мансура с кабардинцами, а также отрезать ему путь для отступления.

Сам Потемкин с войском в 5 тысяч человек двинулся в сторону Бештовых гор (Бештау) и расположился на реке Малке, собираясь принять участие в операции на завершающем этапе. Не теряя надежды призвать к «благоразумию» кабардинских князей и их подданных, перешедших на сторону Мансура, генерал послал им прокламацию, в которой призывал отстать «от обмана Мансурова». Послание это выглядело весьма необычно для генерала по форме и содержанию, так как касалось не столько текущих военных и политических проблем, сколько вопросов религиозной философии.

«Бог всемогущ, всесилен, премудр и бесконечен, — писал Потемкин, — Он устроил небеса, мир и непременное течение природы. Для блага человека силою духа своего поставил законодателей, из коих первый был Моисей, потом Иисус Христос и, наконец, вся Азия чтит Магомета третьим избранным пророком Божьим. Коран гласит, что после сих трех установителей законов не будет более пророчества. Откуда взялся имам Мансур? Почему верят ему слепо народы, не зная ни закона, ни писания Корана? Обманщик ших, пользуясь ослеплением людей, обещает им чудеса, но сделал ли хоть единое? Обнадежил народы пролить великий звук во все концы Вселенной — кто слышал звук сей? Обещал спустить глас с небес, чтобы ослепить и оглушить иноверных — кто слышал этот глас небесный, кто видел русских солдат глухих и ослепленных?

Ныне, возвратясь на линию, хочу обратить вверенное мне оружие в наказание дерзких преступников. Духовенст-

во, да будет уверено, что не коснусь я их закона; народ, да будет уверен, что оставлю я всех верных в покое и приму их под покров императорского оружия; преступников же буду гнать, разить и карать, доколе не придут они с раскаянием просить помилования». Следует помнить, что это любопытное послание сочинял не грубый солдафон, а широко образованный человек, знаток литературы, переведший на русский язык несколько произведений Вольтера и Руссо.

Получив воззвание Потемкина и видя, что значительная часть царских войск прибыла на реку Малку, кабардинские князья, к которым генерал послал специальных представителей, решили не высказывать правителю края свое «недоброжелательство». Девлет-Гирей и Бекмурза Касаевы с братьями, Атажука Хамурзин со своей родней и старик Джанхот Седаков, явившись в лагерь царских войск, изъявили свою покорность России. Потемкин вручил всем им подарки. Через этих приверженных России владетелей он передал заявление для враждебно настроенной части кабардинских князей. В нем он требовал возвращения пленных и плату за убитых. Князья созвали собрание для обсуждения этих вопросов, но было очевидно, что кабардинцы хотят лишь затянуть время, поскольку перед собранием они спешно отправили в горы свои семейства, скот и имущество.

Между тем Мансур, получив известия о встрече, которую готовят ему объединенные русские войска на реке Малке, оставил прежние планы, намереваясь прорваться между станицами и уйти обратно в Чечню. 30 октября генерал Потемкин получил сведения о том, что имам подошел к Тереку, где в ближайшее время соединится с кабардинцами и может произвести великое опустошение по всему оставленному войсками российскому берегу. Однако Мансуру не удалось совершить этот маневр. Недостаток продовольствия парализовал движение горцев. Имам обратился к кабардинцам, с тем чтобы они выделили для его войска с каждого двора по одной корове и мешку муки. Ожидая прибытия транспорта с продовольствием, Мансур остановился недалеко от станицы Червленой.

При попытке приблизиться к станице отряд горцев был остановлен стрельбой из пушек. Это были войска полковника Лунина, неотступно следившего за продвижением Мансура. После нескольких дней, проведенных в ожидании помощи, Мансур решил двинуться в сторону Кабарды навстречу продовольственным обозам. Однако тут его поджидал отряд полковника Нагеля.

За год войны Мансур стал опытным военным предводи-

телем. Впереди его войска всегда двигались летучие конные разъезды. Они-то и обнаружили стоявшие в засаде русские войска. Горцы успели быстро занять лес и ущелье, подступающее с тыльной стороны к селениям Малой Кабарды. Таким образом, они теперь уже сами окружили отряд Нагеля. В группу Нагеля входили Второй Московский полк, гренадерский батальон из рот Кабардинского и Селенгинского полков, два эскадрона Астраханского драгунского полка, Моздокский казачий полк, 150 человек гребенских и семейных казаков и 150 человек донских казаков.

При наступлении русских горцы начали отступать, но при этом вели сильный огонь, скрываясь за деревьями. Отдельные группы горских всадников, прикрывая основные силы, постоянно выезжали в разных местах перед царскими войсками, не приближаясь, однако, на расстояние прицельного выстрела. Намерение Мансура состояло в том, чтобы завлечь российские войска в лесистое ущелье, где у горцев было очевидное превосходство в ведении боя. Полковник Нагель, однако, хорошо помнил историю гибели отряда Пиери и не поддался на эту хитрость. Русские войска остановились на открытом пространстве и стали ждать подхода подкреплений. Спешить им было некуда.

В отличие от русских горцы долго выжидать не могли — продовольствие у них закончилось. Необходимо было как можно скорее попасть в кабардинские селения. Мансур отправил к жителям Большой Кабарды их соотечественника, князя Дола, с сообщением о том, что им необходимо приготовить продовольствие, так как он вскоре прибудет к ним со своим войском. Это произойдет сразу, как только он разгромит царские войска, которые уже окружены им со всех сторон. Через князя Дола Мансур убеждал кабардинцев, что он непременно разобьет отряд Нагеля или же перекроет воду в горных речках, отчего русские вынуждены будут сдаться.

На рассвете 30 октября Мансур принял решение атаковать русские войска с разных сторон. Ожесточенный бой в ущелье продолжался в течение пяти часов, но так и не определил преимущества какой-то из сторон. Горцы отошли в лес и перекрыли несколько горных речек, отчего отряд Нагеля вынужден был оставить удобное для обороны место и приблизиться к укрепленному местечку Татартуп.

2 ноября в 7 часов утра Мансур во главе восставших горцев предпринял атаку на отряд Нагеля возле укрепления Татартуп. Получив подкрепление от владетелей Большой и Малой Кабарды, Мансур развернул мощную атаку. Чтобы не позволить русским сосредоточить на одном направлении

огонь пушек, Мансур опять предпринял несколько атак с различных направлений. Справа наступали лучшие кабардинские наездники во главе с князем Долом. С тыла русских атаковали кумыки во главе с самим Мансуром. Слева были тавлинцы и, наконец, с фронта — главная сила, состоявшая в основном из чеченцев. Тавлинцы, сражавшиеся пешими, первыми пошли в атаку, чеченцы и другие отряды держались немного поодаль и, скрываясь в лощине, в месте безопасном от пушечных выстрелов, вели перестрелку. После отражения атаки тавлинцев полковник Нагель сам перешел в наступление и вытеснил чеченцев из лощины, где они укрывались.

Видя, что инициатива переходит к противнику, Мансур, бросив ободряющий клич чеченцам и находившимся вместе с ними кумыкам, сам ринулся в гущу наступающих русских солдат. В этом сражении впервые были использованы изобретенные Мансуром подвижные щиты на колесах для прикрытия от губительного огня русской артиллерии. Щиты были сколочены из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей. Каждый щит имел по две пары колес. Таких щитов в этом сражении использовалось пятьдесят. «Солдаты наши ударили в штыки, — пишет П. Г. Бутков, — жестокая сеча продолжалась шесть часов».

Благодаря подвижным щитам и рассыпному строю (так позже стал именоваться в военной теории атакующий строй, впервые примененный имамом в бою с регулярными войсками) Мансуру удалось сохранить в этом сражении большую часть живой силы. Противоборствующие стороны были измотаны длительным и жестким боем, в котором никто так и не смог достигнуть решающего преимущества. По донесениям Нагеля, погибло до 60 русских солдат. Количество убитых горцев он оценил в двести человек, хотя и в этом случае российские военачальники, скорее всего, завысили потери противника.

В итоге поле битвы осталось за имамом — Нагель отошел к Моздоку и попросил помощи. Командующий войсками на Кавказе генерал Потемкин послал к нему в подкрепление две гренадерские роты Ладожского и Бутырского полков, двести егерей Кабардинского полка, сто человек волжских и семьдесят человек семейных казаков. Отступление Нагеля открыло горцам дорогу на Кабарду. Шейх Мансур был принят кабардинцами как победитель и некоторое время гостил у князя Дола.

Но как же капризна и переменчива судьба народных вождей! Из Кабарды имам перебрался в Алды, но, по сооб-

щению того же П. Г. Буткова, «был принят соотчичами без того энтузиазма, какой питали к нему прежде». Алдынские старшины опасались скорого прихода русских войск и не очень верили, что Мансур сможет защитить их. Не только в родном селении, но и во всем лагере сторонников Мансура начались волнения. Если бедняки по-прежнему поддерживали его, то богачи и владетели, включая старшин различных деревень, поняли, что война с русскими регулярными войсками оборачивается для них большими потерями и не сулит богатой добычи. Эти временные союзники покинули шейха Мансура и тут же обратились с просьбами о помиловании к царской администрации.

8 декабря 1785 года о своей готовности жить в дружбе с Россией сообщили и старшины родного аула Мансура — Алды. Они обратились с письмом к полковнику Савельеву, в котором заявили, что впредь от них никакого вреда не будет. Они уверяли, что будто бы до сих пор удерживали народ от нападения на царские войска. «Вы же без всякой нашей причины и преступления, — писали они, — причинили нам неслыханную до сих пор досаду и огорчения, то пред кем же мы теперь предстанем с донесением нашим объяснить свою невинность». Письмо они заключали словами: «Если оставите нас на прежнем основании, то и мы будем как прежде верными Ее Величеству». Во втором письме от 23 декабря алдынские старшины сообщали, что они получили письма от генерала Потемкина, и вновь уверяли, что остаются в верности России «непоколебимо».

В конце 1785 года к кизлярскому коменданту поступили письма от многих чеченских старшин с уверениями в дружбе и с просьбой принять их аманатов. Жители селения Атаги числом 500 дворов также заверили российское командование на Кавказской линии, что от них больше не будет никакого вреда. Генерал Потемкин, почувствовав перелом в настроениях восставших горцев, вновь обратился к ним с воззванием. «Обещаю, — писал он, — что если народы кумыкские и чеченские, обратясь на путь истинный, принесут раскаяние и, поймав возмутителя, выдадут его в руки мои, то будут во всем прощены, оставлены в покое. Дано будет тем, кто приведет его живого, три тысячи рублей, за голову же от мертвого — пятьсот рублей. Но если и за сим народы не раскаются, и паки к нему прилепляться будут, тогда подвину я гром оружия и меч острый на поражение преступников».

Недаром сказано, что нет пророка в своем отечестве. Мансур, почитаемый как имам и пророк многими народами Северного Кавказа, не чувствовал покоя на родной земле, в

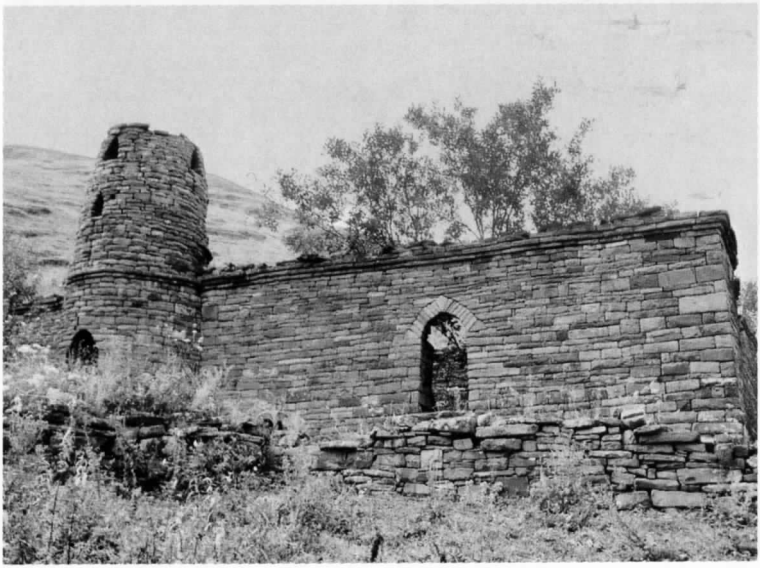

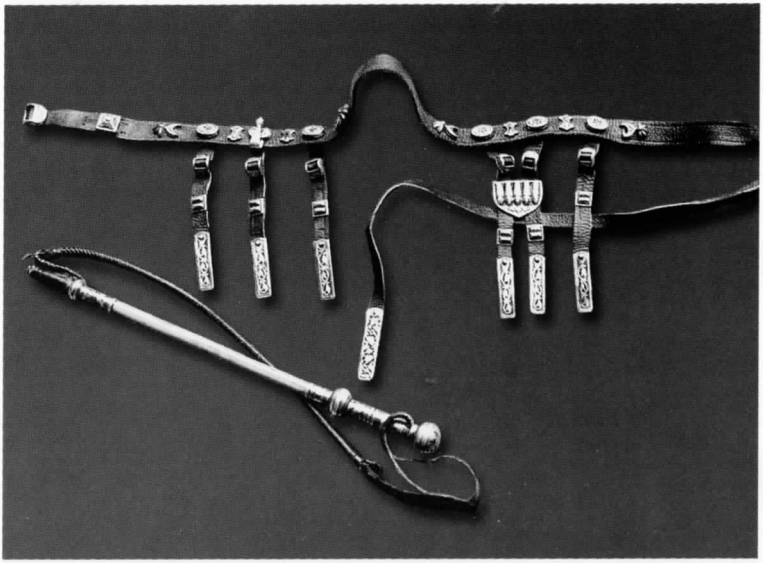
Чеченская боевая башня в ауле Моцарой.

Эткалинский замок.

Развалины мечети в ауле Ошни, где когда-то собирались знатоки традиционного чеченского права.

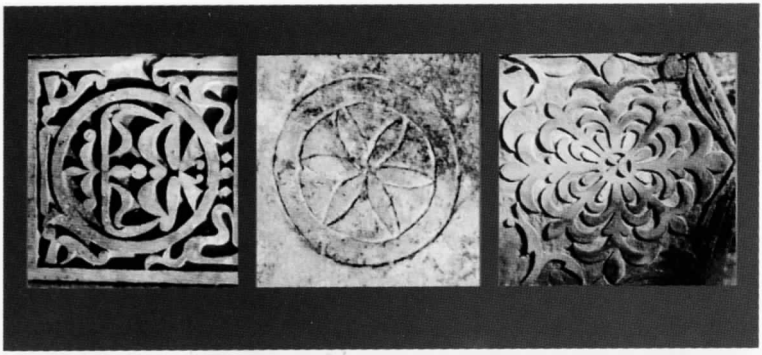

Изделия чеченских мастеров — серебряный наборный пояс и нагайка.

Горская посуда.

Старинные чеченские надгробия с солярными символами.

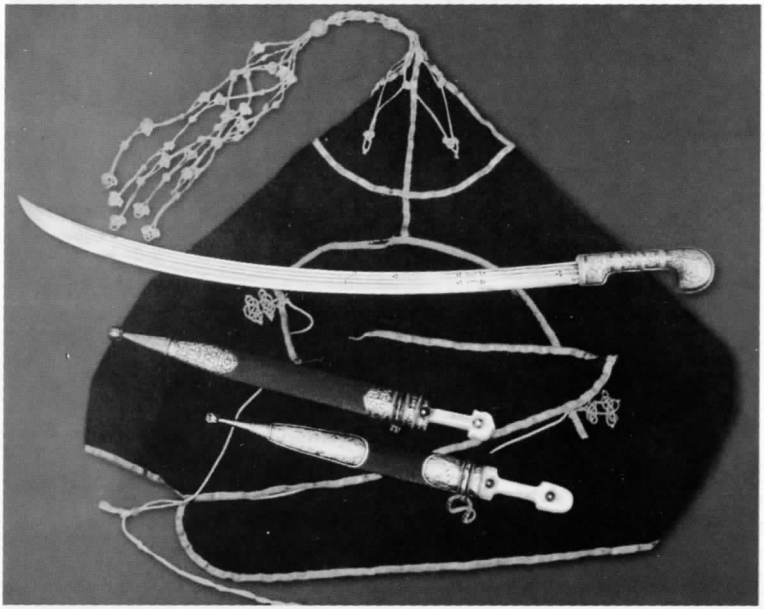

Надгробный камень из аула Лечи-Юрт, разрушенного царскими войсками в первой половине XIX века.

Традиционная одежда чеченцев. Ансамбль народного танца «Ловзар». *Фото 2001 г.*

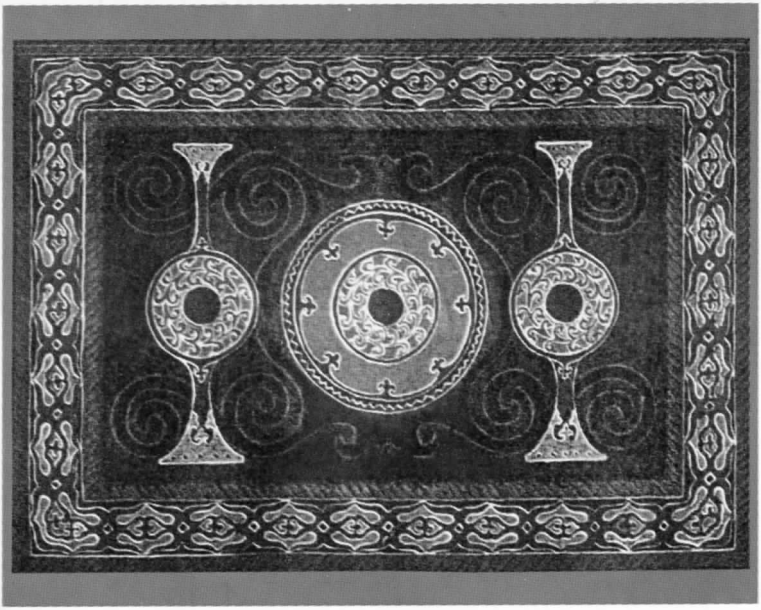
Шашка «гурда», кинжалы, башлык.

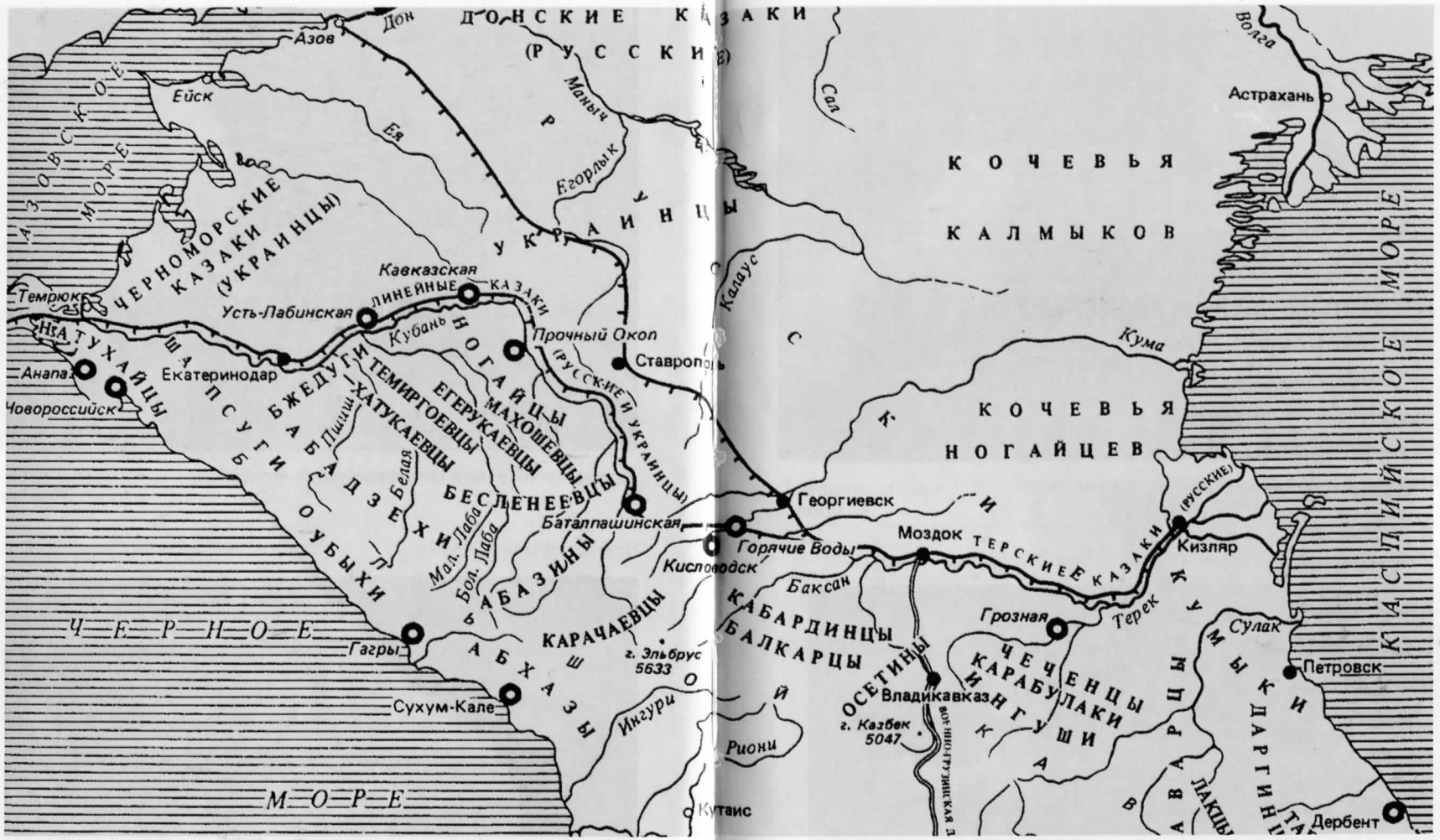

Женский серебряный пояс и нагрудник «туйдаргаш».

Чеченский ковер (истанг).

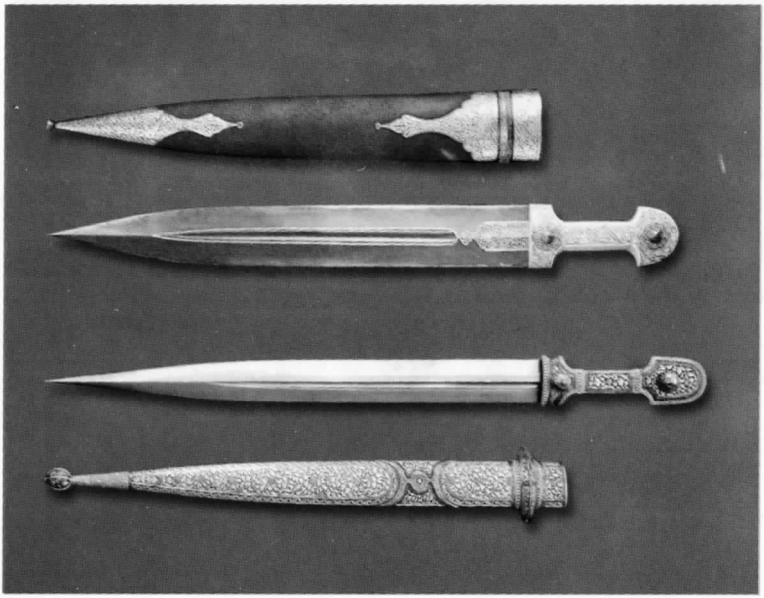

Карта Северного Кавказа на рубеже XVIII и XIX веков.

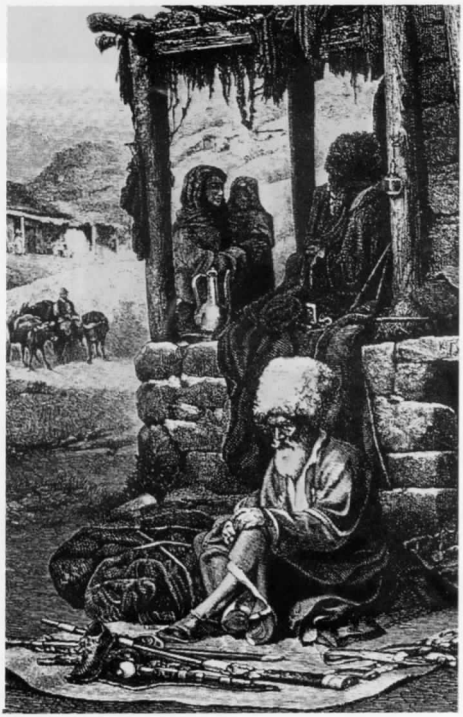
Кремневые ружья и пистолеты кавказских горцев.

Кинжалы чеченских оружейников.

Старинные шашки
с ножнами.

Продавец оружия.
Гравюра середины XIX в.

Чеченский воин.
Картина 1887 г.
Из собрания ГИМ.

Горцы в походе.
Литография
с картины
Г. Гагарина. 1840-е гг.

Сельская мечеть
в Чечне.

Учитель и ученик
читают Коран.
В такой келье
«святой муж»
Цани Стаг
наставлял
юного Ушурму —
будущего Мансура.

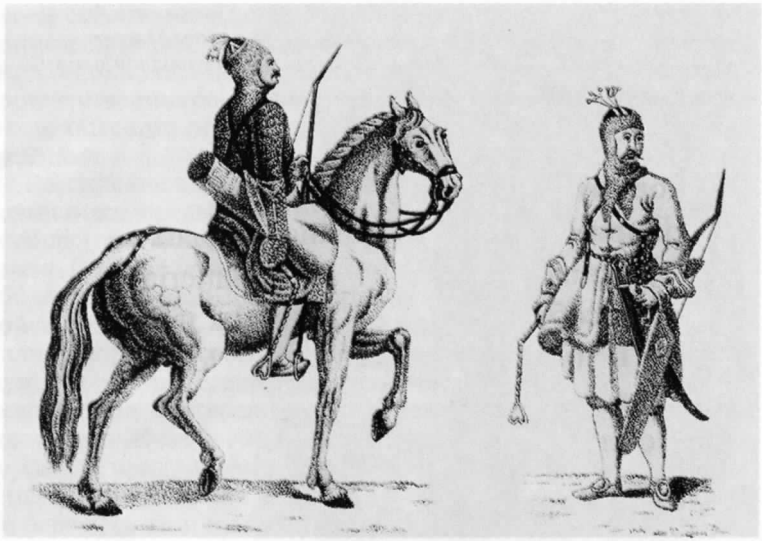
Светлейший князь
Г. А. Потемкин-Таврический.

Главнокомандующий на Кавказе
генерал П. С. Потемкин.

Русские солдаты
и офицеры времен
восстания шейха
Мансура.

Кабардинские воины — союзники Мансура.

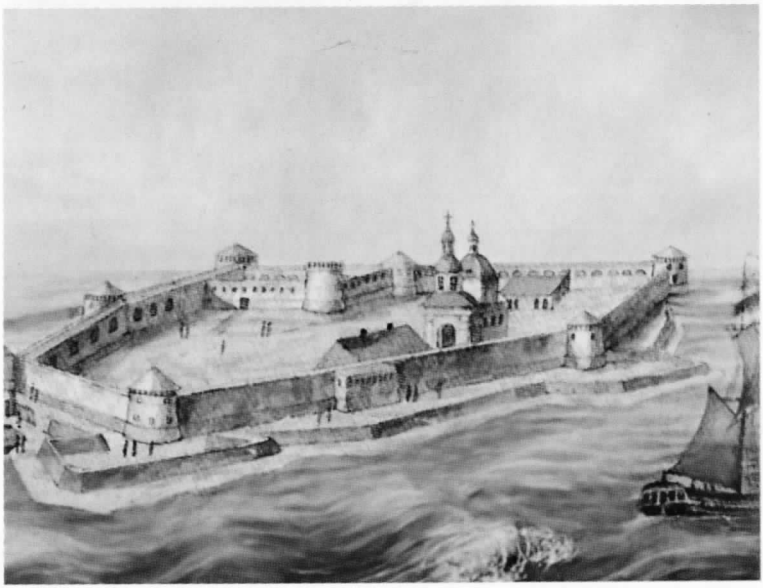
Бой чеченцев с царскими войсками. *Рисунок середины XIX в.*

Таким остался
имам Мансур
в народной памяти.

Шлиссельбургская
крепость — место
заточения Мансура.

своем собственном доме. Ему опять пришлось жить в укрепленном подвале, окружив себя верными мюридами. Но теперь он опасался не русских лазутчиков, а своих же богатых соотечественников-узденей, желавших не только избавиться от его опасного присутствия, но и получить награду за голову имама.

Российские власти начали охоту на князей и владетелей, оставшихся преданными Мансуру. Так, полковник Матцен сообщал из Владикавказа, что за поимку кабардинского князя Дола обещает двести рублей, 600 аршин холста или 150 аршин сукна. Понимая, что новое наступление царских войск неизбежно, многие горцы оставляли свои дома и уходили в горы со всем имуществом и семьями. Оставшаяся мужская часть поселенцев готовилась к обороне. Андреевские жители выкопали вокруг деревни ров и соорудили высокий вал. Жители Алдынской деревни, собравшись у своего кади и придя вместе с ним к Мансуру, стали спрашивать у него, что им делать дальше. Мансур убеждал их, что нужно беречь силы и выжидать, но ни в коем случае не складывать оружия — иначе рано или поздно все они станут рабами чужеземцев или вовсе исчезнут с лица земли. Многих его речи убедили, но богачи и старшины открыто выражали недовольство действиями имама. Мансур мог пресечь их протесты, но не желал допустить братоубийства и раздробления сил в канун будущих сражений.

Тем временем в конце 1785 года российские войска пришли на реку Баксан. Кабардинцы созвали собрание, на котором, хотя и готовы были просить помилования, но долго не решались высказаться открыто, опасаясь гнева Мансура и возмущения простых людей, которые по-прежнму доверяли имаму. Зная настроение большинства князей, Мисост Баматов, как старший кабардинский владетель, предложил исполнить требование царских властей. Он возвестил крестьянам, что сопротивление может навлечь много бедствий. Что русскими военными уже построен мост через реку Баксан, и они готовятся к переправе, после чего последует жестокое разорение селений. Собравшийся народ выбрал четырех представителей, которых отправил в лагерь российских войск. Депутаты везли с собой письма к императрице и князю Потемкину. В качестве гарантии исполнения требования властей кабардинцы выдали аманатов — по одному узденю от каждой знатной семьи.

В конце ноября были отправлены депутаты в Россию от четырех влиятельных владетелей Большой Кабарды — Атажуки Хамурзина, Биарслана Касаева, Кайсына Джанхотова,

Исмаила Темрюкова. От Малой Кабарды отправили Тепсаруко Таусултанова и с ним узденя — капитана Шабасгирея. Командующий войсками генерал Потемкин передал с горскими депутатами, отправлявшимися в Санкт-Петербург, свое письмо, в котором просил светлейшего князя Потемкина назначить пенсии наиболее преданным кабардинским владетелям. Он полагал, что при явной жадности последних к деньгам это будет лучшим способом привлечения их на сторону России. Сам генерал подарил инициатору примирения князю Мисосту Баматову перстень с бриллиантами и такой же подарок отправил андреевскому владетелю Муртазали.

Для предупреждения нападений горцев было решено сформировать большой отряд под командованием того же полковника Нагеля. В него вошли Астраханский, Томский и Московский полки, три батальона гренадеров, восемь полевых орудий и казачьи войска. Нагелю приказано было при малейшей возможности захватить Мансура в Алдах, обещая при этом помилование жителям селения.

2

Видя, что новые военные действия грозят его аулу полным разорением, Мансур покинул Алды и перебрался к брату своей жены в деревню Шалинскую (ныне город Шали). При нем к этому времени оставалось не более двухсот верных бойцов и мюридов. Из Шали Мансур разослал письма к закубанским, татарским (кумыкским) и другим народам, призывая их вступать в его войско, а также постоянно совершать нападения на русские укрепления. Своим односельчанам Мансур написал, что временно покидает их, чтобы не навлекать на село беду, но по-прежнему верит им и надеется на их поддержку. Он опять повторял: «Все беды наши есть гнев Божий, Господне наказание за ослабление веры, взаимные несогласия и неисполнение предписаний Пророка. Очиститесь, станьте верными воинами Аллаха, и победы непременно придут!»

Постепенно положение начало улучшаться. Вновь широко распространились слухи о чудодейственных способностях Мансура. Говорили, что он может появляться, где ему необходимо, и мгновенно исчезать. Рассказывали также о поездке его на волшебном коне к Азовскому морю и о мудрых наставлениях шейха мальчику по имени Юсуп из Шалинской деревни, которого Мансур называл своим сыном и который

теперь, как и сам Мансур, может излечивать больных наложением рук. Все это поднимало авторитет имама среди горцев Северного Кавказа.

Последователи Мансура теперь ожидали от него энергичных действий против российских войск, перешедших к наступлению на горцев. Но что мог сделать Мансур без военной силы? Без нового набора бойцов и серьезной их подготовки организовать сопротивление было невозможно. Мансур уже убедился в том, что попытка перенести военные действия из предгорий на равнину закончилась неудачей. Чеченские джигиты, представлявшие грозную силу в горах и предгорьях, не могли столь же успешно сражаться на равнине, тем более против российских военных укреплений, оснащенных пушками.

Зато другая, не менее важная цель имама — максимально расширить масштабы военных действий против русских войск, — осуществлялась успешно. К началу 1786 года весь Северный Кавказ от Каспийского до Черного морей был охвачен пожарами восстаний. Волнения, охватившие многие участки Кавказской линии на всем ее протяжении, не позволили генерал-поручику Потемкину организовать в конце 1785 года торжественное открытие Кавказского наместничества в Екатериноградe. Отборный лес, припасенный для сооружения присутственных мест и генерал-губернаторского дома, был сожжен восставшими горцами. Постройки, начатые администрацией еще в ноябре, при всех усилиях могли быть закончены не ранее января 1786 года.

Согласно указу императрицы Екатерины II Сенату, в Кавказское наместничество должны были войти две области: Кавказская и Астраханская. Кавказская область включала в себя уезды Екатериноградский, Кизлярский, Моздокский, Георгиевский, Александровский и Ставропольский. В Астраханскую область входили Астраханский, Краснодарский, Енотаевский уезды и Черноярский, отторгнутый от Саратовского наместничества. Город Екатеринодар назначался губернским, а Астрахань становилась областным центром.

В конце 1785 года всем закубанским мурзам, кабардинским и кумыкским владетелям как подданным России было разослано официальное приглашение явиться в Екатеринодар на торжества по поводу открытия Кавказского наместничества. Торжества состоялись 18 января 1786 года в присутствии более чем ста российских дворян и сорока кумыкских, кабардинских и ногайских князей и мурз. 20 января были проведены выборы уездных предводителей дво-

рянства. Затем из них все единогласно избрали губернским предводителем генерал-фельдмаршала светлейшего князя Потемкина-Таврического. Это событие было тревожным сигналом для Мансура и его сторонников — оно говорило о том, что Россия все крепче утверждалась на Кавказе. Еще немного, и все попытки вытеснить ее отсюда окажутся тщетными. Это хорошо понимали не только в чеченских горах, но и в Стамбуле.

С начала 1786 года турецкое правительство начинает проявлять особенно пристальный интерес к действиям восставших горцев. Все чаще поступают письма к различным князьям и владетелям от турецких властей. В это время генерал Потемкин с Московским полком и батальоном гренадеров подошел к станице Червленой и потребовал от кумыкских и чеченских владетелей и князей принесения присяги. Такая присяга была принесена аксаевскими князьями и старшинами аула Старые Атаги в Чечне, однако алдынцы и другие соседние общества от нее отказались. Распространился слух, что дагестанский владетель Ахмет-хан Дженгутайский, находившийся в Константинополе, прислал нарочного с письмами ко всем дагестанцам, кумыкам, андреевцам, аксаевцам и чеченцам, извещая их в том, «что Порта дает им деньги и обещает в помощь против русских властей свои войска».

«Сие известие, — доносил рапортом от 4 января 1786 года князю Потемкину генерал-поручик Потемкин, — было причиной, что народы в принесении присяги остановились и, не отказываясь совершить оную, видно проводят время для того, чтобы узнать, правильно ли дошедшее к ним известие». Разнесся также слух, что Ахмет-хан написал своему брату письмо, в котором сообщал, что Порта его приняла весьма хорошо. Он получил много подарков и был представлен султану, который якобы самолично спрашивал его, в чем он более всего нуждается — в деньгах или войсках. На что он, Ахмет-хан, ответил, что если будут деньги, то войска он всегда найдет. После этого султан якобы пообещал дать ему все необходимое для борьбы против «неверных».

С начала 1786 года Мансур вновь активизирует свою агитацию среди чеченцев и соседних народов. Об этом свидетельствуют донесения российских агентов. Посланный в Шалинскую деревню 23 марта 1786 года татарин Дада Булатов сообщил, что имам намерен из деревни Шали переселиться в урочище Мартан недалеко от Карабулакской деревни. Сюда же якобы должны переселиться из Малой Кабарды

два кабака (небольших поселения) с их владетелем князем Долом. «Кроме того, — сообщал Булатов, — Ушурма намерен переселить сюда, в урочище, живущих по этой стороне Сунжи татар, а также брагунцев и девлетгиреевцев. Если же последние не повинуются его приказанию, то имам может их разорить».

В этом же месяце, согласно известиям, доставленным аксаевским князем Адылом, кизлярский комендант Вешняков сообщал светлейшему князю Потемкину, что намерение Мансура состоит в следующем: собрать сколько возможно горцев и идти на Большую Кабарду, а оттуда, соединясь с кабардинцами и закубанцами, совершать нападения на Кавказскую линию. Сейчас у Мансура в отряде не более трехсот человек.

Горские владетели не осуждали открыто своих крестьян, переходивших в лагерь восставших. Они оставляли за собой возможность, в зависимости от обстановки, быть либо на стороне российских властей, либо на стороне Мансура. Однако наказание якобы «непокорных» крестьян местные владетели неизменно доверяли российским властям. Причем старались делать это втайне, чтобы крестьяне думали, будто они, владетели, не имеют к подобным карательным акциям никакого отношения.

Другие князья и владетели выступали против своих бунтовавших крестьян открыто. 4 апреля 1786 года в письме на имя кизлярского коменданта Вешнякова аксаевские владетели доносили, что «бунтовщик Ушурма, собравшись с чеченцами, был в Качкалыковской деревне, где и сделал с народом единое по замыслу его условие». Оттуда Ушурма поехал в Аксаевскую деревню, владетели которой не выразили ему своего согласия. «Однако же наш народ, — жаловались владетели, — весь из нашего повиновения вышел и предался бунтовщику... Ваше Высокородие, — писали они далее, — если качкалыковцев совсем беспутных не накажете, то они более других будут поощряться к злоумышленности, ибо мы, сколько ни отвращали от сих предприятий, но отвратить не могли». На письма аксаевских владетелей кизлярский комендант отвечал: «За уведомление Ваше о бунтовщике Ушурме благодарю Вас, почтенных князей, но только крайне сожалительно, что не могли вы до приезду бунтовщика уговорить своих подвластных отвергнуть его».

В начале 1786 года Мансур активно вербует новых сторонников. Генерал Н. С. Шемякин сообщал Командующему войсками на Кавказе, что Мансур, прибыв на реку Койсу с отрядом в 80 человек, «требует от чеченцев с каждой

мечети по три человека и на содержание их по двадцати копеек со двора». Генерал Потемкин, в свою очередь, поставил в известность об этом князя Потемкина. В частности, он отмечал, что хотя и «не видно, чтобы народы к нему сильно стекались, но осталось в них еще великое к шиху уважение».

В середине года Мансур продолжает собирать повстанческие отряды как в чеченских, так и в соседних районах, которые до этого почти не были охвачены мобилизацией. Теперь имам требовал, чтобы каждая горская деревня выставила «по 10 человек для его войска с полным довольствием, по 2 человека с каждого купа (квартал, часть селения, объединяемая одной мечетью. — *А. М.*) для несения караула, а также отдавать 9-ю часть хлеба и урожая». Посланный Вешняковым в горские аулы татарин сообщал, что Мансур, набрав 500 человек, приехал на реку Кою (Кой-су) выше Алдынской деревни для продолжения мобилизации. После чего он якобы собирался пойти к местечку между реками Сунжей и Гудермесом, оттуда переберется к качкалыковцам и, наконец, к аксаевцам и андреевцам.

Для содержания войска местное население выделило Мансуру от каждого купа (квартала), то есть в среднем от двадцати дворов, по одной корове и по мешку муки с каждого двора. Для большей организованности и оперативности действий своего войска Мансур решил разбить его на небольшие группы по десять человек. Во главе каждого из отрядов должен был стоять тамада (начальник), и каждый такой отряд располагал своим кошем (содержанием).

Придя в Андреевскую деревню, Мансур собрал здесь всех горцев, в том числе и аксаевцев, и привел их к присяге, потребовав без его согласия не начинать никаких боевых действий против российских войск. За нарушение этого запрета он велел брать штраф, а также наказывать за грабежи. Каждая военная операция должна была начинаться только по его прямому указанию. Имам по-прежнему не терял надежды обуздать народную стихию, но это удавалось ему только отчасти. Кроме того, Мансур приказал народам, живущим по эту сторону Кабарды, выставлять с каждого купа по два человека для караула. Вскоре андреевский владетель Темиров сообщал коменданту Вешнякову о том, что все андреевские, аксаевские и карабулакские жители обещали дать имаму по два человека от каждой квартальной мечети. Ему обещали дать и барабанщиков, которые в отрядах Мансура, как и в полках русской армии, использовались для сбора людей и поддержания боевого духа.

Глава 2

КОЛЬЦО СЖИМАЕТСЯ

1

С начала 1786 года число сторонников Мансура вновь начинает расти. Андреевский владелец Али-Солтан Чепалов и другой кумыкский мурза Муртазали Чепалов, недавно отошедшие от имама, вновь помирились с ним и тайно приехали в Чечню. «Али-Солтан, — писал о Чепалове генерал-поручик Потемкин, — с самого начала здешних замешательств был главнейшим помощником и другом бунтовщика Ушурмы... а как он половиною всех кумыцких селений владеет, то дружба его бунтовщику тем была полезнее, что подвластные сего Али-Солтана составляли лучшую опору бунтовщика». В письме от тарковского шамхала Мухаммеда, направленном в российскую администрацию, сообщалось, что, несмотря на все его старания запретить дагестанцам помогать Мансуру, они самовольно уходят к бунтовщикам.

В рапорте от 20 февраля 1786 года генерал-поручик Потемкин сообщал светлейшему князю Потемкину, что он получил от своих агентов сведения о том, что к Мансуру приехали два турка, которые обнадеживают имама присылкой из Стамбула войск, пушек и денег. Такие же показания поступили от агентов, побывавших в селении Шали, где в это время проживал Мансур, и от агентов, находившихся в закубанском крае и в Грузии. «В предположении, что турки дадут войска, — замечал генерал Потемкин, — вероятности нет, ибо провести войско им невозможно, а что касается денег, то их они могут прислать». Через месяц кизлярский комендант Вешняков доносил, что аксаевский князь Адыл известил его о том, что Порта прислала к Мансуру письмо с тремя черными печатями. Письмо это было зачитано шесть дней назад в мечети Аксаевской деревни на собрании всех жителей. Его, как слышал бригадир Вешняков, привез посланный имамом в Мекку и Стамбул чеченец по имени Аджи. В этом письме Порта будто бы обещала в скором времени прислать имаму войска и артиллерию. После этого многие князья и уздени постановили «следовать повелениям оного лжепророка». Небольшое число более осторожных князей заявило, однако, что они не поверят известию, пока не увидят своими глазами турецкие пушки.

Намерение Мансура в начале 1786 года состояло в том, чтобы собрать возможно большее число восставших и пой-

ти с ними в Большую Кабарду. Затем, соединившись с кабардинцами и закубанскими народами, он планировал совершить нападение на Кавказскую линию. В то время в отряде Мансура по-прежнему было не более 300 человек. Он продолжал рассылать по всем горским селениям прокламации и письма, в которых призывал горцев подняться с оружием против царских властей и проклинал тех, кто повинуется им. К этому времени для армии имама было изготовлено большое знамя на длинном копье с серебряным навершием, сшиты специальные мешки для провианта, закуплены огромные котлы для приготовления пищи. Зная о намерении властей захватить его, Мансур приказал расставить вокруг своего дома караул из местных жителей. Пленить или убить имама было невозможно, ибо преданные имаму горцы тщательно скрывали его местопребывание.

Были, конечно, среди них хищники, любители наживы. Одни являлись к русским властям на Кавказскую линию и предлагали за определенную сумму доставить голову Мансура, но не могли исполнить своих обещаний. Другие, пользуясь доверием администрации, все же получали деньги и бесследно исчезали. Говорили, что среди них были люди, которые действовали по указанию имама и таким образом зарабатывали деньги для восставших.

Как-то к полковнику Савельеву из селения Шали от одного из духовных сподвижников Ушурмы, Умар-Хаджи, явились два его ученика. Это были Курмат Алисултанов и Мурдар Турлов в сопровождении узденя Девлетгиреевской деревни Гулая Баматова. Они сообщили полковнику, что их якобы прислал сам Умар-Хаджи, который самолично обещал убить Мансура, но с тем условием, чтобы власти дали за голову имама две тысячи рублей. Из них тысячу он требовал вручить авансом его посланцам и переправить с ними в Девлетгиреевскую деревню. Все было сделано так, как предложил Умар-Хаджи. Полковник Савельев с разрешения высшего начальства выдал деньги на поимку Мансура. Однако последующие события показали, что деньги эти были потрачены на покупку оружия для восставших. Посланный по тайному приказу генерала Потемкина для захвата в плен или уничтожения шейха уздень Баташ со своими людьми, возвратившись, сообщил, «что по большой сего человека осторожности нет никакого способа выполнить этого дела».

В это время направленные российским командованием к закубанским народам и в Кабарду агенты доставляли на линию тревожные сведения о воинственных намерениях горских народов в связи с возобновившейся активностью шей-

ха Мансура. Уздень Аслан-Гирей Бабуков сообщал генерал-майору Шемякину из Константиногорска, что будто бы от шейха, находящегося в Шали, прислали письмо кабардинскому эфенди Исаку. В письме имам возвелел кабардинцам готовиться к большому собранию, которое состоится в апреле на реке Баксан. Там должны были присутствовать многие мусульманские народы. Правда, в письме ничего не говорилось о планах, которые должны были утвердить на столь представительном собрании народов Кавказа. Однако казалось несомненным, что горцы готовились к объединенному выступлению против России под знаменем Мансура.

В рапорте генерал-майору Шемякину полковник Савельев извещал, что 23 февраля 1786 года в Шалинскую деревню приехал кабардинский князь Дол — один из первых и самых верных сподвижников шейха Мансура. Он пробыл там несколько дней и взял у имама письма владетелям Малой Кабарды — Кайтуке и Келемету. Полковник Матцен сообщал из Владикавказа, что он через ингушей и осетин узнал, что князь Дол уже третью неделю живет у Мансура и якобы в скором времени вообще «намерен уйти в Чечню и поселиться там». Вскоре стало известно, что Мансуру прислано письмо от казикумухского хана, в котором тот сообщал, что прибудет к нему весной со своим войском. Сообщалось также, что два человека из Шалинской деревни поехали к хану с ответным письмом от шейха Мансура. В связи с этим чеченцы и кабардинцы начали волноваться. «Сему злу теперь заводит корень разбойник Дол», — доносил полковник Савельев.

Среди жителей ингушских деревень также царило беспокойство в связи с распространявшимися слухами о том, что горцы во главе с Мансуром намереваются в ближайшее время совершить против них нападение. Дело в том, что некоторые ингушские старшины, сотрудничая с российскими властями на Кавказской линии, совершали нападения на отряды Мансура и Дола. Одним из таких постоянных противников Мансура был ингушский старшина Чош. Другой старшина Баков, предвидя возможность нападения, сообщал российским властям о том, что ингуши в случае опасности со стороны восставших чеченцев помышляют «прийти все к Владикавказу и просить об укрытии их в крепости».

Мансур продолжал рассылать письма, в которых просил князей и узденей извещать народ о том, чтобы они верили ему, ибо те, кто не верит, будут наказаны. Для того в будущем месяце он пойдет на язычников-горцев. Кумыкский владелец Девлет-Гирей Баматов, возвратившись из Большой Кабарды, рассказал, что во время своего пребывания там са-

молично видел, как князь Дол через посылаемых узденей распространяет известия о шейхе Мансуре — «уверяет в святости его, и будто бы все горские народы к нему уже преданы». Он своими глазами видел письмо от имама, в котором говорилось, чтобы кабардинцы ободрились, подавали бы милостыню бедным и надеялись на Мансура, ибо он в будущем месяце будет иметь войска, с которыми выйдет на реку Мартан для обращения ингушей и карабулаков в мусульманство.

Закубанские народы, подстрекаемые частыми письмами и воззваниями имама, также стали серьезно интересоваться проповедями Мансура. Они приезжали через Кабарду в Кумыкию в Чечню и наблюдали за действиями горцев. «К крайнему своему неудовольствию, — указывал генерал-поручик Потемкин в специальном рапорте, — получаю я донесения о том, что многие из кабардинцев отваживаются посылать своих людей в Чечню и иметь сношения с назвавшимся шейхом Мансуром. Другие же кабардинцы укрывают у себя приезжающих из-за Кубани... Сим даю знать всем кабардинцам вообще и каждому особо, дабы пресеклось всякое сношение как с чеченцами, так и закубанцами».

Немалые опасения российских властей вызывали действия самого влиятельного дагестанского владетеля — Уммахана Аварского. Распространились слухи о том, что он отправил Мансуру письмо, в котором сообщал, что в будущем месяце, когда вырастет трава и будет корм для лошадей, он прибудет к имаму с конным войском. Аварский хан уверял имама еще и в том, что с ним к имаму прибудет и турецкое ополчение с пушками и тогда они совместно выступят против Кизляра. Относительно письма, в котором Умма-хан Аварский обещал прибыть к Мансуру с войском, генерал Потемкин указывал, что, зная осторожность хана, он не очень верит этому письму. Если Умма-хану будет хорошо заплачено, он перейдет на русскую сторону, хотя известно, что он постоянными подарками от турок «более к ним привязан». «И все же невероятно, — писал Потемкин, — что Умахан, будучи весьма не глуп и честолюбив, искренне желал бы с Мансуром соединиться».

Более других отличались сочувствием Мансуру и охотно следовали его призывам жители Чечни, а также кумыки — аксаевцы, андреевцы и костековцы. На требования генерал-поручика Потемкина, чтобы владетели и старшины запрещали своим подвластным подчиняться приказам Мансура и становиться под его знамена, те отвечали, что они не в состоянии удержать своих крестьян. «Сожалею, — писал 12 июля

1786 года в своей прокламации к андреевским и аксаевским владетелям генерал-поручик, — что не можете удержать подвластных ваших, кои прилепляются не к шейху Мансуру, как вы в письме своем сообщаете, но к бунтовщику Ушурме, который, ложно назвав себя имамом, достоин гнева Божия и казни... Вы просите моего повеления. Я даю вам оное кратко и ясно. Удерживайте подвластных ваших от нового зла. Вразумите их, что когда прошлого лета ослепленные, веря обманам Ушурмы, они прилепились к нему, много ли они получили чрез то выгод?» Потемкин писал, что, разбив прошлой осенью отряд Мансура, он прекратил военные действия с уверенностью, что бунтовщики поймут милосердие русской императрицы. Но если горские народы снова последуют советам лжепророка, то будут жестоко наказаны и их раскаяние после этого уже не будет принято.

Новое воззвание российского командования к горцам не возымело действия. Чеченцы и кабардинцы вместе с закубанцами продолжали совершать нападения на военные разъезды, пикеты и укрепления российских войск на Кавказской линии. Генерал-майор Шемякин доносил, что отряд чеченцев в сто человек, переправившись через Терек, совершил нападение на военный караул Томского полка недалеко от урочища Нижний Яр. В тот же день чеченцами был захвачен в плен кабардинский пристав, премьер-майор князь Ураков, когда он ездил по аулам, объявляя содержание прокламации, присланной от командующего войсками на Кавказе. Князь Ураков был выкуплен царскими властями у чеченцев за 500 рублей.

Ингуши, живущие вокруг Владикавказа, по-прежнему совместно с русскими выступали против Мансура. Между ними и отрядами восставших нередко происходили столкновения. Однако летом 1786 года после очередного письма, присланного Мансуром к ингушским старшинам и народу, они вдруг согласились дать аманатов и выступить совместно с чеченцами и кабардинцами против российских властей. Генерал-поручик Потемкин срочно затребовал это письмо к себе. Несмотря на все попытки горского князя Казбека получить послание Мансура к ингушам, их старшины не только не дали ему письмо от имама, но и сами не пожелали ехать во Владикавказ.

Генерал Потемкин послал ингушским старшинам и народу воззвание, в котором предостерегал их от присоединения к Мансуру: «Признавая ингушских старшин и народ верными Ее Императорскому Величеству подданными, даю знать ингушам, чтоб они с известным бунтовщиком Ушур-

мою ни малейшего сообщения не имели. Никаких от него писем не принимали, ибо последнее письмо, которое от сего злодея и бунтовщика Ушурмы к ингушам прислано, приказал я, яко презрения достойного, сжечь с поруганием... Предписываю ингушам разорять Мансура и Дола, а всю добычу приобретенную оставляю в пользу вашу. Словом, будьте верны, как были прежде, и сверх того, что добыча будет ваша, получите еще от меня награждение. Но если на обман Ушурмы помыслите поползнуться, тогда скоро в том раскаетесь. Будьте верны как были, и благосостояние ваше умножится».

Между тем обстановка на всей протяженности укрепленной Кавказской линии продолжала оставаться напряженной. Брожение среди горцев и закубанских народов было настолько сильным, что командующий войсками на Кавказе генерал Потемкин вынужден был признать, что не находит возможности восстановить спокойствие на линии до тех пор, пока тут будет действовать Мансур.

2

Не видя прямой возможности захватить шейха, избавиться от него с помощью оружия или денег, российские власти решили опорочить горского вождя, представив его народу как тайного помощника России в присоединении к империи мусульманских народов. Создатели этого послания надеялись, что горцы поверят в скрытное предательство имама и с возмущением отвернутся от него. В июне 1786 года было составлено «тайное» письмо на турецком языке имаму Мансуру от русского командования. Письмо это «совершенно случайно» попало в руки армянских купцов и стало широко известно на Кавказе. Вот его содержание: «Доброжелательный и усердный к России шейх Али Мансуров! Почтенный приятель! Благодарю Вас дружески за Ваше усердное старание к России. Будьте уверены и никогда не сомневайтесь, чтоб Ваше благонамеренное предприятие осталось без награждения. По последнему Вашему уведомлению чрезвычайно хорошо Вы надумали и стараетесь скорее исполнить Вашей благоразумной предприимчивостью и хорошим расположением свое намерение, как уже Вы и положили подвести магометан, доведенных в Вашу покорность к границам российским. Наши войска, где бы Вы ни захотели, готовы встретить приятельски и утвердить их верность Всероссийскому престолу. О сем Вашем усердном старании я, куда

следовало, писать не пропустил. Теперь больше не сомневаюсь, что Вы к пользе нашей употребите все способы в таковом Вашем чрезвычайном предприятии, и уверяю Вас, что Ваше благоразумное старание и усердие за магометанскую к России покорность, бессомненно получит достойное награждение. Прошу и впредь обо всех Ваших успехах, чрез известных Вам, почаще меня уведомлять... Вам доброжелательный и откровенный приятель известный».

Письмо это было составлено майором Иваном Абрамовым в первых числах июня 1786 года. Решено было разослать копии письма через приезжающих из Кизляра армянских купцов «в такие неприятельские места, где может между их черным народом пронестись о сем слух». «Я думаю, — писал Иван Абрамов в рапорте светлейшему князю Потемкину, — нельзя сомневаться, чтобы сие не произвело в народе возмущения, составляющего междоусобную брань, и не возымело бы своего действия к обращению оружия сподвижников бунтовщика на поражение его самого тем злосчастием, которым он многих невинных уже наградил». Но большие надежды, возлагавшиеся на подметное письмо, не оправдались. Горцы легко распознали обман и не поверили русским властям.

Турция, с каждым днем приближавшаяся к войне с Россией, по-прежнему интересовалась появившимся в Чечне имамом. Причем тут был двойной интерес, ибо имелось пророчество о том, что после Мухаммеда придет еще один пророк, который восстановит справедливость в мире. Следует заметить, что Блистательная Порта не очень-то желала, чтобы такой пророк где-либо действительно появился, так как справедливость в мусульманском мире, по ее мнению, устанавливалась именно Турцией — с пользой для себя и по своему разумению. С другой стороны, чеченский имам интересовал Турцию как возможный помощник в войне с Россией, которая неотвратимо приближалась. Потому в Порте желали знать, сможет ли Мансур поднять серьезное восстание горцев в тылу российских войск.

Русский посол в Турции Я. И. Булгаков представил императрице Екатерине II особый документ, который назывался «Записка словесных сообщений известного приятеля, учиненных им 29 августа 1786 года». Это был перехваченный тайным агентом посла протокол допроса: «Человек, которого бейликчи-эфенди допрашивал третьего дня и записывал все, что тот говорил, оказался посланным Портою посмотреть имама Мансура и определить, тот ли он, о ком предсказывал их Пророк. Человек тот был послан в Чечню под

видом ученого путешественника — софты. Означенный софта всего пять дней как покинул имама Мансура в Чечне, где он пробыл с ним двадцать пять дней. Сразу же по возвращении в Константинополь софта рассказал все, что узнал о Мансуре. Он говорит, что имам родом не из Чечни, а пришел из других мест; что он не ученый и не особенно набожен, хотя и не уклоняется никогда от совершения молитв, предписанных законом. Он не говорит или делает вид, что не знает по-турецки, и беседовал с софтою не иначе как по-арабски. При нем находятся шесть человек, одетых улемами (улем — высокообразованный богослов и законовед) и оказывающих большое почтение своему наставнику. Имам имеет воинский отряд в шесть тысяч человек, составленный из людей разных наций».

Встреча турецкого агента с чеченским имамом произошла в Шали, у брата жены Мансура Чечи. «Поговорив с ним несколько раз, вышеупомянутый софта должен был сознаться ему, что он специально прислан Портою, чтобы ознакомиться с ним. Когда Мансур спросил, почему он не привез ему писем, софта извинился, сказав, что писем не дали, потому как не ведали, кто такой Мансур и можно ли будет его увидеть, но прежде всего из опасения, как бы письма не попали в руки русским».

Софту больше всего интересовали намерения Мансура в отношении России. В планы агента входило заинтриговать Мансура интересом к нему турецкого правительства, воздействовать на его честолюбие. «Софта осведомился насчет его намерений и действий, уже предпринимавшихся им против России. Мансур ответил, что не может еще ничего предпринять, пока не прибудет другой человек, которого он ожидает. Что он не будет пока ничего начинать против России, но часть его войск, не особенно ему послушных, совершила нападение на русские границы и разбила несколько полков. Мансур с уважением отозвался о калифе и поручил софте попросить последнего от его имени прислать начальника с войском и денег». Далее софта показал, что Мансур находится в переписке с крымским Шагин-Гирей-ханом, который несколько раз посылал к нему своих людей.

В целом путешествие турецкого эмиссара оказалось полезным — софта многое узнал о Мансуре, его намерениях и реальных возможностях. «По рассказу и уверению софты, чеченский имам есть не тот Мансур, которого ожидают на основании предсказаний Пророка, — писал русский посол Булгаков. — Мой приятель уверяет, что министерство Порты было очень обрадовано, что мнимый Мансур не имеет

качеств, необходимых для того, чтобы называться подлинным пророком нового царства, так как если бы он мог быть принят за него, то вызвал бы большие беспорядки во всей империи и весьма опасные последствия».

Этот документ подтверждает, что восстание горцев во главе с Мансуром не было инспирировано Турцией, а имело внутренние побудительные мотивы. Это было освободительное движение, направленное против колониальной политики Российской империи, захвата ею кавказских земель и попытки лишить горцев столь дорогой для них свободы и права распоряжаться своей судьбой. Очевидно также, что Блистательная Порта попыталась воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы взять реванш за поражение в последней войне с Россией.

В то время по всему Северному Кавказу действовало множество турецких агентов, внушавших горцам, что, если те примкнут к Мансуру и поднимут восстание против России, Турция окажет им не только денежную, но и военную помощь с единственной целью — освободить горские народы от непосильного гнета Российской империи. О том, что Порта проявляет интерес к чеченскому имаму, стремится сделать его своим союзником и заставить его поднять горские народы на войну за интересы Турции, российское командование знало давно. Однако к слухам о намерении турок помочь Мансуру войсками и артиллерией оно относилось скептически. Путь турецких войск на Северный Кавказ мог пролегать либо через враждебную Грузию, либо через черноморские порты и закубанские степи, где не было дорог, пригодных для передвижения крупных войсковых соединений, тем более с пушками.

Одной из важнейших причин восстания горцев, как уже было сказано, были безмерная жадность и самоуправство горских князей и владетелей, которые жестоко притесняли собственный народ. К царским властям на Кавказе продолжали чуть ли не ежедневно поступать письма с жалобами горских крестьян на притеснения владетелей и старшин. В июле 1786 года аксаевские и андреевские старшины и кади обратились с посланием к кизлярскому коменданту бригадиру Вешнякову от своего имени и от имени всех жителей. В письме они объясняли причины, которые побудили их присоединиться к Мансуру, и перечисляли обиды и притеснения от своих владетелей. «Просили мы запретить отнимать у нас безвинно скот наш, а за воровство и шалости наложить на творящих оное штраф, — писали коменданту крестьяне. — Не видя укрощения оных, дошли до совершен-

ной крайности и принужденными нашлись присягнуть имаму. Он разбирает ссоры и тяжбы по закону. Его решением обидчики наши от их наглостей были отвращены, воры были наказаны».

Следует отметить еще и то, что бессмысленная жестокость некоторых российских военачальников, считавших, что к горцам полезнее всего применять жестокие репрессии, а не пытаться мирно договориться с ними, восстанавливала народ против России. К числу наиболее ретивых усмирителей следует отнести полковника Пиери, который за это поплатился. К ним относился и бригадир Кнорринг, который своим рапортом от 7 августа 1786 года доносил, что на реке Куме он в течение двух дней истреблял посланными для того казачьими полками и калмыками горские деревни. Он также распорядился потоптать лошадьми абазинский хлеб на полях, «а который за сим еще остался, предписал я господину премьер-майору и походному атаману Янову сжечь».

Еще недавно именно такой жесткий подход считался наиболее правильным. В фаворе у командования были командиры, подобные Пиери и Кнорингу. Однако в 1786 году политика российских властей была значительно смягчена, и наиболее эффективным оружием умиротворения были признаны не штыки, а деньги. «Сотня пушек, стреляющих ядрами и картечью, не даст того результата, который может дать сотня рублей, врученная в нужное время нужному человеку», — говаривал, размышляя о кавказских делах, командующий российскими войсками светлейший князь Потемкин-Таврический. Новый подход вскоре дал о себе знать и заметно изменил расстановку сил на Кавказе.

3

В конце июля 1786 года Мансур созвал к себе горцев и объявил им срок начала нового похода — сразу после праздника Курбан-байрам. Место сбора он определил на реке Козьме. После этого войско Мансура должно был выйти на встречу с отрядом князя Дола. Увеличив ополчение за счет кабардинцев и присоединив к нему жителей ингушских деревень, Мансур намеревался атаковать крепость Владикавказ. Российское командование на линии, узнав об этих планах, отправило против Мансура полковника Нагеля с отрядом, состоящим из Кабардинского полка с двумя гренадерскими ротами, Моздокского казачьего полка, Уральского полка,

двух егерских батальонов и четырех орудий полевой артиллерии. В задачу Нагеля входило по прибытии к Сунже «призвать себе в помощь ингушей, дабы не ушли к Ушурме, и разрушить гнездо Долово». Чтобы не допустить кумыков из Андреевской и Аксаевской деревень к соединению с отрядом Мансура, генерал-майору Соломину с его бригадой было предписано двинуться от Кизляра к Каргину. Против аксаевцев были выставлены батальон гренадер премьер-майора Мансурова, три эскадрона драгун и 250 гренадерских казаков во главе с подполковником Аршневским.

Вскоре полковник Нагель со своим отрядом переправился через Терек и вошел в земли князя Дола. Появление русских войск оказалось для кабардинцев неожиданным. Нагель угнал принадлежащий Долу и его подданным скот и приготовился к разорению их селений и сожжению хлебов на полях. Крестьяне князя Дола вооружились и приготовились к бою, но, увидев большие отряды солдат и казаков, отошли в горы. Полковник Нагель сжигать хлеб не спешил, ожидая «раскаяния». Расчет его оправдался — проведя собрание, жители направили к полковнику делегацию с просьбой не обрекать их на голодную смерть. За крестьянами вышли и все уздени. Князь Дол, находившийся в это время со своей свитой в горных ущельях, оказался в трудном положении и отправил к русским узденя с предложением, что если он будет прощен, то придет с повинной, а скрывался он до сих пор якобы потому, что боялся казни со стороны царского командования.

Полковник Нагель, получив прямое раскаяние Дола и его народа, пообещал им помилование. Позже Дол вместе с узденями был представлен командующему войсками на Кавказе генералу Потемкину. Кабардинский князь объяснил генералу, что главной причиной его выступлений против русских было недовольство причиняемыми ему и подвластному народу притеснениями покойного пристава секунд-майора Жильцова, находившегося в то время в Малой Кабарде. Генерал Потемкин приказал полковнику Нагелю привести князя Дола, его узденей и весь народ к присяге, взять от них аманатов и вернуть на прежние места. Был составлен текст особенной присяги — «отречения князя Малой Кабарды Дола Мударова, узденей трех фамилий и черного народа от возмущений ложного пророка». Подписавшиеся под присягой каялись в своих заблуждениях, которые «послужили причиной их ослепления». Во всех бедах винили они «алдынского жителя Ушурму, который, ложно приняв на себя звание имама, соблазнил нас на все чинимые нами беззако-

ния, и теперь клянем сами в чистоте сердца нашего и вину свою, и его самого... Отрекаемся навсегда от него, познавая и чувствуя, что не есть он истинный богоугодный учитель, но бунтовщик, оказавшийся на наше разорение и погибель».

Стараясь заслужить доверие, Дол рассказал о Мансуре и его приверженцах много шокирующих небылиц. Князь сообщил, что после поражения Мансура под Кизляром его люди разбежались по своим домам, а потом ловили друг друга, грабили и продавали в рабство. Кроме того, по словам Дола, когда он уходил от Мансура, то в отряде имама «никого из дальних народов (то есть турок или персов. — *А. М.*) не видал». Нынешней весной, рассказывал Дол, Мансур объявлял, что к нему из Турции и Ирана будет прислано войско, хотел по-прежнему собрать народ, но «никто ему о том не верит и не собирается».

Измена ближайшего помощника князя Малой Кабарды Дола стала для Мансура тяжелым ударом. Пытаясь исправить положение, он решил привлечь на свою сторону дагестанского владетеля Умма-хана Аварского. С этой целью в начале августа 1786 года имам послал в Дагестан своих представителей. Мансур не подозревал, что главный дагестанский владетель, еще недавно обещавший ему искреннюю дружбу и готовность прийти на помощь со всем войском своим, давно перекуплен царскими властями. В то время когда Умма-хан принимал послов чеченского имама, доверенный человек дагестанского владетеля по имени Дада, приехав в Кизляр, заверил российские власти, что «Умахан, верный присяге, не только не будет на стороне противящихся России, но и сам с войском своим готов на услуги Ее Императорскому Величеству».

Умма-хан и прежде был уверен в том, что не получит выгоды от союза с Мансуром. Он вел с ним тайные переговоры только для того, чтобы заставить русские власти заплатить за его верность хорошие деньги. Интрига аварского хана принесла ему немалый доход, и теперь он писал генералу Потемкину: «Хотя и просил у меня чеченского общества ших имам Мансур помощи, но только оной я ему не дал, наблюдая, чтоб прямая моя с Вами дружба и расположение мое на услуги Ее Императорскому Величеству было ненарушимо». Генерал Потемкин же по этому поводу замечал: «Привлечение Умахана почитаю я весьма нужным, ибо, во-первых, он именитый владелец в лезгинах. Турецкий двор без него не призовет и половины лезгинских войск, а притом что он, будучи в спине у чеченцев и прочих беспокойных народов, может и в сем случае быть удобен».

Переход князя Дола на российскую сторону и его помилование русскими властями внесли растерянность в ряды сторонников Мансура, а у многих горских владетелей вызвали полную растерянность и тревогу за свою судьбу. В письмах, которые пришли на имя командующего войсками на Кавказе генерала Потемкина, многие владетели, уздени и старшины спешили принести повинную и просили о помиловании за участие в нападениях горцев на российские отряды и селения. Андреевские и аксаевские владетели сообщали в письме Потемкину, что они «и прочие старшины и уздени все заодно в прилепленности своей к ложному имаму раскаялись, а если чеченцы, верные Ушурме, будут чинить вред нашим народам, то согласились с ними драться».

Полковник Нагель доносил, что кумыки-аксаевцы — как владетели, так и простой народ, — устроили у себя собрание и под присягой решили вместе с андреевцами принести повинную и просить о помиловании, раскаиваясь в своих преступлениях. Андреевский владелец Темир Хамзин в письме генералу Потемкину также сообщал, что «андреевцы в содеяниях своих пришли уже в раскаяние с тем, чтобы отстать вовсе от Ушурмы и быть по-прежнему верными Ее Императорскому Величеству рабами». В ответном письме Потемкин потребовал, чтобы андреевцы принесли новую присягу на верность Ее Императорскому Величеству и отреклись от всякого сообщения с известным бунтовщиком Мансуром и «в доказательство чистого раскаяния дали аманатов. Только тогда оставлю я в покое андреевский народ».

Вслед за князем Долом другой из давних и верных сподвижников Мансура — андреевский владелец Чепалов Хаджи Муртазалиев — также оставил имама. В письме кизлярскому коменданту Вешнякову 16 августа 1786 года он писал: «Доношу сим Вашему Высокопревосходительству, что я был по сие время к России злодеем и преступником. Ниже пришел в раскаяние, желая пребывать России верным». Чепалов обещал служить верно, ловить врагов России и доставлять их в руки властей. Все эти обещания и присяги вряд ли стоит принимать всерьез, поскольку они давались под прямым военным давлением. Владетели вовсе не стремились покориться русским властям, но были вынуждены сделать это, чтобы сохранить свои посевы, скот и жизнь своих подданных.

Обстановка на Северном Кавказе, в районе, охваченном движением горцев во главе с Мансуром, к лету 1786 года стала складываться не в пользу восставших. Если до этого многие князья и владетели занимали выжидательную позицию, то в августе — сентябре почти все они поспешили от-

межеваться от имама и представить себя преданными сторонниками России. Кабардинские князья, шамхал Тарковский Мухаммед, казикумухский владетель Мухаммед-хан, табасаранский владетель кади Ростем, уцмий Каракайтагский из Дагестана, владетели и уздени Аксаевской и Андреевской деревень — все они отмежевались от Мансура. Они, как и другие горские князья, обратились к российскому командованию с письмами, в которых заявили, что «будут служить отныне Российской империи с усердием».

Мансуру был нанесен жестокий удар. Причем случился он не на поле боя, а был незаметно подготовлен в кабинетах российских генералов и чиновников. Удар был нанесен очень расчетливо не по войскам и даже не по самому Мансуру, а по примкнувшим к народному движению из корыстных побуждений горским князьям, старшинам и узденям.

В сентябре 1786 года из различных мест Кавказской линии стали поступать донесения о том, что Мансур ушел за Кубань. Специально распускались слухи о том, что его уход вызван расколом среди его сторонников, их разочарованием в своем вожде. Еще в июле администрации Кавказской линии стало известно, что закубанские народы отправили одного из влиятельных мурз для приглашения к себе имама Мансура, чтобы он, собрав и возглавив их вооруженные отряды, совершал нападения на селения, разъезды и крепости российских властей. В сентябре российским командованием были предприняты новые попытки захватить Мансура в плен. От кабардинских и дагестанских владетелей были взяты расписки о том, что, если имам явится в их селения, они должны будут непременно задержать его и выдать властям.

Кольцо вокруг Мансура продолжало сжиматься.

Глава 3

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

1

Турция готовилась к войне с Россией, надеясь взять реванш за недавнее поражение. Послы Англии, Франции, Швеции и Пруссии предлагали туркам любую помощь: деньгами, флотом, вооружением, инструкторами и даже войсками. Европа очень опасалась усиления России.

Движение горцев во главе с Мансуром не только осложняло положение на Северном Кавказе и в Грузии, но и отвле-

кало немалую часть русских войск от действий на европейском театре и в Крыму. Вот почему султанская Турция придавала такое большое значение ситуации в Чечне. В то время как в Константинополе велись дипломатические переговоры, турецкие агенты развернули на Кавказе бурную деятельность. Вместе с султанскими фирманами кавказским князьям и ханам щедро раздавались богатые подарки и деньги.

В январе — марте 1787 года турецкие агенты все чаще стали появляться у князей Дагестана, Кабарды и других кавказских областей. В письме к Аджи-Мурзе Кирякозову от уцмия Каракайтагского отмечалось, что люди, прибывшие к карабахскому Ибрагим-хану с богатыми дарами от турецкого паши, имеют своим главным намерением ехать оттуда «со знатными подарками к дагестанским владетелям с тем, чтобы, раздаря оные, наклонить их на единодушие туркам». В другом письме тому же Кирякозову от сына уцмия Каракайтагского также сообщалось о приезде турок с подарками в Дагестан и о том, что прибывший чиновник по имени Мамат-Алий утверждает, что «турки имеют повеление видеться с известным алдынским имамом Мансуром».

По мнению российских властей, турки планировали поддержать восстание чеченцев и других горцев, с тем чтобы впоследствии присоединить их земли к Османской империи. 3 апреля 1787 года полковник Савельев известил начальство, что от суджукского паши к Мансуру приехал человек с письмом. В задачу посланника входило помочь имаму вновь привлечь к себе горские народы. Из донесения бригадира Нагеля явствует, что Мансур предупреждал соратников о скором своем прибытии во главе турецких войск, а также о помощи от аварского Умма-хана, шамхала Тарковского и уцмия Каракайтагского. Это известие, однако, не возымело действия. Горцы не боялись аварского Умма-хана и знали, что турецкие войска никогда еще не появлялись в горных районах Кавказа. Туркам намного удобнее было идти в Крым или на Кубань, но даже и туда они не шли, опасаясь русских. «Когда чеченцы посылали специальных людей к шамхалу и уцмию, — докладывает Нагель, — чтобы справиться о том, готовы ли они оказать помощь имаму в борьбе с русскими, то всюду получали отказ».

В мае — июне 1787 года Мансур усилил агитационную деятельность. Он не только рассылал письма, но совершал с несколькими верными мюридами опасные походы, во время которых лично проводил собрания в различных горских селениях, настаивая на необходимости в кратчайшее время собрать войско для защиты людей и селений от российских

войск. Такое собрание состоялось и в родном ауле Мансура — Алды. То, что мятежный имам, которого искала и пыталась уничтожить вся российская армия на Кавказе, беспрепятственно разъезжает по Чечне, доказывало, что его авторитет и популярность вновь поднялись до необычайных высот. Даже горские князья и владетели, давние его недоброжелатели, не решались не только напасть на Мансура, но даже информировать военные власти на Кавказской линии о его передвижениях.

Мансур искал все новые средства, с помощью которых он мог бы усилить боеспособность своих отрядов. Используя религиозные проповеди, он делал попытки вновь поднять горцев на войну с Россией, обещая своим приверженцам, что они в скором времени во главе с ним атакуют крепость Владикавказ и овладеют ею. «Да будет всем ведомо, — обращался Мансур в своем очередном воззвании к горским народам, — что в день пятницы намерен я идти на брань с беззаконными, почему приглашаю вас непременно в пятницу ко мне съехаться. Ибо, как писано в Коране, когда мусульмане начнут бой с неверными в пятницу, то беззаконных одолеют. Кроме того, написано в Коране, что если в сражении в пятницу хоть один беззаконный будет убит от руки мусульманина, то, сверх спасения души, зачтено ему будет убийство неверного за великое дело. Если же сам погибнет от руки неверных, то будет в раю».

Несмотря на колебания горцев, Мансур сумел собрать вокруг себя ополчение в тысячу человек. В него входили преимущественно чеченцы, а также аварцы, тавлинцы, андреевцы и аксаевцы. Состав участников отряда майор Елагин в своем рапорте от 30 мая 1787 года определил так: «...люди, лишенные всяческих условий, и абреки». Намерение имама состояло в том, чтобы прежде всего выступить с отрядом против карабулаков — жителей западной части Чечни. Карабулаки, особенно их старшины, по мнению Мансура, жили своевольно и не желали следовать учению Мухаммеда. Видя такой настрой со стороны карабулакских старшин, Мансур решил прибегнуть к силе и наказать их.

Карабулаки, жившие между реками Асса и Фортанга, вплоть до конца XVIII века не были исламизированы и потому считались отдельным народом. После принятия ислама процесс национальной консолидации привел их в состав чеченцев под именем объединения Орстхой или Арштхой. Цель похода имама против соседей заключалась в том, чтобы вынудить их примкнуть к восстанию. Нет сомнений, что Мансур не желал кровопролития между собратьями — че-

ченцами и карабулаками. Однако объективно его поход на карабулаков привел именно к таким последствиям. Он начался в середине июня 1787 года и завершился уже через неделю. Заняв несколько карабулакских аулов, воины имама столкнулись с сопротивлением местных жителей. Когда по просьбе карабулаков к ним на помощь двинулись российские соединения, малочисленные отряды Мансура были вынуждены отступить. Этот поход еще больше ослабил силы восставших в преддверии последних решающих боев.

Между тем горцы стали браться за хозяйственные работы, и весной почти все жители чеченских деревень начали распахивать земли вплоть до самой реки Сунжи. К весенним работам приступили и жители селения Алды. Зная о приготовлениях Турции к войне с Россией, Мансур решил перебраться к закубанским народам, которые и до этого много раз приглашали его к себе. В секретном донесении генералу Потемкину в конце июня 1787 года старшина Кайтука Баков отмечал, что горцы из войска имама разошлись по домам, сам же Ушурма вот уже четыре дня как ушел из своей родной деревни Алды.

2

Такого трудного времени не было в жизни Мансура за все годы его борьбы на Кавказе. Кроме нескольких верных людей вокруг него не осталось никого. Имам Мансур в этот переломный период своей жизни оказался практически беззащитен. Его положение немногим отличалось от положения волка, обложенного со всех сторон флажками. Отовсюду за ним следили внимательные глаза охотников, среди которых были не только русские генералы, но и недавние сподвижники — князья и владетели. Стали опасны даже простые хищники, которые готовы были принести в мешке его отрезанную голову, чтобы получить свои тридцать сребреников.

Но если Мансура можно сравнить с волком, попавшим в ловушку, то это был волк по-прежнему могучий и неукротимый. Охотники напрасно считали, что он уже обречен. Понимая, что оставлен верными сподвижниками, не имея места, где можно было бы надежно укрыться, Мансур предпринимает необычный ход. Он отправляет своего шурина Этту Батырмурзина к генералу Потемкину с сообщением о том, что «готов оставить свои предприятия и желает пребывать в мире с Россией». Это было не просьбой о капитуля-

ции, а предложением о заключении мира. Послание было рассчитано на то, что российские военные, самые опасные на данный момент его враги, на время отложат операцию по его захвату. В этом случае остальные охотники за его головой тоже будут ждать, чем закончатся переговоры.

В мае 1787 года Этта Батырмурзин прибыл в расположение генерала Потемкина и дал показания. Он сообщил, что отправлен самим Мансуром, и так объяснил действия имама: «Он считает себя избранником Бога не для разбоев и войны, но для установления справедливости и удержания мусульман от злых дел. Ныне видит он, что те народы на него не смотрят и не слушаются». В заключение Батырмурзин сказал: «Если он будет свободен, то род татарский (горцы, которых русские по привычке называли татарами. — *А. М.*) не будет делать шалости против России, а всех он может от того удержать и успокоить».

Предложение Мансура произвело большое впечатление. Возможные переговоры мятежного имама и командующего войсками Кавказской линии Потемкина обсуждали не только на Кавказе, но и в Санкт-Петербурге. Событие это было отмечено в письме князя Потемкина к императрице. «Предписал я генерал-поручику Потемкину, — замечает светлейший, — Ушурме дать знать, что являющиеся с повинною к престолу Императорского Величества не отчуждаются монаршей милости, лишь бы только раскаяние их и исправление было истинно и чистосердечно».

Понятно, что в этот роковой период своей жизни имам Мансур затеял переговоры с российской стороной вовсе не для того, чтобы «явиться с повинною к престолу Императорского Величества». Ему нужно было выиграть время и подготовить возможность для отступления и перегруппировки сил. Но свою игру Мансур вел настолько умело и тонко, что никто не сумел разгадать его истинных намерений.

Обмен посланиями при полной неопределенности положения затянулся на несколько недель. Российские власти не желали обещать «бунтовщику Ушурме» каких-то особых льгот и предлагали прежде всего лично явиться с повинной. Мансур как бы колебался и требовал гарантий и почетных условий. Все это время он готовил бросок за Кубань. 9 июля 1787 года русскому командованию стало известно, что четыре дня назад Мансур перешел Кубань и находится в доме владетеля Камамата Мансурова на реке Большой Инжик вне пределов Российской империи.

Волк опять ушел от охотников.

3

11 июля 1787 года в рапорте генерал-поручика Потемкина князю Потемкину сообщалось, что «известный бунтовщик Ушурма с помощью Калги-Гирея Мансурова пробрался за Кубань, и уже все закубанцы генерально ему присягают».

Начался новый этап жизни Мансура — отныне он вел военные действия против России, возглавив закубанские и ногайские народы. С уходом за Кубань Мансур не собирался прекращать и борьбу в Чечне. Используя активные выступления закубанцев, свой вновь возросший среди горцев авторитет, а также приглашения со стороны отдельных владетелей и мурз, Мансур по-прежнему намеревался поднять горцев Северо-Западного Кавказа совместно с закубанскими народами против общего врага — России. Блистательная Порта, в свою очередь, добивалась перехода Мансура на службу султану. Кстати, заявления на этот счет она так и не получила. Мансур видел в Турции лишь временного союзника в борьбе за освобождение своего народа и вовсе не желал менять одного угнетателя на другого.

Накануне второй русско-турецкой войны султанская Турция рассматривала Закубанский край в качестве удобного плацдарма для вторжения в Кабарду и разгрома Кавказской укрепленной линии. Турецкое правительство возлагало большие надежды на закубанские народы, воинственно настроенные против колониальной политики российских властей на Кавказе. Вполне понятны их планы в отношении Мансура, который должен был бы действовать против русских во главе восставших горцев.

Среди многих факторов, способствовавших восстанию закубанцев против России, были и причины экономического свойства. Особое недовольство горцев вызвал специальный указ командующего на Кавказе генерал-поручика Потемкина, воспрещавший пропускать закубанские народы на территорию Северного Кавказа за солью. Ограничения были введены также для жителей Кабарды, которые имели право вывозить только по одной арбе соли с уплатой таможенного сбора 1 рубль 50 копеек. Соль широко применялась закубанскими кочевниками для сдабривания корма овец и баранов, что предохраняло их от падежа. Недовольство таможенными ограничениями, наряду с другими причинами, было использовано турками для возбуждения закубанцев против России.

Турция готовилась к войне и потому проявляла повышенный интерес к антироссийским восстаниям горцев и

Мансуру в частности, понимая, что это единственный человек, способный превратить разрозненные выступления в настоящую войну в тылу русских войск. «Турецкое правительство, — указывал историк Н. Ф. Дубровин, — старалось войти с Мансуром в тесные сношения и употребить его орудием для исполнения своих видов».

Следует еще раз подчеркнуть, что Турция не имела прежде никакого отношения к движению горцев под предводительством Мансура. Восстание это имело внутренние причины, хотя еще во время выступлений Мансура против России современники сомневались в этом. Светлейший князь Потемкин, например, был убежден, что имам с самого начала был «подослан противной стороной». Императрица Екатерина II оказалась более проницательной. Она считала, что турецкое правительство не ведало «об известном бунтовщике, горские народы возмущающем», и, только задумав новую войну, решило использовать Ушурму и «составить тем себе партию во вред нам».

Мансур нужен был турецким властям, чтобы объединить под знаменем священной войны с «неверными» северокавказские народы и направить их против России. До турецких властей еще в начале 1785 года доходили слухи о мятежном имаме. Более частые сведения о восставших горцах начали поступать к комендантам крепостей Анапы, Согуджака и Чилдира с июня 1785 года. Сведения шли окольными путями и потому оказывались нередко искаженными, а то и вовсе фантастическими. Их приносили паломники с Кавказа, пересекавшие Чечню по пути в Мекку. Что-то сообщали осведомители-мусульмане, жившие за границами Турции, — кабардинцы и ногайцы. Немало узнавали из писем самого Мансура, адресованных знатным владетелям Адыгеи и Абхазии, которые считались вассалами Османской империи.

Первые рапорты губернаторов турецких провинций выявляют полную их неосведомленность о положении в Чечне. «Никто не ведает о человеке, которого называют имамом Мансуром, — пишет осведомитель великого визиря из Согуджака, — только некоторые Хаджи, которые приезжали сюда, говорят, что видели его». Судя по донесениям прусского посланника в Стамбуле Дица своему королю, в Османской империи в это время ходили самые невероятные легенды о личности новоявленного имама. Из уст в уста передавались таинственные истории о пророческих откровениях имама и освобождении, которое он должен принести всем мусульманским народам Кавказа.

«Здешние ученые улемы говорят, — отмечал Диц, — что на земле появились три великих человека, и они, как герои веры, очистят исламский мир от неверных. Мулла, или же имам, Мансур считается среди них первым. Имам Каррис в Бухаре, в стране узбекских татар — вторым. Имам Соусеан в Мекке — третьим. Все они называются реформаторами и мечами ислама. Последний названный имам, как утверждают, очистит религию арабов, а потом, совместно с двумя другими имамами — Каррисом и Мансуром, прибудет в Константинополь, чтобы заменить династию Османов и образовать в Турции истинно исламское правительство. Вследствие этого, — сообщал далее Диц, — в Османском государстве многие находятся в тревоге, ожидая явления этих духовных наставников, которые представляют, по мнению правителей Турции, немалую угрозу, прежде всего самому Константинополю». Говорили даже, что после освобождения Кавказа от «неверных» Мансур может предъявить претензии на титул главы всех мусульман — халифа, — который по традиции принадлежал турецкому султану.

Далее Диц сообщил прусскому королю неожиданную новость — турецкое правительство издало специальный указ, согласно которому во всех мечетях следовало официально объявить, что кавказский имам Мансур — это обманщик, фальшивый святой и вообще человек, который ищет для себя и своих последователей опасных приключений. «Письма от имама Мансура, которые распространялись на Кавказе среди закубанских народов, — продолжает Диц, — изымались и расследовались; пускалось в ход все, что могло бы поколебать сторону имама Мансура. Турецкие власти, опасаясь выступления против них имама Мансура, дошли до того, что решили привлечь на свою сторону посла России в Турции господина Булгакова и через него просить русских выступить против этого мятежника».

Таким образом, действия Мансура на Северном Кавказе вначале были крайне недоброжелательно встречены турецкими властями. Задолго до ухода имама за Кубань к черкесским племенам один из кумыкских жителей, который совершил паломничество в Мекку и возвращался обратно через Константинополь, был приглашен к великому визирю и подробно опрошен относительно слухов о шейхе Мансуре. Содержание беседы, состоявшейся между визирем и кумыкским Хаджи, было приведено в рапорте генерал-поручика Потемкина князю Потемкину от 21 августа 1787 года.

«Говорят, явился у вас имам, — спрашивал визирь, — и какие он делает чудеса?

— Никаких. Только в народе производит смятение, — отвечал Хаджи.

— Верят ли ему люди?

— Черные люди верят, ученые — нет.

— Разве у вас нет книг?

— Есть.

— Как же тогда люди верят в появление пророка, которого по нашему закону после Магомета быть не может?

Хаджи объяснил это неразвитостью народа, но в то же время уверял визиря, что имам Мансур имеет много приверженцев, распространяет ислам и возмущает горцев против России».

После первого большого успеха Мансура в сражении при Алдах и последующих нападений на Кизляр и Кавказскую линию турецкие власти обратили более пристальное внимание на чеченского имама. Причем отношение к нему в Стамбуле по-прежнему оставалось сложным. Обеспокоенность Турции действиями Мансура имела не только религиозные причины. Порта в то время не была готова к войне и боялась нарушить хрупкое перемирие с Россией. В отчете коменданта Согуджака Али-паши в начале сентября 1785 года высказывалось опасение, что если черкесские и абхазские племена, находящиеся под турецким протекторатом, вступят в войну с русскими по призыву имама Мансура, то это будет воспринято в Петербурге как нарушение обязательств по мирному договору с Россией.

К тому же воинственный призыв чеченского имама подвергал определенной опасности и другой район — Кубань, где Турция также стремилась сохранить спокойствие. В донесении согуджакского Али-паши великому визирю от 28 ноября 1785 года сообщалось о бунте ногайцев и адыгейцев, которые готовились перейти на сторону Мансура. Их возглавлял интендант крепости Согуджак черкес Хасан-Али, на сторону которого встало до сотни человек из гарнизона, включая турок. Чтобы усмирить бунтовщиков, турецким властям пришлось даже просить помощи у русских, и только благодаря вмешательству российских войск порядок был восстановлен, а зачинщики волнений наказаны.

Великий визирь почти ничего не знал о Мансуре. «Слухи, которые разносятся об этой личности, лишены всякого подобия правды, — замечал главный турецкий чиновник. — Необходимо, однако, соблюдать меры бдительности и осторожности. Следует потребовать от коменданта Согуджака беспрерывно наблюдать за происходящим, особенно зорко и неотступно следить за делами этого человека». Сулейман-

паша, губернатор крепости Чилдир, получил из Стамбула предписание расследовать все обстоятельства, связанные с личностью Мансура. В своем ответе паша, ссылаясь на сообщения, полученные от информаторов — лезгин и других дагестанцев, — также подтверждает, что «действия имама в настоящее время не представляют угрозы, которая могла бы беспокоить турецкое правительство».

Великий визирь представил ответы губернаторов турецких провинций султану Абдул-Хамиду I, сопроводив их коротким докладом, который позднее был помечен рукой самого султана: «Прочел сводки писем и донесений, полученные от коменданта Согуджака. Приказываю передать паше Согуджака, что он должен очень серьезно разобраться в действиях шейха Мансура и обстановке, что складывается в тех районах. Обстоятельства настоящего времени требуют большой бдительности. Никакая непредвиденность не будет прощена».

Настороженность и даже некоторая враждебность правителей Турции по отношению к горскому бунту и его предводителю объяснялись мотивами движения и составом его участников. Турция искала и находила себе союзников в борьбе с Россией среди князей и владетелей Дагестана, Кабарды, Кумыкии и Адыгеи. Подкупами и интригами турки умело управляли действиями горских владетелей. Александр Беннигсен пишет, что «из анализа архивов турецких вытекает, что, как и раньше, Турция интересовалась в основном горскими князьями и очень мало — шейхом Мансуром». Примкнувших к имаму людей в турецких документах презрительно называли «наивными горцами, любителями воровства и грабежей». Сама мысль о том, что крупные князья и феодалы Кавказа могут примкнуть к Мансуру, вызывала у турецкого правительства тревогу и протест. Губернатор Чилдира писал об одном из самых коварных владетелей Дагестана Умма-хане Аварском, который готов был из-за подарков и денежных вознаграждений постоянно плести интриги, лавируя между турками и русскими. «Неверно мнение, что Умма-хан Аварский примкнул к шейху Мансуру. Его нет и быть не может в нищей толпе, окружающей этого бунтовщика».

Турецкие власти опасались непонятного для них «еретического и мятежного» характера движения горцев под предводительством Мансура. Их не устраивала также его религиозная направленность. Причина в том, что саму Оттоманскую империю постоянно сотрясали национально-освободительные восстания, которые нередко принимали форму борьбы за возврат к «чистоте» первоначального ислама вре-

мен Мухаммеда и первых халифов. А грозный меч «священной войны», газавата, направлялся не только против неверных, но и против «порочных мусульман» — находящихся у власти турок.

Массовые движения пуритан-реформаторов волновали в те времена весь мусульманский мир и самым серьезным образом угрожали целостности Османской империи и владычеству турок в подвластных им странах. Правительство Блистательной Порты вело с этими реформаторами ислама беспощадную войну. Подавив с большими трудностями движение ваххабитов в Аравии, оно изгнало агрессивное братство с территории империи.

В учении Мансура туркам не напрасно чудились знакомые освободительные реформаторско-религиозные идеи. Опасность их увеличивалась тем, что эти идеи легко проникали в среду подвластных Турции закубанских народов. Порта всеми силами стремилась сохранить свое владычество на Западном Кавказе. Турки подавляли постоянно возникающие волнения среди горцев, подкупали, а если не получалось, то беспощадно укрощали своих беспокойных союзников — горских феодалов.

«Вождей племен и хана Бакти-Гирея Кубанского... турки обвиняли в подготовке восстаний и даже предательствах, — отмечал А. Беннигсен. — Со своей стороны кавказцы, безгранично привязанные к своей независимости, требовали более широкой автономии, упрекали турецких правителей в жестокой эксплуатации и пренебрежении интересами подчиненных народов и стран».

В 1785 году турки провели специальное исследование учения Мансура. Великий визирь потребовал от коменданта Согуджака направить к имаму эмиссара «для внимательного наблюдения за проповедями имама и поведением татар» (под татарами здесь также имеются в виду горцы. — *А. М.*). Посланец коменданта Согуджака прибыл к Мансуру между июлем и сентябрем 1785 года, в момент, когда слава имама достигла высшей точки. В отчете великому визирю комендант Согуджака Биганзаде Али-паша отмечал, что по достоверному сообщению их посланца Мансур не является «мятежником ни для турецкого государства, ни для мусульманской религии. В нем нет также ничего чудесного и сверхъестественного».

Похоже, турецкие власти, весьма недостаточно осведомленные о действительном положении дел на Северном Кавказе, так и не решились в тот момент использовать имама Мансура как союзника для борьбы с русскими. Они опаса-

лись любого широкого народного движения, даже под руководством мусульманского имама. Кто мог дать гарантию, что со временем оно не станет угрозой для турецкого протектората на Западном Кавказе?

Позднее, когда призыв к «священной войне» разнесся еще шире, турецкие власти продолжали сохранять сдержанность по отношению к Мансуру. Об этом свидетельствует донесение императрице Екатерине II посла в Константинополе Я. И. Булгакова, к которому прилагалась уже упоминавшаяся «Записка словесных сообщений известного приятеля» от 29 августа 1786 года. Булгаков сообщал в Петербург, что Порта была очень обрадована сообщением своего эмиссара о том, что Мансур не настоящий пророк, ибо «появление действительного пророка могло создать беспорядок во всей Оттоманской империи и иметь для нее гибельные последствия».

Перед войной с Россией, когда Турция нуждалась в любых союзниках, особенно среди кавказских племен и народов, отношение турецких властей к Мансуру стало меняться. Желая использовать его как союзника, турецкие власти уже не проявляли к нему враждебности. Когда же после провала попыток овладеть русскими крепостями на Кавказской линии Мансур в начале июля 1787 года оставил Чечню и с помощью закубанского хана Казы-Гирея перешел за Кубань, Порта постаралась, наконец, привлечь чеченского имама на свою сторону.

Присланный от согуджакского паши эфенди осыпал чеченского имама подарками — позже они через верных людей были отправлены в Чечню и розданы неимущим. Мансур был приглашен на аудиенцию в Анапу, где в середине июля состоялась его встреча с местным пашой. Турецкий наместник на Западном Кавказе, который до этого не воспринимал Мансура всерьез и с некоторой опаской наблюдал за его деятельностью среди северокавказских племен, теперь стал расспрашивать имама о его наставлениях. Хвалил за то, что Мансур проповедует чистое учение ислама в таких отдаленных местах, как Чечня, и, наконец, стал интересоваться, не притесняют ли русские местных жителей.

Мансур сообщил, что притеснения имеются, причем немалые. К примеру, чеченцы дают русским властям своих аманатов, которые по прошествии года должны заменяться другими. Но с некоторого времени русские, получив от чеченцев новых аманатов, не отпускают старых, и чеченцы на это ропщут. Паша заметил, что удерживание русскими аманатов есть явный знак нарушения обязательств, и доба-

вил, что неверные разрушили мир с султаном и замышляют вовсе истребить правоверных. Далее он «по секрету» сообщил, что вскоре разгорится война, в которой каждый истинный мусульманин должен будет, вооружась, защищать правую веру до последнего дыхания. Блистательной Порте известно, что благодаря ревности имама Мансура к чистоте веры ему послушны не только чеченцы, но и многие другие народы Кавказа. Война с неверными есть тот случай, который лучше всего позволяет правоверным обрести божественное милосердие и султанские щедрости для блаженства в этой и будущей жизни. Имам Мансур совершает великое дело, побуждая мусульман Кавказа ополчиться против русских и нанести вред неприятелю истинной веры. Имам может быть уверен, что высокое служение Богу и султану будет награждено таким воздаянием, какое только можно вообразить.

Мансур отвечал анапскому паше, что он и его мюриды служат Аллаху и до конца своих дней не сойдут с этого пути. Султану же они могут быть только союзниками, к тому же не вполне верят ему, так как до сих пор от него не было никакой помощи. Только если султан предоставит своим единоверцам помощь войсками и пушками, у них появится вера в него.

Паша обещал предоставить такую помощь.

После этих переговоров Мансур прислал своим землякам в Чечню письмо, в котором извещал, что в скором времени возвратится к ним. Он призывал всех правоверных мусульман быть единодушными, держаться данных им наставлений, и только тогда он обещал избавить их от притеснений царских властей. «Закубанские народы, — писал имам чеченским жителям, — меня чтут и ко мне присоединились». Как только из Турции будут получены войска и пушки, он сразу вернется в Чечню. Тогда русским придется навсегда уйти с Кавказа.

4

Открытое покровительство анапского паши и обещания предоставить в распоряжение имама регулярные войска подняли авторитет Мансура в Закубанском крае. С середины лета 1787 года русское командование стало систематически получать информацию о выступлениях закубанцев во главе с имамом против российских постов и селений. В ордере генерала Потемкина атаману Войска Донского Иловайскому

сообщалось, что Мансур, живя среди закубанцев, направляет их к нападениям на российские границы.

Свою деятельность среди закубанских народов Мансур начал с религиозных наставлений, готовя при этом своих последователей к скорой войне с «неверными». Видя, как люди стекаются к нему и как успешно он побуждает их к выступлению против российских властей, анапский паша решил опять послать к Мансуру ученого муфтия, чтобы засвидетельствовать наставления «чеченского проповедника», а также склонить его к поездке в Турцию. Несколько раз Мансур и богослов встречались и разговаривали. Однако от предложения муфтия поехать вместе с ним «к самодержавному султану Цареградскому» Мансур отказался. Тем не менее для поощрения его проповеднической деятельности среди закубанских народов турецкое правительство решило официально присвоить Мансуру звание имама. Вот как рассказывает об этом П. Г. Бутков: «Султан спрашивал у муфтия: допускает ли Коран появление нового имама? И хотя ответ был отрицательный, султан дозволил, чтобы Ушурма действовал, для возмущения народов против России, как истинно признанный имам, и отправил ему в подарок часы и курительную трубку».

Российское командование, получив сообщение об этом от своих конфидентов, не замедлило выразить турецким властям по дипломатическим каналам недовольство по этому поводу. Генерал Потемкин в письме к турецкому эфенди Сеид-Магомату в августе 1787 года указывал, что он не может без удивления видеть, как турки чеченского Ушурму называют истинным имамом. «Я требую от паши его высылки, — писал он, — яко Российского подданного, и не знаю иного с ним мира, как разве повергнется он сам с раскаянием».

Ответа на российский демарш не последовало, так как в Стамбуле уже было принято решение о войне с Россией. Накануне войны турецкое правительство продолжало искать союзников среди владетелей Северного Кавказа. В январе 1787 года полковник Савельев сообщал русскому командованию, что один из крупных дагестанских феодалов Ахмед-хан Дженгутайский отправил в Стамбул посланца, который вернулся с письмом и подарками. Грузинский царь Ираклий II извещал российские власти о военных приготовлениях губернатора Чилдира и его сношениях с ханами Дагестана.

В 1787 году турецкие власти направили к горским владетелям капиджи-баши (командира дворцовой охраны) Хаджи-Мехмеда. С ним было послано 80 тысяч червонцев и 30 халатов для подарков влиятельным лицам. Кабардинские владетели

обещали турецкому эмиссару восстать против России при подходе турецких войск. Однако более или менее значительными силами, реально противостоящими российским войскам, располагал в то время лишь имам Мансур. Закубанские народы, ободряемые его призывами, все чаще появлялись возле российских укреплений на Кавказской линии. Большими отрядами они переходили на противоположный берег Кубани и доставляли ощутимое беспокойство станицам, крепостям и находящимся в них жителям и гарнизонам. В донесении, полученном из Анапы 7 августа 1787 года, сообщалось, что отряд черкесов числом не менее тысячи человек намеревается в ближайшие дни совершить нападения на таманские или ейские укрепленные пикеты, а кочующих около тех крепостей ногайцев собираются они «склонить на свою сторону или согнать с теперешних их мест».

В рапорте кавказского командования светлейшему князю Потемкину от 11 августа 1787 года отмечалось, что «выбежавший» на днях из-за Кубани к российской укрепленной линии татарин (вероятнее всего, черкес) сообщил на допросе, что закубанцы после снятия урожая намереваются в разных местах на линии совершить «сильные нападения» и что «Ушурма их к тому поощряет».

Турция и Россия готовились к войне, строили укрепления и пополняли войска. Россия укрепляла свои пограничные пункты на Линии. Турция — форпосты Анапа, Суджук и Согуджак, куда было назначено новое начальство. Понятно, что в этих обстоятельствах деятельность Мансура среди закубанских народов стала представлять серьезную угрозу. В ордере генерал-аншефу П. А. Текелли сообщалось, что «народы, за Кубанью живущие, будучи признаны подданными Порты, явные нам враги, особенно теперь, при учреждении Паши в Суджуке и Анапе и прибытии туда новых турецких гарнизонов». Появившийся с некоторого времени среди закубанцев «пророк их имам Мансур имеет великую силу». По последним известиям, турки добиваются дружбы с ним, и «он возбуждает магометан противу христианства».

«Донесения о сборах черкесских племен для нападения на крепость Ею и слухи о присоединении закубанцев к Мансуру, — отмечал генерал Потемкин, — требуют принятия срочных и сильных мер к предупреждению набегов на наши границы». «Предписываю вам, — указывал светлейший князь генералу Потемкину, — в кратчайшие сроки собрать все раздробленные части и привести их в надлежащее состояние... Кизлярскую сторону обеспечить достаточным отрядом; главное внимание обратить на правый фланг».

Осмотрев берега Кубани, генерал-поручик Потемкин приступил к устройству здесь военных укреплений, которые, по его мнению, должны были хотя бы отчасти оградить здешних поселенцев от вторжения закубанцев. За короткое время на всей Кавказской линии протяженностью 800 километров, кроме уже действующих крепостей, были воздвигнуты еще 13 укрепленных редутов. Для более надежной защиты линии российские войска были разделены на два корпуса: Кубанский егерский под командованием генерал-аншефа П. А. Текелли и Кавказский, который оставался в ведении генерал-поручика Потемкина. Эти меры только до некоторой степени защищали российские границы от нападений горцев и закубанцев. При малочисленности войск практически невозможно было иметь сторожевые посты в близком друг от друга расстоянии, и горцы всегда могли выбрать удачное место для нанесения ударов.

Находясь за Кубанью, Мансур одновременно предпринимал попытки поднять чеченцев, дагестанцев и кабардинцев на новое восстание против России. С этой целью он вел переписку как со своими единоплеменниками, так и с другими горскими народами. Еще в июле 1787 года поступило первое сообщение о том, что в Андреевской и других горских деревнях получены письма от Мансура, в которых он призывает всех правоверных мусульман быть единодушными и следовать его наставлениям.

Докладывая об этих письмах командующему войсками на Кавказе, полковник Нагель указывал на то, что простодушные горцы верят словам Мансура о помощи со стороны Турции и что «письма Ушурмы колеблют народ». Далее Нагель сообщал, что многие горские представители упрекают себя за то, что не верили до сих пор Мансуру. Правда, добавлял Нагель, среди горцев есть и такие, которые сомневаются в том, чтобы бунтовщик имам может снова появиться в их краях. В другом рапорте Нагель сообщал генерал-поручику Потемкину, что Мансур в очередном письме к горцам просил их не давать России никаких обещаний, так как вскоре обстановка на Кавказе изменится. Можно предположить, что Мансур был осведомлен о сроках начала войны между Турцией и Россией.

«По известиям цареградским, — писал светлейший князь Потемкин своему родичу-генералу на Кавказ, — министерство турецкое, вопреки миролюбивым заверениям султанским, ищет разрыва мира: черкесы собираются за Кубань в свои набеги. Ваше превосходительство доносит об усилении там имама Мансура. Все сие требует принятия сильных мер.

Я предписываю вам: во-первых, собрать раздробленные части и привести себя в почтительное состояние: лучше пожертвовать ненужным, нежели ослабить себя раздроблениями повсеместными. Генерал-поручику Иловайскому приказываю собрать Войско Донское, генерал-майору барону Розену расположиться на реке Ее и стоять обоим в полной готовности, каковой обстоятельства требуют».

Светлейший был прав: влияние имама Мансура на черкесов было чрезвычайно велико. Воспламененные его проповедями, они многократно усилили набеги на Моздокскую линию обороны. Самые сильные столкновения произошли у села Новосельцево, где черкесы захватили более двухсот жителей и угнали девять тысяч голов скота. Двухтысячный черкесский отряд под руководством шейха Мансура перешел Кубань, уничтожил пост Безопасный и нанес удар по Донской крепости. В этот раз повстанцы дошли до самого города Черкасска, вблизи которого атаковали Болдыревский редут на реке Ее, где находились три полка казаков. В завязавшемся бою черкесы продемонстрировали замечательное мужество. Наголову разбив противника, они взяли в плен полковника Донцова и с ним сто пятьдесят казаков. Эта победа вдохновила закубанцев и еще больше подняла популярность среди них шейха Мансура.

Глава 4

ЗА КУБАНЬЮ

1

Началась вторая война между Турцией и Россией.

Хотя манифест о разрыве отношений с Турцией и открытии военных действий был подписан Екатериной II только 9 сентября 1787 года, турки еще 21 августа без объявления войны напали на два русских бота, находившихся в Очаковском лимане. В это же время из Суджук-Кале собранный Мансуром отряд отправился к черкесам для организации широкомасштабного вторжения в пределы России.

Узнав об этом, генерал-поручик Потемкин послал навстречу отряд в восемь тысяч человек с 35 орудиями. 6 сентября 1787 года русские войска переправились через Кубань у Прочного Окопа. Главной целью похода было уничтожение Мансура, который с восемью тысячами горцев и закубанцев расположился между реками Урупом и Лабой. Гене-

рал-майору Елагину, командовавшему 4-й колонной, приказано было переправиться через Кубань ниже Овечьего Брода, с тем чтобы прикрывать действия головной части при переходе ее в наступление.

Высланный вперед со своим отрядом полковник Ребиндер 20 сентября 1787 года кратчайшим путем добрался до Зеленчука, но узнав, что Мансур находится на расстоянии всего 20 верст, поспешил навстречу, чтобы при возможности захватить его врасплох. Когда русские войска прибыли к месту, отряда Мансура там не оказалось, но обнаружился лагерь черкесов, окруженный оградой из 600 арб. Черкесы, охранявшие лагерь, оказали яростное сопротивление и несколько раз отбивали атаки русских войск. Силы и вооружение были неравны, горцы несли большие потери от русской артиллерии. Однако овладеть аробным лагерем полковнику Ребиндеру удалось лишь на следующий день. Битва оказалась очень кровопролитной, было много погибших и раненых с обеих сторон. Самой большой потерей для русских стала гибель походного казачьего атамана Янова.

На другой день, 21 сентября, Мансур во главе горцев неожиданно атаковал отряд полковника Ребиндера. Полк попал в засаду горцев и был в упор обстрелян с флангов. Два эскадрона и часть казаков были оттеснены и рассеяны, особенно сильно пострадали ростовские карабинеры. Отряд Ребиндера, находившийся на марше, оказался в чрезвычайно тяжелом положении. На их счастье на выручку вовремя подоспели астраханские эскадроны под командованием премьер-майора Львова и гренадерский батальон секунд-майора Дорша. После этой атаки Мансур отошел на расстояние десяти верст и остановился лагерем. Тут к нему подошло пополнение из темиргойцев, бесленеевцев, кипчаков и абазинов общим числом до трех тысяч бойцов.

22 сентября закубанцы во главе с Мансуром вновь сразились с русскими, к которым также подошло подкрепление под командованием генерал-майора князя Ратиева. И на этот раз войска имама первыми вступили в сражение и наступали дружно и яростно. Генерал-майор Ратиев, расположив войска в каре, выдержал первый сильнейший удар, а затем сам двинулся на горцев. Будучи не в силах противостоять сильному огню из пушек и ружей, закубанцы стали организованно отступать и, прячась в глубоких лощинах и густых рощах, предпринимали все возможное, чтобы сдержать натиск.

Несмотря на яростное сопротивление, русским войскам постепенно удалось вытеснить горцев из их укрытий. Преследовать их генерал Ратиев не мог, так как потерял много

солдат. Генералу приказано было пройти со своим отрядом по горским селениям до верховьев Большого Зеленчука и предать огню дом, в котором поселился Мансур, а также все деревни здешних жителей. 25 сентября имам с отрядом из 300 человек под покровом ночи атаковал арьергард русских войск и едва не смял его, хотя многие горцы не имели огнестрельного оружия и были вооружены только луками и стрелами. После двухчасового боя воины Мансура отступили.

В тот же день генерал Ратиев с его войсками получил приказ отойти за Кубань. Главное дело, ради которого был затеян этот большой поход, не завершилось успехом. Российским войскам не удалось пленить мятежного имама и разбить его отряды. В боях с горцами русские понесли значительные потери. Было убито до 200 человек, имелось также большое количество раненых. В связи с этим 25 сентября 1787 года генерал Потемкин приказал войскам возвращаться к берегам Кубани.

Открытого сопротивления российским войскам горцы оказать уже не могли, так как тоже понесли большие потери в прошедших боях. И все же для безопасности продвижения через ущелье, где могли оказаться засады, вперед был отправлен батальон 4-го егерского Кавказского корпуса. Предосторожность эта оказалась не напрасной. Под покровом ночи Мансур совершил неожиданное нападение на Казанский пехотный полк, который составлял арьергард отряда. Потери полка могли быть очень значительны, если бы закубанцы, участвовавшие в этом нападении, были вооружены ружьями, но у большинства из них имелись только луки со стрелами.

В итоге прошедшую кампанию имам Мансур справедливо посчитал победой горцев. Основательно потрепанные русские войска вынуждены были отступить в свои пределы, не решив ни одной из стоявших перед ними задач. Так обстояли дела на Северном Кавказе, когда оттуда в конце сентября 1787 года был отозван генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин. Он отправился в армию фельдмаршала Суворова, где отличился во многих сражениях, в том числе при взятии в декабре 1790 года сильной турецкой крепости Измаил. На Кавказ Потемкин вернулся только после завершения войны, в конце 1791 года. 4 октября 1787 года его сменил в должности командующего войсками генерал-аншеф Петр Абрамович Текелли.

Войск Кубанского корпуса явно не хватало, чтобы принудить к повиновению беспокойные кавказские народы. Поэтому князь Потемкин, поздравляя генерала Текелли с

вступлением в должность, убеждал его влиять на горцев не столько силой оружия, сколько лаской и мягкостью обращения: «Я надеюсь, что благосклонное ваше с ними обращение более произведет в них привязанности и усердия к Империи Российской, нежели страх наказания. Нужно иметь к ним снисхождение. К примеру, по закону магометанскому они носят шапки, которые приказали им снять, и сие их огорчило. Если Вы, Ваше превосходительство, оставите их в шапках, как и всех магометан, то больше их тем к себе привлечете».

В ходе войны с Турцией некоторые из живших по соседству с границами Российской империи ханов и владетелей искали помощи и покровительства у царских властей. Россия их к этому всячески поощряла. Шамхалу Тарковскому, перешедшему в русское подданство, был пожалован чин тайного советника. Фатали-хан Дербентский также просил помощи России. Несмотря на то, что этот правитель не был вполне предан русскому правительству, он стал одним из первых, кто отказался от подарков из Порты, а письмо, направленное ему турецким визирем, переслал князю Потемкину. Давний и непримиримый враг Фатали-хана Умма-хан Аварский по своему обычаю вел двойную игру — уверяя, что предан России, он продолжал совершать нападения на союзную ей Грузию.

Для защиты грузин и упрочения стабильности в Закавказье князь Потемкин поручил генералу Текелли принять меры к примирению враждующих правителей Грузинского (Картло-Кахетинского) царства и Имеретии (Западной Грузии). С этой целью на Кавказ были посланы братья Горичи, которым было поручено в устных беседах и переговорах с представителями горских народов «показать им выгоду от привязанности к России и для сохранения в этом крае тишины и спокойствия». Русские дворяне Горичи происходили из старинного кабардинского рода Басиатовых, и влияние их на своих соплеменников было достаточно велико. Именно они убедили кабардинцев прекратить войну с несравнимо более сильной Россией и выдать аманатов из знатных лиц. Эти люди в количестве 31 человека были отправлены к князю Потемкину, который с почетом принял их в свою свиту.

Генерал-майору Ивану Горичу Меньшому предписано было отправиться к народам, живущим между Моздоком и Каспийским морем. Население этих территорий в основном составляли «аульские татары» (кумыки) и окочены, как называли местных чеченцев. Бригадиру Ивану Горичу, которого в отличие от брата звали Большим, предписано было сле-

довать к кабардинцам, осетинам, бесленеевцам, абазинам и другим закубанцам. Он же должен был посетить аварского и дербентского ханов и убедить их в том, что, вступив в подданство России, они будут иметь большую пользу. «Два брата Горичи, — писал светлейший князь Потемкин, — отправлены от меня в край Кавказский, чтобы по единоземству и уважению, которое там к ним имеют, способствовать к приведению народов в полезное для нас расположение».

2

Потемкин неуклонно следовал своей линии, напоминая подчиненным, что с горцами следует разговаривать уважительно, что нужно чтить их обычаи и веру, что их нельзя запугать, купить, вынудить отказаться от свободы и старинных прав. К сожалению, большинство русских командиров следовали типично колониальной психологии, считая горцев дикарями, не заслуживающими человеческого обращения. Эти ретивые служаки, подобные злополучному полковнику Пиери, завели ситуацию в тупик, из которого даже хитроумный Потемкин не смог найти выхода. С наступлением осени он отправил генерал-аншефа Текелли в новую военную экспедицию за Кубань. Это направление было признано самым опасным прежде всего потому, что тут действовал сам имам Мансур. Теперь его опасность для царской власти была признана на самом высоком уровне. По мысли Потемкина, теперь на Кубани уже не было места для дипломатии: тут должны были говорить пушки.

Генерал Текелли сформировал для похода два больших соединения, названных, как это было принято, отрядами. Один должен был следовать под его непосредственным командованием, второй возглавил войсковой атаман Иловайский. Отряд генерал-поручика Иловайского вышел первым и 13 октября 1787 года переправился через Кубань у Темишберга. Сам Текелли с отрядом в 12 тысяч 750 человек, разделенным на три колонны, 14 октября перешел Кубань у развалин бывшей турецкой крепости Аджи-Кале. Основная цель экспедиции заключалась в том, чтобы разбить «смежные народы, где и мятежный ших Мансур имел свое пребывание», на всей территории от владений на реке Кубань, по реке Лабе и «до самых вершин снежных гор».

Согласно распоряжению князя Потемкина российские войска должны были оставаться за Кубанью до тех пор, пока «надобность будет требовать, истребляя огнем и мечом

неприятеля и его селения и приводя в несостояние покуситься когда-либо на границы российские». Взяв с собой месячный запас продовольствия, отряд генерала Текелли двинулся вверх по рекам Большой и Малый Зеленчук, но в течение трех дней нигде не встретил Мансура.

Закубанцы, не имея возможности сопротивляться регулярным войскам, оставляли свои села и уходили в сторону Черных гор. Абазины заняли труднодоступные ущелья между Кубанью и Большим Зеленчуком, считая себя там в полной безопасности. Внезапно подошедшие отряды генерал-майора князя Ратиева и полковника Ребиндера застали абазинов врасплох. В происшедшем 18 октября 1787 года сражении абазины понесли большие потери и отошли в горы. В это же время генерал Текелли получил известие, что Мансур собрал значительное число приверженцев из числа закубанцев, живущих недалеко от верховьев Большого Зеленчука и Кяфары.

19 октября генерал со своим отрядом двинулся навстречу Мансуру. Отправив команду полковника Ребиндера к верховьям Большого Зеленчука, он сам проследовал в ущелье реки Кяфары. Здесь он встретил войска Мансура и вступил с ними в бой. Не выдержав сильного огня русских пушек, горцы вынуждены были отступить к реке Уруп, где засели в ущельях. Преимущество русских в живой силе и особенно в вооружении было очень значительным — против 12 тысяч солдат и офицеров Текелли Мансур мог выставить не более пяти тысяч воинов, вооруженных пиками, кинжалами и устаревшими кремневыми ружьями.

20 октября русские войска подошли к реке Аксеки. Узнав, что отряды имама Мансура продолжают оставаться в верховьях Урупа, в ущельях Снеговых гор, Текелли послал отряд под командованием генерал-майора Ратиева в ущелья, а сам приблизился к верховьям рек Урупа и Тачена. Отряд генерал-майора Елагина подошел туда же с правой стороны. Оказавшись запертым в ущельях, войско Мансура понесло большие потери. Казалось, судьба мятежного имама наконец-то решилась и он непременно будет пленен или убит.

Однако Мансур был иного мнения. Со своими приближенными и командирами воинских отрядов он предпринял нечто такое, чего никто из русских генералов не мог ожидать. Он совершил, казалось бы, совершенно невозможный переход через вершины Снежных гор. Имам со своими людьми прошел никем не хоженым путем через вечные снега и ледники. Даже местные жители не могли быть для него надежными проводниками, так как никогда через хребты не ходили.

Успешно преодолев горы, Мансур оказался в турецкой

крепости Суджук-Кале на месте нынешнего Новороссийска. При этом имам не только избежал пленения, но и сохранил главные силы своего войска и наиболее опытных командиров, что позволило ему в скором времени возродить армию. Это была явная неудача экспедиции генерала Текелли, который был убежден, что на этот раз навсегда покончит с беспокойным чеченским имамом, и уже готовился триумфально доложить об этом в Петербург. Победный рапорт светлейшему князю Потемкину лишился главного украшения.

Раздосадованный генерал Текелли дал указание генерал-поручику Иловайскому и генерал-майору барону Розену истребить остатки жилищ бесленеевцев и темиргойцев и вывести за Кавказскую линию покорившихся ногайских татар. Все они, численностью до тысячи семей, были переведены из-за Кубани и поселены по левому берегу Кумы и реке Подкумок. На этом крупнейшая военная операция русских войск накануне зимы 1787 года завершилась, так и не достигнув поставленной цели. Главный враг России избежал пленения и продолжил свою борьбу.

Генерал Текелли, как следует из его действий, игнорировал указания князя Потемкина по поводу осторожного, уважительного обращения с горцами. Он с гордостью доносил, что отрядами Кавказского корпуса «сожжено деревень более трехсот. Ароб с остатками имения, изыскано и разобрано войсками нашими, до четырех тысяч... весь хлеб, даже сокрытый в ямах, не остался без истребления, а сено по полям до самой Лабы преисполнено дыму и огня». Отряд донских казаков генерал-поручика Иловайского вместе с Кубанским корпусом барона Розена произвел не меньшее опустошение по левому берегу Лабы. Нет сомнения, что эти варварские карательные операции обильно пополняли отряды Мансура отчаянными бойцами, только и мечтавшими отмстить русским за разорение своих сел.

Бригадиру Горичу Большому было дано указание совместно с экспедицией Текелли и кабардинскими владетелями совершить нападение на восставших закубанцев. Собрав отряд в пять тысяч человек, во главе которых были 36 князей, кабардинские владетели напали на абазинов, башильбаев и темиргойцев, взяли у них аманатов и обязали быть верными России. Однако горские народы не устрашились, а, наоборот, раздраженные жестокостью карательных акций, продолжали совершать нападения на русские укрепления. Нередко и сами кабардинцы присоединялись к отрядам Мансура и были их лучшими проводниками.

В рапорте князю Потемкину генерал-аншеф Текелли доно-

сил, что горские народы Закубанья не потеряли надежды на шейха Мансура даже после понесенного поражения и продолжают, исполняя его приказы, совершать нападения на русские войска. Вскоре генералом Текелли была сформирована кабардинская милиция. Большая Кабарда обязалась выставить в состав этой милиции 600, а Малая Кабарда — 300 всадников. Поначалу милиция эта оказалась совершенно недееспособной. «При замечательной способности горских народов к быстрому подъему в минуту необходимости, — отмечает Н. Ф. Дубровин, — медлительность этой милиции может быть объяснима внутренними неурядицами, а также нежеланием кабардинцев подчиняться русским командирам».

Как только Текелли назначил начальниками милиции братьев Горичей, ополчение очень быстро собралось в поход и немедленно открыло самостоятельные действия — одно на Кубани, другое в Чечне. Захваченных при нападении на русские укрепления горцев строго судили: одних — прогоняли сквозь строй, других — отправляли в ссылку. Впрочем, устрашение по-прежнему не могло остановить горцев, особенно закубанских. Они стали меньше тревожить российские укрепления на Кавказской линии, поскольку у них не было для этого значительных сил, но зато полностью контролировали горные дороги. В результате движение между Россией и Закавказьем чрезвычайно осложнилось — любые грузы можно было отправлять только с большим воинским сопровождением. Владикавказ и другие укрепленные пункты на пути из России в Грузию остались практически без защиты, поскольку их гарнизоны были присоединены к действующим войскам.

Осенние походы русских все же достигли одной важной цели. Мансур, постоянно поднимавший закубанские народы на борьбу против России, был оттеснен в турецкие владения. Его последователи частично ушли за ним, частично были переселены под надзор российских властей. Зимой 1788 года на линии было относительно спокойно, что дало возможность генералу Текелли посвятить все время подготовке своего корпуса к продолжению войны с Турцией. На это ему была отпущена князем Потемкиным немалая сумма — 669 тысяч 468 рублей 30 копеек.

3

В начале 1788 года шейх Мансур с частью закубанцев по-прежнему находился в турецкой крепости Суджук-Кале. Он рассылал письма и воззвания к различным мусульман-

ским народам Северного Кавказа и закубанцам, в которых призывал не только не прекращать войну с «неверными», а, наоборот, всемерно усиливать ее. Имам обещал скоро вернуться в Чечню с большим войском. В январе кабардинские владетели и уздени получили написанное по-арабски письмо имама с призывом порвать дружбу с Россией. В нем говорилось: «Приношу хвалу и благодарение Всевышнему Создателю и пророку Мухаммеду, очищающему грехи народам его исповедания и спасающему оные, засим, изъявляя почтение владетелям и узденям, даю знать, что хотя вы с беззаконными и помирились, но не делайте в данном от Всевышнего Бога законе противного. Уповаю, что будете в мире с мусульманами, ибо покой мусульман уже близок. Никогда не примиряйтесь с беззаконными, ибо заповедь пророка Мухаммеда есть, чтоб для пользы веры употреблять временем в действо оружие и лишь с покорными обходиться союзом».

Генерал-аншеф Текелли сообщал в Санкт-Петербург, что Мансур 1 января написал к чеченцам письма, в которых извещал, что якобы им собрано из закубанских народов до шести тысяч конных и девяти тысяч пеших войск с пушками. С этим войском он намеревается после покрытия Терека льдом прибыть к своим соплеменникам. До этого срока имам требовал от них совершать постоянные нападения на российские границы. И чеченцы, отмечал генерал Текелли, «подкрепляемы будучи заверениями от шиха, собираясь большими отрядами, повсюду совершают нападения».

4 января 1788 года восставшие жители Шалинской, Герменчукской и Горячевской деревень Чечни совершили нападение на Новогладковскую казенную почту по Кизлярской дороге в трех верстах от станицы и захватили в плен сержанта кизлярского гарнизонного батальона Осипова и семь человек гребенских казаков. «Воспаляемые письмами Мансура, — сообщал Текелли, — чеченцы все более выходят из повиновения своим владетелям и старшинам и совершают нападения на российские границы».

В ночь на 16 января отряд чеченцев в 600 человек перешел через Терек и совершил нападение на плантажный завод, находившийся в сорока верстах от станицы Червленой. В отряде, по сведениям российских властей, были жители тех деревень, владетели которых мирно относились к русским властям, «хотя на них были и некоторые подозрения, но не явные». Несмотря на то, что отряд проходил через деревню Горячевскую, подвластную аксаевским владетелям, у которых российскими властями были взяты аманаты, о во-

енном походе чеченцев российским властям не было сообщено. В отряде участвовали в основном жители равнинной Чечни: Сунженской, Герменчукской, Шалинской, Алдынской и других чеченских деревень. «Владельцы же Касбулат Топлинский, Муса Росланбеков и Албек, — доносил генерал-аншеф Текелли, — как прежде, так и теперь отзываются, что они подданных своих, воспламененных письмами Мансура, удержать не сильны».

В это же время закубанские народы, хоть и не собираясь крупными вооруженными отрядами, как раньше, продолжали небольшими партиями совершать нападения на русские поселения и караваны. Мансур вновь разжег народную войну и прилагал большие усилия, чтобы поднять наиболее влиятельных мурз и владетелей закубанских народов и их крестьян на борьбу с Россией. В феврале 1788 года армянский торговец Погос Папин сообщил моздокскому коменданту полковнику Таганову: «По нахождению моему в Алдынской деревне получено от имама, то есть шиха Мансура, письмо, в котором упоминается, чтоб здешние жители веру свою крепко содержали и соблюдали и с русскими не мирились бы. Обещает через месяц быть у них с 20 000 войск и смертною рубашкою, то есть когда он пойдет на российское войско, то ни один человек вживе не останется. Равно и у девлетгиреевцев оное письмо получено, да и в прочих окрестных деревнях читано, и на оные письма все единодушно утвердились и дали присяги. Еще письмо послано в Большую Кабарду, чтобы сделано было двадцать тысяч седел, оные теперь изготовляются и на потребной случай будут в готовности. Слышал также от приятеля моего чихинского князя Адиля, что приехал к ним аксаевский князь из Тарков и привез вести, якобы ко Авархану прислано от турецкого двора премножество денег, с просьбою, чтобы он с войском своим пошел в помочь к шиху Мансуру».

В первых числах марта Мансур послал к чеченцам татарина Ардбы с письмом, извещавшим о том, что к нему уже посланы из Турции тысяча человек и десять пушек. Призывая чеченцев быть единодушными, он обещал прибыть к ним с войском очень скоро. Несмотря на то, что российское командование не придало серьезного значения слухам о требовании Мансура к кабардинским владетелям изготовить двадцать тысяч седел, оно все же посчитало нужным предупредить кабардинских князей и, в частности, Мисоста Баматова, чтобы они ни в коем случае не шли на соглашение с «ложным имамом».

Между тем со второй половины 1788 года резко увели-

чился поток писем и фирманов от турецкого султана к горским народам и закубанцам, которых сам султан, а также начальники гарнизонов в Суджуке и Анапе призывали совместно выступить против Российской империи. В одном из дел московского Военно-исторического архива имеется перевод турецкого фирмана от имени султана Селима. Фирман был адресован народам Кавказа магометанского вероисповедания. «По случаю настоящей у меня с Россиею войны, — пишет султан Селим, — предписываю сим всем мухаметанского исповедания народам стараться денно и нощно вооружаться и ополчаться противу россиян, буде же поступит кто вопреки сего, то да будет яко беззаконный и жена его от него свободна! Фирмана же сего никто да не дерзает удерживать, а отправлять из города в город и из селения в селение для обнародования мусульманам, дабы они, видя сей фирман, стремились на ополчение».

Вслед за письмами и фирманами к горским народам устремились и тайные турецкие посланники. Кизлярский комендант полковник Рик доносил генерал-аншефу Текелли, что возвратившийся из Андреевской деревни поручик Терского войска князь Бекмурза Черкасский сообщил, что видел трех турок в кумыцкой одежде. Они агитировали андреевцев, чтобы те присоединились к дагестанцам для нападения на Грузию, говоря, что шамхал Тарковский и Девлет-Гирей Темиров дали на это свое согласие. К казикумухскому, аварскому и дженгутайскому ханам также были посланы нарочные для приглашения к совместному выступлению против Грузии. «Есть подозрения, — сообщал генерал Текелли в рапорте князю Потемкину, — что под предлогом сего приготовления намереваются сделать впадение и в наши границы».

В зависимости от политической обстановки на Кавказе отдельные горские князья и владетели склонялись то к русской, то к турецкой ориентации, однако у малоимущей части горцев, составлявшей подавляющее большинство населения, никогда не было тяготения к Турции. Заслуживает внимания высказывание по этому поводу генерал-аншефа Текелли: «Турки давно владеют сим берегом (Черноморским), но горских народов никогда не могли покорить, последние и теперь им мало подвластны. Они турков не только не уважают, но во многих местах не дают им пристанища и пропитания».

22 апреля главнокомандующий русской армией князь Потемкин предписал генералу Текелли спешно начать военные действия одновременно с Дона и с Кавказской линии,

а затем следовать на турецкие крепости Суджук-Кале и Анапу. «Сие предприятие тем нужнее, — замечал светлейший, — что послужит к отвлечению неприятеля от Тавриды, куда, по всем известиям, устремляет он главнейшие свои силы. Чем более можете вы собрать с собою войска, тем полезнее из того должно ожидать следствий. Ежели разлитие Кубани воспрепятствует переходу войск на тот берег для предполагаемых действий, в таком случае движение ваше устремите к Таману».

И действительно, необычайно сильный в 1788 году разлив горных рек не позволил начать кампанию ранее осени. Только в августе генерал Текелли отправил Кубанский корпус под командованием генерал-поручика Талызина к переправе через Кубань с приказанием исследовать путь к Анапе и произвести разведку турецких сил. 11 августа генерал Талызин занял лагерь в семнадцати верстах выше урочища Заны. Сам генерал-аншеф Текелли 19 сентября перешел вместе со своим отрядом реку Кубань ниже Усть-Лабинской крепости и двинулся в сторону крепости Суджук-Кале. На левом берегу Кубани отряд Текелли встретил крупное формирование турок. Это, пожалуй, первое документально подтвержденное сообщение о появлении регулярных турецких войск в пределах Северного Кавказа за весь период второй русско-турецкой войны. Позже, почти через год, они появятся здесь еще раз. Все же остальные сражения с русскими войсками вели имам Мансур и его соратники-горцы.

Преодолевая частые атаки неприятеля, русские войска 25 сентября 1788 года подошли к реке Убинь. Возле реки генерал Текелли разделил войска на два отряда под командованием генерал-майора князя Ратиева и полковника Германа. Третий отряд под командованием подполковника Мансурова первым двинулся к верховью реки, чтобы встретить здесь турок. Пройдя около восьми верст, отряд Мансурова неожиданно наткнулся на турецкий лагерь Аджи-Мустафы-паши, вокруг которого расположилось большое число закубанских шатров. Встреча была столь неожиданной, что отряд Мансурова не успел даже перегруппироваться для боя, когда был со всех сторон окружен неприятелем. Построив отряд в каре под сильным огнем, подполковник Мансуров пять часов отбивал атаки объединенных сил закубанцев и турок.

На помощь Мансурову были посланы полковник Гротенгельм с Казанским пехотным полком и бригадир Савельев с батальоном гренадер и казачьими полками. Прибытие подкрепления, а затем заход в тыл отряда генерала Талызина заставили турок отступить с весьма значительными потерями.

Согласно показаниям пленных, в этом сражении принимало участие 2500 турок и 8 тысяч закубанцев из разных племен. Горцами и турками командовал присланный для защиты Суджука и всего края Мустафа-паша.

Излагая ход этого боя и размышляя над причинами немалых трудностей, с которыми русские регулярные войска столкнулись на Кавказе, историк Н. Ф. Дубровин высказал следующие соображения: «Если мы припомним боевые строи того времени — каре и сомкнутые колонны для атаки — то должны будем признать, что в малой войне, в делах партизанского характера, горцы имели значительный перевес над нами. Их быстрым передвижениям благоприятствовала самая местность, а для наших войск эта местность, мешавшая тяжелым уставным построениям, оказывалась совершенно невыгодною. Вот почему бои на Кубани среди гор, лесов и камышей были прекрасною школою, приучавшею начальников проявлять частную инициативу, а солдат считать себя не бездушною машиной, а осмысленными бойцами. Генерал Талызин уже в то время доносил о каких-то "ползущих егерях" и о "скорострельном огне", что, очевидно, стало переходом к тем своеобразным приемам, которые впоследствии выработались в кавказских войсках, были заимствованы ими у горцев и резко отличали их от войск собственно российских».

После происшедшего сражения генерал Текелли, не встречая больше сопротивления, прошел через урочище Заны и соединился с отрядом генерала Талызина. 13 октября 1788 года объединенные войска подошли к крепости Анапа, где в это время был сосредоточен значительный гарнизон турок, готовивший крепость к обороне. Здесь же, в Анапе, находился в это время имам Мансур, не принимавший участия в походе Мустафы-паши на Кубань. 14 октября полковник Герман с одной драгунской бригадой и Волжским казачьим полком произвел рекогносцировку крепости. Турки, подпустив два эскадрона нижегородцев из отряда Германа на близкое расстояние к крепости, внезапно открыли сильный огонь. Когда все крепостные орудия разом дали залп, на главной батарее показался начальник турецкого гарнизона Анапы Татал-бей в окружении многочисленной свиты, среди которой был замечен и Мансур.

В то же время турецкие пехотинцы, выйдя на вал, водрузили на нем свои бунчуки и знамена. Это был знак, по которому горцы, укрывавшиеся в лесистых ущельях вокруг крепости, внезапно выдвинули против россиян 11 орудий и под прикрытием их огня двинулись в атаку — столь ярост-

ную, что русские войска начали отступать. В это же время из крепостных ворот вырвались янычары в белых одеждах и устремились на русские эскадроны. Российская кавалерия оказалась в крайне затруднительном положении. Отряд полковника Германа был выручен подоспевшими егерями, а затем отрядом генерал-майора князя Ратиева. Драгуны получили возможность отойти назад, но егеря сами оказались в критической ситуации: заняв деревню Кучугуры, они с трудом отбивали здесь нападения закубанцев.

Внезапно анапский гарнизон сделал вылазку и ударил по российским батальонам с тыла. От полного разгрома егерей спасла подоспевшая драгунская бригада нижегородцев и владимирцев. Они стремительно ударили с фланга, смяли атакующих янычар и открыли егерям возможность присоединиться к своим. Горцы устремились было преследовать отступавших, но удачно поставленная Талызиным батарея обрушила на них картечь и заставила остановиться. К вечеру того же дня к Анапе подошел весь Кавказский корпус и объединенные русские войска обложили город.

Искушение штурмом взять крепость, гарнизон которой составлял четыре тысячи человек, было очень велико. Но опытный генерал Текелли рассудил иначе. В своем походном журнале он записал: «По примечаниям генерал-майора Шевича и полковника Германа, Анапу вскорости нельзя взять, иначе как штурмом, но я, с общего совету, не приступил к тому по причине, что, помянутый город взявши, удержать его не можно было. Для одной славы без всякого другого вида и пользы людей потерять показалось мне непростительно. Для формальной же осады не было ни артиллерии нужной и ниже довольно зарядов».

Соображения эти вполне оправдывают отказ генерала Текелли от штурма Анапы. Тем более что цель его экспедиции была достигнута. Гарнизон Анапы и другие войска, находившиеся на черноморском берегу, не могли теперь ничего предпринять для поддержки турецкого корпуса в Крыму. Турками отказ русских от штурма Анапы был представлен как победа, и горским народам были отправлены фирманы султана с призывом подняться для окончательного изгнания «неверных» с Кавказа.

Мансур в это время вновь начал свои зажигательные проповеди среди кавказских народов. Однако те, хотя и благосклонно внимали речам имама, к туркам относились не менее настороженно, чем к русским, поскольку видели у них такое же стремление к порабощению свободолюбивых горцев.

Глава 5

ОСТРОВ МЕРТВЫХ

1

Так закончился 1788 год на русско-турецком театре военных действий.

Императрица Екатерина II и князь Потемкин были недовольны действиями генерала Текелли, обвиняя его в отсутствии энергичности и решительности. По предписанию Екатерины II была проведена реорганизация войск. Из Кубанского и Кавказского военных корпусов была сформирована особая армия, командовать которой поручалось генералу графу Салтыкову. Генерал-аншеф Текелли от должности командующего был отстранен, но остался продолжать службу на Кавказе. Граф Салтыков командовал недолго и вскоре был отозван по состоянию здоровья. Заменил его генерал-поручик Юрий Богданович Бибиков.

В 1789 году в ходе русско-турецкой войны на Кавказе возникла пауза. Заметных военных операций практически не велось. Только имам Мансур продожал рассылать свои письма кавказским народам, призывая их продолжать борьбу. В конце мая стало известно, что свежие турецкие войска высадились на восточном берегу Черного моря и вошли в крепости Анапу и Суджук-Кале. Князь Потемкин, опасаясь, как бы турки не захватили Таманский полуостров и не вошли в прямое сношение с крымскими татарами, приказал Кубанскому корпусу занять Тамань. Одновременно часть войск Кавказского корпуса должна была подойти к Кубани и обезопасить границу от вторжения закубанских народов.

Русскому командованию стало известно, что имам Мансур полностью восстановил свое войско и готовится к походу. Чтобы противостоять этой опасности, было сформировано несколько отрядов. При устье реки Лабы расположился отряд генерал-майора Булгакова (4 батальона, 8 эскадронов, 300 казаков и 2 орудия). У Темишбека — отряд бригадира Депрерадовича (1,5 батальона, 6 эскадронов, 200 казаков, 2 орудия). Оба отряда прикрывали главную черкасскую дорогу, а первый отряд к тому же поддерживал связь с Кубанским корпусом. Для защиты линии и русских поселений от вторжений закубанцев в укрепленных пунктах были расставлены войска. У поста Недреманного расположился отряд генерал-майора Елагина (4,5 батальона, 8 эскадронов, 300 казаков и 6 орудий), у Невинного Мыса — отряд бригадира

Германа (2,4 батальона, 10 эскадронов, казачий донской полк и 5 орудий). Генерал Текелли расположился у Песчаного брода и имел в распоряжении отряд из 4 батальонов пехоты, 3 эскадронов кавалерии, 350 казаков и 4 орудия.

Оставшийся во главе войск вместо отозванного графа Салтыкова генерал-поручик Бибиков на исходе 1789 года получил известие о том, что турецкий султан Селим III направил имаму Мансуру новый фирман, в котором просил его склонить восставших горцев к совместным действиям против России. В январе закубанцы во главе с Мансуром вторглись на правый, русский берег Кубани. В ответ генерал Бибиков зимой 1790 года предпринял военную экспедицию за Кубань. Отряд состоял из 14 батальонов пехоты, 6 эскадронов драгун и семи казачьих полков — всего 7609 человек.

Это был первый за все времена пребывания русских войск на Кавказе зимний поход. Деянием этим генерал Бибиков надеялся прославиться подобно легендарному Ганнибалу, перешедшему со своей армией через снежные перевалы в Альпах. Заметим сразу, что честолюбивый русский генерал не снискал в этом походе ожидаемой славы. Напротив, на его долю досталось тяжелейшее поражение, которое можно сравнить только с разгромом отряда полковника Пиери. Тем более что в обоих случаях российским войскам противостоял один и тот же человек — имам Мансур, который сумел воспользоваться ошибками и просчетами генерала Бибикова.

Опыта ведения боевых действий в условиях зимы у Кавказской армии не было. Позже выяснилось, что в этом рискованном походе отряд не был обеспечен достаточным количеством продовольствия. Бибиков объяснил это тем, что рассчитывал на запасы провизии, которые армия должна была изъять у бунтующих горских народов. Когда отряд Бибикова пришел в Прочный Окоп, стало известно, что мохошевцы в числе нескольких тысяч вместе с другими горцами и закубанцами собираются напасть на Григориополисский редут, а потом совершить нападение на Донскую крепость, чтобы прервать связь с Черкасском.

Желая предупредить выступление горцев и закубанцев, генерал-поручик Бибиков 10 февраля 1790 года форсировал реку Кубань и направился во владения мохошевцев. Узнав о приближении русских войск, те покинули свои поселения и разошлись по горам. Отряд Бибикова преследовал их до реки Лабы. Жившие здесь черкесские народы заявили о своей покорности, и генерал объявил их подданными России. По его подсчетам, число покорившихся черкесов составляло около 1950 семейств — примерно 29 260 душ обоего пола.

После этого Бибиков направился далее, к темиргоевцам. «В рассуждении теперешней жестокой здесь зимы не могу я точно донести Вашей светлости, далеко ли продолжу путь мой, — докладывал генерал князю Потемкину, — но полагаю кончить оный поход тогда, когда найду совершенную невозможность достигнуть до пункта, к которому все сии народы привязываются (Анапе). Пребывание же войск в горах уже сделало видимую пользу: торгующие в Анапе армяне сказывают, что в оном городе, в рассуждении их (турок), что зимою русские войска не ходят, оставлено не более 500 человек гарнизона. Касательно до пропитания людей и скота, то оного есть здесь столько, чтоб, хотя и на всегдашнее пребывание корпус здесь остался, то недостатка быть не может».

Доверившись сведениям торговцев-армян о слабости гарнизона крепости и обилии продуктов в горских аулах, отряд Бибикова взял направление на Анапу. По мере того как войска продвигались вперед и углублялись в горы, местные жители начали оказывать им все более сильное сопротивление. По приказу Мансура закубанцы окружили отряд со всех сторон, сковывая его действия и не давая ни часа отдыха. Горцы постоянно заходили с тыла, отрезая сообщение между отдельными частями отряда, а на дорогах устраивали завалы, засеки и засады. Русским войскам трудно было продвигаться по заснеженным дорогам в морозную и ветреную погоду; кроме того, им приходилось ежедневно вести боевые действия. Не имея возможности остановить продвижение русских войск, горцы не вступали с ними в открытый бой, а старались заманить отряд Бибикова дальше в горы. На расстоянии полутораста километров по ходу движения и на десять верст по сторонам горцы сжигали селения со всеми запасами. Вступила в действие древняя скифская тактика выжженной земли.

Бибиков так и не сумел разгадать хитрый план Мансура и не понял опасности происходящего. Действия горцев он объяснял почему-то их ненавистью к туркам. «Видеть можно, — сообщал он в рапорте от 18 апреля 1790 года князю Потемкину, — что народы сии не согласны были в точности исполнить повеление, данное им от Батал-паши, а показывали только один вид своего ему послушания, ибо в зажженных деревнях находил я самую малую часть дворов и то ничего не значащих, сгоревших и зажженных. Прошел я по сим сгоревшим селениям верст семьдесят, не встретив для себя никакого препятствия, кроме пламени и дыму». Не встретил он там, однако, и ни грамма продовольствия, в котором его войска уже крайне нуждались. Ничего «кроме пламени и дыму».

15 марта 1790 года обессиленный отряд приблизился к двум ущельям, выходившим на Анапскую равнину. Бибиков пошел по левому ущелью и, дойдя до реки Шибзы, встретил там Мустафу-пашу с отрядом в две тысячи человек. После непродолжительного боя русские войска заняли высоты, и турки вынуждены были отступить. Дальнейшее продвижение отряда Бибикова сопровождалось постоянными стычками с закубанцами, которыми руководил Мансур. Через несколько дней Бибиков дошел до деревни Заны, находящейся вблизи Анапы, и занял ее. После двухдневного отдыха он предпринял рекогносцировку Анапы, в которой находилось до 40 тысяч жителей и солдат гарнизона. 24 марта 1790 года Батал-паша, видя приближение русских войск, с двумя отрядами вышел из крепости им навстречу. Одним отрядом командовал он сам, другим — Мустафа-паша.

Нападение было отбито. Батал-паша заперся в крепости, а Мустафа-паша не успел пробиться в Анапу и ушел в Суджук-Кале. Бибиков предпринял попытку штурмовать крепость. Однако 25 и 26 марта поднялась жестокая снежная буря и в одну ночь пало до 150 лошадей, которые до этого были ослаблены бескормицей. «Все начальники, — доносил Бибиков, — кроме меня, такую получили простуду и ослабли, что ни к какому действию уже приступить не могли».

В такой ситуации Бибиков решил возвратиться назад. С этого момента началось то, что в свое время имам Мансур проделал с отрядом полковника Пиери, когда тот начал отступать через лес к своему укрепленному лагерю. Никто и предположить не мог, какие лишения и потери ожидают отряд Бибикова. За время марша с 27 марта по 11 апреля он смог пройти всего лишь 120 километров. По всему пути отступления русские войска не имели ни грамма пропитания и непрерывно подвергались нападениям горцев. Солдаты питались травой, кореньями и мерзлой кониной. Мясо дикого кабана считалось деликатесом — за него платили по 20 копеек за фунт, что по тогдашним ценам было немыслимо дорого.

Только 4 мая отряд Бибикова (вернее, то, что от него осталось) подошел к Григориополису. Барон Розен доносил, что увидел «сих непоколебимых в твердости офицеров и солдат в такой жалости, которая выше всякого описания». Это были всего лишь утешительные слова. Зимний поход Бибикова закончился провалом и стал, по сути, новой большой победой Мансура и его горцев. Хотя успех, конечно, был присвоен турками, представившими отступление российского отряда как торжество военного искусства своих полководцев.

Князь Потемкин был чрезвычайно расстроен печальным результатом похода. «Сей недостойный офицер, — писал светлейший Екатерине II о Бибикове, — для снискания личной пользы пренебрег всем и подвергнул гибели людей, из которых каждый поистине дороже его. Из приложенных рапортов высочайше изволите усмотреть состояние корпуса, из большей и лучшей части составленного... Расстроил он связь и войска, а намерениям моим положил препону. Сколько сим возгордятся турки? А паче в краю, где все припишется чудесам лжепророка Шейх-Мансура».

Потери отряда Бибикова составили 233 убитых, 618 человек умерших от болезней, 121 пленный, 23 утонувших и 11 пропавших бесследно. Экспедиция обошлась для царского командования более чем в 52 тысячи рублей. Разгневанная Екатерина II приказала отдать Бибикова под суд и «заключить приговор на основании законов».

2

Неудачная зимняя экспедиция к Анапе вновь активизировала деятельность турок и горцев. Батал-паша был назначен сераскиром и теперь планировал поднять против русских весь Кавказ, уничтожить здесь российские укрепления и идти в Крым. Паша рассчитывал, что вслед за кавказскими мусульманами против «неверных» поднимутся все другие последователи этой религии, живущие в пределах России. Восстание распространится от Волги и Урала до самой Сибири, и тогда ему удастся присоединить к Турции не только Кавказ и Крым, но и древние татарские царства...

Мансур в это время вернулся в Чечню и появился на реке Сунже. Он готовился к еще одному штурму Кизляра, намереваясь лишить российские войска главной в этом регионе продовольственной базы. Волнение охватило весь Дагестан, о чем с тревогой сообщали шамхал Тарковский и хан Дербентский. Турецкие агенты проникли даже в Персию, склоняя персидского хана присоединиться к войне с русскими. Недавно присоединенный к России Крым тоже волновался — сообщалось, что местные татары вооружаются и готовят восстание под влиянием посланий «некоего закубанского шейха». Без сомнения, речь шла о Мансуре.

Тем временем турецкие корабли, не переставая, подвозили к Суджуку и Анапе новые воинские отряды. Российские агенты сообщали, что на побережье уже собралась не менее чем 25-тысячная армия. Ситуация оказалась тем более опас-

ной, что при поддержке турок все кавказские племена, исповедовавшие ислам, невзирая на межплеменные противоречия, сплотились под знаменем имама для борьбы с русскими. Еще осенью 1789 года, находясь среди закубанцев, Мансур через торговых людей установил связи с киргиз-кайсацкими (казахскими) племенами, жившими в северо-восточной части Каспийского бассейна. Имам направил этим племенам письма, «в которых, — как указывал в своем рапорте от 5 мая 1790 года князю генерал-майор Брянчанинов, — между множеством лжепророческих, в рассуждении их закона, поучений, содержится поощрение и внушение киргизскому народу идти вооруженною рукою к Астрахани».

Призывы Мансура нашли отклик среди казахов. Так, в одном из донесений правителю Кавказского наместничества генерал-майору Брянчанинову уфимский губернатор генерал-майор Пеутлинг отмечал, что «из киргизских разных родов зломыслящие отправились к реке Волге для захвата наших людей и отгону скота». В Военно-Историческом архиве в Москве в фонде светлейшего князя Потемкина-Таврического имеются письма в переводе с татарского языка, адресованные Мансуром казахским племенам. В одном из этих писем после пространных богословских рассуждений Мансур призывает казахов к более решительным мерам в борьбе с русскими: «Итак, во-первых, надлежит вам, осадивши город Астрахань с четырех сторон, забрав скот их и имущество, требовать находящихся в городе правоверных мусульман, родственников ваших, с таковым настоянием, что без выручки их вы никуда от оного места не отступите. А потом добычу, разделя на пять частей, раздайте из оного бедным и неимущим; буде кто из ваших на то не согласится, то таковых гоните в Россию».

Понятно, почему Мансура так интересовала Астрахань — один из старейших торговых пунктов на Волге и Каспии. Город этот имел важное стратегическое значение и был связующим звеном на пути между Россией и Азией, Северным Кавказом и Закавказьем. Через Астрахань проходил путь, связывавший Россию с Кавказской линией. Она была также русским военно-административным и торговым центром в бассейне Каспийского моря. Здесь находились ближайшие к казахским племенам представители российской администрации. Этим объясняются призывы Мансура к казахам в первую очередь разгромить Астрахань. Парализовав с их помощью военное и экономическое влияние России в устье Волги, Мансур намеревался тем самым решительно ослабить ее влияние на Кавказе.

В середине 1790 года у влиятельных князей и владетелей Кабарды, Дагестана и Кумыкии опять стали появляться турецкие посланцы с деньгами, подарками и фирманами, в которых турки приглашали их к совместному выступлению против России. Тарковский шамхал Бамат сообщал генерал-майору И. П. Горичу, что от турецкого двора и верховного визиря через ахалцихского пашу Сулеймана в Дагестан посланы люди с письмами. Письма были направлены ханам Шекинскому, Шемахинскому, Карабагскому, уцмию Кайтагскому, ему, шамхалу Тарковскому, а также другим владетелям Дагестана — Казикумухскому, Дженгутейскому, Акушинскому и Умма-хану Аварскому. В письмах сообщалось, что в города Суджук и Анапу отправлено большое число турецких войск с артиллерией, провиантом и денежной казной. Войска эти будут «иметь движение к городу Кизляру и сделают приступ». Всем закубанским народам также предписывалось, «собравшись, идти в Кабарду, и соединясь с турецкими войсками, вышеупомянутый город Кизляр атаковать».

В таком положении находилась Кавказская линия, когда командование ею принял генерал-поручик граф Антон де Бальмен, прибывший сюда, когда турки готовились перейти в наступление, рассчитывая на активную помощь кавказских народов, возглавляемых шейхом Мансуром. По отзывам современников, граф де Бальмен был человеком «просвещенным и мужественным», и от него ожидалось решительное изменение политики по отношению к горским народам, поворот ее от войны к сотрудничеству. Но случилось так, что сразу по приезде граф заболел и слег. Однако и в состоянии тяжелой болезни де Бальмен сумел привести в порядок Кавказский корпус, понесший значительные потери и укомплектовать его всем необходимым.

Российское командование было осведомлено о переговорах, которые турки вели с владетелями горских народов. Князь Потемкин надеялся все же удержать кабардинцев обещаниями улучшить их положение. «Что кабардинцы переписываются с турками, — наставлял он графа де Бальмена, — на сие не смотрите и скажите, что позволяю им от турков деньги брать, лишь бы пребывали верны к России. Объявите им, что я имею высочайшее повеление им сделать всевозможные выгоды, если пребудут верны, и отвести земли, и чтобы они от себя ко мне прислали шесть человек доверенных людей. Четырех от Большой и двух от Малой Кабарды, которым и дайте на путь пристойную сумму и как можно скорее отправьте».

Указание светлейшего было выполнено, и мир установлен. Кабардинские владетели дали присягу служить России. Не ведая о том, Батал-паша решил выйти к российской границе. Он по-прежнему был убежден, что с появлением турецких войск на Кавказской линии мусульманские народы немедленно присоединятся к нему в войне против русских. Установив контакты с ахалцихским пашой, дагестанскими и кабардинскими владетелями и князьями и собрав 8 тысяч пехоты, 10 тысяч турецкой конницы, до 15 тысяч закубанцев и 30 орудий, Батал-паша двинулся в Кабарду. Он рассчитывал на удачный выбор времени своего выступления и был уверен, что оборона линии после провалившейся экспедиции генерала Бибикова значительно ослаблена. Это было второе появление турецких регулярных войск на Северном Кавказе за два года войны.

Заранее узнав от кабардинских князей о намерениях Батал-паши, князь Потемкин в июле 1790 года поручил графу де Бальмену упредить наступление турок на главных направлениях. Русский план состоял в том, что генерал-поручик барон Розен должен со своими войсками подойти к Кубани, а русскому флоту из Тамани предстояло производить диверсии против Анапы. Подготовка операции была закончена, но тут граф де Бальмен скоропостижно скончался. Новым командующим войсками Кавказского корпуса был назначен генерал Сергей Булгаков.

Волнения среди кавказских народов тем временем не утихали. Турецкие власти морально поддерживали их сообщениями о приближении к российским границам большого турецкого войска и скором выступлении свежих воинских отрядов. Слухи эти весьма подбадривали горцев осенью 1790 года. Еще 23 августа генерал-майор Савельев сообщал кизлярскому коменданту Грызлову, что специальный человек, наблюдавший за селением Алды, известил его о том, что посланный из Андреевской деревни в Анапу сын узденя Бамат-Хаджи Бакер привез письма. Посланец этот уверял горцев, что Батал-паша с сильным корпусом турок и артиллерией движется к Кубани и кабардинцы готовы присоединиться к нему для набегов на российские укрепления. «Потому все чеченцы, — писал Савельев, — принимая сие за правду, без изъятия готовятся на скопища... и что все их наклонение есть при случае впасть к Кизляру».

Через месяц тот же Савельев доносил Грызлову, что прибывшие из турецкого лагеря восемь чеченцев известили своих земляков о приближении турецкого войска к Кубани и о том, что пришло время «создания сборищ для набега в рос-

сийские селения». Командованием на Кавказской линии были сформированы три наступательных отряда во главе с генерал-майорами Германом и Булгаковым, а также бригадиром Матценом. Командиру Кубанского егерского корпуса генерал-поручику барону Розену и войсковому атаману Иловайскому было приказано совершить экспедицию за Кубань против адыгов.

28 сентября 1790 года турецкое войско перешло на правый берег Кубани и двинулось в Кабарду. Батал-паша рассчитывал разбить русские войска и занять крепость Георгиевскую, где к нему должны были присоединиться кабардинцы. Житель Девлетгиреевской деревни Байрам Исламов сообщил полковнику Таганову, что из Алды накануне вечером «выехала партия во сто человек, взяв с собою для переправы три каюка... да сверх того собирается еще и на реке Сунже партия в самом большом количестве». Генерал-майор Герман с отрядом около трех тысяч солдат пошел навстречу туркам, стремясь преградить им путь в Кабарду. К отряду Германа присоединился бригадир Беервиц. Герман просил генерала Булгакова также оказать ему помощь и выйти навстречу, не ожидая его прибытия.

29 сентября русские приблизились к лагерю Батал-паши, расположенному на реке Тохтамыш. Несмотря на то, что силы турок были значительно больше, генерал Герман решил атаковать. 30 сентября в восемь часов утра, разделив отряд на пять колонн, он двинулся к Тохтамышу. Авангард из 700 человек, с двумя орудиями, под предводительством майора князя Орбелиани первым вышел из лагеря. Он имел задание спешно занять высоту на вершине горы Подбаклеи и удерживать ее до прибытия основных сил. Как только горцы заметили команду Орбелиани, они бросились в атаку на фланкеров и казаков. Атака была отбита, и войска Орбелиани заняли высоту над рекой Тохтамыш. Колонна бригадира Матцена и отряд егерей бригадира Беервица, шедшие следом, также заняли господствующие высоты. Почти одновременно с русскими войсками к этим высотам подошли турки во главе с Аджи-Мустафа-пашой.

Разгорелась ожесточенная битва. Кавалерийский отряд полковника Буткевича отбил атаку черкесов, и генерал Герман отдал приказ колонне егерей во главе с бригадиром Беервицем атаковать левый фланг турок, а мушкетерской команде полковника Чемоданова — правый. Беервиц встретил сильное сопротивление со стороны турок и горцев, но подоспевший ему на помощь полковник Муханов своей неожиданной атакой совершенно расстроил оборону турок, и они

стали отступать по всей линии. Русские войска, преследуя отступавших, ворвались в их лагерь.

В сражении у реки Тохтамыш (близ современного города Черкесска) русские войска полностью разгромили турок, завладели тридцатью орудиями и захватили в плен самого командующего Батал-пашу. После сражения генерал-поручик барон Розен переправился со своим отрядом через Кубань и, пройдя более пятидесяти верст между реками Шекупса и Пчаса, предал огню селения адыгских горцев. Не надеясь больше на помощь турок, закубанские народы покорились. Барон Розен стал приводить адыгских мурз к присяге и брать у них аманатов. Ногайцы, которые кочевали по реке Лабе, попросили у царских властей разрешения переселиться на правый берег Кубани и вскоре в числе двух тысяч семейств были отправлены в российские пределы. После этой экспедиции войска 2 ноября 1790 года возвратились на линию.

Согласно сведениям, доставленным в это время русскими разведчиками из селения Алды, Мансур в это время приезжал в Чечню и убеждал соплеменников продолжать борьбу с Россией. Старшина Гребенского казачьего войска Фролов специальным рапортом на имя полковника Таганова доносил, что прибывший к нему из-за Терека человек по имени Ломик сообщил, что «Ушурма из Алды с пятнадцатью человеками из лучших людей отбыл в Тарки к Дженгутайскому Ахмет-хану для соглашения сделать сборище с тем, чтобы дженгутайцы со своей стороны, а чеченцы с другой, соединясь, напали на Кизляр». Вероятно, Мансур перебрался из Анапы в Чечню несколько раньше, чем об этом узнала российская администрация на Кавказской линии. Он рассчитывал на то, что одновременно с возобновлением турками военных действий против России он сумеет поднять горцев.

Новый командующий Кавказским корпусом генерал Булгаков был очень озабочен энергичными действиями Мансура по мобилизации чеченцев и дагестанцев для нападения на Кизляр и другие укрепленные пункты. Он потребовал от генерал-майора Савельева разведать, где находится в данное время «возмутитель Ушурма», есть ли при нем вооруженные сторонники, и если есть, то «куда его намерение с ними выступить и не присоединились ли к нему войска Ахмет-хана Аджия и шамхала Тарковского».

На исходе 1790 года ничем себя особо не проявившего генерала Булгакова сменил на посту командующего войсками 48-летний генерал-аншеф Иван Васильевич Гудович. Ему приказано было срочно выехать на Кавказскую линию и приложить особое усердие к «открытию самой ранней

кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турков, положить навсегда предел беспокойствам, которые Порта, подкупая и подущая закубанцев, в том крае производила».

Чрезвычайно важное значение, которое имела Анапа, объяснялось ее выгодным положением на северо-восточном берегу Черного моря. Кроме того, что в Анапе находился сильный турецкий гарнизон, из этой крепости постоянно велась религиозная и политическая пропаганда, побуждавшая номинально подвластные Турции закубанские народы к враждебным выступлениям против России. В конце января 1791 года генерал Гудович прибыл в Георгиевск и стал готовить войска к походу против Анапы. Генерал значительно усилил полевую артиллерию, пополнил транспортные средства для установки понтонных мостов, увеличил количество подвижных магазинов. Было исправлено снаряжение, обмундирование войск, приведены в порядок обозы, накоплены необходимые припасы.

Пока шли приготовления к походу, турки по-прежнему пытались всеми силами поднять против России мусульманское население края. В марте 1791 года султан вновь разослал фирман, в котором осуждал тех мусульман, кто окажется в бездействии в войне «правоверных» с «беззаконниками». Мустафа-паша из Анапы уверял горцев, что им собрано огромное войско. Он обещал в скором времени доставить деньги и требовал аманатов от кабардинцев. Шейх Мансур, который находился тогда в Анапе, рассылал собственные воззвания к горским народам, призывая к решительной борьбе с русскими. «Изъявляю вам искреннее почтение мое, — писал Мансур, — и советую очистить сердца ваши от пороков и ходить путем истины, по закону Божию. Ополчайтесь против беззаконных и мужественно наступайте на них. Я знаю достоверно, что война русских уже страшит; собираю теперь силы; и после прибытия сюда войск правоверных начну наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало уже время ослабления беззаконных и торжества мусульман».

9 мая 1791 года генерал Гудович с 11 батальонами пехоты, двумя тысячами егерей, 24 эскадронами кавалерии и 20 орудиями двинулся к Анапе. На соединение с ним из Ейского укрепления вышел генерал-майор Загряжский с Кубанским корпусом. В его отряде насчитывалось четыре батальона пехоты, 20 эскадронов драгун, два донских казачьих полка и 16 орудий полевой артиллерии. 24 мая отряды соединились в восьми переходах от Анапы, у Талызинской переправы через Кубань, и приступили к наведению понтонного моста. Для установления постоянного сообщения с

Кавказской линией и обеспечения войска фуражом Гудович устроил по правому берегу Кубани по всему пути следования войск ряд укрепленных постов и редутов с небольшими гарнизонами. Такие же укрепления устраивал и генерал Загряжский по пути своего следования из Ейской крепости. Главный опорный пункт и склад для войск Кавказского округа был сделан в укреплении Темижбек, а для войск Кубанского корпуса — в Ейском укреплении.

До 1787 года Анапа представляла собой большое поселение, окруженное всего лишь земляным валом. Перед самой войной по указанию султана Абдул-Хамида с помощью приглашенных французских инженеров тут была возведена настоящая крепость. Весной 1791 года она состояла из семи бастионов, соединенных куртинами. Перед стеной был вырыт глубокий и широкий ров, усиленный палисадом; этот ров обоими концами соединялся с морем. Со стороны моря Анапа была недоступна благодаря скалистым берегам и обширной морской отмели, которая не позволяла большим судам подходить к крепости. На стенах было установлено 83 орудия и 12 мортир крепостного калибра. Гарнизон Анапы насчитывал 10 тысяч турок и 15 тысяч вооруженных татар, ногайцев и закубанских черкесов. Командовал гарнизоном трехбунчужный Мустафа-паша. Военный флот с экипажем до трех тысяч человек прикрывал Анапу с моря.

В Анапе проживало до 20 тысяч мирных жителей. Это был многонациональный город. Кроме турок, здесь жили армяне, имевшие торговые лавки с большим количеством продуктов, так что крепость была полностью обеспечена провиантом, как и боеприпасами. Жили тут грузины, персы, греки, вокруг Анапы расположилось множество горских народов, а в окрестностях кочевали ногайцы. Подогреваемые воинственными призывами шейха Мансура, который имел сильное нравственное влияние на защитников крепости и окрестное население, закубанские народы, гарнизон Анапы и ее жители готовились к упорному сопротивлению.

Взяв с собою сорокадневный запас продовольствия, отряд генерала Гудовича 29 мая 1791 года перешел на левый берег Кубани и двинулся к Анапе. 8 июня войска встретились с отрядом генерал-майора Шица, шедшего сюда из Крыма через Тамань. Встреча произошла у деревни Адалы на горной реке Нартпсухо. Отряд Шица насчитывал 800 егерей, 10 эскадронов кавалерии, 300 донских казаков. При нем имелось также 14 орудий полевой артиллерии и 90 штурмовых лестниц. 9 июня, когда русские войска находились в четырех верстах от Анапы, они были атакованы большим от-

рядом турецких войск и черкесов. Они заняли высоты за руслом Нартпсухо и намеревались воспрепятствовать переходу через нее русских. Передовой отряд бригадира Поликарпова, поддержанный драгунами, сумел выбить неприятеля с его позиций.

10 июня генерал Гудович, произведя разведку, расположился на берегу реки Бугура, а левый фланг его отряда перекрывал дорогу в Суджук-Кале. Отряд под командованием барона Шица занял левый берег реки. Этим маневром Гудович отрезал Анапу от горцев, большие отряды которых засели в окрестных горах, и оставил им возможность держать связь с Анапой только по морю. Несколько раз горцы делали попытки прорваться в Анапу, турки, со своей стороны, вылазками из крепости старались помочь им, но русские войска отражали все нападения.

12 июня по приказу Гудовича были заложены три батареи на 32 орудия, одна из которых расположилась в 250 саженях от крепостного вала. Сильным орудийным огнем крепостных орудий турки пытались воспрепятствовать установке батарей, однако русские артиллеристы успели укрепить позиции. На рассвете 18 июня батареи открыли огонь. Бомбовые удары произвели пожары в различных частях крепости. Громадное зарево озарило окрестности Анапы. Пожар продолжался всю ночь до рассвета, произошли взрывы, сгорело множество домов, в том числе дом самого паши. Были уничтожены провиантские склады и многие крепостные здания.

Полагая, что пожар устрашил турок, генерал Гудович 20 июня в восемь часов утра отправил паше парламентера с предложением сдать Анапу, обещая безопасность ее гарнизону и жителям. В противном случае он угрожал жестоким штурмом и полным разорением крепости. Мустафа-паша был готов принять предложение русских, но шейх Мансур, пользуясь своим влиянием на защитников, настоял на продолжении сопротивления. Его неукротимому духу была невыносима сама мысль о сдаче в плен. Обращаясь к своим землякам-горцам и турецким солдатам, он обещал им блаженство в этой и потусторонней жизни, если они не сдадутся, а будут сражаться до конца. Влияние имама на защитников крепости было столь велико, что пашу никто не стал слушать, а вместо ответа с бастионов крепости был открыт огонь.

Следует заметить, что положение Гудовича отнюдь не было однозначно преимущественным. С двенадцатитысячным отрядом он должен был штурмовать мощную крепость, защищаемую большим гарнизоном. К тому же с тыла русские войска постоянно атаковали многочисленные отряды

горцев. Гудович провел совещание с командирами, на котором все пришли к согласию, что успех может принести только внезапность. Решено было, «призвав Бога в помощь», той же ночью предпринять штурм крепости, направив главный удар на ту часть, где стены были менее высоки и можно было использовать штурмовые лестницы.

В ночь на 21 июня лагерь был снят и солдат развели по местам, откуда предполагалась атака. Войска Кубанского и Кавказского корпусов были разделены на четыре штурмовые колонны по 800 человек каждая, с двумя резервами по 600 солдат и одним общим резервом в две тысячи штыков. К последнему резерву было присоединено 16 полевых орудий. Для отражения атак горцев и защиты вагенбурга (укрепленного лагеря) генерал-аншеф Гудович назначил отряд генерал-майора Загряжского из четырех тысяч человек. Таким образом, из общего числа 12 170 человек для главного удара при штурме было определено 6400 человек, составлявших четыре штурмовые колонны.

В полночь Гудович отдал приказ открыть огонь из всех батарей, под прикрытием которого атакующие колонны двинулись на приступ. К часу ночи батарея русских прекратила стрельбу и войска отошли. Перестали стрелять и турки. Они уже праздновали победу, когда за полчаса до рассвета русские войска вновь начали бомбардировать крепость, а затем бросились на штурм. Четвертая колонна левого фланга, которой командовал полковник Самарин, несмотря на сильнейший картечный и ружейный огонь турок, первой поднялась на стену и закрепилась там. Командовавший третьей колонной полковник Келлер, хотя и был тяжело ранен, пробился со своими солдатами на крепостной вал.

Майор Веревкин, занявший место Келлера, был также тяжело ранен, но все-таки сумел удержаться со своими солдатами на валу. Благодаря этому вторая колонна под командой полковника Муханова захватила бастион. В то время как у стен крепости шла ожесточенная битва между русскими и турками, восьмитысячный отряд закубанцев спустился с гор и атаковал вагенбург российских войск. Атака закубанцев была с трудом остановлена гребенскими и семейными казаками, а затем отражена отрядом генерал-майора Загряжского, специально выделенным на такой случай.

Между тем русские войска продолжали подниматься на стены вокруг Анапы. Призывы имама Мансура встать на защиту ислама и даже его личное участие в отражении атак на стенах крепости уже не смогли внести перелома в ход сражения. Непрерывные атаки и большие потери сломили си-

лы защитников. Турецкий гарнизон больше не желал сражаться, даже отчаянные янычары начали сдаваться целыми отрядами. Теперь оборону держали только горцы, пришедшие в город с Мансуром. Но силы были неравны.

22 июня 1791 года в восемь часов утра войска генерала Гудовича ворвались в Анапу. Русскими было захвачено 95 орудий, 130 знамен и значков. Турция потеряла в этом сражении около восьми тысяч убитыми. Почти столько же осажденных утонуло в море, пытаясь спастись из крепости вплавь. В плен было взято 13 532 турок и всего несколько десятков горцев — тех, кто из-за тяжелых ранений уже не мог сражаться. Среди пленных оказались начальник гарнизона крепости Мустафа-паша и его помощник, сын плененного ранее Баталбея, большое число турецких офицеров и чиновников.

Один только имам Мансур не желал сдаваться. Рядом с ним уже не осталось ни одного мюрида, все они были убиты. Укрывшись в пороховом погребе, имам продолжал упорно отстреливаться. Солдаты не решались идти на штурм, поскольку имам держал зажженный факел и угрожал взорвать склад. К нему был выслан парламентер, знающий чеченский язык. Он прокричал, что генерал Гудович лично обещает шейху Мансуру в соответствии с его званием положение почетного пленника и достойное содержание в Петербурге, куда его должны отправить для представления императрице Екатерине II. Генерал обещал также предоставить ему свободу как военнопленному сразу после заключения мирного договора с Турцией. Однако мятежный имам, не веря в эти обещания, продолжал стрелять. Он был захвачен только после того, как у него кончились патроны. Склад он так и не взорвал — как известно, самоубийство запрещено Кораном, и только поэтому шейха удалось захватить живым.

Взятие Анапы стало поворотным пунктом в войне. После этой победы вся Кубань оказалась в руках русских и в декабре 1791 года по Ясскому миру официально стала владением империи. Пленение Мансура лишило энергии его последователей, и выступления горцев против российских властей временно прекратились.

3

Под усиленной охраной имам Мансур в числе других знатных пленников был доставлен из Анапы в Петербург. 4 июля возок с ним прибыл в российскую столицу. Было обеденное время, когда плененного имама привезли в резиден-

цию Екатерины II. От желающих увидеть знаменитого горца отбоя не было. Появился и сам светлейший князь Потемкин, и даже императрица объявила, что желает поговорить с пленником лично. Зная слабость Екатерины к красивым мужчинам, Потемкин решительно воспротивился такой встрече, назвав ее очень опасной. «Он вам, матушка, всю обедню испортит. Взгляните лучше на него из окна», — посоветовал светлейший. Обаяние этого загадочного человека было столь велико, что и другие придворные принялись отговаривать императрицу от личной встречи с мятежником — это подтверждает историк Г. Прозрителев в своей монографии «Материалы для истории Кавказской войны».

Тем не менее 6 июля Екатерина приказала доставить Мансура в Царское Село, где она находилась в то время, и «водить его после обеда близ дворцовой колоннады». Таким образом, императрица, оставаясь сама невидима, могла как следует рассмотреть «опаснейшего врага России». В кругах, близких к императрице и князю Потемкину, шейха Мансура именовали мятежником, который принес России бóльшие потери и разорение, чем вся Османская империя. Следует признать, что такая оценка вполне соответствует истине. Мансур действительно оказался гораздо более последовательным и непримиримым противником Российской империи, чем Османская империя, которая за всю войну отважилась лишь на два похода в пределы Северного Кавказа, в то время как шейх не прекращал борьбы ни на один день.

Секретарь императрицы А. В. Храповицкий постоянно вел записи обо всем, что происходило при дворе. События того дня, когда чеченский имам появился в Санкт-Петербурге, он также внес в свой дневник: «6 июля 1791 года привезли в Царское село шейха Мансура, взятого в Анапе. С 17 лет он начал проказничать против России и сделал большую смуту. Нам он стоит 30 тысяч войска. После обеда водили его близ колоннады, и Государыня изволила его видеть». Похоже, высокий стройный горец с природным благородством осанки произвел впечатление на императрицу. Недаром после этого осмотра ею было дано тайное распоряжение — в случае, если горский вождь раскается в содеянном, ему следует вынести мягкий приговор и оставить на постоянное жительство в России. Семьдесят лет спустя именно такой приговор будет вынесен третьему имаму Дагестана и Чечни Шамилю.

В ожидании «раскаяния» Мансура его перевели в столичную Петропавловскую крепость. 28 июля он был впервые допрошен начальником Тайной экспедиции, знаменитым «кну-

тобойцем» Степаном Шешковским. На вопрос, как он мог поучать народ, когда сам не знает грамоты, Мансур отвечал, что его проповеди были короткими и простыми, потому их понимали все. Людей он призывал к исполнению немногих основных требований ислама, которые должен соблюдать каждый правоверный, — это пост, молитва, посещение Мекки и Медины, подаяние милостыни бедным и неимущим. Всякий мусульманин обязан веровать в единого бога Аллаха и его посланника на земле Мухаммеда. Он также должен знать, что некогда свершатся воскресение мертвых и Божий суд, на котором каждому будет воздано по делам его.

Среди бумаг, которые Мансур всегда имел при себе, были тексты четырех молитв, распространяемых им среди своих последователей. Воинственных воззваний или каких-либо других обращений к горским народам среди бумаг имама не обнаружили. Не имелось при нем и каких-либо дорогих вещей, денег или драгоценностей. На вопрос о том, каково его личное достояние, Мансур, как уже отмечалось, ответил, что имеет дом в селении Алды, двух волов и коня. Такой ответ сильно удивил чиновников, производивших допрос. И действительно — будучи почти пять лет едва ли не единоличным повелителем горских народов Кавказа, этот человек ничего не приобрел для себя и своих близких.

Судейские чиновники не могли поверить в особый дар Мансура как проповедника ввиду его неграмотности и молодости — ведь, по словам самого Мансура, ему исполнилось только тридцать лет. Начальник Тайной экспедиции Шешковский, не составив для себя ясного представления о пленнике, медлил с сообщением Екатерине II об окончании следствия.

В своих показаниях Мансур упорно отрицал обвинение его в непримиримой враждебности к России и русским. Он утверждал, что проповедовал среди своих единоверцев и соплеменников терпимость и дружбу не только между собою, но и по отношению к другим народам. К борьбе же призвал, лишь когда притеснения со стороны русских властей на Кавказе стали нестерпимы. Отрицал он и то, что будто бы специально ездил в Стамбул, где заключил с самим султаном некое соглашение по совместной борьбе против России. На допросе в Тайной канцелярии через коллежского советника Константинова шейх Мансур заявил: «Я не имею никакого знакомства в Константинополе, ни в Сочи, ни в Георгии (Грузии. — *А. М.*), ни по ту, ни по сю сторону Кавказа. Я никогда не путешествовал и, кроме Анапы, никакого другого турецкого города не знаю».

Вопросы следователей и ответы Мансура переводил толмач-чеченец. Мы не знаем, был ли это тот же человек, что в Анапе пытался уговорить имама сдаться, передавая ему лживые обещания генерала Гудовича. Известно лишь, что он раскаялся в том, что помогал врагам Мансура, и, переводя слова пленника, пытался преуменьшить его вину и даже изобразить раскаяние, которого в словах имама не было и быть не могло. Когда к следствию подключился коллежский советник Константинов, знавший чеченский язык, обман переводчика был разоблачен и его отправили назад в Чечню. Во время последней встречи с Мансуром он согласился с риском для жизни передать на родину его послание. Последнее обращение имама к землякам, сохраненное народной памятью, было примерно таким:

«Дорогие мои соотечественники, отцы и братья, мужественные сыны гор! Я обращаюсь к вам из далекого и чужого края, города Петарбуха. Меня окружают здесь только гьаски*, и я заключен в холодную темницу, за железные решетки. Но совершать намаз мне разрешают, и мой Бог всегда со мной. Оказывается, не все керстнаш** такие дьяволы, как те, что пришли убивать нас. Я видел арестованных русских — с ними здесь обращаются еще хуже, чем со мной. Есть среди них и те, кто сочувствует нам и желает нам успеха в борьбе.

Только Бог знает, какой судьбой он наделил каждого из нас. Чем суровее Он дает человеку испытания, тем счастливее его будущее в загробном мире. Все испытания, выпавшие на нашу долю, исходят от Всевышнего. Поэтому я не жалуюсь на свою судьбу и не хочу, чтобы меня жалели. Я не искал ни богатства, ни славы и делал только то, что было угодно Богу и моему народу. И вас, мои земляки, призываю к тому же. Наша борьба с захватчиками — святое дело, за которое нам воздастся в ином мире.

Сейчас я нахожусь в руках гяуров, которые пытаются сломить меня. Мне то угрожают, то обещают свободу и все житейские блага, требуя за это отказаться от нашей борьбы и признать все, что мы делали, ошибкой и заблуждением. Они готовы отпустить меня, если я признаю их действия на нашей земле законными. Враги хотят, чтобы мы встали перед ними на колени и выполняли все их приказания, чтобы они распоряжались нами как скотиной, продавали в рабство и убивали, когда им вздумается.

---

* Русские *(чеч.)*

** Христиане *(чеч.)*

По моей просьбе толмач, присутствующий на моих допросах, записал эти слова и доставит их вам. Я рассказал ему, как меня во сне навестили те же двое всадников на белых конях, что приходили ко мне раньше. Они известили меня, что Аллах разрешил мне распорядиться судьбой по своему усмотрению. Я могу остаться в живых и освободиться из плена или же, уйдя в мир иной, предстать перед Богом. Но разве я смогу променять встречу с Всевышним на двадцать, тридцать и даже сто лет жизни? Разве это была бы жизнь — набивать утробу и смотреть, как враги истребляют мой народ?

Врагов у нас много, и страна у них большая, но Аллах давал нам силы сражаться с этими захватчиками. И то, что сейчас они оказались сильнее и смогли захватить меня благодаря коварству и обману, еще ни о чем не говорит. Я бы не попал к ним в руки, если бы только Всевышний не запретил нам самим прерывать нить нашей жизни. Я находился в пороховом погребе турецкого гарнизона с зажженным факелом в руках. О, как мне хотелось взорвать этот погреб! Я не боялся за свою жизнь, но не мог нарушить заповедь — жизнь человеку дал Бог, и только Он имеет право ее отобрать. Поистине, я сделал все, что в моих силах, защищая крепость Анапу от гяуров. Богу было угодно, чтобы в этот раз мы проиграли, но я знаю и говорю вам, мои земляки, — этот бой не последний!

Я знаю, что мне не доведется больше взглянуть на нашу Богом данную, неповторимую землю. Знаю, что мы не встретимся больше с вами, мои дорогие братья. Скоро закончится срок, отпущенный мне Всевышним для жизни в этом мире. Вместе с вами я делал все для изгнания с наших земель ненавистного врага. Бог говорил: "Действуйте смело и решительно, и Я помогу вам". И Он помогал нам и поможет еще, а вы не должны разочаровывать Его. Придется пролить еще много крови в борьбе за независимость, и многие из вас еще отдадут свои жизни. Но воевать надо — ведь без войны нам свободу не добыть.

Если бы врагу не помогали некоторые из вас — продажные, алчные, трусливые, соблазненные земными благами, — мы смогли бы намного раньше избавиться от врага. Этих людей нужно остерегаться. Враг привлекает их подкупом, ложью, хитростью, и они такие же враги нам, как и захватчики. Пока наш народ не объединится, ему не одолеть чужеземцев. Бойтесь и тех, кто под знаменем борьбы за свободу сводит счеты со своими кровниками, захватывает чужое добро, обижает стариков, женщин и детей. Помните — святое дело не делается нечистыми руками!

Мои дорогие братья! Не успокаивайтесь и не гонитесь за земными благами! Помогайте друг другу, давайте милостыню нуждающимся, молитесь Богу и храните чистоту веры! Любите нашу землю, берегите ее от врагов. Прощайте обиды друг другу и, прошу вас, простите меня, если я чем-то кого-то из вас обидел. Живите долго и счастливо! Для меня же самым большим счастьем было бы еще раз взглянуть на край отцов, на дорогие сердцу горы, реки, башни, и быть похороненным в земле предков, среди родных и близких людей. Дай Бог, чтобы мы с вами встретились в раю, который приготовил Господь для верных Ему. Прощайте!»

Между тем следствие подходило к концу. Частично сохранился протокол последнего допроса Ших-Мансура (так официально именуется в этом документе мятежный чеченский имам), записанный в Тайной экспедиции в начале сентября 1791 года. В него вошло далеко не все, поэтому попытаемся восстановить диалог между верным слугой императрицы Шешковским и плененным, но непобежденным чеченским имамом.

— Милостивые государи! Всем ведомо милосердие и человеколюбие государыни императрицы. Посему повелела она не предавать преступного злодея Ших-Мансура лютой казни, каковой он по душегубствам своим заслужил, но допросить его, дабы склонить к раскаянию и вин своих признанию, хлопоча о смягчении участи недостойного. Писцу же приказному, — бросил Степан Иванович в сторону, — дословно все записать, что толмач с речей Ших-Мансура говорить будет. Ответствуй, Ших-Мансур, признаешь ли, что лжепророчеством и обманом, выдавая себя за святого и обещая магометанам рай на том свете, склонил их к своей присяге и поднял народы гор на бунт?

— Сам я не называл себя святым. Имамом и шейхом меня назвали люди. Я не мог им того запретить. Они верили Господу, который вложил правдивое слово в уста мои. Обещал я людям рай на том свете, но и на этом тоже. Рай наступит, когда солдаты перестанут сеять смерть на нашей земле. Я стал воевать, чтобы вернуть свободу вольным народам Кавказа. Это был не бунт, а газават — «священная война». Как с нами поступали русские войска, так и мы поступали с ними.

— Не безумец ли ты, дерзнувший поднять меч на великую Россию?

— Не с Россией воевал я, а с теми, кто пришел, чтобы от-

нять нашу землю и свободу. Нет вины народа, когда защищает он Богом данную ему волю и землю свою.

— Смутны мысли твои, Ших-Мансур. Ты учинил великий разор, до тридцати тысяч войска российского извел. Ведаешь ли, сколь велик ущерб, причиненный тобой?

— Я не убивал мирных людей, не сжигал села, мне ничего не надо в русских пределах. Это ваш князь Потемкин решил вооруженной рукой сделать горцев рабами России. У нас нет рабов. Мы люди свободные, вольные. Это наш закон. Так жить нам завещали предки.

— Сии речи почитаю омерзительными. Человек в миру не равен другому. Надменность твою обуздать нелишне нахожу. Посему говорю: раскайся в злодеяниях, в прельщении умов, многих проказах и кровопролитии. Признай, что, дерзнув уязвить Россию в праве ее, ты есть преступник.

— Все, что совершил, я делал во имя Господа и народа своего.

— Ведай же, оскорбитель всех прав, что вспомоществование тебе в твоих руках обретается. Покайся в содеянном, признай заблуждения свои, обещай впредь не совершать подобного. Иначе не видать тебе прощения и свободы. Смирись и не ропщи, дай клятву не злоумышлять, не бунтовать, и получишь искомое — суд милосердный и праведный.

— Праведен только Божий суд. Что будет со мной, на то воля Аллаха.

— Упорством своим в заблуждении усугубляешь ты участь свою. По делам вору и мука! Имею на сей случай высочайший рескрипт — препроводить тебя, содержа как злодея под сугубой стражей, в крепость на безысходное в ней пребывание. Быть по сему!

4

15 октября 1791 года секретным рескриптом Екатерины II шейх Мансур, как бунтовщик и государственный преступник, был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба Империи». В тот же день Ушурму передали в распоряжение коменданта крепости Михаила Колюбакина. Имама поместили в одиннадцатый «нумер» в нижнем этаже казармы и определили ему содержание по 25 копеек на день.

Маленький остров лежит у выхода реки Невы из бескрайнего Ладожского озера. Там на холодных камнях воз-

Правительствующаго сената в таинную экспедицию.

Отъ подполковника шлиссельбургскаго коменданта Колюбакина.

Рапортъ.

Сего теченія 14 числа въ объявленной Вамъ экспедиціи отъ тутошняго тюремнаго здѣшняго онаго содержанія 15 числа отъ тогдашняго новыхъ испрашиванія настоящаго указа тюремнаго находящагося при тутошнемъ секретномъ арестантскомъ шихъ канцеляріи истопника онаго тюремнаго того числа нашествія нарядъ шихъ вышеположенныхъ въ данномъ ему вышеписанномъ шихъ канцеляріи испрашиванія тутошнаго тюремнаго отъ онаго вышеписанныхъ водою настоящаго указа тюремнаго отъ онаго вышеписанныхъ сего числа сюда правительствующаго сената таинныя экспедиціи полковничій рапортъ сего числа донесъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

Почему [illegible] Вашего Превосходительства отъ вышеписанныхъ [illegible]

№ 17

Октября 16. дня
1794 года

двигнуты неприступные стены Шлиссельбургской крепости, построенной в 1719 году Петром I. Мрачный замок этот многие годы служил самой страшной российской тюрьмой, в недрах которой человеческие судьбы скрывались безвозвратно и исчезали без следа. Мрачное узилище это недаром с давних пор называлось «Островом мертвых». Мало кто выходил отсюда живым.

Имам Мансур был заключен в темный сырой каземат вскоре после того, как здесь, после восьми лет одиночного заключения, был тайно убит и закопан в неведомую могилу претендент на русский престол, несчастный царевич Иоанн VI, много лет не видевший в своем заключении ни одной живой души. В истории он известен как «российская Железная маска». Многие считали, что приказ о его убийстве в 1764 году отдала императрица Екатерина II, опасавшаяся за прочность захваченного ею в результате дворцового переворота российского трона.

Двухэтажная солдатская казарма, где располагалась камера Мансура, примыкала к северной крепостной стене между Государевой и Светличной башнями. Прямо перед стеной находился широкий канал, начинавшийся от крепостного рва и уходивший через специальное отверстие в Неву. Казарма была одной высоты с крепостной стеной. В здании насчитывалось двенадцать жилых помещений, которые освещались окнами, выходившими на галерею. Одиночная камера Мансура находилась в подвальном помещении, где никаких окон не было вовсе и по стенам сочилась ледяная вода. В этом страшном месте в постоянной темноте, безмолвии и сырости чеченский имам пребывал около трех лет.

Нет для горца ничего более страшного, чем лишение свободы. Но Мансур, находясь в заточении, не падал духом и вел себя достойно. Постоянно молился Богу, держал уразу — тридцатидневный пост в месяц рамадан. В обиду себя не давал. Когда один из конвойных солдат оскорбил его, Мансур «оказал новую дерзость». «Его пылкая южная натура, — писал историк М. Я. Корольков, — не могла мириться с суровыми требованиями крепостного режима. В один из дней, в припадке гнева, Мансур ударом ножа убил оскорбившего его грубостью караульного солдата». После этого случая шейха заковали в кандалы.

Жестокие условия заключения, гнет неволи и тоска по родине развили в узнике скоротечную чахотку. 13 апреля 1794 года алдынский житель Ушурма, принявший имя имама Мансура, скончался. Тело его, как и трупы многих других заключенных крепости-тюрьмы, было тайно, без всяко-

го обряда, погребено в безымянной могиле на Преображенской горе недалеко от города Шлиссельбурга.

После смерти Екатерины II и Павла I, в правление императора Александра I в Санкт-Петербург прибыла представительная делегация кавказских народов. Горцы добились аудиенции у царя и попросили передать им для захоронения на родине тело Мансура. Император благосклонно выслушал гостей и обещал помочь. Однако выяснилось, что известна лишь дата смерти имама, внесенная в книги тюрьмы. Место же захоронения, согласно традиции Шлиссельбургской крепости, осталось неизвестным.

5

Память о мятежном имаме живет не только среди кавказцев, но и среди русских людей. Смелостью и упорством чеченского вождя восхищался Александр Сергеевич Пушкин. Великий Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат» словами одного из ее героев, Хан-Магомы, так характеризует горского имама: «Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески, и каялся в грехах, и клялся не делать ничего дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые — не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шесты и ставили на дорогах. Тогда и Бог давал успех народу во всем, а не так, как теперь».

Многие из соплеменников Мансура и сейчас уверены, что имам не погиб в каменном мешке Шлиссельбургской крепости, а дожил свои дни в России, в деревне, которую будто бы пожаловал ему император Павел I. Это лишь одна из многих легенд, которые, подобно волшебному туману, окутывают все, что связано с жизнью, борьбой и смертью великого чеченца.

Как и все выдающиеся народные вожди, Мансур был умным, честолюбивым, умеющим увлекать других человеком. Он бесстрашно поднял народ на борьбу с неизмеримо более сильным и могущественным противником, каким была Российская империя. Имам сумел дать народу объединяющую идею, возвысившую его в собственных глазах, освятившую освободительную борьбу горцев идеей «священной войны» против российской колониальной политики на Кавказе.

Шейх Мансур был еще молодым человеком. Тридцати

трех лет от роду он окончил свои дни в тюремной камере. Всего за пять лет своей войны с колониальным режимом он создал, по сути, новое направление в исламе, носящее название «кавказский мюридизм». Это учение сочетает в себе суровый аскетизм и бескорыстие суфизма с участием в газавате — войне за веру. Чтобы стать мюридом, не нужно быть богатым, родовитым или ученым. Мюридом может стать каждый, кто посвятил себя борьбе за веру и до конца жизни предан своему учителю. Основоположником мюридизма считается третий имам Чечни и Дагестана Шамиль, хотя он сам говорил о том, что учение это создал в своей непреклонной борьбе с царским режимом его великий предшественник имам Мансур.

Мансур, по существу, реформировал горское общество, заложил основы его государственности, воплощенной в жизнь имамами Чечни и Дагестана в 1830—1850-е годы. Он же поставил точку в процессе национальной консолидации чеченцев от реки Ассы на западе до Аксая и Акташа на востоке, от вершин Главного Кавказского хребта на юге до Терека на севере. Именно благодаря ему чеченцы, по свидетельствам современников, вступили в XIX век «сильнейшим народом Кавказа» и могли гордиться тем, что под руководством «Ших-Имам-Мансура» были «руководителями всем почти в Кавказских горах обитающим народам».

Чеченец по крови и духу, Мансур одним из первых понял необходимость единства народов Кавказа в борьбе за независимость. Его переход на Западный Кавказ предвосхитил маневр Шамиля, полвека спустя пославшего туда другого горца — народного вождя Магомет-Эмина. Отвергая замкнутость и национальную нетерпимость, имам приближал к себе представителей разных кавказских народностей — кабардинцев, черкесов, дагестанцев. Позже, в период спада движения, он обращается с письмом к казахским племенам, кочевавшим в районе Астрахани, призывая их к борьбе с царизмом. При этом имам боролся не только с колонизаторами, но и с пороками самого горского общества, опираясь при этом на исламскую веру. Многие современники отмечали, что благодаря ему ислам окончательно утвердился не только в Чечне, но и в соседних с ней областях Северного Кавказа.

Историческое значение Мансура заключается еще и в том, что он оказался на острие геополитических проектов двух великих держав того времени. Императрица Екатерина II настойчиво пыталась завладеть черноморскими проливами и создать «Греческое царство» во главе со своим вну-

ком Константином, для чего провоцировала балканские народы на восстание против турок. С другой стороны, Османская империя пыталась отбросить с Кавказа Россию и Иран, чтобы объединить все мусульманские народы от Атлантики до Средней Азии под властью султана. Движение горцев Северного Кавказа под руководством Мансура, совпавшее по времени с Французской революцией и освободительным восстанием в Польше, заставило Российскую империю серьезно скорректировать свою внешнюю политику. О планах создания «Греческого царства» пришлось забыть, а присоединение Грузии и дальнейшая экспансия на Кавказ были отложены до начала XIX века.

Подобно сияющей грозной комете, шейх Мансур промчался по небосклону Кавказа, став предвестником многих будущих побед и страданий, подвигов и многолетней борьбы.

Удивительная судьба!

ЭПИЛОГ

Рассказ дедушки Вахи

— Старые люди много чего помнят, — сказал дедушка Ваха. — Что старые помнят, то и молодые знают и детям своим расскажут.

Ваха Умархаджиев — самый старый человек в селении Новые Алды. По правде сказать, никто не ведает, сколько ему по-настоящему лет. Сам дедушка знает это только приблизительно. Когда горцам стали выдавать паспорта, вспоминает он, то делали перепись. Так вот он был тогда уже взрослым человеком и по двору у него бегали внуки.

Переписчики тогда спросили, сколько ему лет, но он не мог сказать в точности. Он помнил только, что когда был маленьким, то видел, как по старому мосту через Сунжу проезжал рыжебородый человек в окружении вооруженных всадников на черных конях и люди, что стояли вокруг, говорили между собой, что это имам Шамиль.

— Переписчики не поверили, — улыбается дедушка Ваха. — Тогда я, правда, совсем не был похож на семидесятилетнего человека. Ходил на охоту вон в те горы и если убивал тура, то приносил его домой на плечах и совсем не чувствовал усталости.

Раньше в нашем селении жило много стариков. Были такие, что много старше, чем я сейчас. Эти старики хорошо помнили самого шейха Мансура, а иные и воевали в его войске. Вот они могли бы много рассказать о нашем алдынском имаме.

— Если хочешь, сходим в Старые Алды, поглядишь. Покажу, где стоял дом имама...

Легким шагом (совсем нетрудно поверить, что еще не так

давно он мог ходить по горам с убитым туром на плечах) дедушка Ваха поднимался по тропинке к водозабору.

— Гляди! Тут стоял дом Мансура, — сказал он. — Несколько раз его сжигали солдаты, но алдынцы всегда восстанавливали.

Видишь, большая яма? Тут был вырыт подвал, где Мансур молился, составлял письма к народам Кавказа, обдумывал планы нападения на царские войска. Наверху по двору ходили его верные мюриды, которые готовы были в любую минуту отдать жизнь за своего имама.

У нас, в Алдах, все люди считают себя потомками Мансура. Так оно и есть — мы тут почти все из тейпа элистанжи. Предки наши вышли из села Хаттуни. С гор спустились сюда. Потом русские разгромили старый аул и людей переселили к Сунже. Новое поселение стали называть Йоккха Алда, а старое Жима Алда (Малые Алды).

Да, родственников у имама много, целый аул, только вот прямых наследников не осталось. Сынку Мадаку и дочке Неомат не суждено было продолжить род имама. Оба умерли, не дожив до десяти лет. Они похоронены на старом кладбище, там, где теперь водозабор. Старое кладбище заровняли бульдозером. Никаких могил теперь уже не найти.

Про Мансура рассказов и преданий много. Об Алдынском сражении, где Мансур русские войска разгромил, говорят, что главный бой был в том месте, где теперь мост через Сунжу, у поселка Черноречье. До сих пор видны в этом месте глубокие рвы, по-нашему — саънгарш. Они появились, когда Мансур в ярости несколько раз взмахнул шашкой. От ударов его шашки эти рвы и остались.

Русское войско тогда в страхе бежало через чернореченский лес к Алхан-Юрту. Солдаты с обрыва прыгали в реку. Много их там погибло. Вода стала красной от крови, а по волнам сплошь плыли солдатские фуражки.

Это было время славы Мансура.

Потом наступило иное время, когда у имама начались военные трудности и многие богачи, князья и уздени от него отвернулись. В Алдах такие тоже нашлись. Говорят, что их было шестьдесят три человека. И порешили они между собой схватить Мансура. Надеялись, что солдаты тогда оставят их имения в покое и не станут сжигать. Они предательски схватили имама и передали русским. Большие деньги, конечно, за то получили. Но Мансур легко из плена ушел и оказался у черкесов, а потом в Анапе, где была его последняя, его великая битва...

От отца Мансура Шаабаза происходят только две фамилии — Умархаджиевы и Яхьяевы. Предки мои Шоаип и Аб-

дул-Кадыр после Кавказской войны ушли в Турцию, но жить там не смогли. С большим трудом вернулись на родину. Сын Шоаипа Умар-Хаджи — потом фамилию его стали писать Умархаджиев — был известным в наших местах строителем. Он, например, построил мост через Сунжу у села Новые Алды — тот, что зовут «горбатым». Его несколько раз арестовывали. Подозревали, что он, как потомок Мансура, выступает за отделение Чечни, но каждый раз выпускали, ничего не могли доказать. Только заставили сдать в краеведческий музей знаменитый серебряный перстень Мансура, который хранился в семье. Этим перстнем, говорят, имам излечивал любые недуги, стоило только приложить его к больному месту.

Еще до выселения чеченцев в сорок четвертом году в семье Умара-Хаджи хранилась резная подставка из дерева и металла для знамени Мансура. «Толаман кад» — вот как у нас это называется. Во время выселения ее спрятали под верандой дома. Когда вернулись, там ничего уже не было. Серебряное кольцо из музея тоже пропало. Так что теперь в семье от великого человека ничего не осталось.

Наши люди очень хотели, чтобы шейх Мансур был похоронен в Алдах, на родине, среди своих земляков. Знаю, что при царе даже делегация ездила в Санкт-Петербург и просила передать им тело Мансура для захоронения. Алдынцев царь принял и по-доброму с ними разговаривал. Но тогда уже могилу Мансура невозможно было найти. Известно только, что похоронили его возле Шлиссельбургской крепости, где хоронят всех тамошних узников. Но точное место никому не ведомо.

Во многих книгах написано, что шейх Мансур умер в Шлиссельбургской крепости. В это легко поверить. Самая страшная, можно сказать, царская тюрьма, куда отправляли главных врагов. Много там людей сгинуло, это правда. Однако Мансур был не простой человек, не из тех, кого можно было до самой смерти держать в каменной норе. Во всех книгах записано, что он убил солдата-конвоира, который над ним издевался. Скажите, как такое можно сделать?! Как у главного царского врага России и узника страшной тюрьмы, за которым следили сотни глаз, мог оказаться в руках кинжал?! Такое невозможно — скажет любой человек.

Правильно. Для меня, для тебя и для кого угодно — невозможно. Для имама Мансура не было невозможного. Он и не такие чудеса творил. Когда его воины умирали от жажды, он только помолился и чистая горная вода хлынула из древнего источника, который сотню лет уже как пересох.

Что же тогда удивляться, если в руке у Мансура появился добрый чеченский кинжал, когда ему нужно было защитить свою честь? Всем известно, что честь для горца важнее, чем жизнь. Ибо жизнь наша в руках Аллаха, а честь только в твоих собственных руках. Если ты не сумел сохранить честь, то и жизнь твоя ни Господу, ни людям не будет нужна.

Послушай, что скажу. История о шейхе Мансуре в Шлиссельбургской крепости не кончается. После того как он убил солдата, его сковали железными кандалами по рукам и ногам и бросили в каменную яму умирать. Это они так думали — его тюремщики. Мансур там и дня не пробыл. Ему тогда уже стало понятно, что справедливого суда над ним не будет. Он и не стал ждать. Обернулся черным волком, прошел через решетку, переплыл ледяную реку, что отделяет остров мертвых от живой земли, и вернулся в родные горы. Недаром русские солдаты и казаки называли Мансура — пастух-волк. Они боялись его и понимали, что это не простой человек...

Старые люди даже точно знают, когда Мансур вернулся. В ту ночь огромный черный волк пришел на старое алдынское кладбище и выл на могиле отца Шаабаза и детей своих. С тех пор каждый год, в какую-то одному ему известную ночь, волк сюда приходит и воет. Неважно, что кладбище бульдозером снесли и заровняли. Волк-то чует, где родные могилы.

Скажи, может такое быть случайно? Нет, конечно. Все наши люди знают — тогда шейх Мансур на родную землю вернулся.

Правду говорю. Не сомневайся. Возле Алдов в горных лесах и сейчас водятся черные волки. Больше нигде таких нет. Это все тут могут подтвердить. На черных волков горцы никогда не охотятся. Это ведь не простые звери. Они родные для нас. Нахчуо — первый чеченец, от которого весь наш народ начался, он родился в одну ночь с черным волком, стал его побратимом.

Скажешь, мол, это просто легенда, красивая сказка, которую старые люди придумали, а теперь молодым рассказывают. Напрасно. В жизни ведь все связано — люди и волки, горы и деревья, вода, огонь и бескрайнее небо. Вот почему все мы должны жить так, чтобы Божья правда и любовь были между нами. Война, злоба и жадность пусть останутся в прошлом.

Ни крови и мести, а добра и свободы для всех людей на земле желал добиться великий имам Мансур. Жаль только, что время его было слишком жестоким...

ПРИЛОЖЕНИЕ.
СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО ШЕЙХА МАНСУРА*.

(Л. 1)

Секретно.

Милостивый Государь мой Степан Иванович**.

От Командующего Кубанским и Кавказским корпусами г-на генерала-аншефа Ивана Васильевича Гудовича прислан взятый в Анапе чеченец Ушурма, который назвавшися законоучителем магометанским толикое произвел в суеверном народе тамошнем безпокойство, что оные подвигнулися на войска Российския и на границы наши; да и многое зло руководством сего лжеучителя нанесено. Ея Императорское Величество не почитая его отнюдь за военнопленного, как сущего развратителя народов Закубанских и Кавказских, указами изволила допросить о всем его похождении и всех деяниях его содержа между тем под крепкою стражею, и наблюдая, чтоб он в пище и одежде не претерпел недостатка. Ваше Превосходительство соизвольте истребовать его у кавалера господина генерала-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического от г-на генерала майора Попова. При допросе его Ея Величество повелела употребить находящагося в Коллегии Иностранных дел господина Коллежского Советника Константинова, который быв на Кубани, а потом в Крыму резидентом, знает тамошнее положение; а если бы арестант Ушурма, или инако называемый Ших-Мансур, говорил таким языком, в котором г. Константинов не силен, в таком случае он должен будет взять инаго надежнаго переводчика из Коллегии и вам представить. Впрочем о разных до сего //

(Л. 2)

арестанта касающихся обстоятельствах объявить честь имею вам, Милостивый Государь мой, на словах при первом свидании пребывая с совершенным почтением.

Вашего превосходительства покорный слуга

(подпись неразборчива)

---

* РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 7. Оп. 2. Д. 2777 (Дело о шейхе Мансуре — бунтовщике, заключенном в Шлиссельбургскую крепость как государственный преступник). Публикуется впервые.

** Начальник Тайной экспедиции Сената Степан Иванович Шешковский (1719—1794).

В Царском селе
Июля 26. 1791.

(Листы 3—8 в деле отсутствуют.)

(Л. 9)

Я называюсь Мансуром, уроженец из Алтыкаевской деревни, владения чеченцов. Отец мой именовался Шебессе; он умер, но из братьев моих двое еще в живых. Я беден, все мое имение состоит в двух лошадях, двух быках и одной хижине или крестьянском домике. Я не эмир, не пророк; я никогда таковым не назывался, но не мог воспрепятствовать, чтобы народ меня таким не признавал; потому что образ моих мыслей и моего жития казался им чудом.

Ибо из давного времени народ наш и я сам следовали дурному обычаю убивать без всякого сожаления наших ближних, и друг друга из нас самих, и вообще ничего иного не делать, кроме зла*. Но вдруг осветился я размышлением о вреде жизни мною провождаемой, и я усмотрел, что оный совсем противен нашему святому закону. Я постыдился своих деяний и решился //

(Л. 10)

не продолжать более таковой варварской жизни, а сообразить свое поведение с предписаниями Священного закона. Я покаялся о грехах своих, умолял о том других, и ближайшие мои соседи повиновались моим советам. В уединении своем не знал я, что слух о моем раскаянии распространился, и известился о том токмо чрез посещения многих, приходивших слушать мои наставления о выполнении долга по закону. Сие приобрело мне название шейха; и с того времени почитали меня человеком чрезвычайным, который мог, отрешась от всех прибыточных приманок, как то воровства и грабежа, единых добродетелей наших народов, которых я убеждал их оставить и иметь в презрение таковое ремесло.

Наконец, поелику каждое мое слово было выслушано с жадностью, и каждые уста разсказывали об оном различно

---

* В протоколе первого допроса шейха привлекают внимание резкая критика в адрес его земляков и постоянное преуменьшение роли самого Мансура в руководстве восстанием. Скорее всего, в этих искажениях истины виноват толмач-чеченец, пытавшийся таким способом оправдать шейха перед русскими властями и смягчить его участь. На последующих допросах с участием другого переводчика (возможно, это был упомянутый в тексте коллежский советник Константинов) показания Мансура выглядят куда более объективными.

по своему уму, по способности своего разума или в надежде, //

(Л. 11)

чтобы отличится, о чем слух обо мне разсеяли повсюду, так что мне у отдаленных народов дали титул пророка.

Из кавказских жителей Оар-Хан и Ахмет-Бей* прислали ко мне поздравлять и желать мне всякого сщастия; то же самое делал и один лесгинский (нрзб.), и каждый из них желал слушать поучения закона. Мне приносили подарки деньгами, овцами, яйцами, быками, лошадьми, хлебом и плодами. Но не имея при умеренной своей жизни большой в том надобности, я немедленно раздавал все получаемое; и таким образом питал я бедных и последователей закона божия, которые со своей стороны наставляли народ, не знающий доныне ни повиновения, ни порядка, ни человечества. По прошествии некоторого времени Ахмет-Бей пожелал со мною свести знакомство. Ты для меня нужен, говорил он мне, я имею надобность в наставлении, каким //

(Л. 12)

бы образом наблюдать мне в полной силе закон для своего спасения. Я остался у него несколько дней, не говоря и не слыша ничего ни о войне, ни о войсках, ни о набегах, наконец, ни с чем, что бы можно было поставить в вину. Доволен будучи, что могу направить сему кающемуся путь ко спасению, я возвратился так, как и пришел, и, продолжая образ жизни бедного человека, я размышлял о блаженстве обоих миров, я проповедовал спасение моим братиям и каждому, желавшему внимать истине. В то время получил я посольство двух сыновей Миссоста Гедогшугле и Бекмирзая**. Гедогшугле, выслушав несколько нравственных уроков, ушел от меня на другой день, но Бекмирза остался пять или шесть дней до возвращения. С тех пор не слыхал и не видал я никого из Кабарды и никакого черкеса, да я никого из сего народа и не знаю, кроме двух сыновей Миссоста. Между тем, //

(Л. 13)

поелику беспокойное свойство и различные склонности чеченского народа не хотели повиноваться спасительному нравоучению, то некоторые начальники предложили напасть на ингужской народ, несносный для нас, потому что не имеют ни законов, ни веры, ни исповедания. Со сторо-

---

* Дагестанские феодалы — аварский Умма-хан (Авар-хан) и дженгутайский Ахмед-хан.

** Кабардинский феодал Мисост Баматов.

ны народа сделано мне было внушение следовать за войсками. Чем более я старался удалиться от такового предложения, тем более принуждали меня к послушанию, но как наш народ в каждое мгновение переменяет свои мысли, то оный был внезапно расположен неким Гатши к тому, чтобы вместо нападения на ингушев итти прямо к городу Кизляру, не имеющему ныне никакого гарнизона и довольно богатому, чтобы приманить нашу хищность. Я всеми силами противился сему совету, приводя все возможные причины, даже следствия //

(Л. 14)

неминуемо опасныя таковаго предположения; но я проповедовал ушам глухим, никто не хотел верить мне, ни страшному порядку Россиян, ниже их силе. Сие засвидетельствуют Чапалов, Нурмирза-Гаджи, Ескир-Гаджи, Эмер-Хан, которые так как и я, хотели лучше итти противу ингушев, нежели в Кизляр. Но все сие убеждение было тщетно, мы принуждены были последовать стремлению и быть свидетелями неизбежной гибели, в которую неистовый жар ввергнул в тот день столь многих, хотя и храбрых, но нещастных людей, как они того и заслуживали. Я никогда не был столь далеко со своими товарищами, как тогда; я никогда не видел Кизляра и его окрестных мест; я ни с кем не имел переписки, но старался токмо всеми силами уговаривать свой народ, чтобы оный оставил воровское ремесло и не //

(Л. 15)

начинал непристойной войны с соседями, а еще менее — с Россиянами. По разбитии нас предложил мне Ахмет-Бек отправиться в Анапу, куда недавно прибыл Батал-Паша, желавший со мною познакомиться, Я согласился и меня тайным образом отвели до Лау-Кабака в Абассе*, оттуда двадцать человек проводили меня в Анапу. Батал-Паша принял меня совершенно хорошо, просил несколько вспомогательных войск от моего народа и, наконец, отправил меня для доставления ему оных. Я возвратился, объявил желание Паши, но не подкрепя оного своими убеждениями, никто не согласился туда отправиться и Паша известился об отказе чрез письмо, к нему посланное.

Несмотря на то, Паша Батал хотел меня иметь при себе, он хотя меня пригласил и я повиновался; но едва прибыл я в Абассу, как уведомился в его нещастии.

Во время проезда моего из Алти-Кабака до Анапы, я старался от всех быть скрыто, и я был //

---

* Область расселения абазинов в нынешнем Краснодарском крае.

(Л. 16)

одет инаково. На пути знал я токмо Тада-бея в Малой Кабарде и Юсуф-Гатчи в Кимрикое. Наконец узнал я также Батыр-Гирея. Я думал найти Селим-Гирея, но его не было ни в Кимрикое, ни в близлежащих местах.

А как разбитие Батал-Паши сделалось известным в Абассе, то Батыр-Гирей не вывел более обещанных войск, он их уволил вместо того, чтобы отправить в Анапу, и когда хотел опять получить, то оныя были уже слишком разсеяны. Между тем, желая увидеть Мустафу-Пашу, я с пятью человеками пошел в Анапу; но едва мы туда прибыли, как увидели весь город, объятый Российской армиею. Я в своем углу пребывал спокойным, и когда Паша выставил белое знамя, то он велел меня призвать к себе и просил следовать за его жребием... Генерал принял нас под присягою и обещанием, что мы //

(Л. 17)

подобно прочим военнопленным получим после войны свободу и что я в Санкт-Петербурге буду иметь пристойное содержание. Я был сим доволен токмо для того, что имею случай исполнить для своего народа то, чего столь часто желал, ибо россияне взятием Анапы покорили всю Кубань и никакой народ не отважится более оной воспротивиться: но Чеченцы не упустят нарушать мира с тем большею удобностию, что их земля неприступная, в разсуждении их положения никто не может их настичь и я токмо один в состоянии уговорить их, чтобы они покорились России; но для меня бы нужен был один товарищ Фетте, который находится ныне в Аттаге, ибо в случае если бы принужден был лучше остаться здесь, то я могу словами сего все исполнить, что ему посоветую.

Впрочем, я не имею //

(Л. 18)

никакого знакомства в Константинополе, ни в Сочи, ни в Георгии*, ни по ту, ни по сю сторону Кавказа, ниже с моими соседами. Я никогда не путешествовал, и кроме Анапы никакого другаго города не знаю.

(Л. 19)

1791 года июля 28 дня. Чеченец Мансур Тайным советником Шешковским через перевод коллежского советника Константинова на словах спрашиван и показал:

Родился он и взрос в одной из Чеченских деревень, на-

* Грузия.

зываемой Алды, от роду ему 30 с небольшим лет. Отец Япили и мать Абызыз* давно уже померли. В живых имеет он в той же деревне двух родных братьев Тантый и Тыгай, жену по имени Чачи, сына Яся 8-и лет, дочь Рагмет 4-х лет и другую Намет году. В первых летах своей юности пас он овцы, а возмужавши, упражнялся в земледелии. Грамоте не учен, читать и писать не умеет, а выучил наизусть повседневные пять молитв. Сии в обыкновенныя пять времен дня отправляемыя, при том главнейшие символы веры и должности закона. Когда же соотчичи его, как простой народ, так и ученые, почитающиеся духовенством, уклоняясь от путей закона, пали в различныя заблуждения и отринув должное к Богу почтение, пост и молитву, стали жить развратно, утопая во всех родах злодеяний, то он, Мансур, вспомня смертный час, и ведая, что за неисполнение законом повеленных должностей, должен дать ответ Богу на страшном его судилище, и предположил сам себе твердой закон, не следовать худым примерам своих соотчичей, жить набожно, и никогда не отставать от молитв и поста. Когда же начал с твердостию и постоянством исполнять сей свой обет, //

(Л. 20)

то ближние соседы его и все той деревни жители, видев порядочную его жизнь и постоянную набожность, начали один по другому к нему прилепляться, и слушая внушаемые им наставления, в короткое время все, раскаявшись в своих грехах, обратились к путям закона.

Скоро разнесся слух о сем во всех чеченских селениях, народ толпами стекался к нему, Мансуру, слушать его поучения и каждой, принеся покаяние, обращался к добродетелям, так что, наконец, не только простой народ, но и духовенство, одобряя его наставления, являли свое к оным уважение, и в знак ево, Мансурова пред ними преимущества, нарекли его Шейхом (Шейх значит старец или законник). Тогда, видя он в народе такое к нему уважение и послушание, советовал каждому не делать зла друг другу, как своим одноверцам, так равно и иноверцам, наипаче же Россиянам, яко сильному и военному народу. Почему Чеченцы и обходилися с Россиянами весьма дружественно и расположены были навсегда хранить доброе согласие вследствие того и удовлетворяли многие требования начальников войск российских. Посреди всего сего некто из завистников его

---

* Неправильно записанные имена родных Мансура дают хорошее представление о качестве перевода и его соответствии подлинным словам шейха.

Мансурова в народе уважения чеченец Алаши Баташ внушил начальнику российских войск Ивану Дмитричу*, будто он, Мансур, возбуждает чеченцев к принятию оружия против России и тому подобное. Чеченцы, в том числе и он, Мансур, не ведая в том ничего не только вооружений, даже и нужной //

(Л. 21)

предосторожности не имели до тех пор, пока увидели уже внутри своих селений немалой отряд Российских войск, предающий все встречающееся ему огню и мечу. Тогда всяк из них, оставя свое жилище, убегал в горы, домы и пожитки расхищены и созжены, наипаче деревня Алды, в которой Мансур жил, превращена в пепел, и имение его разграблено; когда же Россияне занимались таким опустошением, тогда чеченцы, собравшись в горах, и повестя всем своим единородцам, вооружились так, как в такой внезапности успеть могли, и на возвратном оного отряда пути вступили в сражение. Тут чеченцы с великим своим уроном одержали верх, половина почти оного отряда побита, а остальные ушли.

Сей неожиданный им, Мансуром, и чеченцами от российских войск поступ был поводом тому, что чеченцы в отмщение за причиненной селениям их вред предприняли было учинить набег на Кизляр. Но как не доходя еще до означенного места небольшая чеченцов партия, впереди следовавшая, встретясь с такою же малочисленною российскою партиею, подрались, и россияне, одержав верх, оную прогнали назад, то и большую толпу составившие чеченцы пришед в размыслие, возвратились в свои жилища. Окончив там свои военные поиски, после сего вознамерился он, Мансур, исполнить обряд закона, состоящий в посещении Мекки, и на сей будто конец отправился в Анапу с четырьмя другими //

(Л. 22)

чеченцами туда ж следовавшими с тем, чтоб в Анапе сесть на корабль и плыть в Константинополь, а оттоль и далее. Но бывший тут Батал-Паша ни ему, Мансуру, с его товарищи, ни другим в Мекку же следовавшим двадцати пяти черкесам, не позволил сесть на корабль, в разсуждении войны с Россиею, объявя им, что в такое время подвиг за веру против иноверных не менее поклонения Мекке угоден будет

---

* Вероятно, имеется в виду генерал Иван Варфоломеевич Якоби — командующий на Кавказе во время нападения царских войск на аул Алды в 1783 году.

Богу, и что корабля не может отпустить он в море более для того, чтоб не попался в добычу разъезжающим по Черному морю Российским крейсерам. По сей будто причине он, Мансур, и прочие путешественники оставались в Анапе до самого взятия оной крепости Российским победоносным оружием, где он с прочими достался в плен победителям.

Относительно его пророчеств или святости говорит он, Мансур, что ни он сам себя и никто другой не называл его пророком, и что таковое название было бы противно Алкоранову писанию, в котором написано явственно, что Магаммед есть последний пророк и окончание пророчеств, а те, кои после его придут, и нарекут себя пророками, суть лжепророки; также говорит он, что никогда не украшал он своих поучений ни откровениями, ни вдохновениями, поелику все таковые выдумки тем же Алкораном обличаются и после Мугаммета никому другому откровений или вдохновений быть не может.

Поучения же его, говорит он, были короткия и самыя простыя, яко человека неграмотного, //

(Л. 23)

а именно: исповедывать Бога во единице. Исповедывать, что Мугаммед посланник Божий. Верить воскресению мертвых и страшному суду Божию, на котором каждому воздано будет по делам его. И для того исполнять должности законом предписанныя, коих суть пять. 1-е — Пост. 2-е — Молитва. 3-е — Посещение Мекки и Медины. 4-е — Подаяние милостыни и 5-е — исповедание веры в единаго Бога.

А 7-го числа сего августа он же, чеченец, Мансур, на учиненные ему от Тайнаго советника Шешковскаго чрез перевод ево же г-на Константинова, при довольном увещании показал: Что он к нанесению вреда российским селениям ни от кого научаем не был до 1787-го года и жил в простой набожности, так как показал он в допросе 28-го июля, под названием шейх Мансуром, каковым нарекли его чеченцы еще в 1783-м году*, а с 1787 году чрез двоекратную присылку Наврузовского татарина приглашен он в Анапу к бывшему там трехбунчужному Паше, прозываемому Косе, а имени его не знает, при котором находилось до десяти тысяч войска, и один двухбунчужной паша Мустафа, По прибытии его в Анапу вместе с склонившим его туда ехать чеченским же муллою Мугамметт-Гаджием и двумя простыми чеченцами. Помянутой Косе-паша принял его ласково, и сперва любопытствовал, какия он, Мансур, поучения делает народам и выслушав оные //

---

* Ошибка или описка в тексте. Имеется в виду 1785 год.

(Л. 24)

от Мансура, разхвалил оное нравоучение; отзываясь, что хотя оное кратко, но в разсуждении ево Мансуровой простоты и того довольно, что он может ожидать награды от Бога — за усердие свое к распространению веры в таких диких местах, каков есть Дагистан и протчее. При втором свидании разпрашивал оной Паша о близости границ Российских, более же о том, нет ли от Россиян каковы им притеснения. Мансур по сказкам его отвечал, что он из селения своего выехал от роду еще впервые, а до того, кроме близких к родине его горских мест, нигде не бывал, следовательно, границ Российских и как они от них далеко, не знает, равным образом и о притеснениях со стороны Российской ни от кого никогда не слыхал, кроме того, что чеченцы дают Россиянам своих аманатов с тем, чтоб по прошествии одного года, переменя их другими, прежних брать обратно; но с некоторого уже времени Россияне, получа от чеченских селений новых аманатов, удерживают у себя и прежних, и что чеченцы за сие только одно на Россиян ропщут. В протчем как он Мансур в таковыя дела никогда не вмешивался, то и никаких сведений более не имеет. Тогда Паша, выслав всех предстоящих вон и оставшись наедине с Мансуром и помянутым спутником его Муллою Мугамед-Гаджием, который переводил их разговор, сказал: «удерживание Россиянами аманатов //

(Л. 25)

ваших есть явной знак нарушения их обязательств. Они разрушили уже мир с Калифом и умышляют истребить правоверных, вскоре возгорится война, всякий истинный мусульманин должен, вооружась, защищать правую веру до последняго издыхания, а как де известно, что по ревности твоей к вере послушны тебе не только все чеченцы, но и многие другие дагестанские народы, то сей случай подает тебе наилучшее средство приобресть божеское милосердие и султанские щедроты для блаженств в сей и будущей жизни. Старайся увещевать и побуждать, чтобы все магометане, вооружась, ополчились против Россиян и наносили бы вред неприятелю Мусульманской веры, и будь уверен, что служение твое Богу и Калифу награждено будет такими воздаяниями, какие только вообразить можно».

При таких лестных и убедительных словах Пашинских, говорит Мансур, не знал что ему отвечать и просил времени на размышление и после нескольких дней отвечал Паше, что он как мугаметанин, конечно, обязан способствовать ко вере, но что касается до чеченцов и прочих дагестанцев, то

он об них не может сверительно ничего сказать, ибо все сии народы имеют своих начальников и свои обстоятельства, соображаясь которым располагают они свои дела, и хотя де он, Мансур, не дал Паше своего //

(Л. 26)

о возбуждении народа обещания, однако Паша все его ласкал и содержал хорошо. Между тем, получил Паша из Константинополя ферманы*, объявляющие войну против России и жестокими заклинаниями побуждающие мугаметан к ополчению против оной. Косе-Паша не успел еще разослать сих ферманов во все места, как на смену ему прибыл трехбунчужной же Батал-Паша с несколько тысячами войск Анадольских. Батал-Паша принял его, Мансура, также ласково и уговаривал еще более, чтобы он Мансур возбуждал народ к подвигу за веру. Мансур, по сказке его, будто и сему Паше также отвечал, и не дал уверительного обещания, не мог однако же противоречить против калифских ферманов толикими заклинаниями наполненных, и с тем возвратился в свое жилище, где упомянутой ферман до прибытия еще ево получен, читан и по общему совету положено, не предпринимать ничего против России, пока кабардинцы, яко многочисленнее чеченцов, и другие горские народы, а особливо Шимхалам Заур-Хан и Ахмед-Бек** обще с чеченцами подвластные и магометанским законом равнообязанные не согласятся общими силами действовать. И так хотя по прибытии Мансуровом, он, а паче сопутник его, упоминаемой Мулла Магамед-Гаджи и напоминали прозьбу калифских ферманов, однако ж вышеназванным уже //

(Л. 27)

никакого действия производить не могли, кроме того, что сие самое подало повод сказанному в допросе июля 28 дня недоброжелателю Мансурову Алаши Баташу внушить российским начальникам, что он, Мансур, возбуждает чеченцов против России, и прочее. Он клянется Кураном, что до тех пор кроме вышепомянутого напоминания ферманов Калифским никогда и никого к военным действиям не возбуждал, в доказательство сего приводит он то, что во все те времена чеченцы не только военною рукою, но ниже воровских россиянам не делали никакова зла, и что пред самым уже почти тем временем, в которое российский отряд зжег

---

* Ферман или фирман — указ восточного правителя, в данном случае турецкого султана (халифа).

** Шамхал Тарковский Сурхай и уже упоминавшийся дженгутайский Ахмед-хан.

деревню Алды и его, Мансуров, в ней бывший дом, один только чеченец Бурсак Грыхманов, сын жителя деревни Кихы, с неизвестными ему, Мансуру, товарищами уворовал из российских селений семь лошадей и одного человека, о чем коль скоро проведал он, Мансур, то объявил начальству и лучшим из чеченцев людям, и опасаясь, дабы таковым одного бездельника поступком не навлечь на все селение воинских поисков, сыскали оного вора и отобрав у него те лошади и человека, приготовились было отправить их к российским начальникам, причем он, шейх, и от себя заставил было письмо, удостоверяющее, что он и с своей стороны посоветует чеченцам хранить с Россиею доброе согласие, но в самое то время упомянутой //

(Л. 28)

отряд российских войск зжег деревню Алды, и произошло то поражение, о котором в первом своем допросе он показал, которое почитает он первым и последним нанесением вреда россиянам. Тут о убитых россиянах говорит он только, что побито их много, а прямого числа не знает, живых же досталось в разные чеченские деревни сто сорок человек, которые думает он и теперь в их руках, а есть ли и продали некоторых в горы, то буде вступят чеченцы по прежнему с Россиею в обязательство, могут их выкупить и возвратить, при сем случае щитает он чеченцов убитых до ста, а раненых вдвое против того.

Не запирается он, что после сего случая и особливо узнавши, свидетельствовал от пленных, что поиск сей употреблен был единственно для погубления его, Мансура, побуждал он чеченцов к отмщению и без его уже к тому в готовности бывших по известно, что поход их к Кизлярам, кроме своей гибели, не нанес россиянам и малейшего вреда, равно и тогда, когда они под видом переговоров с кабардинцами о взаимных претензиях, хотели пробраться и соединиться с Батал-пашою, будучи встречены российским войском и не имев ошибки от одних пушечных выстрелов, потеряв человек до десяти, возвратил в свои дома. И так, показывает он, всех сражений, при каких он находился, три. Первое — в селениях своих, где причинили российским описанной //

(Л. 29)

уже вред. Второе — на пути к Кизляру, где россиянам не причинили и малейшего убытка, сами же потеряли немалое число людей, а сколько именно не знает. И третие — на пути между их селением и Кабардою, где так же россиянам не учинили вреда, а сами потеряли человек до десяти. Вскоре

за сим получили известие, что Батал-паша разбит. При таких обстоятельствах он, Мансур, видев свое пребывание в чеченских селениях подверженным опасностям, разсудил уклониться оттуда, и буде удастся побывать в Мекке. На сей конец оставя жену свою и детей в доме роднаго ее брата чеченского Узденя Ята Батырмурзина, сына, того самого, которой за два года до сего был в России и которому из монаршей милости определена пенсия по 150 руб. в год, сам отправился за Кубань в Касайскую орду, где в Наврузовских улусах препроводил зиму, а по весне переехал в Анапу к сыну Батал-паши, Мустафе-паше, у которого хотя и просил, чтоб отпустил его в Мекку, но он уговорил его остаться несколько времени при нем. Между тем, россияне окружили Анапу и он, Мансур, так как в первом допросе показал, достался в плен победителям, не запирается и в том, что при обороне города Анапы и он наряду с турками действовал, а что более вышесказанных случаев никогда не возбуждал ни чеченцов, ни иных народов против России, что никогда и никого не научал на зло, //

(Л. 30)

что так же никто ему не делал никаких внушений и поощрений к возбуждению народов против России, кроме вышепомянутых пашей, и что все то, что ему известно было, сказал по истинной правде, не утаивая ничего. В том клянется он по вере своей Богом, Пророком и Кураном, и буде в чем-либо солгал, то подвергает себя не только мучению, но и самой смерти.

Советник Андрей Константинов.

(Л. 31)

В бумагах взятых от известного чеченца содержатся разные молитвы из разных мест Алкурана, выписанные во имя Бога милосердаго и милостивого.

Слава Богу, Господу обеих миров, то есть сего и будущего, милосердому, милостивому властителю суда Страшнаго.

Тебя молим к твоей помощи, просим, направи нас на путь правый, на путь оной, яко же ради благотворивый ходящим по нем, не прогневаешися на них и не падут в заблуждение.

Бог ваш есть Бог один, и несть Бога кроме онаго Милостиваго и Милосердаго: ему же несть владыки ни сообщника ниже соучастника во владычествии его. Хвалите его и благодарите утро и вечер: несть крепость и сила иже не от Бога величайшая и высочайшаго. Уповая на Бога не постыдится, споспешествует ибо ему Всемогущий Бог во всех его начинаниях. Воистину Господь ваш есть Бог, которой сотво-

рил небо и землю в шесть дней, щедрит и дарит, ему же хошет без числа.

Господи наш не истязуй нас, аще мы что запомнили, и еще в чем погрешили, и не возверзи на нас тягости такой, каковою отягощены предшествовавшие нам роды, не возложи на нас, его же понести не можем, прости нас Господи и помилуй нас, ты еси владыка наш, и даждь нам помощь свою на неверующих в тебя.

Потом сидя на престоле покрывая день нощию, сотворил он солнце, луну и звезды, и течение их покорил своей власти, не его ли суть творение и повеление. Благословен будь Господь Бог обеих миров, Бог, кроме которого нет иного Бога. Он есть живой, присносуществующий, ему же не прикасается дреманте и сон, его суть вся, иже на небесах и на земле. Кто посмеет ходатайствовать у него аще не по его изволению, он ведает. Бывшее и еще имать быти, никакая вещь не может обзять сведений его кроме того, что он открыть восхощет, пространство престола его суть небо и земля, и не обременяет его тягость хранения их, Он есть высок и велик.

Прибегаю к Господу и царю рода человеческого, да сохранит меня от диавольского искушения и козней человеческих. Милостивый к рабам своим Господь Бог //

(Л. 32)

щедрит и дарит, ему же хощет без числа.

Господи наш не истязуй нас, аще мы что запомнили, и аще в чем погрешили, не возверзи на нас тягости такой, каковою отягощены предшествовавшие нам роды, не возложи на нас, его же понести не можем. Прости нас Господи и помилуй нас, ты еси Владыка наш, и даждь нам помощь свою на неверующих в тебя.

Молитвы сии получил он от разных абызов*, две от Якуба моллы Чеченского, который уже давно умер. Одну от Юсуфа, Батырханова сына, малолетнего чеченца, который называет себя пророком, и которой и теперь в чеченских селениях живет. Три от одного турецкого дервиша Исляма бывшего в Анапе.

Наврузовский татарин Келембетова аула молла Зен-Эфенди, двоекратно был прислан от Косе-паши с приглашением Мансура в Анапу. Оной Зен-Эфенди убит при преследовании закубанцев отрядом российских войск, бывших под командою генерала-порутчика барона Розена.

---

* Абыз — татарское название ученого муллы, знатока Корана, которое часто встречается в российских документах.

(Л. 33)

Сентября «___» дня на вопросы: не внушал ли он когда татарам крымским или ногайским о Шагин-Гирее* каких-нибудь предвещаний, не возбуждал ли в них к нему приверженности или противу ево ненависти, равно не имел ли он когда какой-нибудь переписки и пересылок с Киргис-кайсакскими ордами, особливо же с меньшою кочевавшею иногда по сю сторону Волги или же с Дашти-кипчакскими татарами, Озбеками и Бухарцами и протчими как отдаленными, так и ближними к Кавказу соседними народами, чеченец Мансур показал:

Что он крымских татар и ногайцов никогда не видывал, и с ними никакова знакомства не имел, равно Шагин-Гирея ни его дел не знает, а слыхал об одном только имени его и видел серебряную монету, битую во время его ханства; что ни в сторону его, ни противу его никогда никого не склонял, не возбуждал, и не имел к тому никаких притчин и ниже способов. Киргис-кайсакских же орд, Озбеков и Бухар название впервое еще слышит, и не один он, но большая часть дагистанцов не знают сих народов, какой они нации и веры, изключая одних грамотных абызов их, которые называют места, к востоку лежащие, Тураном, и говорят, что там живут кочующие народы, большою частию идолопоклонники. А хотя де между ими и есть некоторые племена магометанского закона, но те больше следуют персидской секте.

Наконец, утверждает Мансур клятвою, что он, так как и прежде показал, никогда никого ни противу кого не возбуждал, не поощрял и не приводил и на какие-либо дела и //

(Л. 34)

предприятия, и что кроме тех подвигов, о коих в первых допросах сказал, ничего более в себе не чувствует, и другого никого не знает, которой бы под каким-нибудь именем или названием развращал народы и подстрекал на злодеяние.

(Л. 35)

Секретно.

Нашему полковнику и шлиссельбургскому коменданту Колюбакину.

Уроженец чеченский Ших Мансур, возмущая тамошние горские народы, преклонил их ложными внушениями к

---

* Последний крымский хан Шагин-Гирей в 1783 году был отстранен от власти русской администрацией. До 1787 года находился в ссылке, потом уехал в Турцию, где был убит.

клятвопреступлению и к подъятию противу нас, вопреки присяге, сообща от них на верность нам данной, оружия, с которым неоднократно устремлялись они проникнуть в границы наши и сверх того, особливо по открытии войны с турками, разныя ко вреду нашей империи делал покушения, покуда, наконец, при овладении штурмом городом Анапою в оном взят и сюда прислан, где содержась уже в крепости, оказал новую предерзость, поразя ножом караульного, за что и скован в железа. В сем состоянии препровождая его в Шлюссельбургскую крепость на безысходное в ней пребывание, повелеваем снять с него цепи, иметь однако ж за ним строгое наблюдение, дабы от него побегу или какого зла учинено не было, производя по двадцати пяти копеек на день на содержание его.

Подлинный подписан собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина

В Санкт-Петербурге, октября, 15, 1791.

(Л. 36)

Секретно.

Государь мой Андрей Гаврилович отец мой!

Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила содержащегося в Петербургской крепости под ведением вашего превосходительства секретного арестанта Шиха Мансура послать к содержанию в Шлиссельбургскую крепость за присмотром надежнаго офицера, придав ему пристойное число караульных солдат. Как же оному офицеру в пути поступать, о том имеет быть отдан ему из тайной экспедиции приказ.

Пребывая в протчем с совершенным почтением

Вашего превосходительства государя моего покорный слуга

Салтыков.

19 октября 1791 г.

(Л. 37)

По указу Ее Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая

б:п № 3893

От Санктпетербурга до Шлиссельбургской крепости и обратно отправленному по высочайшему е.и.в. соизволению

Санктпетербургских баталионов капитану Аверину с едущими при нем до Шлиссельбурга на состоящих станциях давать по шести и (обратно) по четыре курьерских подвод с проводником за указанные прогоны.

Дана из Санктпетербургского губернского правления с приложением печати.

Октября 10-го дня 1791 года.

Ея Императорскаго Величества
всемилостивейшей государыни моей,
Генерал-Порутчик, Санктпетербургский губернатор и
орденов Святаго Равноапостольного Князя Владимира
большаго креста второй степени и Святыя Анны
кавалер (подпись и печать)
(Л. 38)
Секретно
Правительствующаго Сената из Тайной канцелярии

Приказ

Во исполнение высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволения отправляетесь вы с секретным арестантом для препровождения ево в Шлиссельбургскую крепость к тамошнему коменданту г-ну полковнику и кавалеру Колюбакину; чего ради приняв из оной экспедиции запечатанный на имя ево г-на Колюбакина высочайший указ и взяв по подорожной подводы, следовать с тем арестантом в повеленное место без всякаго промедления, не останавливаяся нигде праздно ни на малое время будучи же в пути содержать того арестанта под строжайшим присмотром, дабы он как себе так и другому кому какого зла а паче убивства учинить не мог, и для того ничего бы ему в руки не давать, и никого к нему не допускать; а по прибытии в крепость Высочайший Указ ему г-ну Колюбакину подать, а прибыв и арестанта представив и изпрося в приеме того указа и арестанта ответа следовать обратно сюда и явиться в оной Экспедиции; подвод брать вам до Шлиссельбурга по шести, а обратно по четырем, на которые и выдано вам, а равно и на содержание в пути арестанта пятьнадцать рублей. При сем же объявляется вам Указ 1724 года о делах тайности подлежащих никому о том не писать и не объявлять кроме настоящей реляции откуда отправлены, опасаяся за неисполнение сего вам предписанного строгаго по законам осуждения.

Тайный советник Степан Шешковский.
7 октября 1791 года.
(Л. 39)
Всепресветлейшей державнейшей Великой государыне Императрице и самодержице Всероссийской от полковника Шлиссельбургского коменданта Колюбакина.

Всеподданнейший рапорт
Сего месяца 15-го высочайшее Вашего Императорскаго Величества повеление, при котором препровожден уроженец чеченский Ших Мансур в Шлиссельбургскую крепость на безысходное пребывание, 17-го числа мною получено и в силе вашего императорскаго величества повеления со онаго Ших Мансура цепи сняты и в своем номере содержитца под крепким караулом.

Вашего Императорскаго Величества верноподданный
Михайла Колюбакин.
Числа 17 октября, 1791 году.
(Л. 40)
Секретно.
Правительствующаго сената в Тайную экспедицию от полковника и Шлиссельбургского коменданта Колюбакина

Рапорт
Сего месяца 17 числа из объявленной экспедиции при Высочайшем Е.И.В. повелении получен уроженец Чеченский Ших Мансур на безисходное пребывание в Шлиссельбургской крепости от Санктпетербургского четвертаго баталиона капитана Аверина по полуночи в девятом часу и на содержание ево кормовых денег пятнатцать рублей, о чем сим Правительствующаго Сената Тайной экспедиции покорнейши имею честь донесть.

Михайло Колюбакин
(подпись)

Числа 17 октября 1791 году
(Л. 41)
Милостивейший государь,
Степан Иванович.
Сего месяца 17 числа при высочайшем Ея Императорскаго Величества за собственноручным подписанием пове-

лении то ж ис Правительствующего Сената Тайной экспедицыи прислан уроженец чеченский Ших Мансур на безысходное в Шлюссельбургской крепости пребывание, а как в том имянном Ея императорскаго величества повелении и не предписано о получении онаго рапортовать, в таком случае вашего высокопревосходительства покорнейше прошу, по новости моей, меня простить и при том осмеливаюсь всепокорнейши просить, естли следует на оное повеление рапорт, то оной при сем препровождаю. Естли же онаго не надобно, всенижайше прошу оной через почту ко мне возвратить.

Вашего Высокопревосходительства
милостиваго государя всепокорный слуга
Михайла Колюбакин
17 октября
1791 году.
(Л. 42)
Секретно.
Правительствующаго Сената в Тайную экспедицыю
от полковника и Шлиссельбурского
коменданта Колюбакина

Рапорт

Минувшаго февраля 24-го таковым же в объявленную экспедицию донесено было, что находящийся в Шлисельбурской крепости под арестом уроженец чеченский Ших Мансур заболел, а сего же апреля 13-го числа пополудни во втором часу от оной болезни помер, о чем Правительствующаго Сената Тайной экспедицыи покорно прошу, чтоб благоволили означенного Ших Мансура ис крепости в ночное время на Преображенскую гору водою для зарытия в землю снабдить меня повелением. Присланные ему вышеписаннаго февраля 24 числа из упоминаемой экспедиции на производство кормовых денег дватцать пять рублев, ис которых и в дачу производилось по дватцать четвертаго по двадцати пяти копеек на день и сего апреля по четвертое на десять число и того выдано двенатцать рублев и семьдесять пять копеек. Да из выдаваемой ему, Мансуру, порцыи оставалось у него день ото дня по нескольку и тех денег по день ево смерти в остатке дватцать Рублев. А собственно ево платья турецкая шуба ветхая крыта шелковою малиновой материей, чекмень коришневой ветхой, рубах две, тюфеков, набитых волосом два, подушек перовых две, одеяло набой-

чатое простое. О чем прошу покорно снабдить меня своим повелением; как оставшую порцию денег, равно и собственныя: то ж и оставшей после его смерти, куда благоволите употребить.

Полковник и комендант Колюбакин.
Апреля 13 дня, 1794 года.
(Л. 43)
Правительствующего сената и Тайной экспедиции
полковнику и Шлиссельбургскому коменданту Колюбакину.

Вследствие рапорта вашего от 13 числа сего апреля о смерти содержащегося во оной крепости секретного арестанта известнаго чеченца Ших Мансура, благоволите по получении сего немедленно похоронить его на прописанном в рапорте вашем месте, деньги же, оставшиеся от производимой ему порции, причислить к другим порционным, а оставшийся после него скарб оставить в пользу содержащихся там протчих арестантов до вашего распоряжения, по исполнению чего имеете в Тайную экспедицию рапортовать.

14 апреля, 1794 года.
(Л. 44)
Секретно
Правительствующаго Сената в Тайную экспедицыю
от полковника и Шлиссельбурского
коменданта Колюбакина

Рапорт
Сего апреля 14-го из объявленной экспедиции отпущенное повеление здесь мною оное получено 15 числа о погребении и о вывозе ис крепости на Преображенскую гору тела находящегося в сей крепости секретного арестанта Шиха Мансура. Исполняя оное повеление сего месяца в шестое на десять число пополудни в двенадцатом часу вышеписанного Ших Мансура тело ис крепости порутчиком Юхаревым вынесено и прямо водою на Преображенскую гору отвезено, где оное и погребено, о чем сим Правительствующего Сената Тайной экспедиции покорнейше имею честь донесть.
Полковник и комендант
Колюбакин

Приказано уведомить графа Безбородко,
о чем и нужно (нрзб.) письмо.

Посему его превосходительство граф Александр Андреевич Безбородко от генерал-прокурора в то же время уведомлен.

№ 17 апреля 16-го дня, 1794 года.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШЕЙХА МАНСУРА

Около 1760 — рождение Ушурмы (Мансура) в чеченском ауле Алды.

Около 1778 — Мансур покидает родной аул для углубленного изучения ислама. Возможная поездка в Дагестан и учеба в медресе.

После 1781 — возвращение Мансура в Алды. Женитьба на Чече Баттымурзиной, рождение сына и двух дочерей.

1783, октябрь — аул Алды сожжен царскими войсками во время карательной экспедиции.

1785, февраль — первые публичные выступления Мансура с проповедями перед жителями селения Алды.

Март — апрель — подготовка и начало восстания горцев Чечни и прилегающих областей Кавказа под предводительством Мансура.

Июнь — выступление против Мансура русских войск под командованием полковника Пиери.

6 июля — разгром чеченцами отряда Пиери у селения Алды. Убито 300 солдат и девять офицеров, взято в плен около 200 человек, в том числе будущий герой Отечественной войны 1812 года П. И. Багратион.

8 июля — карательная экспедиция бригадира Апраксина против восставших жителей селений Алды и Алхан-Юрт.

15 июля — первая попытка восставших овладеть крепостью Кизляр. Разгром Каргинского укрепления на подступах к Кизляру.

29 июля — поход против укрепления Григориополис.

19—22 августа — второй поход против крепости Кизляр.

22 августа — отступление Мансура от Кизляра и его успешное сражение с Томским пехотным полком.

Сентябрь — поездка Мансура в аул Эндерей, чтобы поднять на восстание кумыков и ногайцев.

30 октября — сражение восставших горцев во главе с Мансуром с царскими войсками в ущелье между укреплением Григориополис и Малой Кабардой.

21 ноября — сражение с царскими войсками у селения Татартуп (Кабарда).

Декабрь — объявление царской администрацией награды 300 рублей за голову шейха Мансура.

1786, январь — февраль — начало нового этапа восстания, усиление мероприятий царизма против горцев.

Весна — новые усилия Мансура по объединению горских отрядов.

Июль — август — отход от Мансура некоторых горских князей и владетелей.

Сентябрь — поездка с Магомедом Гауджиевым к туркам за Кубань с просьбой о помощи.

1787, январь — карательные экспедиции русских войск в Чечне под командованием полковников Савельева и Ретиндера.

Май — июнь — выступления шейха Мансура в горских аулах с призывом встать на защиту свободы.

5 июня — поездка Мансура в Анапу для переговоров о помощи с турецкими властями.

3 июля — Мансур, потеряв надежду собрать новые силы в Чечне и Дагестане, уходит за Кубань.

20—22 сентября — военные действия восставших горцев во главе с Мансуром против царских войск между реками Уруп и Лаба (Адыгея).

Октябрь — неудачное сражение Мансура с русскими на реке Уруп, его уход в крепость Суджук-Кале.

1788, 25—26 сентября — сражение русских войск под командованием генерала Ратиева с турецкой армией Мустафы-паши и закубанскими народами на реке Убинь.

1789, сентябрь—октябрь — установление Мансуром контактов с казахскими племенами, жившими к северо-востоку от Каспийского моря.

1790, февраль — вторжение отряда генерал-поручика Бибикова за Кубань с целью противодействовать наступлению восставших горцев во главе с Мансуром на Кавказскую линию. Поражение царских войск.

Август — возвращение Мансура в Чечню с целью поднять чеченцев и соседние народы на борьбу с царскими властями.

30 сентября — сражение войск генерала Германа у реки Тохтамыш с турецкими войсками во главе с Аджи-Мустафа-пашой и черкесскими племенами. Поражение турецких войск и захват в плен генерала Батал-паши с 30 орудиями.

Ноябрь — после безуспешных попыток поднять восстание в Чечне и Дагестане Мансур вновь уходит в Анапу.

Декабрь — неудачный поход генерал-поручика Бибикова за Кубань против шейха Мансура и его союзников.

1791, 20—21 июня — предложение генерала Гудовича защитникам Анапы о добровольной сдаче крепости. Требование шейха Мансура к командующему крепостью Мустафа-паше о продолжении сопротивления царским войскам.

22 июня — штурм и взятие войсками генерала Гудовича турецкой крепости Анапа. Пленение Мансура и отправка его в Петербург.

6 июля — пленного имама привозят в Царское Село, чтобы его могла увидеть императрица Екатерина II.

Июль — сентябрь — допросы Мансура секретарем Тайной экспедиции полковником Шешковским.

15 октября — осуждение Мансура на вечное заключение в Шлиссельбургскую крепость как бунтовщика и государственного преступника «за побуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи».

1794, 13 апреля — шейх Мансур скончался в Шлиссельбургской крепости. Тело его тайно, без всяких обрядов, было погребено на Преображенской горе.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1—2. Тифлис, 1868—1904.

Ахвердов А. И. Описание Дагестана. История, география и этнография Дагестана. М., 1804.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 2.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1—3. СПб., 1869.

Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи с 1192 года по 1202 год Хиджры (1775—1784)// Русский архив. М., 1888. Кн. 1.

Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957. Т. 1—2.

Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1958. Т. III. Ч. 1.

Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. Издание полное, с примечаниями Г. Н. Геннади. М., 1862.

II. Литература

Александров Н. Шейх Имам Мансур // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 56. Симферополь, 1919.

Алироев И. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.

Алироев И., Межидов Д. Чеченцы: обычаи и традиции. Грозный, 1992.

Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, 1991.

Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне XVIII в. — В кн.: Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — нач. XX в.). Грозный, 1980.

Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII — начале XIX века. Элиста, 2002.

Ахмадов Я. З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991.

Ахмадов Я. З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.

Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х. История Чечни в XIX—XX веках. М., 2005.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М.., 1888.

Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» шейха Мансура. 1785—1791 гг.) / Пер., комментарии В. Г. Гаджиева, Махачкала, 1994.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Бобровский П. Кубанский егерский корпус // Военный сборник. СПб., 1893. Т. 209. Ч. 1—2.

Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974.

Борчашвили Э. А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVII—XIX веках. Тбилиси, 1988.

Букалова В. М. Антифеодальная борьба кабардинских крестьян во второй половине XVIII в.// Вопросы истории. М., 1961. № 10.

Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939.

Виноградов А. К. Шейх Мансур. М., 1934.

Волкова Н. Г. Динамика численности вайнахских народов до XX в.// Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. 2.

Гапуров Ш. А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х годов XVIII в. — В кн.: Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. Очерки политической истории их взаимоотношений с древних времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1976.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Т. 1—2.

Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. — В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.

Гмелин С. Г. Путешествие по России. СПб., 1785. Ч. III.

Головчанский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. (По документам Кизлярского комендантского архива)// Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 11.

Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга// Археолого-этнографический сборник. Т. 3. Грозный, 1969.

Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика Гюльденштедта И. А. в 1770—1773 гг. СПб., 1809.

Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001.

Дубровин Н. Ф. Кавказская война. СПб., 1871. Т. 2.

Ильясов Л. М., Дошаев Р. М. Чеченский этический кодекс. М., 2006.

Исаев Э. Вайнахская этика. Назрань, 1992.

Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.

История народов Северного Кавказа (XVIII в. — 1917 г.). М., 1988.

История Дагестана. Т. 1. М., 1967.

История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967.

Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1886.

Кавказский сборник. Т. 18. Тифлис, 1898.

Киняпина Н. С, Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

Кокурхаев К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989.

Корольков М Я. Шейх-Мансур Анапский (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа)// Русская старина. СПб., 1914.

Кравцов И. Очерк о начале Терского войска. Харьков, 1882.

Кубанский сборник. Т. 3. Екатеринодар, 1898.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Лавров А. Кавказ после Великого Петра// Покоренный Кавказ. Очерки. СПб., 1904.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI.

Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. 2.

Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1957.

Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987.

Максимов Е. Чеченцы (Историко-географический и статистическо-экономический очерк)// Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2.

Маркова О. П. Россия. Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.

Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1974.

Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.

Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.

Очерки истории Северо-Осетинской АССР. Т. 1. Орджоникидзе, 1967.

Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967.

Песни вайнахов. Грозный, 1972.

Попко И. Терские казаки со стародавних времен. СПб., 1880.

Попов И. М. Ичкерия (Историко-топографический очерк)// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. IV.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1—5. Тифлис, 1889.

Потто В. А. Два века Терского казачества. Владикавказ, 1912. Т. II.

Потто В. А. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899.

Прозрителев Г. Шейх-Мансур. Ставрополь, 1912.

Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. — В кн.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.

Савинов Г. Ших Мансур// Пантеон. М., 1852. Кн. 1.

Саидов И. М. Общественный быт вайнахов XIX — начала XX в.: Рукопись кандидатской диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси, 1972.

Самойлов К. Записки о Чечне// Пантеон. Т. 23. № 10. СПб., 1835.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. VI.

Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. 1. М., 1997.

Скитский Б. В. Очерк истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972.

Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура// Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Юбилейный сборник. Орджоникидзе, 1932. Т. IX.

Смирнов Л. А. Чеченцы и ингуши. Семья и семейный быт. М., 1968.

Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958.

Смирнов Н. А. Турецкая агентура под флагом ислама (Восстание

шейха Мансура на Северном Кавказе). — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма: Сб. статей. М., 1950. Т. 1.

Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители// Вопросы истории. 1950. № 10.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958.

Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1965.

Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI — нач. XX в.)// Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Грозный, 1963. Т. 3. Вып. 2.

Тавакалян Н. А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1972.

Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. СПб., 1856. № 15—16.

Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914.

Тотоев Ф. В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е годы XIX в.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1966.

Фарфоровский С. В. Великий шейх Мансур (Из истории кавказских волнений) // Русский архив. М., 1914. Кн. 1. Вып. 4.

Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный, 1998.

Чечня и чеченцы в материалах XIX века. Элиста, 1990.

Шерипов З. Шейх-Мансур (Краткий историко-биографический очерк). В кн.: О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.

Штелин Я. О Черкасской и Кабардинской земле. — В кн.: Географический месяцеслов на 1772 г. при Императорской Академии наук. СПб., 1803.

Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1—2. Тифлис, 1907.

Юдин П. Лжепророк Ушурма-Ших-Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. М., 1914. Кн. 3. Вып. 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Алауди Мусаев. Предисловие 5

Часть первая. ЧЕЧЕНЦЫ

Глава 1. «Мне велено от Господа утверждать народ в законе Его...» 12
Глава 2. Происхождение чеченцев 28
Глава 3. Население, быт и характер 53
Глава 4. Верования и обычаи 79
Глава 5. Семья, тейп, общество 91

Часть вторая. ИМАМ

Глава 1. Кавказская война 106
Глава 2. «Поставлю знамя свое на Чеченской поляне» 121
Глава 3. Битва на Сунже 134
Глава 4. Пастух-волк наступает 154
Глава 5. «Богом клянусь, у них двадцать тысяч конницы!» 170

Часть третья. ПРАВЕДЕН ЛИШЬ БОЖИЙ СУД

Глава 1. «Беды наши — наказание за неверие» 186
Глава 2. Кольцо сжимается 199
Глава 3. Между Россией и Турцией 212
Глава 4. За Кубанью 228
Глава 5. Остров мертвых 242
Эпилог. Рассказ дедушки Вахи 268

Приложение. Следственное дело шейха Мансура 272
Основные даты жизни и деятельности шейха Мансура 292
Краткая библиография 294

Мусаев А. Н.
М 91 Шейх Мансур / Алауди Мусаев. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 304 с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1096).
ISBN 978-5-235-03083-1

Шейх Мансур (ок. 1760—1794) — чеченский народный герой, пытавшийся отстоять независимость горцев от Российской империи. Возглавив в 1785—1791 годах народное восстание на Северном Кавказе, он одержал немало побед над царскими войсками. Неравенство в силах и вооружении, распри среди сторонников Мансура сделали свое дело — шейх был взят в плен и окончил свои дни в Шлиссельбургской крепости. Его деятельность оставила глубокий след в памяти чеченцев и других народов Кавказа. Мансур стал предтечей великого имама Шамиля, который считал себя его продолжателем. В книге известного юриста, профессора Алаудина Мусаева подробно освещаются не только жизнь легендарного шейха, но и история Чечни и обычаи ее народа.

УДК 94(092)(470.661)"17"
ББК 63.3 (2Рос.Чеч)

Мусаев Алауди Нажмудинович
ШЕЙХ МАНСУР

Главный редактор **А. В. Петров**
Редактор **В. В. Эрлихман**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Подписано в печать с готовых монтажей 20.09.2007. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 15,96+0,84 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 74572.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 978-5-235-03083-1